

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

五言古詩

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2025. Т. 18. № 3

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *И. Б. Манджиева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design: *Dz. Tatminov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *I. Mandzhieva*

СОДЕРЖАНИЕ

Археология	<i>Андреев К. М., Кулькова М. А.</i> Первые результаты петрографического изучения керамики елшанской культуры	518
	<i>Карлова К. Ф., Николаева Н. А., Сафронов А. В.</i> Восточнома- нычская культура (вопросы хронологии, происхождения, атрибу- ции по материалам курганов <i>Чограй VIII</i>)	532
Всеобщая история	<i>Геворгян З. Г., Григорян М. Г.</i> Пример средневековой «геоэконо- мики»: Киликийская Армения между интересами монголов и За- падной Европы, XIII–XIV вв.	547
	<i>Булатов И. А.</i> Эмигрантские детско-юношеские организации ска- утского типа в Харбине в 1920–1930-е гг.	562
Отечественная история	<i>Базаров Б. В., Гомбожапов А. Д.</i> Заметки о деятельности Кяхтин- ской ратуши на Чайном пути.	576
Этнология и антропология	<i>Калыбекова М. Ч., Кубик Н. А.</i> Повседневная жизнь русскоязыч- ных переселенцев в Харбине в начале XX в. (по воспоминаниям С. Ю. Муравской)	586
Источниковедение	<i>Музраева Д. Н.</i> Деяния Бодхисаттвы Авалокитешвары как по- кровителя Тибета, описанные в «Мани-камбуме» (на материале 34-й главы 1-го тома ойратского перевода).	598
	<i>Любичанковский С. В., Годовова Е. В., Татарников О. В.</i> Эволю- ция образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отделения Русского географического общества (1867–1917 гг.)	614
	<i>Кокорина Ю. Г.</i> «...непременно надобно, чтобы калмыки считали Калмыцкий музей своим»: письмо Н. Н. Пальмова 1922 г. (по ар- хивным материалам)	627
Литературоведение	<i>Сенина Е. В., Лю Ши.</i> Русские эмигранты в китайской литературе первой половины XX в.: этническое contra политическое	644
	<i>Каримова Ж. А.</i> Городской текст как элемент серийности в прозе Лили Калаус.	658
Языкознание	<i>Курилова С. Н.</i> Старик да старуха: к этимологии лексики юкагир- ского языка	677
	<i>Дыбо А. В., Грунтов И. А., Мушаев В. Н.</i> Некоторые фонетиче- ские особенности языка каракольских калмыков: 50 лет лингви- стического изучения	695
	<i>Норманская Ю. В., Гончарова О. В., Куканова В. В., Чушкае- ва З. И.</i> Возможности нейросети для поиска когнатов для уста- новления новых этимологий и источников заимствований в шира- югурском языке	720
	<i>Куканова В. В.</i> Лексемы, обозначающие радугу, в монгольских языках. Часть 1	738
	<i>Бускунбаева Л. А.</i> Синтаксические особенности башкирской раз- говорной речи (на материале устных монологических дискурсов)	759

CONTENTS

Archeology	<i>Andreev K. M., Kulkova M. A.</i> Ceramics of the Elshankaya Culture: First Results of Petrographic Studies	518
	<i>Karlova K. F., Nikolaeva N. A., Safronov A. V.</i> Issues of Chronology and Periodization for the East Manych Culture: Analyzing Materials from Mounds of <i>Chogray VIII</i>	532
World History	<i>Gevorgyan Z. H., Grigoryan M. G.</i> Cilician Armenia between Mongols and Western Europe, Thirteenth-Fourteenth Centuries: An Example of Medieval Geoeconomics	547
	<i>Bulatov I. A.</i> Emigrant Scout-Type Organizations for Children and Youth in Harbin, 1920s–1930s	562
National History	<i>Bazarov B. V., Gombozhapov A. D.</i> The Town Hall of Kyakhta on the Tea Route: Some Remarks	576
Ethnology & Anthropology	<i>Kalybekova M. Ch., Kubik N. A.</i> Everyday Life of Harbin’s Russian-Speaking Settlers in the Early Twentieth Century: Based on Memoirs of Svetlana Yu. Muravskaya	586
Source Studies	<i>Muzraeva D. N.</i> Mani Kambum and Deeds of Bodhisattva Avalokiteśvara as Patron Deity of Tibet: Introducing One Oirat Translation (Volume 1, Chapter 34)	598
	<i>Lyubichankovskiy S. V., Godovova E. V., Tatarnikov O. V.</i> Inhabitants of Orenburg Region in Transactions of the Orenburg Branch of the Russian Geographical Society, 1867–1917: Tracing the Evolution of Images	614
Literary Studies	<i>Kokorina Yu. G.</i> ‘... It Is Urgent That Kalmyks Consider the Kalmyk Museum as Their Own [Heritage]’: Analyzing a 1922 Letter by Nikolay N. Palmov	627
	<i>Senina E. V., Shi Liu.</i> Russian Émigrés in Early to Mid-Twentieth-Century Chinese Literature: Ethnic contra Political	644
	<i>Karimova Zh. A.</i> Prose of Lilya Kalaus: Urban Text as Component of Literary Seriality	658
Linguistics	<i>Kurilova S. N.</i> Old Man and Old Woman: More on Yukaghir Lexical Etymologies	677
	<i>Dybo A. V., Gruntov I. A., Mushaev V. N.</i> Some Phonetic Features of Karakol Kalmyk: Fifty Years of Linguistic Research	695
	<i>Normanskaja J. V., Goncharova O. V., Kukanova V. V., Chushkaeva Z. I.</i> Cognate Identification Neural Network and Its Capabilities to Establish New Etymologies and Borrowing Sources in Eastern Yugur	720
	<i>Kukanova V. V.</i> Rainbow Lexemes in Mongolian Languages. Part I	738
	<i>Buskunbaeva L. A.</i> Syntactic Features of Spoken Bashkir: Analyzing Oral Monological Discourses	759

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 518–531, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902

Первые результаты петрографического изучения керамики елшанской культуры

Константин Михайлович Андреев¹,
 Марианна Алексеевна Кулькова²

Ceramics of the Elshankaya Culture: First Results of Petrographic Studies

Konstantin M. Andreev¹,
 Marianna A. Kulkova²

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65 / 67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3707-3142. E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48 / 12, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор геолого-минералогических наук, доцент

Dr. Sc. (Geology and Mineralogy), Associate Professor

 0000-0001-9946-8751. E-mail: kulkova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Андреев К. М., Кулькова М. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Andreev K. M., Kulkova M. A., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена петрографическому анализу керамики елшанской культуры, древнейшей в неолите лесостепного Поволжья. *Целью* работы является анализ источников сырья и примесей, выявленных в ходе микроморфологического изучения посуды пяти опорных стоянок региона. В *задачи* исследования входит подробная характеристика видов глин, определение характера примесей и их доли в составе фрагмента керамики, установление условий обжига сосуда и сравнение результатов с ранее полученными данными. *Материалы и методы.* Отобраны фрагменты от 55 ранненеолитических сосудов со стоянок *Чекалино IV*, *Нижняя Орлянка II*, *Ильинка*, *Большая Раковка II* и *Лебяжинка IV*. Петрографический анализ, проведенный на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, позволяет установить минералогический состав глин и отошителей, выявить рецептуру керамического теста, определить температуру и условия обжига, а также предположить возможные источники сырья. *Результаты.* Установлена высокая степень однородности технологии изготовления посуды со стоянки *Чекалино IV* с точки зрения отбора видов глин и их

состава, использования песка в качестве примеси и условий обжига. Для *Нижней Орлянки II* характерна большая вариативность в выборе источников глин, что может свидетельствовать о неоднократности посещения площадки памятника разными группами ранненеолитического населения. Посуда со стоянки *Ильинка* с точки зрения распространения традиции использования примеси шамота проявляет близость с *Нижней Орлянкой II*, в то же время по видам глин, а также значительной доле примеси песка она находит параллели в гончарстве с *Чекалино IV*. Вариативность используемых видов глин, вероятно, связана с неоднократным посещением стоянки *Большая Раковка II* в разные сезоны. Ранненеолитическая посуда с *Лебяжинки IV* имеет ряд существенных отличий от материалов представленных в четырех памятниках, что позволяет предполагать хронологическую и культурную неоднородность слабо орнаментированной керамики, ее часть, видимо, относится уже к периоду развитого и позднего неолита региона. **Выводы.** В результате проведенных исследований были зафиксированы общие тенденции и частные различия в ранненеолитическом гончарстве, а также определенная региональная специфика. Полученные результаты не противоречат типологическим построениям исследователей, стратиграфическим наблюдениям и способствуют расширению понимания керамического производства в Среднем Поволжье.

Ключевые слова: ранний неолит, лесостепное Поволжье, елшанская культура, археологическая керамика, петрографический анализ

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья» (№ 23–78–10088, <https://rscf.ru/project/23-78-10088/>).

Для цитирования: Андреев К. М., Кулькова М. А. Первые результаты петрографического изучения керамики елшанской культуры // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 518–531. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-518-531

Abstract. Introduction. The paper presents results of a petrographic study into ceramic finds of the Elshankaya culture, a most ancient one from across the Neolithic forest-steppe area of the Volga Basin. **Goals.** The work attempts an analysis into the materials and additives identified by micromorphological surveys of pottery pieces from a total of five sites. To facilitate this, the article shall scrupulously characterize clay types, impurities and their shares in each particular sample, determine the firing procedures, and compare the newly obtained results to previous data. **Materials and methods.** A total of 55 ceramic fragments from the five archaeological sites — Chekalino IV, Nizhnyaya Orlyanka II, Ilyinka, Bolshaya Rakovka II, and Lebyazhinka IV — have been selected. The petrographic analysis conducted at the Herzen University has yielded mineralogical compositions of clay and leaners, data on temperature regimes and firing conditions, including supposed sources of raw material. **Results.** The analysis suggests a high level of consistency in the manufacturing processes employed at Chekalino IV, particularly in the selection of clay, determination of its composition, addition of sand, and control over firing conditions. In contrast, samples from Nizhnyaya Orlyanka II show more variability in the choice of clay sources, which may indicate the site was repeatedly inhabited by different groups during the Early Neolithic. The tradition of using chamotte in pottery manufacturing brings together the vessels excavated at Ilyinka and those of Nizhnyaya Orlyanka II, while in terms of clay types and sand proportions the samples from Ilyinka show similarities to the pottery of Chekalino IV. The divergence in clay types of Bolshaya Rakovka II may be explained by that the site was visited by different groups in different periods, which implies a dynamic interaction. In terms of raw materials, the pottery discovered at the Early Neolithic site of Lebyazhinka IV exhibits unique characteristics that distinguish it from that found at the other four sites. This suggests a certain level of temporal diversity and cultural variation within the region's poorly decorated ceramics. Some of the examined vessels may even be associated with the Late Neolithic. **Conclusions.** The study has uncovered both general patterns and specific variations in the Early Neolithic ceramic tradition across the territory, as well as certain regional peculiarities. The findings align with the typological analyses conducted by previous researchers and stratigraphic data only to enhance our understanding of ceramic production practices in the Middle Volga region.

Keywords: Early Neolithic, forest-steppe Volga region, Elshankaya culture, archaeological ceramics, petrographic analysis

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23–78–10088 ‘Vectors and Dynamics of Cultural and Historical Processes in the Stone Age Middle Volga Region’. Available at: <https://rscf.ru/project/23-78-10088>.

For citation: Andreev K. M., Kulkova M. A. Ceramics of the Elshankaya Culture: First Results of Petrographic Studies. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 518–531. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-518-531

1. Введение

Изучение технологии изготовления керамики елшанской культуры [Андреев, Выборнов 2017] насчитывает уже несколько десятилетий. Многие годы основным подходом являлся историко-культурный, разработанный А. А. Бобринским и развитый в трудах его последователей и учеников. Применительно к ранненеолитической посуде лесостепного Поволжья он нашел успешное отражение в работах И. Н. Васильевой [Васильева 2006; Васильева 2011; Васильева 2018; Васильева, Выборнов 2016; и др.]. Лишь в недавнее время авторами статьи была предпринята первая попытка микроморфологического изучения примерно 50 фрагментов неолитической посуды с 11 памятников региона [Андреев и др. 2021]. Данные петрографии позволяют дополнить и расширить сложившиеся представления о гончарстве обитателей Среднего Поволжья в новом каменном веке.

2. Материалы

Для микроморфологического изучения нами были отобраны фрагменты посуды с пяти опорных стоянок елшанской культуры: Чекалино IV (12 обр.) [Мамонов 1995; Андреев и др. 2018], Нижняя Орлянка II (12 обр.) [Колев и др. 1995], Большая Ракровка II (9 обр.) [Барынкин, Козин 1991], Ильинка (11 обр.) [Мамонов 1988; Мамонов 2002] и Лебяжинка IV (11 обр.) [Выборнов и др. 2007]. Керамические комплексы предварительно были морфологически и типологически сгруппированы, каждый образец надежно документирован, и его принадлежность к конкретному сосуду не вызывает сомнений.

Прежде чем перейти к основной части, оговоримся, что сравнительный анализ

результатов петрографического и историко-культурного изучения ранненеолитической посуды лесостепного Поволжья должен являться предметом специального изучения. Данная работа может быть осуществлена лишь при участии всех заинтересованных исследователей в рамках отдельной статьи. Нами этот вопрос рассматриваться не будет.

3. Методика исследования

Исследование керамических фрагментов проводилось в шлифованных образцах с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом ПОЛАМ-11, при увеличении в 65,7 раз. Фотографии были сделаны с помощью поляризационного микроскопа Leica в Ресурсном центре «Геомодель» Санкт-Петербургского государственного университета. Поляризационный микроскоп позволяет с помощью определения оптических свойств минералов проводить их качественную и количественную диагностику. Поляризаторы (никили) преобразуют лучи света в плоскополяризованные, что отличает поляризационный микроскоп от биологического. Исследования проводят в поляризованном свете, при одном или при скрещенных николях. Для определения минеральных включений изучаются оптические свойства минералов. В поляризованном свете колебания световых волн совершаются только в одной определенной плоскости. Минералы делятся на оптически изотропные и анизотропные. Последние обладают свойством двойного лучепреломления — способностью разлагать естественный свет на две волны, имеющие различные

показатели преломления. При исследовании минералов с цветами интерференции не выше начала второго порядка используется кварцевая пластинка, а минералов с более высоким двупреломлением — кварцевый клин. Петрографический анализ керамики по оптическим характеристикам минералов позволяет определить ее формовочную массу, а также минералы, входящие в состав глин и отошителей. Особенности минерального состава являются важным критерием для установления возможных сырьевых ресурсов [Кулькова 2015: 100–107]. Исследование керамики в петрографических шлифах дает также возможность выделить различные технологические особенности изготовления, например рецептуру формовочных масс, пористость, температуру и условия обжига. По составу формовочной массы посуды можно определить группы на основании видов глин и используемых отошителей.

4. Результаты

Согласно данным микроморфологического изучения, большая часть проанализированных сосудов со стоянки *Чекалино IV* (рис. 1: 1–11; рис. 3: 1–11) изготовлена из тощих глин смектитового состава (обр. № 1, 3–7, 10–12) с содержанием кластического материала 18 %, лишь в одном — 45 % (обр. № 10). По одному образцу выполнены из тощих глин смектит-гидрослюдистого (№ 2), смектит-каолинитового (№ 8) и хлоритового (№ 9) состава с содержанием кластического материала 35–45 %. Его состав устойчивый и включает кварц и полевой шпат, их размерность — 0,014–0,04 мм. Также единично зафиксированы остатки раковин (обр. № 9), еще в одном образце — включения не полностью выгоревшей растительности (обр. № 5). В качестве примеси во всех сосудах фиксируется песок, имеющий долю: 8 % (обр. № 10), 22 % (обр. № 2, 8), 35 % (обр. № 1, 3, 9, 11–12) и 55 % (обр. № 4–7). Его размерность находится в диапазоне от 0,28 до 0,5 мм, а состав включает в основном кварцит, полевой шпат и кремний, иногда также халцедон или эффузивные кристаллические породы. В пяти сосудах наряду с песком зафиксирована примесь шамота

преимущественно в концентрации 5 % (обр. № 1, 3, 11–12), еще в одном — 12 % (обр. № 9), размер включений 0,7–0,8 мм. Для всех черепков характерно присутствие 11 % вытянутых неправильной формы пор, размером от 0,5 до 1 мм, которые образовались в результате выгорания отдельных органических включений. Условия обжига реконструируются как кратковременные в невыдержанной закрытой среде при температуре 600–750°C.

По данным петрографического анализа, сосуды со стоянки *Нижняя Орлянка II* (рис. 1: 12–23; рис. 3: 12–23) имеют большую вариативность в видах используемых тощих глин. Преобладают гидрослюдистые (обр. № 2, 4–5, 9, 12) с долей кластического материала 35 %. Также представлены гидрослюдисто-каолинитовые (обр. № 1, 3), смектитовые (обр. № 7–8), гидрослюдисто-хлоритовые (обр. № 11), каолинитовые (обр. № 6) и смектит-каолинитовые (обр. № 10), с 55 %, 24 %, 18 %, 35 % и 35 % кластического материала соответственно. Его состав устойчивый и представлен кварцем и полевым шпатом, их размерность — 0,02–0,04 мм. Для абсолютного большинства сосудов характерна примесь песка в концентрации 8–10 % (обр. № 2–3, 5, 10), 23 % (обр. № 9, 12), 35 % (обр. № 4, 6, 11), 45 % (обр. № 7–8), лишь в одном образце он не выявлен (обр. № 1). Его состав: кварц, полевой шпат и кремний, еще в трех также фиксируются карбонаты (обр. № 2–3, 6), размер — 0,28–0,3 мм. В отличие от представленной выше посуды со стоянки *Чекалино IV*, для *Нижней Орлянки II* характерна традиция добавления шамота размером 0,7–0,8 мм в концентрации 5 % (обр. № 3, 6), 8 % (обр. № 2, 4–5), 10 % (обр. № 9–10, 12) и 15 % (обр. № 1). Лишь в трех сосудах шамот отсутствует (обр. № 7–8, 11), однако в качестве составляющей кластического материала в глинах при этом фиксируются природные включения глинистых пеллитов. Еще в одном черепке (обр. № 10) наряду с песком и шамотом зафиксирована примесь измельченной растительности (12 %), от которой остались поры длиной 1–2 мм и шириной 0,3–0,4 мм. В целом пористость посуды находится в пределах 11–12 %, она

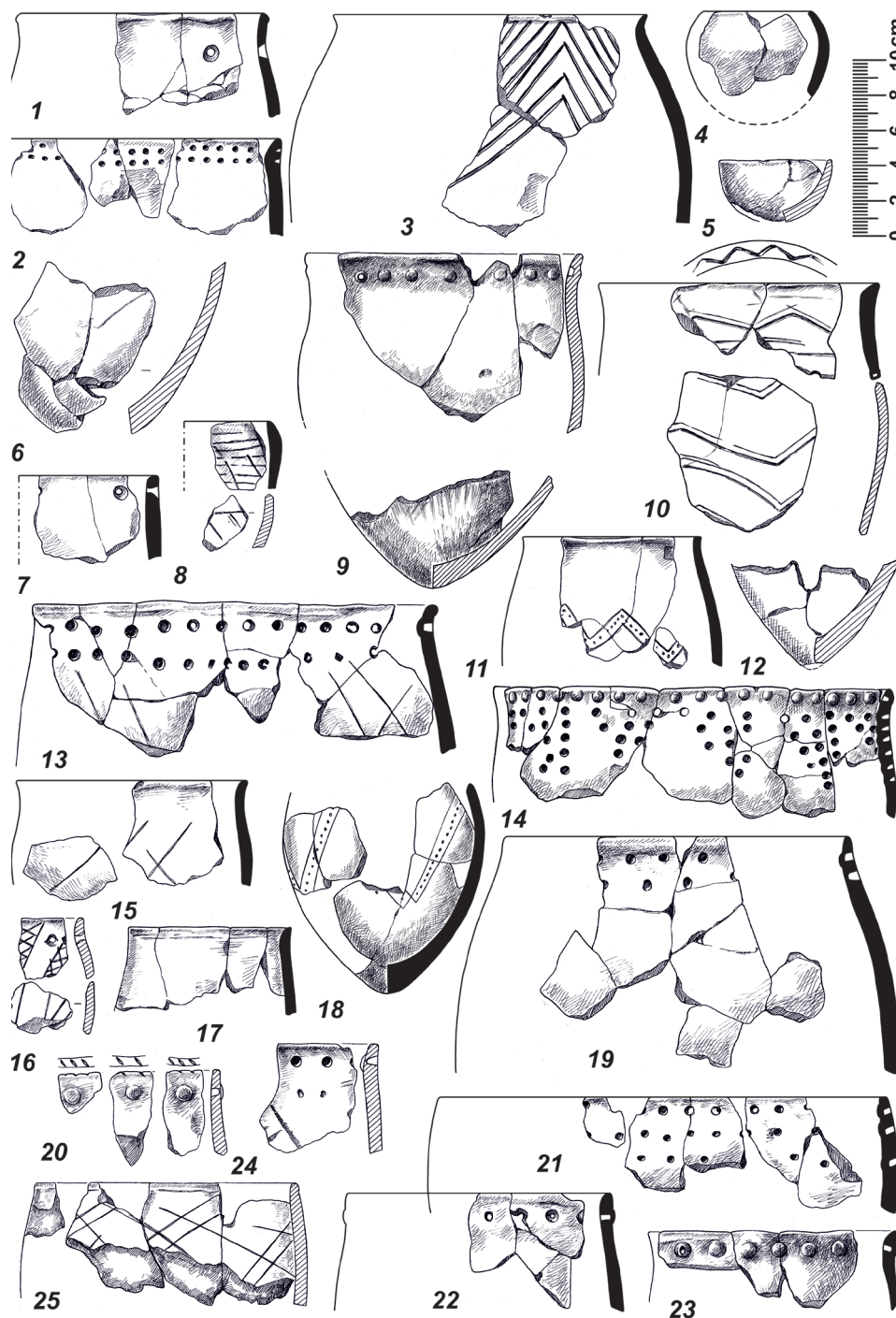

Рис. 1. Фрагменты сосудов, подвергнутых петрографическому анализу. 1–11 — Чекалино IV (1 — обр. № 5, 2 — обр. № 8, 3 — обр. № 3, 4 — обр. № 10, 5 — обр. № 9, 6 — обр. № 2, 7 — обр. № 12, 8 — обр. № 1, 9 — обр. № 7, 10 — обр. № 6, 11 — обр. № 4). 12–23 — Нижняя Орлянка II (12 — обр. № 3, 13 — обр. № 1, 14 — обр. № 2, 15 — обр. № 5, 16 — обр. № 10, 17 — обр. № 8, 18 — обр. № 6, 19 — обр. № 7, 20 — обр. № 12, 21 — обр. № 9, 22 — обр. № 11, 23 — обр. № 4). 24–25 — Ильинка (24 — обр. № 5, 25 — обр. № 1)

[Fig. 1. Fragments of vessels subjected to petrographic analysis. 1–11 — Chekalino IV (1 — sample 5, 2 — s. 8, 3 — s. 3, 4 — s. 10, 5 — s. 9, 6 — s. 2, 7 — s. 12, 8 — s. 1, 9 — s. 7, 10 — s. 6, 11 — s. 4). 12–23 — Nizhnaya Orlyanka II (12 — s. 3, 13 — s. 1, 14 — s. 2, 15 — s. 5, 16 — s. 10, 17 — s. 8, 18 — s. 6, 19 — s. 7, 20 — s. 12, 21 — s. 9, 22 — s. 11, 23 — s. 4). 24–25 — Ilyinka (24 — s. 5, 25 — s. 1)]

связана с выгоранием отдельных органических включений и имеет размеры 0,5–1 мм. Обжиг был кратковременным в окислительной среде при температуре 600–750°C.

Проанализированные сосуды со стоянки *Ильинка* (рис. 1: 24–25; рис. 2: 1–9; рис. 3: 24–27; рис. 4: 1–7) изготовлены в основном из тощих глин смектитового состава (обр. № 1–4, 6, 8–10) и по одному гидрослюдистого (обр. № 5), хлоритового (обр. № 7) и смектит-хлоритового (обр. № 11) состава. Доля кластического материала составляет: 15–18 % (обр. № 2, 4–5, 11), 25–28 % (обр. № 3, 9–10) и 35–38% (обр. № 1, 6–8). В его состав входят кварц и полевой шпат, единично также фиксируются включения глинистых пеллитов (обр. № 3, 7) и зерен карбонатов (обр. № 1–2), они имеют размерность 0,02–0,03 мм. За исключением одного образца (№ 2) все содержат примесь песка в концентрации 15 % (обр. № 8), 22–25 % (обр. № 1, 6), 35 % (обр. № 3–4, 7, 9), 45 % (обр. № 10), 55 % (обр. № 5), размером 0,23–0,55 мм, его состав: кварцит, полевой шпат, кремнь, иногда амфиболит. Для большинства сосудов также характерна примесь шамота размером 0,7–0,8 мм в концентрации 8 % (обр. № 5–6, 9–11), 12 % (обр. № 7), 15 % (обр. № 3–4) и 18 % (обр. № 2), она отсутствует лишь в двух черепках (обр. № 1, 8). Неправильной формы вытянутые поры составляют 15 %, имеют размеры 0,5–1 мм (обр. № 1, 2) и 1–2 мм (обр. № 3–11), как и отмечалось выше, их образование связано с выгоранием отдельных органических включений. Условия обжига реконструируются как кратковременные в окислительной среде при температуре 650–800°C.

Петрографический анализ показал высокую вариативность сырья для изготовления сосудов со стоянки *Большая Раковка II* (рис. 2: 10–18; рис. 4: 8–16). Представлены тощие глины смектитового (обр. № 1, 7), хлорит-гидрослюдистого (обр. № 5–6), смектит-хлоритового (обр. № 2), хлорит-смектитового (обр. № 3), гидрослюдисто-хлоритового (обр. № 4), смектит-гидрослюдистого (обр. № 8) и гидрослюдистого (обр. № 9) состава. Содержание кластического материала при этом достаточно устойчивое — 45 % (обр. № 1, 3–6, 8–9), единично 15 % (обр.

№ 2) и 25% (обр. № 7), в его состав входят кварц и полевой шпат, реже также фиксируются вторичные карбонаты и ожелезненные пеллиты, размер включений 0,014–0,02 мм. Все фрагменты имели примесь песка в концентрации 15 % (обр. № 8–9), 22–25 % (обр. № 1–3, 5–6) и 32–36 % (обр. № 4, 7), в состав которого входят кварцит, полевой шпат, кремнь, кварц и иногда сланец, размер зерен 0,28–0,3 мм, в одном случае 0,4–0,5 мм (обр. № 9). Также, за исключением двух сосудов (обр. № 2, 4), выявлены включения шамота размером 0,7–0,8 или 0,7–1,2 мм, его доля 5 % (обр. № 8–9), 8 % (обр. № 3) и 15 % (обр. № 1, 5–7). Пористость составляет 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, имеют размер 0,5–1 мм и образовались в результате выгорания отдельных органических включений. Обжиг кратковременный в окислительной среде при температуре 600–750°C.

Наконец, посуда со стоянки *Лебяжинка IV* (рис. 2: 19–29; рис. 4: 17–27) изготовлена из глин смектит-хлоритового (обр. № 3, 5–6, 8–10), смектитового (обр. № 1–2, 4) и смектит-гидрослюдистого (обр. № 7, 11) состава, при этом наряду с тощими (обр. № 1–2, 4–5, 7, 9–11) зафиксированы жирные (обр. № 3, 6, 8). Кластического материала выявлено 5 % (обр. № 3, 6, 8), 18 % (обр. № 2, 4, 7, 11), 25–27 % (обр. № 1, 9–10) и 48 % (обр. № 5), он имеет размер 0,02–0,03 мм и состоит из кварца и полевого шпата, в отдельных случаях с вторичными карбонатами (обр. № 1) и включениями раковин (обр. № 2, 4). В подавляющем большинстве образцов, за исключением одного (№ 5), в качестве примеси фиксируется песок в небольшой концентрации 10–13 % (обр. № 1–2, 4, 6, 8–10), единично 18 % (обр. № 7), 23 % (обр. № 3) и 35 % (обр. № 11). Его размерность 0,28–0,55 мм, в одном случае 0,5–0,7 мм (обр. № 7), в состав входят кварцит, полевой шпат и кремнь, реже амфиболит, гнейс и лабрадорит. В большей части черепков также зафиксированы включения шамота 5–7 % (обр. № 2, 4, 9) или 15–18 % (обр. № 5, 7–8, 10–11), размером 0,7–0,8 или 0,7–1,2 (обр. № 5, 7) мм, в трех сосудах он не фиксируется (обр. № 1, 3, 6). Еще в одном образце (№ 7) наряду с обозначенными так-

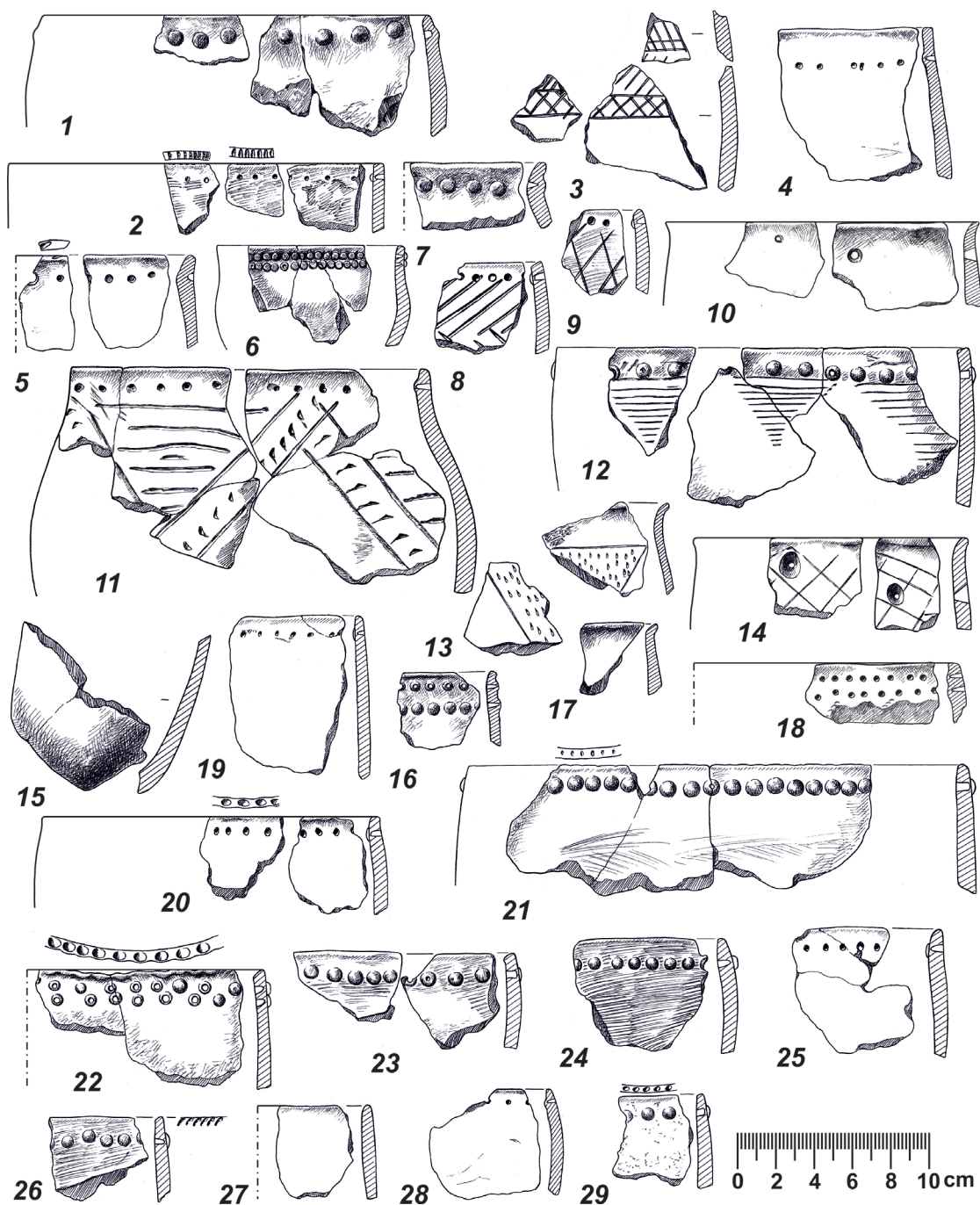

Рис. 2. Фрагменты сосудов, подвергнутых петрографическому анализу. 1–9 — Ильинка (1 — обр. № 9, 2 — обр. № 6, 3 — обр. № 2, 4 — обр. № 11, 5 — обр. № 10, 6 — обр. № 8, 7 — обр. № 7, 8 — обр. № 3, 9 — обр. № 4). 10–18 — Большая Раковка II (10 — обр. № 7, 11 — обр. № 2, 12 — обр. № 1, 13 — обр. № 3, 14 — обр. № 4, 15 — обр. № 9, 16 — обр. № 6, 17 — обр. № 5, 18 — обр. № 8). 19–29 — Лебяжинка IV (19 — обр. № 7, 20 — обр. № 9, 21 — обр. № 11, 22 — обр. № 3, 23 — обр. № 8, 24 — обр. № 4, 25 — обр. № 2, 26 — обр. № 6, 27 — обр. № 1, 28 — обр. № 12, 29 — обр. № 5)

[Fig. 2. Fragments of vessels subjected to petrographic analysis. 1–9 — Ilyinka (1 — s. 9, 2 — s. 6, 3 — s. 2, 4 — s. 11, 5 — s. 10, 6 — s. 8, 7 — s. 7, 8 — s. 3, 9 — s. 4). 10–18 — Bolshaya Rakovka II (10 — s. 7, 11 — s. 2, 12 — s. 1, 13 — s. 3, 14 — s. 4, 15 — s. 9, 16 — s. 6, 17 — s. 5, 18 — s. 8). 19–29 — Lebyazhinka IV (19 — s. 7, 20 — s. 9, 21 — s. 11, 22 — s. 3, 23 — s. 8, 24 — s. 4, 25 — s. 2, 26 — s. 6, 27 — s. 1, 28 — s. 12, 29 — s. 5)]

же выявлена искусственная примесь дробленой раковины (10 %). Для всех черепков характерно присутствие 7–14 % неправильной формы вытянутых пор, размером от 0,5 до 1 мм, которые образовались в результате выгорания отдельных органических включений. Условия обжига реконструируются как кратковременные в невыдержанной закрытой среде при температуре 600–750°C.

5. Обсуждение

Технология изготовления посуды со стоянки *Чекалино IV* выглядит достаточно однородной с точки зрения отбора видов глины и их состава, использования песка в качестве примеси и условий обжига. Можно выделить подгруппу, имеющую в качестве искусственной добавки в тесте, наряду с песком, шамот в небольшой концентрации. Также стоит отметить, что технология изготовления сосудов №№ 4–7, по данным петрографического анализа, абсолютно идентичная, при этом два орнаментированы прочерченными линиями, а еще два не имеют орнамента, за исключением ряда жемчужин под венчиком. Представленное обстоятельство подтверждает возможность сосуществования в елшанской культуре разных типологических групп керамики на определенном этапе развития.

Несколько лет назад микроморфологическому анализу был подвергнут сосуд со стоянки *Чекалино IV*, орнаментированный оттисками гребенчатого штампа [Андреев и др. 2021: 385–389]. Он изготовлен из тощих глины — гидрослюдисто-карбонатного состава, имеет небольшую долю примеси песка — 15 %, при этом фиксируются более крупные включения шамота в тесте (1–3 мм) в концентрации 13 %. Таким образом, технология изготовления посуды елшанской и средневожской культур на памятнике обнаруживает достаточно существенные различия, что обусловлено культурно-хронологическими факторами.

По сравнению с сосудами со стоянки *Чекалино IV* для *Нижней Орлянки II* характерна большая вариативность в выборе источников глины, что может свидетельствовать о неоднократности посещения площадки памятника разными группами раннеэнеолитического населения.

Также нельзя исключать сезонность его функционирования, когда те или иные источники сырья были недоступны. На эти же размышления наталкивает присутствие сосудов с разными технологиями изготовления, а именно — без примеси песка или с включениями растительности. Еще одним отличием является доминирование традиции использования в качестве примеси шамота, если предположить, что включения глинистых пеллитов воспринимались насельниками стоянки в качестве его заменителей, то она достигает 100 %. Данное обстоятельство, как нам кажется, может быть связано с хронологическим фактором, однако отсутствие приемлемых дат по материалам памятника [Выборнов и др. 2016] делает дальнейшее рассмотрение этого вопроса затруднительным.

Посуда со стоянки *Ильинка* с точки зрения распространения традиции использования примеси шамота проявляет близость с *Нижней Орлянкой II*. В то же время по видам глины (сметитового состава), а также значительной доле примеси песка (в основном более 35 %) она находит параллели в гончарстве *Чекалино IV*. При этом можно предполагать большую однородность оставившего ее населения, чем в случае с *Нижней Орлянкой II*.

Ранее нами был проведен петрографический анализ еще двух раннеэнеолитических сосудов со стоянки *Ильинка*. Оба изготовлены из тощих глины гидрослюдистого состава с долей кластического материала 40 % и 24 %, в последнем фиксируются остатки выгоревшей растительности [Андреев и др. 2021: 380–382]. В качестве примесей использовались песок в концентрации 7 % и 35 %, имеющий аналогичный состав, а также шамот — 10–13 %, несколько большей размерности (1–3 мм). Пористость и условия обжига данных сосудов близки описанным выше. Учитывая представленную информацию, исходя из некоторой вариативности в используемых видах глины, можно допустить неоднократность посещения площадки памятника в раннем неолите. При этом устойчивость технологии изготовления посуды наводит на мысль об отсутствии длительных перерывов в ее заселении.

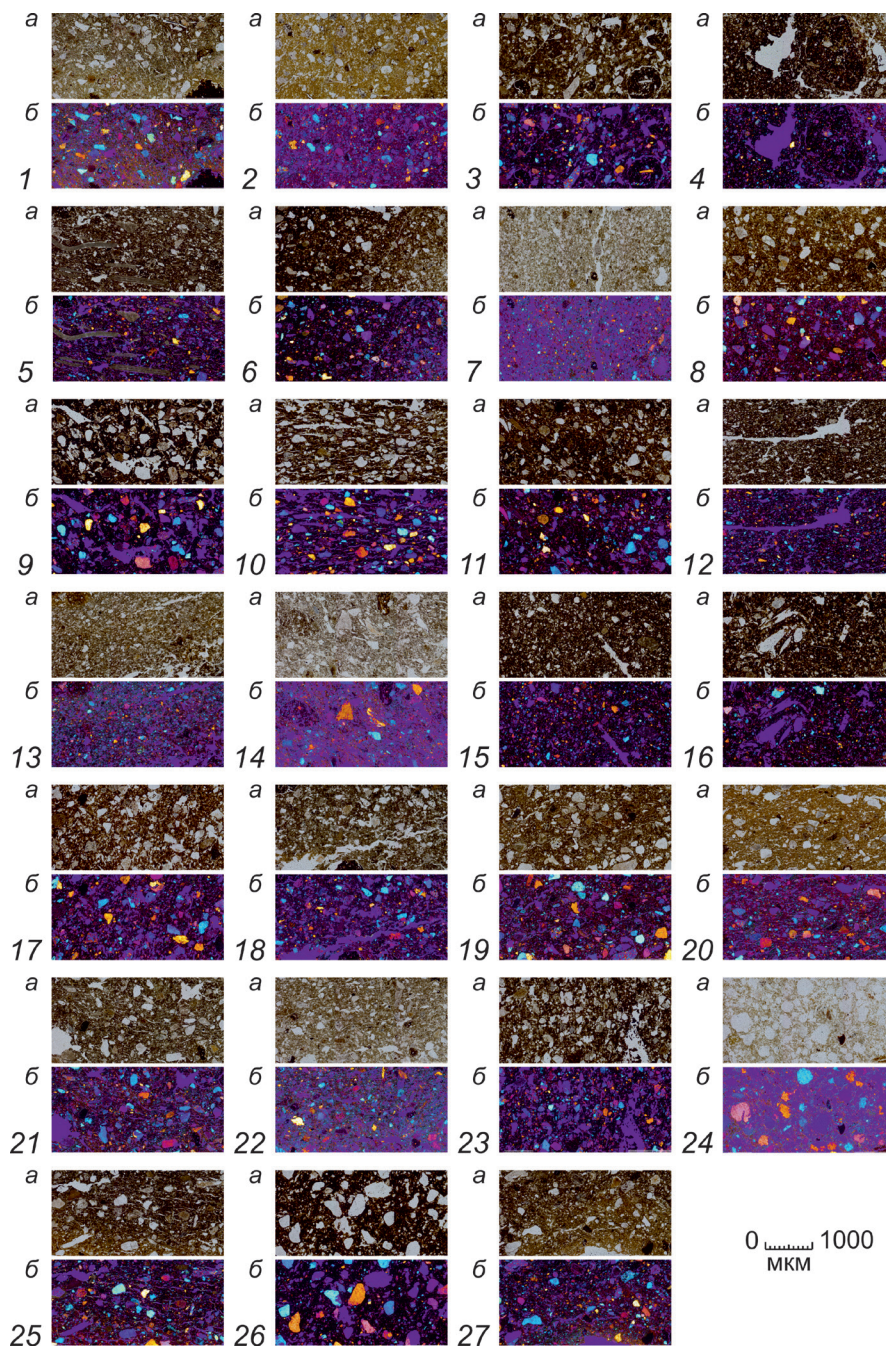

Рис. 3. Фотографии шлифов с помощью поляризационного микроскопа в параллельных николях (1 000 мкм) (а) и в скрещенных николях с кварцевой пластинкой (б). 1–11 — Чекалино IV (1 — обр. № 5, 2 — обр. № 8, 3 — обр. № 3, 4 — обр. № 10, 5 — обр. № 9, 6 — обр. № 2, 7 — обр. № 12, 8 — обр. № 1, 9 — обр. № 7, 10 — обр. № 6, 11 — обр. № 4). 12–23 — Нижняя Орлянка II (12 — обр. № 3, 13 — обр. № 1, 14 — обр. № 2, 15 — обр. № 5, 16 — обр. № 10, 17 — обр. № 8, 18 — обр. № 6, 19 — обр. № 7, 20 — обр. № 12, 21 — обр. № 9, 22 — обр. № 11, 23 — обр. № 4). 24–27 — Ильинка (24 — обр. № 5, 25 — обр. № 1, 26 — обр. № 9, 27 — обр. № 6)

[Fig. 3. Polarizing microscope photographs of thin sections in parallel nicols (1,000 μm) (a) and in crossed nicols with a quartz plate (b). 1–11 — Chekalino IV (1 — s. 5, 2 — s. 8, 3 — s. 3, 4 — s. 10, 5 — s. 9, 6 — s. 2, 7 — s. 12, 8 — s. 1, 9 — s. 7, 10 — s. 6, 11 — s. 4). 12–23 — Nizhnyaya Orlyanka II (12 — s. 3, 13 — s. 1, 14 — s. 2, 15 — s. 5, 16 — s. 10, 17 — s. 8, 18 — s. 6, 19 — s. 7, 20 — s. 12, 21 — s. 9, 22 — s. 11, 23 — s. 4). 24–27 — Ilyinka (24 — s. 5, 25 — s. 1, 26 — s. 9, 27 — s. 6)]

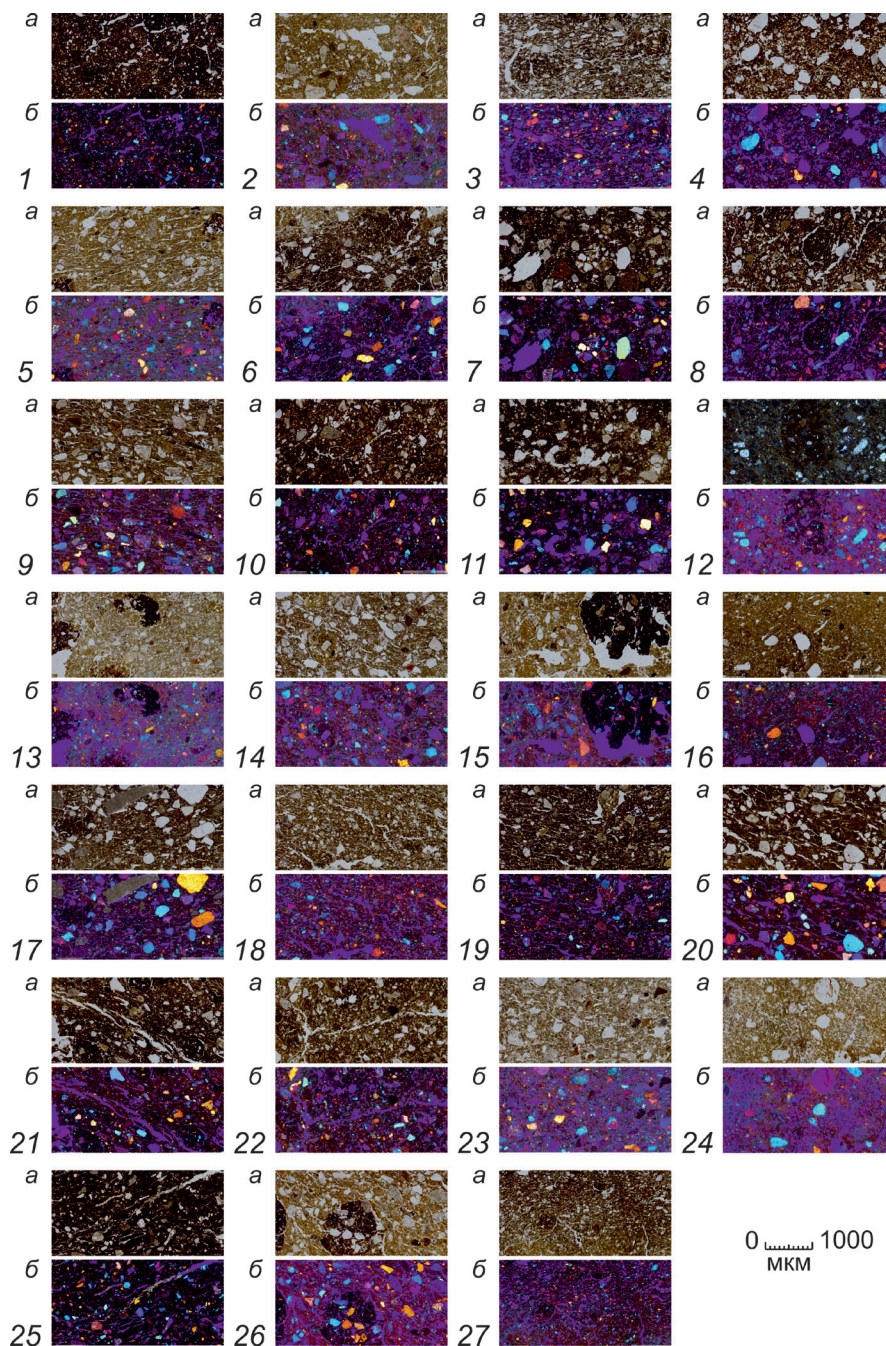

Рис. 4. Фотографии шлифов с помощью поляризационного микроскопа в параллельных николях (1 000 мкм) (а) и в скрещенных николях с кварцевой пластинкой (б). 1–7 — Ильинка (1 — обр. № 2, 2 — обр. № 11, 3 — обр. № 10, 4 — обр. № 8, 5 — обр. № 7, 6 — обр. № 3, 7 — обр. № 4). 8–6 — Большая Раковка II (8 — обр. № 7, 9 — обр. № 2, 10 — обр. № 1, 11 — обр. № 3, 12 — обр. № 4, 13 — обр. № 9, 14 — обр. № 6, 15 — обр. № 5, 16 — обр. № 8). 17–27 — Лебяжинка IV (17 — обр. № 7, 18 — обр. № 9, 19 — обр. № 11, 20 — обр. № 3, 21 — обр. № 8, 22 — обр. № 4, 23 — обр. № 2, 24 — обр. № 6, 25 — обр. № 1, 26 — обр. № 12, 27 — обр. № 5)

[Fig. 4. Polarizing microscope photographs of thin sections in parallel nicols (1,000 μm) (a) and in crossed nicols with a quartz plate (b). 1–7 — Ilyinka (1 — s. 2, 2 — s. 11, 3 — s. 10, 4 — s. 8, 5 — s. 7, 6 — s. 3, 7 — s. 4). 8–16 — Bolshaya Rakovka II (8 — s. 7, 9 — s. 2, 10 — s. 1, 11 — s. 3, 12 — s. 4, 13 — s. 9, 14 — s. 6, 15 — s. 5, 16 — s. 8). 17–27 — Lebyazhinka IV (17 — s. 7, 18 — s. 9, 19 — s. 11, 20 — s. 3, 21 — s. 8, 22 — s. 4, 23 — s. 2, 24 — s. 6, 25 — s. 1, 26 — s. 12, 27 — s. 5)]

Вариабельность используемых видов глин, вероятно, связана с неоднократным посещением стоянки *Большая Раковка II* в разные сезоны, когда источники сырья были недоступны раннеолитическим группам. Данный факт подтверждается и планиграфическими наблюдениями на памятнике, а именно — посуда была собрана на весьма большой площади, сильно фрагментирована, что также косвенно свидетельствует о многократности его посещения. При этом устойчивость рецептуры керамического теста, видимо, говорит об отсутствии длительных перерывов между этапами.

Интересно отметить, что с точки зрения технологии изготовления от представленных выше сосудов также отличается ранее проанализированный горшок с рассматриваемой стоянки. При его изготовлении использовались жирные глины смектитового состава с долей кластического материала 12 %, из примесей зафиксирован только песок (35 %), присуща большая пористость черепка (20 %), а также более высокая температура обжига (700–850°C) [Андреев и др. 2021: 380–382]. Данное обстоятельство еще раз подтверждает наше предположение о неоднократности посещения площади памятника в раннем неолите. Наконец, технология изготовления и используемые виды сырья сосудов, орнаментированных оттисками гребенчатого штампа и ногтевидными насечками, со стоянки *Большая Раковка II* существенно отличаются от описанных выше, при этом достаточно близки между собой [Андреев и др. 2021: 382–389].

Раннеолитическая посуда со стоянки *Лебяжинка IV* имеет ряд существенных отличий от материалов предыдущих четырех памятников. Во-первых, в трех случаях фиксируется использование жирных глин. Во-вторых, для трех сосудов также характерно наличие раковины либо в качестве искусственной добавки, либо в составе кластического материала. В-третьих, большинство фрагментов имеют незначительную примесь песка. Данные обстоятельства позволяют поставить особняком комплекс неорнаментированной или украшенной лишь поясками ямок-жемчужин керамики рассматриваемого памятника.

Ранее нами были петрографически изучены еще два слабо орнаментированных сосуда со стоянки *Лебяжинка IV* [Андреев и др. 2021: 380–382]. Сырьем для их изготовления послужили тощие глины гидрослюдистого состава с высокой долей кластического материала (40 %) с отдельными включениями раковин (размером 0,3–1,5 мм), примесями выступали шамот (10 %) размером 1–3 мм и песок (35 %). Как можно заметить, технология их изготовления также имеет определенные отличия от проанализированных в рамках данного исследования сосудов. При этом она идентична двум горшкам, украшенным ногтевидными насечками [Андреев и др. 2021: 382–383, 390]. Отметим, что глины гидрослюдистого состава широко использовались при изготовлении сосудов, украшенных наколами и оттисками гребенчатого штампа, со стоянки *Лебяжинка IV*. При этом в одном из фрагментов с гребенчатым орнаментом выявлена искусственная примесь раковины, хотя и в большей (35 %) концентрации [Андреев и др. 2021: 385–389]. Все озвученные обстоятельства позволяют предполагать хронологическую и культурную неоднородность слабо орнаментированной керамики памятника, ее часть, видимо, относится уже к периоду развитого и позднего неолита региона. Данное предположение косвенно подтверждается новейшими исследованиями авторов на стоянке *Лужки II* в лесостепном Поволжье [Сомов и др. 2022]. На ней планиграфически, стратиграфически и методами радиоуглеродного датирования четко зафиксировано сосуществование всех типологических групп посуды (неорнаментированная, накольчатая, гребенчатая и с насечками), бытовавшей в неолите региона.

6. Заключение

Согласно данным петрографического анализа, для раннеолитического населения лесостепного Поволжья, при наличии некоторой вариативности в используемых видах глин, характерна устойчивость рецептуры теста и условий обжига. Наличие или отсутствие примеси шамота, вероятно, может быть обусловлено хронологически-

ми факторами, на что ранее обращалось внимание и в рамках историко-культурного подхода [Васильева 2011: 80]. Наконец, как показывают материалы со стоянки *Лебяжинка IV*, не вся посуда без орнамента или украшенная лишь поясками ямок-жемчужин может быть связана с елшанской куль-

турой, часть ее относится к более поздним этапам нового каменного века региона. В целом результаты микроморфологического (петрографического) изучения раннеэнеолитической посуды лесостепного Поволжья способствуют расширению нашего понимания керамического производства.

Литература

- Андреев и др. 2018 — Андреев К. М., Васильева И. Н., Выборнов А. А. Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология // Поволжская археология. 2018. № 1(23). С. 8–27.
- Андреев, Выборнов 2017 — Андреев К. М., Выборнов А. А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: Порто-Принт, 2017. 272 с.
- Андреев и др. 2021 — Андреев К. М., Кулькова М. А., Сомов А. В. Технология изготовления неолитической керамики Среднего Поволжья по данным петрографического анализа // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 263. С. 378–393.
- Барынкин, Козин 1991 — Барынкин П. П., Козин Е. В. Некоторые результаты исследований II Болшераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара: СГПУ, 1991. С. 94–119.
- Васильева 2006 — Васильева И. Н. О происхождении гончарства // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. С. 243–245.
- Васильева 2011 — Васильева И. Н. Раннеэнеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2(48). С. 70–81.
- Васильева 2018 — Васильева И. Н. Гончарные традиции населения средневолжской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара: СГСПУ; Порто-Принт, 2018. С. 17–19.

References

- Andreev K. M., Vasilyeva I. N., Vybornov A. A. Neolithic ceramic complex of Chekalino IV site: Morphology, technology, chronology. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2018. Vol. 1(23). Pp. 8–27. (In Russ.) DOI: 10.24852/pa2018.1.23.8.27
- Andreev K. M., Vybornov A. A. Early Neolithic Volga Forest-Steppes: Elshanka Culture. Samara: Porto-Print, 2017. 272 p. (In Russ.)
- Andreev K. M., Kulkova M. A., Somov A. V. The production technology of the Neolithic ceramics from the Middle Volga region based on the petrographic analysis. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2021. No. 263. Pp. 378–393. (In Russ.) DOI: 10.25681/IAR-AS.0130-2620.263.378-393
- Barynkin P. P., Kozin E. V. II Bolshaya Rakovka site: Some survey results. In: *Antiquities of Eastern European Forest-Steppes*. Samara: Samara State Pedagogical University, 1991. Pp. 94–119. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. More on origins of pottery. In: *Contemporary Issues of Russian Archaeology*. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS). 2006. Pp. 243–245. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. The Early Neolithic pottery of the Volga-Ural region (Based on the materials of the Elshanka culture). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2011. No. 2(39). Pp. 70–81. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. Pottery traditions of the Middle Volga culture: Revisiting the issue of multi-component compositions. In: *Twenty First Jubilee Ural Archaeology Congress. Proceedings*. Samara: Porto-Print, 2018. Pp. 17–19. (In Russ.)

- Васильева, Выборнов 2016 — *Васильева И. Н., Выборнов А. А.* Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // *Поволжская археология*. 2016. № 3(17). С. 104–123.
- Выборнов и др. 2007 — *Выборнов А. А., Мамонов А. Е., Королев А. И., Овчинникова Н. В.* Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // *Вестник Самарского государственного педагогического университета. Исторический факультет*. Самара: СГПУ, 2007. С. 107–155.
- Выборнов и др. 2016 — *Выборнов А. А., Андреев К. М., Кулькова М. А., Нестеров Е. М.* Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // *Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э.* Смоленск: Свиток, 2016. С. 74–96.
- Колев и др. 1995 — *Колев Ю. И., Ластовский А. А., Мамонов А. Е.* Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок // *Древние культуры лесостепного Поволжья*. Самара: СГПУ, 1995. С. 50–110.
- Кулькова 2015 — *Кулькова М. А.* Петрографический анализ в оценке формовочных масс при изучении древней глиняной посуды // *Самарский научный вестник*. 2015. № 3(12). С. 100–107.
- Мамонов 1988 — *Мамонов А. Е.* Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // *Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР*. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92–105.
- Мамонов 1995 — *Мамонов А. Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // *Древние культуры лесостепного Поволжья*. Самара: СГПУ, 1995. С. 3–25.
- Мамонов 2002 — *Мамонов А. Е.* Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // *Историко-археологические изыскания*. Вып. 5. Самара: СГПУ, 2002. С. 148–162.
- Vasilyeva I. N., Vybornov A. A. The time of appearance and spread of the Neolithic pottery traditions in the Volga region. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2016. Vol. 3(17). Pp. 104–123. (In Russ.) DOI: 10.24852/pa2016.3.17.104.123
- Vybornov A. A., Mamonov A. E., Korolev A. I., Ovchinnikova N. V. Neolithic ceramics of Lebyazhinka IV in the Volga forest-steppes. In: *Bulletin of Samara State Pedagogical University. Faculty of History*. Samara: Samara State Pedagogical University, 2007. Pp. 107–155. (In Russ.)
- Vybornov A. A., Andreev K. M., Kulkova M. A., Nesterov E. M. Radiocarbon chronology of forest-steppe area of the Volga River basin. In: *Zaytseva G. I. et al. (comps.) Radiocarbon Neolithic Chronology of Eastern Europe in the VII–III Millennium BC*. Smolensk: Svitok, 2016. Pp. 74–96. (In Russ.)
- Kolev Yu. I., Lastovsky A. A., Mamonov A. E. On a multi-layered Neolithic-Bronze Age settlement near Nizhnyaya Orlyanka in the Sok River basin. In: *Ancient Cultures of the Volga Forest-Steppes*. Samara: Samara State Pedagogical University, 1995. Pp. 50–110. (In Russ.)
- Kulkova M. A. Petrography for assessment of moulding compound of ancient pottery. *Samara Journal of Science*. 2015. Vol. 4. No. 3(12). Pp. 100–107. (In Russ.)
- Mamonov A. E. Ilyinka site and some issues of the Neolithic Trans-Volga forest-steppes. In: *Research Problems of the Early Neolithic Soviet European Forested Areas*. Izhevsk: Udmurt Research Institute of Language, Literature and History (UB USSR Acad. of Sc.). 1988. Pp. 92–105. (In Russ.)
- Mamonov A. E. Elshanka-culture complex of Chekalino IV site. In: *Ancient Cultures of the Volga Forest-Steppes*. Samara: Samara State Pedagogical University, 1995. Pp. 3–25. (In Russ.)
- Mamonov A. E. Ilyinka site (Samara Oblast): Some newly discovered materials. In: *Studies in History and Archaeology*. Vol. 5. Samara: Samara State Pedagogical University, 2002. Pp. 148–162. (In Russ.)

Сомов и др. 2022 — Сомов А. В., Андреев К. М.,
Рослякова Н. В. Неолитическая стоянка
Лужки II в лесостепном Поволжье (пер-
вые результаты исследований) // Самар-
ский научный вестник. 2022. Т. 11. № 4.
С. 166–182.

Somov A. V., Andreev K. M., Roslyakova N.
V. The Neolithic site of Luzhki II in the for-
est-steppe Volga region (First results of the
studies). *Samara Journal of Science*. 2022.
Vol. 11. No. 4. Pp. 166–182. (In Russ.) DOI:
10.55355/snv2022114203

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 532–546, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.554

Восточноманычская культура (вопросы хронологии и перио- дизации по материалам курган- нов *Чограй VIII*)

*Ксения Федоровна Карлова*¹,
*Надежда Алексеевна Николаева*²,
Александр Владимирович Сафронов^{3, 4}

Issues of Chronology and Periodization for the East Manych Culture: Analyzing Materials from Mounds of *Chogray VIII*

*Ksenia F. Karlova*¹,
*Nadezhda A. Nikolaeva*²,
Alexander V. Safronov^{3, 4}

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рож-
 дественка, 107031 Москва, Российская Федера-
 ция)

кандидат исторических наук, старший научный
 сотрудник

 0000-0003-0194-0064. E-mail: [kseniadom87\[at\]mail.ru](mailto:kseniadom87[at]mail.ru)

Institute of Oriental Studies of the RAS (12/1,
 Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Fe-
 deration)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

² Государственный университет просвещения
 (д. 10а, ул. Радио, 105005 Москва, Российская
 Федерация)

кандидат исторических наук, профессор

 0000-0003-3961-9284. E-mail: [nikolaeva3145\[at\]yandex.ru](mailto:nikolaeva3145[at]yandex.ru)

Institute of Oriental Studies of the RAS (12/1,
 Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Fe-
 deration)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

³ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рож-
 дественка, 107031 Москва, Российская Федера-
 ция)

кандидат исторических наук, старший научный
 сотрудник

⁴ МИРЭА — Российский технологический
 университет (д. 78, пр. Вернадского, 119454 Мо-
 сква, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-9385-8441. E-mail: [safronov1477\[at\]yandex.ru](mailto:safronov1477[at]yandex.ru)

Institute of Oriental Studies of the RAS (12/1,
 Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Fe-
 deration)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

MIREA — Russian Technological University (78,
 Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federa-
 tion)

Associate Professor

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Карлова К. Ф., Николаева Н. А., Сафронов А. В., © Karlova K. F., Nikolaeva N. A., Safronov A. V., 2025
2025

Аннотация. *Цель* статьи — обоснование периодизации восточноманычской катакомбной культуры. Первая периодизация состояла из групп памятников, под которыми подразумевались археологические культуры. Накопление материала привело к необходимости использовать культурные дефиниции, и так возникла восточноманычская катакомбная культура. Но большое число катакомб требовало дальнейшей дифференциации. *Методы.* Определение относительной хронологии катакомбных погребений среднебронзового века в Восточном Предкавказье методом стратиграфии и корреляции с изменениями в технологии и типологии керамического погребального инвентаря. *Материалом* послужили погребения на боку в подкурганых катакомбах среднебронзового века восточноманычской катакомбной культуры. *Результаты.* Анализ приведенных погребальных памятников катакомбной культуры дал неожиданные результаты. Оказалось, что такой признак, как глубина дна камеры относительно дна входной ямы коррелирует как с типами катакомб, так и с изменениями в технологии и форме сосудов в погребальном инвентаре и является хронологическим признаком. В Т-образных катакомбах, где глубина дна камеры относительно дна входной ямы колеблется от 0 до 20 см, были найдены красно-охристые с ангобом сосуды и курильницы на четырехлепестковой ножке с богатым орнаментом из оттисков шнура, треугольного и трубчатого штампов. В Н-образных катакомбах разность значений показателей уровней дна камеры и входной ямы больше 1 м, пропадает богатая орнаментация на сосудах, меняется состав глиняного теста, форма сосудов. Курильницы восточно-манычской культуры также коррелируют с двумя типами катакомб, эволюционируя в сторону обеднения и исчезновения орнамента, изменения формы «ножки» курильницы, в основании которой появляется либо квадрат, либо круг, хотя до сих пор этот факт не был отмечен. Кружки из катакомбы Чограя 3/2 аналогичны экземплярам из Ногира свидетельствуют о начале движения катакомбников на юг к предгорьям Кавказа. *Выводы.* Первый этап восточноманычской катакомбной культуры характеризуется генетическими и ареальными связями степного и предгорного населения с начальным этапом кубано-терской культуры, который совпадает с временем завершения строительства дольменов. Позднее фиксируется продвижение населения восточноманычской катакомбной культуры в предгорья Северного Кавказа с последующим исчезновением.

Ключевые слова: бронзовый век, восточноманычская катакомбная культура, Кавказ, кубано-терская культура, курганы, погребальный обряд

Для цитирования: Карлова К. Ф., Николаева Н. А., Сафронов А. В. Восточноманычская культура (вопросы хронологии, происхождения, атрибуции по материалам курганов *Чограй VIII*) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 532–546. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-532-546

Abstract. *Goals.* The article suggests a periodization of the East Manych Catacomb culture (EMCC). The first periodization consisted of groups of sites supposed to be archaeological cultures. The accumulation of materials made it necessary to use cultural definitions. And this gave rise to the East Manych Catacomb culture. But the large number of catacombs (catacomb types) required further differentiation. Materials and methods. The relative chronology of Middle Bronze Age catacomb burials in the Eastern Fore-Caucasus is established through stratigraphic analysis and correlations with technological and typological changes in ceramic funerary assemblages. The study focuses on sidelong burials in sub-mound Middle Bronze Age catacombs of the East Manych Catacomb culture. Results. The analysis into the examined grave sites of the Catacomb culture has yielded somewhat unexpected results. The depth of the burial chamber in relation to the entry pit has proved to correlate with both catacomb types and pottery technology and shapes — and serves a chronological feature. So, T-shaped catacombs with chamber pit depths between 0 to 20 cm in relation to that of the entry pit contained red-ochre engobed vessels and censers on four-petal feet with vivid corded ornamental patterns, triangular and cylindrical estampages. In H-shaped catacombs with the mentioned parameter being over 1 m, the ornamental patterns on vessels virtually disappear, their molding materials and shapes change significantly. Censers of the East Manych Catacomb culture also tend to correlate with the two catacomb types, and evolutionize toward poorer and even absent ornamental patterns,

reshaped feet with squared or rounded basements which was never mentioned before. Cups from the catacomb of Chogray 3/2 are identical to samples from Nogir, and attest to the early movement of Catacomb culture bearers toward the south of the Fore-Caucasus. Conclusions. The first stage demonstrates genetic and areal links between steppe and piedmont populations and corresponds to the initial phase of the Kuban-Terek culture, thus coinciding with the completion of dolmen construction. The later stage is marked by the advance of the EMCC population into the North Caucasian foothills followed by its disappearance. Keywords: Bronze Age, East Manych Catacomb culture, Caucasus, Kuban-Terek culture, kurgans, funerary rites.

For citation: Karlova K. F., Nikolaeva N. A., Safronov A. V. Issues of Chronology and Periodization for the East Manych Culture: Analyzing Materials from Mounds of *Chogray VIII*. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 532–546. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-532-546

1. Введение

Масштабные раскопки на Северном Кавказе и в Предкавказье, в местах возведения сооружений, создали возможность решения ряда проблем бронзового века Кавказа. В 1965–1967 гг. экспедицией Саратовского и Калмыцкого государственных университетов [Синицын 1978а; Синицын 1978б] было раскопано более 600 погребений на территории строительства Чограйского водохранилища в Калмыцкой АССР. В 1974 г. была опубликована первая, не потерявшая своего значения периодизация и хронология предкавказских древностей [Сафронов 1974: 25–174], которая представляла собой хронологическую последовательность шести групп памятников (I–VI). По современной терминологии V группа погребений в катакомбах в настоящее время называется восточноманычской культурой (далее — ВМК) [Андреева 2014: 10].

2. Постановка вопроса

Для выделения V группы, по В. А. Сафронову, или ВМК, вплоть до настоящего времени не было достаточных оснований. Использование материалов раскопок 1986 г. позволяет хронологически разделить ВМК, основываясь на параметрах катакомбы и характеристике керамического инвентаря в ней. Авторами данной статьи были привлечены материалы раскопок двух курганов из группы *Чограй-VIII* раскопок 1986 г., которые адекватно характеризуют выборку из 359 катакомб, исследованных в 1965 г. [Синицын 1978а; Синицын 1978б].

3. Материалы и их атрибуция

Курган № 2 (рис. 1). Диаметр — 20 м. Высота — 0,91 м до современной дневной поверхности.

Стратиграфия кургана. Бровка 0 (центральная). Высота бровки — 1,4 м. Длина — 20 м. Мощность насыпного слоя в кургане — 0,35 м. Погребенная почва — темная полоса 10 см, материк — желтый суглинок. Выкидов или нарушения слоя в бровке 0 не было. *Бровка 1* состояла из тех же слоев, но по центру отмечено проседание насыпи над рухнувшей камерой катакомбы № 3 и заполнение входной ямы № 5 в форме прямоугольника. *Бровка 2*. Содержит те же слои, а также частично заполнение входной ямы катакомбы № 4 и выкид на древней поверхности, указывающий на первичность захоронения № 4 в этой катакомбе. В кургане было 4 погребения. Основным является погребение 2/4.

Курган 2 погребение № 1 (рис. 2) в яме, впущено с поверхности кургана, незначительно углублено в материк. Ориентировка — ЮЮВ–ССЗ. На дне — скелет подростка, лежащего головой на ЮЮЗ и грудью вниз. Руки протянуты к коленям. Череп прикрыт «жаровней» из обломка большого сосуда с валиками по венчику и горловине. *Сосуд № 1* (рис. 2: 4) — часть крупного сосуда, «жаровня». Размеры: диаметр тулова — 34 см, диаметр горловины — 24 см, цвет — светло-коричневый со следами нагара. Альчики (8 экз.) сделаны из пястных суставов овцы. Перед грудью, между коленом и стенкой, красно-охристый орнаментированный

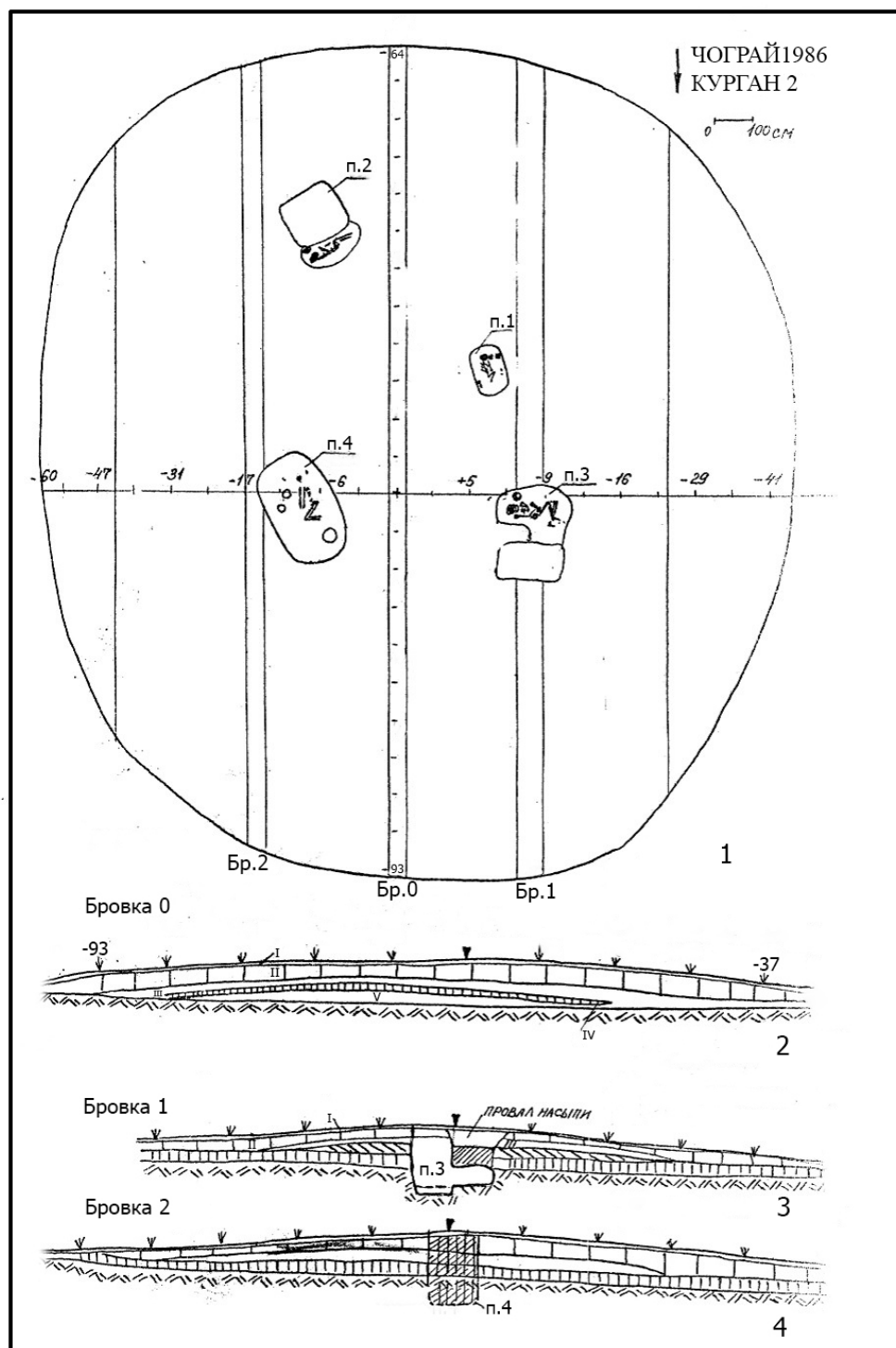

Рис. 1. Чограй-1986. Курган 2. 1 — план; 2-4 — разрезы [Николаева 1987: 6]
[Fig. 1. Chogray VIII, mound 2: 1 — plan; 2-4 — sections]

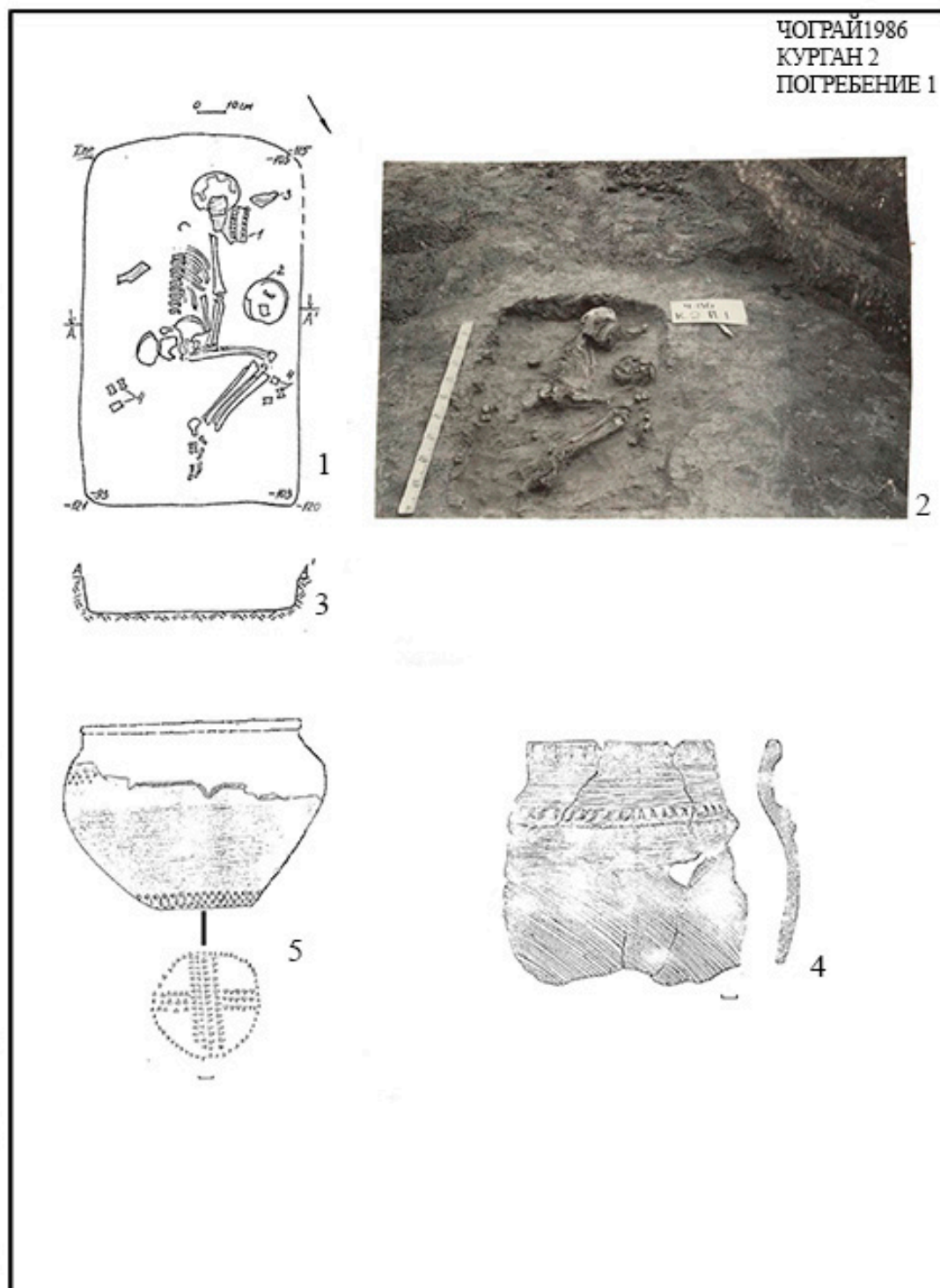

Рис. 2. Чограй-1986. Курган 2, погребение 1. 1, 2 — план, 3 — разрез,
4 — сосуд № 1. 5 — сосуд № 2 [Николаева 1987: 12, 13]

[Fig. 2. Chogray 1986, mound 2, burial 1: 1, 2 — plan, 3 — section, 4 — vessel no. 1, 5 — vessel no. 2]

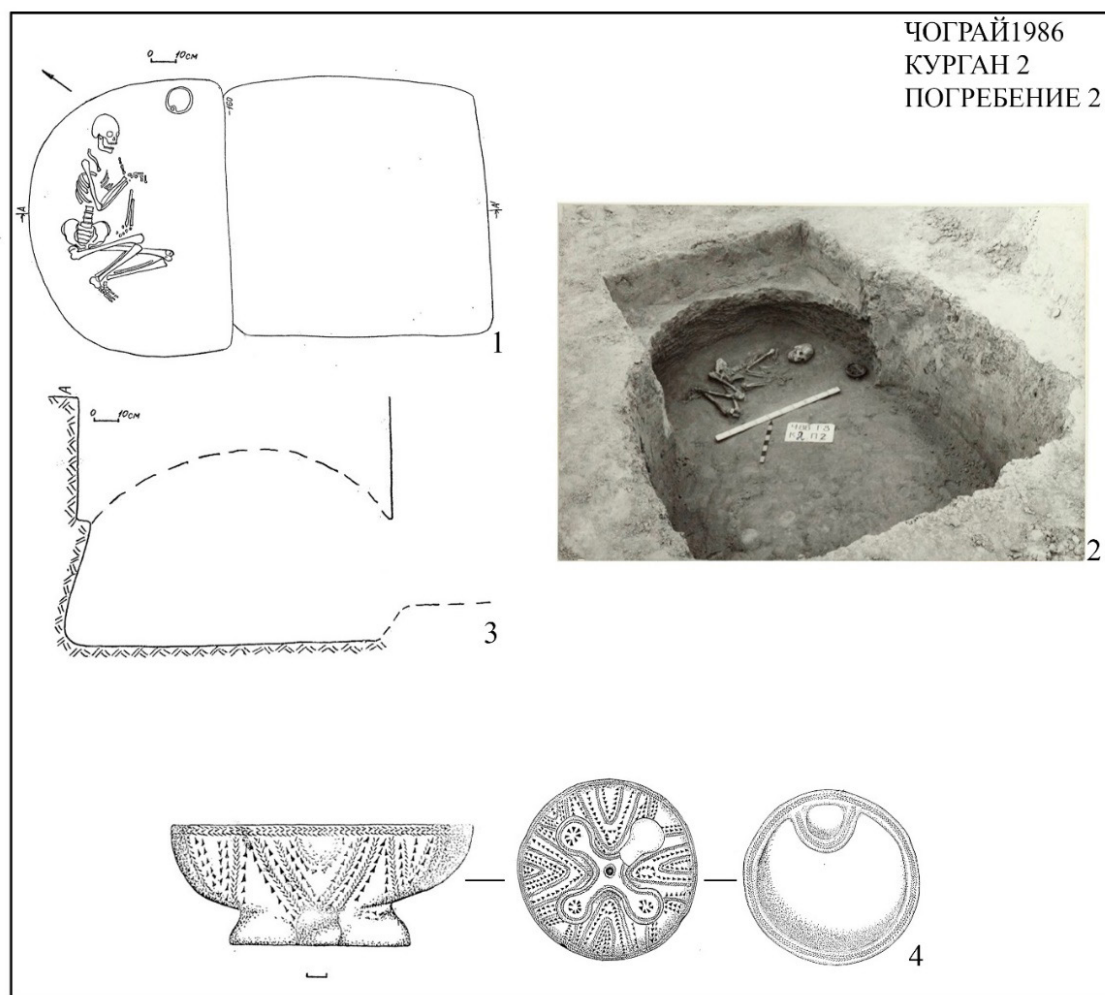

Рис. 3. Чограй-1986. Курган 2, погребение 2.

1, 2 — план, 3 — разрез, 4 — погребение 1 [Николаева 1987: 14]

[Fig. 3. Chogray 1986, mound 2, burial 2: 1, 2 — plan, 3 — section, 4 — burial 1]

сосуд № 2 (рис. 2: 5). Сосуд № 2 с участками красного ангоба, изнутри черный. Высота — 13 см. Диаметр дна — 7 см. Орнамент нанесен по линии наибольшего диаметра, а также в придонной части и состоит из нескольких линий оттисков треугольного штампа со стороной 2 мм. Над линией треугольников — линия оттисков трубчатого штампа. На дне линиями оттисков треугольного штампа обозначена крестовина.

Курган 2, погребение № 2 (рис. 3). Катакомба в южной части траншеи 0–2. Глубина от вершины до пятна могилы — 1,4 м. Входная яма — 1,6 x 1,9 м. Размеры камеры — 1,5 x 0,8 x 0,7 м. Скелет лежал на левом боку, скорченно, головой на СВВ. Правая рука согнута под острым углом и лежала у лицевых костей. Череп имел при-

жизненную деформацию. Справа от входа стояла курильница на крестовидной подставке. Сосуд № 1 — «курильница» — чаша с отделением на четырехлепестковой ножке. Диаметр чаши — 16,2 см. Высота курильницы — 5,8 м. В центре ножки — отверстие. По верхнему краю чаши — орнамент из трех линий оттисков шнурового штампа. Поверхность украшена параболами, контур которых выполнен линиями оттисков треугольного штампа.

Курган 2, погребение № 3,5 (рис. 1: 4). Катакомба была обнаружена в бровке 1 в виде двух пятен; частично выходила в траншею. Заполнение прямоугольной входной ямы было обозначено первоначально в [Николаева 1987: 14], как № 3. Пятно, которое оказалось камерой катакомбы к этой

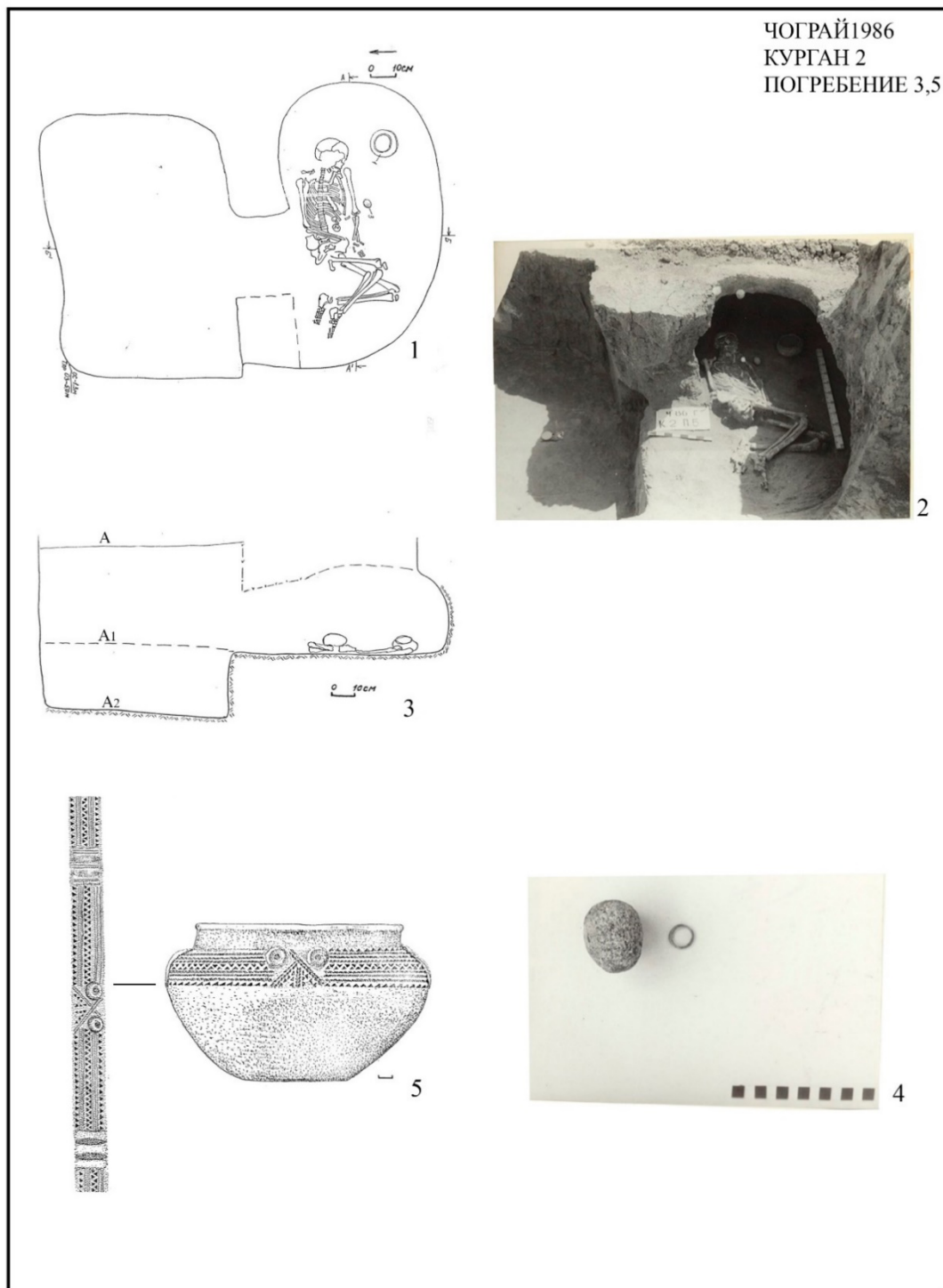

Рис. 4. Чограй-1986. Курган 2, погребение 3/5. На рис. 4: 3 обозначены: А — уровень пятна, А1 — уровень дна входной ямы, А2 — дно «грабительской ямы»; 4 — яйцо из песчаника и кольцевидная подвеска; 5 — сосуд с разверткой орнамента [Николаева 1987: 15–16]

[Fig. 4. Chogray 1986, mound 2, burials 3, 5. Part 3: A — level of the spot, A1 — level of the bottom of the entrance pit, A2 — bottom of the 'robber pit'; 4 — sandstone egg and ring-shaped pendant; 5 — vessel with ornamental pattern]

входной яме, было обозначено как № 5. При расчистке стало ясно, что эти два пятна — это части одной катакомбы. Чтобы не было расхождений с [Николаева 1987: 15], решено сохранить полевую нумерацию. Было использовано обозначение — 2/3,5. Входная яма имела размеры 1,97 x 1,37 м. Глубина от современной поверхности кургана — 1,55 м. Входная яма была разрушена «грабительской ямой», поэтому дно ее фиксировалось ниже дна камеры. Вход в камеру имел размеры — 0,65 x 0,4 x 0,4 м. Размеры камеры: 2,1 x 1,1 x 0,5 м. На рис. 4: 3 показаны разные уровни во входной яме (см. подписи к рис. 4)

Скелет лежал на спине скорченно или согнуто на боку с отклонением на спину. Ориентировка головы на Запад. Катакомба имела Н-образную форму. У черепа стоял красно-охристый сосуд (рис. 4: 5). На ребрах лежали костяное кольцо и яйцо из песчаника.

1. *Сосуд* красно-охристый изнутри и снаружи (рис. 4: 5). Высота — 12,5 см. Диаметр — 20 см. Диаметр дна — 8,5 см. Орнамент — оттиски треугольного и шнурового штампов и сосцевидные налепы и серповидные валики.

2. *Кольцо* костяное, плосковыпуклое, полированное. Диаметр по внешнему контуру — 2,2 см.

3. *Предмет* из песчаника яйцевидной формы высотой 6,4 см. Реставрирован. Был закреплен клеем ПВА (рис. 4: 4).

Курган 2, погребение № 4 (рис. 1: 5). Основное. Определяется по выкиду на погребенной почве. Было обнаружено в траншее 0–2 в плане и в разрезе бровки 2. Темное пятно заполнения могилы имело в плане форму прямоугольника с закругленной северной стороной. Центр могилы находился в 2,5 м к востоку от бровки 0 и в 0,5 м к северу от 0. Могила была ориентирована по линии СЗ–ЮВ и входила северо-восточным углом в бровку (рис. 1). Размеры пятна 2,72 x 1,63 м. На глубине 0,5 м на дне ямы в ее северной половине расчищен развал сосуда. Могила по дну приняла более правильные очертания прямоугольника с закругленными углами и слегка выпуклыми стенками. Ближе к западной стенке лежал

скелет на правом боку, головой на ЮВ. Руки согнуты в локтях и направлены к коленям. У ног дно было окрашено охрой. Кости черепа сохранились только фрагментарно, местами фиксируется белый тлен. Справа от черепа лежала *бронзовая подвеска* овальная плосковыпуклой формы с расплюснутыми концами. Слева от черепа — фрагмент *бронзового шила*. Перед грудью находились два развала керамики — *курильница* крестовиной вверх и *красно-охристый без орнамента сосуд*.

Сосуд № 1. Курильница (рис. 5: 6) на крестовидной ножке 1-го типа с отделением. Бортик и отделение не имели орнамента. Чаша — черная изнутри. Основание крестовины имеет 4 круглых чашевидных углубления диаметром 1,8 см. Диаметр чаши — 17,3 см. Высота — 7,4 см. Высота подставки — 2,2 см, а ширина — 8,5 см. Орнаментирована 4-мя параболлами из двух двойных линий оттисков шнура (высота параболлы — 7,5 см), в которые вписаны параболлы меньшего размера (высота — 4 см). Пространство между параболлами заполнено спиральным штампом. Число спиралей — 10.

Сосуд № 2. Амфора (рис. 5: 5) с разновысотными по месту крепления ручками, одна ручка отходит от венчика, другая — от основания горловины. Цвет черный; с крупными примесями. Размеры сосуда: высота — 28,5 см; диаметр сосуда — 26 см; диаметр венчика — 11,8 см; диаметр дна — 10,5 см; диаметр горла — 10,3 см. Ручки псевдополусферные, отличаются друг от друга и по форме сечения (круг и овал). Ширина ручки — 1,7 мм; у основания — 3,5 мм. Тулово яйцевидное. Ширина орнаментального фриза — 9,8 см. На основании горловины — оттиски треугольников; под ними оттиски спирального штампа. Ручка орнаментирована оттисками треугольников и шнура; другая — только оттисками треугольников. Дно орнаментировано насечками.

1. *Сосуд* (рис. 5: 4) красно-охристый с широким устьем, выпуклыми боками с небольшой конической горловиной и округленным венчиком. Высота — 10,8 см. Наибольший диаметр — 18 см. Диаметр венчи-

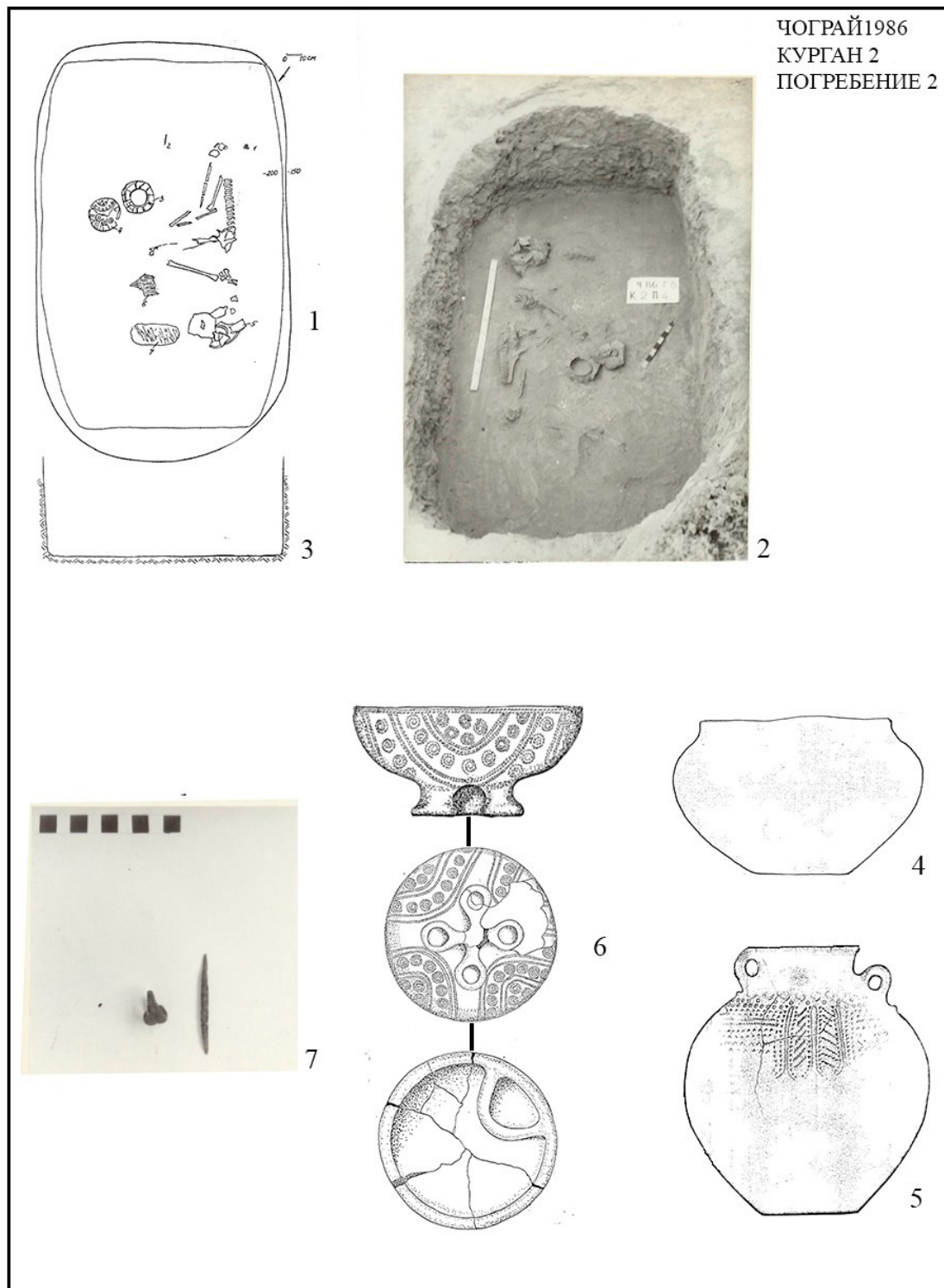

Рис. 5. Чограй-1986. Курган 2, погребение 4 [Николаева 1987: 17–18]
[Fig. 5. Chogray 1986, mound 2, burial 4]

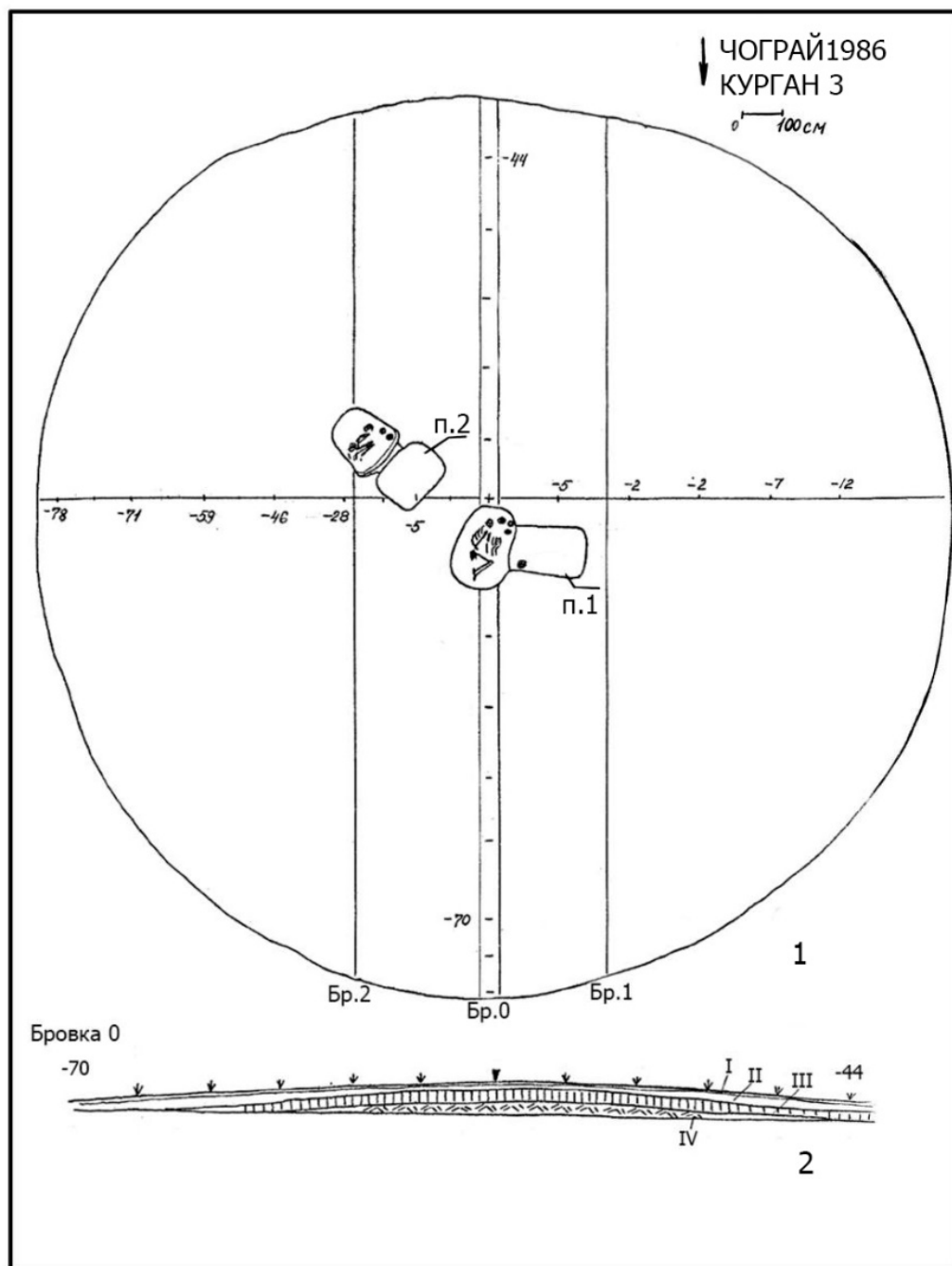

Рис. 6. Чограй-1986. Курган 3 [Николаева 1987: 19]
[Fig. 6. Chogray 1986, mound 3]

ка — 13,5 см. Диаметр дна — 7 см. Переход от горловины к венчику смягчен. Ангоб малинового цвета; под ним глина рыжего цвета. Изнутри — темно-серая. В изломе тесто черное, с крупными примесями (шамот, ракушка).

2. Подвеска бронзовая в 1,5 оборота: длина — 2 см; ширина — 1,2 см. Шило бронзовое длиной — 6,6 см.

Культурная атрибуция погребения противоречива. Территория Предкавказья как область, прежде всего, катакомбной культуры; амфора — атрибут кубано-терской культуры Северного Кавказа; курительница — атрибут только восточноманычской катакомбной культуры. Такое смешение черт двух культур говорит в равной степени как об их общих корнях, так и об их синхронно-

сти и ареальных связях. Бронзовая подвеска в 1,5 оборота также говорит о связях с Северным Кавказом (рис. 5: 7).

Курган 3 (рис. 6) принадлежал к той же курганный группе 8. Диаметр кургана с севера на юг — 25,3 м. Диаметр кургана с запада на восток — 26 м. Высота кургана от вершины до современной дневной поверхности: с севера — 0,75 м, с юга — 0,44 м, с востока — 0,71 м, с запада — 0,30 м. Высота кургана от вершины до древней дневной поверхности — 0,6 м.

Стратиграфия кургана. (рис. 6). Бровка 0 (восточная сторона). Длина — 24 м, высота — 1,1 м. В бровке 0 нет выкидов, нет нарушения слоев. **Бровка 1** (западная сторона). Число слоев совпадает с бровкой 0. **Бровка 2** (западная сторона). Прослеживаются те же слои, что и в бровке 0 и 1. Только в месте проседания насыпи над обрушенной камерой было темное пятно, которое шло ниже дна траншеи.

Древнейшим и первым впускным в небольшое всхолмление было погребение № 1 в катакомбе. Выкид из нее образовал насыпь. Вторым впускным в эту насыпь было погребение № 2 в катакомбе. Выкида от него не сохранилось.

Погребение № 1 (рис. 7) обнаружено в траншее 0–1 на материке в виде длинного прямоугольника, ориентированного осью В-3 (рис. 6). Пятно имело закругленные углы с западной стороны. На рисунке видно, что в бровке 0, под которой находилась камера катакомбы, заметен слой светлого материкового суглинка. Это выкид, образовавшийся при рытье входной ямы, основная часть которой находится в верхнем горизонте материкового суглинка. Насыпь же образована выкидом из камеры катакомбы. Размеры входной ямы — 1,75 x 1,45 x 0,52 м; в восточной стенке устроено входное отверстие в камеру. Размеры входа 0,77 x 0,4 x 0,6 м. Разность уровней дна входной ямы и камеры равна 30 см. Размеры камеры: 2,4 x 1,7 x 1,1 м. Справа от входа расчищены три сосуда: курильница и два красно-охристых сосуда (рис. 7: 9). По центру камеры лежал скелет взрослого человека на левом боку, грудью вниз, скорченно, головой на юг. Руки были согнуты под тупым углом и положены между коленями. Стопы ног находятся на боку.

Рядом со скелетом лежал скелет ребенка на спине, согнуто, головой на юг. От черепа остались только фрагменты. На скелетах прослеживаются следы охры, особенно на ногах. В области рук — пастовые бусы.

Сосуд № 1 (рис. 7: 6). Красно-охристый, с широким устьем, короткой цилиндрической шейкой и скругленным венчиком. Размеры сосуда: диаметр тулова — 19,5 см; высота — 10,4 см; высота горловины — 2 см. Ниже горловины идут линии наколов, оттисков шнура, оттисков треугольного и трубчатого штампа. Налепы делят орнаментальный фриз по плечикам сосуда на 4 сектора. Диаметр дна — 9 см. На дне — две концентрические окружности, окаймленные вдавлениями треугольников.

Сосуд № 2. (рис. 7: 7). Красноохристый с ангобом, который при обжиге дает малиновый цвет. Размеры: высота — 10,5 см; диаметр тулова — 16,6 см; диаметр дна — 6,5 см. Горловина небольшая, коническая, переходит в круглый венчик и образует небольшой уступ, подчеркнутый линией оттиснутых треугольников. По плечикам сосуда (по линии наибольшего диаметра) нанесена орнаментальная полоса шириной 3,8 см.

Сосуд № 3 (рис. 7: 9). *Курильница* с отделением на круглой подставке. Цвет — розово-коричневый, изнутри серо-коричневого цвета с черными пятнами (нагара) на небольших участках. Размеры чаши: диаметр — 17 см; ширина бортика — 1,2 см; обрезан горизонтально; украшен параллельными линиями нарезок с расстоянием между ними 0,3–0,4 см. Отделение по внешнему краю — 7 см; по внутреннему краю — 3,5 x 3,5 см. Орнаментировано насечками. Чаша в центре имеет углубление диаметром 4 см. Насечки в углублении выполнены треугольным штампом. Круглая подставка имеет также косые насечки, которые переходят в несколько линий оттисков треугольников.

Погребение № 2 (рис. 8: 1–4). Было обнаружено в траншее 0–2 по пятну заполнения входной ямы катакомбы, камера которой выходила в траншею и под бровку 2. Зачистка бровки 2 над входной ямой показала, что камера обрушена и насыпь над ней просела. Пятно было ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Оси входной ямы и камеры были парал-

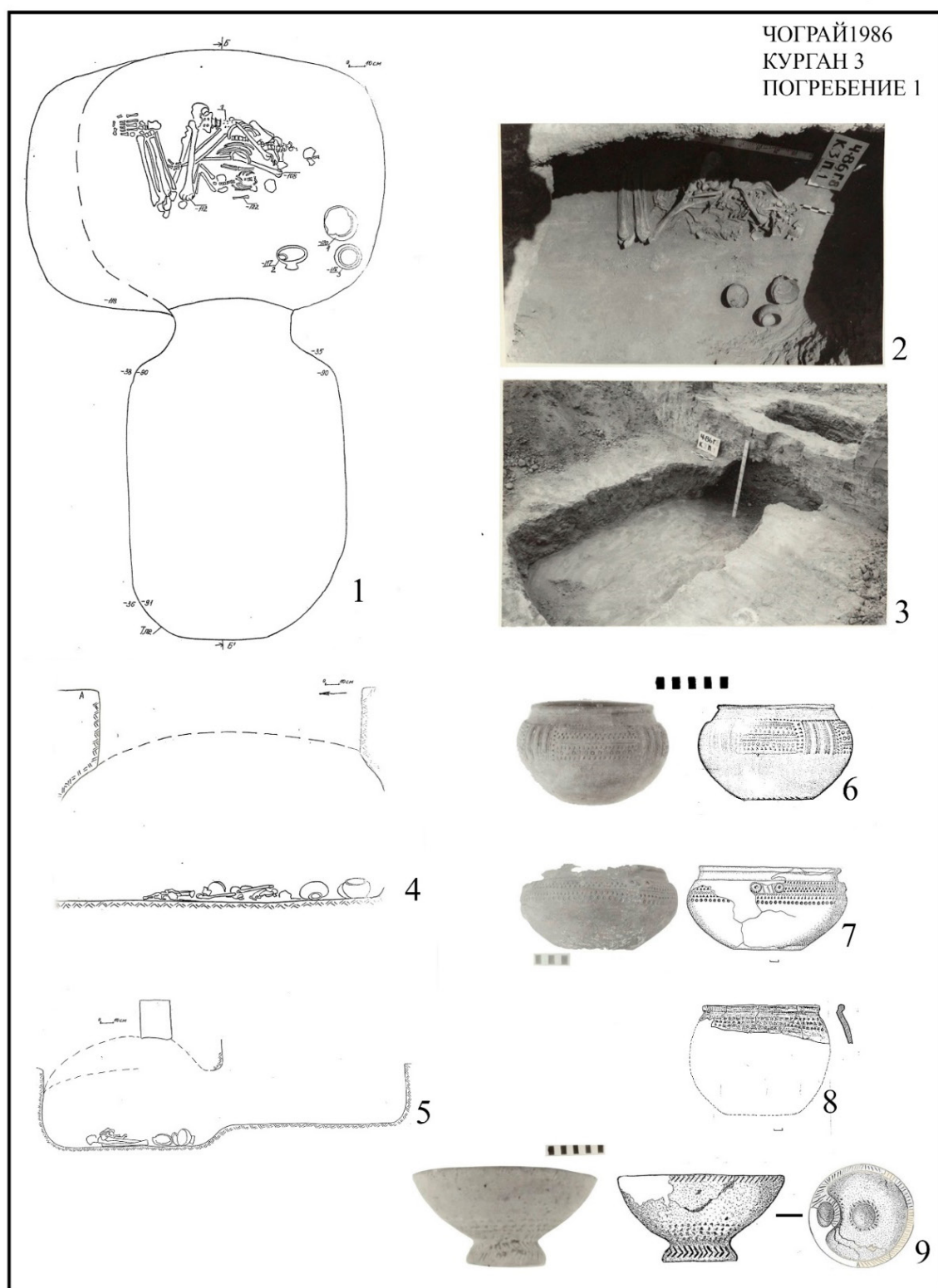

Рис. 7. Чограй-1986. Кургan 3, погребение 1 [Николаева 1987: 20–21]
[Fig. 7. Chogray 1986, mound 3, burial 1]

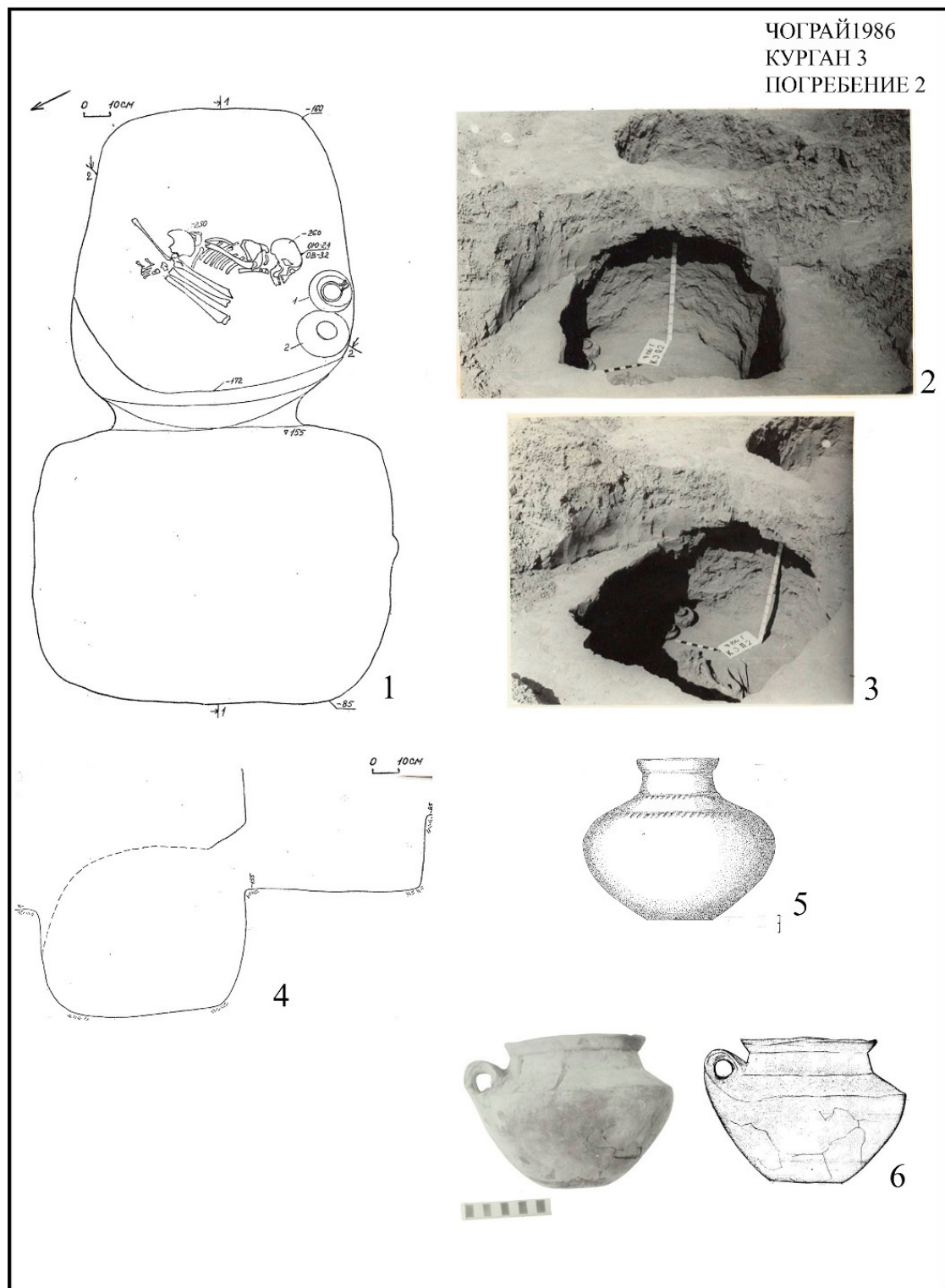

Рис. 8. Чограй-1986. Курган 3. Погребение 2 [Николаева 1987: 22–23]
[Fig. 8. Chogray 1986, mound 3, burial 2]

лельны. По типу катакомба принадлежала к Н-образным. Размеры пятна — 1,9 x 1,43 м. Глубина входной ямы — 0,65 м от края пятна. Размеры входного отверстия — 1,0 x 0,4 x 0,15 м. Разность между уровнем дна входной ямы и камеры составляет 1,2 м. Форма камеры трапецевидная. На дне камеры лежал скелет на левом боку, сильно скорченно, головой на ЮЮЗ. Руки согнуты в локтях. Угол скорченности между позвонником и бедренными костями — 30°; угол между бедренными и берцовыми костями — 0°. Справа от входа стояло два сосуда — кувшинообразный сосуд № 1 (рис. 8: 5); и большой одноручный сосуд № 2 (рис. 8: 6). Скелет имел коричневый цвет костей, но не был окрашен охрой. Возможно, он был покрашен корой.

Сосуд № 1. Кувшинообразный сосуд с узким горлом и венчиком, отогнутым под углом со слегка конической горловиной. На основании горловины-насечки; на плечевой части — насечки. Дно вогнуто. Размеры: высота — 18,5 см; наибольший диаметр тулова — 22,1 см. Диаметр устья — 10,2 см; диаметр горла — 8,6 см. Высота венчика — 1 см. Высота горла — 2,4 см. Диаметр дна — 9 см. Цвет поверхности коричнево-серый с темными пятнами. Насечки на плечевом уступе. Амфора была целая, но деформирована и с трещинами. Реставрирована. Подклеена. Загипсована с ликвидацией деформации.

Сосуд № 2 (рис. 8: 6) с каннелированной ручкой, небольшой цилиндрической горловиной и отогнутым венчиком. Цвет поверхности — серо-коричневый с черными пятнами. Ангоба нет, но поверхность уплотнена и залощена. Поверхность матовая со следами лощения. Ручка одна, каннелированная, укреплена на плечевой части. Резко обозначено ребро. Размеры: высота — 13,4 см; наибольший диаметр — 17,1 см; диаметр дна — 5,9–6,3 см, диаметр устья — 12,7 см; высота горловины — 2 см. Высота венчика — 1,5 см. Ручка псевдополушарная с желобком (рис. 8: 6).

4. Заключение

Анализ приведенных материалов позволил сделать выводы, не отмеченные ранее

исследователями [Смирнов 1996; Шишлина 2007; Андреева 2014]. Было показано, что такой признак, как глубина дна камеры относительно дна входной ямы, коррелирует как с типами катакомб, так и с изменениями в технологии и форме сосудов в погребальном инвентаре.

В Т-образных катакомбах (длинные оси камеры и входной ямы перпендикулярны), где глубина дна камеры относительно дна входной ямы колеблется от 0 до 20 см, были найдены красно-охристые с ангобом сосуды и курильницы на четырехлепестковой ножке с богатым орнаментом из отсков шнура, треугольного и трубчатого штампов.

В Н-образных катакомбах (длинные оси параллельны друг другу), где разность значений показателей уровней дна камеры и входной ямы больше 1 м, пропадает богатая орнаментация на сосудах, меняется состав глиняного теста, форма сосудов.

Курильницы восточноманычской культуры также коррелируют с двумя типами катакомб, эволюционируя в сторону обеднения и исчезновения орнамента, изменения формы «ножки» курильницы, в основании которой появляется либо квадрат, либо круг, хотя до сих пор поздние курильницы на круглой или квадратной подставке находят в области гораздо более южной, чем ареал волго-манычской культуры [Нечитайло 1979: рис.18, 66, 74, 75].

Сходство кружек из катакомбы Чограя 3/2 с экземплярами из Ногира [Николаева 2011; Николаева, Сафронов 2020] свидетельствует о начале движения катакомбников на юг к предгорьям Кавказа.

Катакомбные памятники Предкавказья отражают длительность этнокультурных процессов на пограничьи двух регионов — Предкавказья и Северного Кавказа, начиная от времени строительства дольменов (Дзуарикау курган 1, погребенье 19) [Николаева 2011: рис. 83] и заканчивая продвижением населения катакомбной восточноманычской культуры в предгорья Северного Кавказа с последующим исчезновением вместе с кубано-терской культурой Северного Кавказа [Сафронов 1974; Николаева 2011; Николаева, Сафронов 2020].

Источники

Николаева 1987 — Николаева Н. А. Отчет о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Чограйский» Калмыцкой АССР в 1986 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 11627-11627а. 84 с.

Литература

Андреева 2014 — Андреева М. В. Восточно-манычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.

Нечитайло 1979 — Нечитайло А. Л. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова Думка, 1979. 86 с.

Николаева 2011 — Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011. 536 с.

Николаева, Сафронов 2020 — Николаева Н. А., Сафронов А. В. Курганы у с. Ногир и проблемы среднебронзового века Северной Осетии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и исторические науки. № 5. 2020. С. 164–179.

Сафронов 1974 — Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Вып. VII / отв. ред. О. Н. Бандера. М.: Знание, 1974. С. 23–174.

Синицын 1978а — Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Т. 1. Саратов: Саратовск. ГУ, 1978. 130 с.

Синицын 1978б — Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Т. 2. Саратов: Саратовск. ГУ, 1978. 117 с.

Смирнов 1996 — Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт археологии, 1996. 181 с.

Шишлина 2007 — Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ, 2007. 400 с.

Sources

Nikolaeva N. A. Chograysky sovkhos, irrigated plot (Kalmyk ASSR): A 1986 excavation report. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. Coll. Ф-1. Cat. P-1. File no. 11627–11627a. 84 p. (In Russ.)

References

Andreeva M. V. East Manych Catacomb Culture: Analyzing Materials of Grave Sites. Moscow: Taus, 2014. 272 p. (In Russ.)

Nechitaylo A. L. Suvorovskaya Mound Grave Field. Kiev: Naukova Dumka, 1979. 86 p. (In Russ.)

Nikolaeva N. A. Ethnocultural Processes in the North Caucasus, 3rd–2nd Millennia BCE: A Perspective from Ancient European and Near Eastern History. Moscow: Moscow Oblast University, 2011. 536 p. (In Russ.)

Nikolaeva N. A., Safronov A. V. A kurgan near the village of Nogir and the problem of cultural attribution of Middle Bronze Age monuments in North Ossetia. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*. 2020. No. 5. Pp. 164–179. (In Russ.)

Safronov V. A. Classifying and dating Bronze Age sites of the North Caucasus. In: Bandera O. N. (ed.) *Archaeological Sites: Issues of Protection, Classification, and Use*. Vol. 7. Moscow: Znanie, 1974. Pp. 23–174. (In Russ.)

Sinitsyn I. V. Ancient Sites of the East Manych. In 2 vols. Vol. 1. Saratov: Saratov State University, 1978. 130 p. (In Russ.)

Sinitsyn I. V. Ancient Sites of the East Manych. In 2 vols. Vol. 2. Saratov: Saratov State University, 1978. 117 p. (In Russ.)

Smirnov A. M. Bronze Age Mounds and Catacombs in the Seversky Donets Basin. Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), Institute of Archaeology, 1996. 181 p. (In Russ.)

Shishlina N. I. Bronze Age Northwestern Caspian, 5th–3rd Millennia BCE. Moscow: GIM, 2007. 400 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 547–561, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

Пример средневековой «геоэкономики»: Киликийская Армения между интересами монголов и Западной Европы, XIII–XIV вв.

Зохраб Грачевич Геворгян¹,
 Мариам Гнелевна Григорян²

Cilician Armenia between Mongols and Western Europe, Thirteenth-Fourteenth Centuries: An Example of Medieval Geoeconomics

Zohrab H. Gevorgyan¹,
 Mariam G. Grigoryan²

¹ Институт истории Национальной Академии наук Республики Армения (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5286-7592. E-mail: barevzor[at]gmail.com

National Academy of Sciences of Armenia, Institute of History (24/4, Marshal Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

² Институт истории Национальной Академии наук Республики Армения (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0009-0007-1644-4326. E-mail: manangrigoryan86[at]mail.ru

National Academy of Sciences of Armenia, Institute of History (24/4, Marshal Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Геворгян З. Г., Григорян М. Г., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Gevorgyan Z. H., Grigoryan M. G., 2025

Аннотация. *Введение.* Данная статья относится к истории геополитических процессов в Восточном Средиземноморье в XIII–XIV вв., которые были переплетены с международными торгово-экономическими отношениями. Одна из основных *целей* статьи — представить геополитические и экономические процессы, происходившие в странах Средиземноморья, сравнить международные политические события, с одной стороны, и торговые соглашения, подписанные Венецией и Генуей, Киликийской Арменией и другими государствами, — с другой. Монголы не вторгались на территорию только двух государств в регионе: Киликийской Армении и Трапезундской империи, которые должны были стать новыми воротами в Средиземное и Черное моря. Крупнейший порт Киликийской Армении, Айас, стал важнейшими воротами Великого Шелкового пути, соединявшего Тебриз с Средиземным морем. Основное внимание уделено влиянию торговых отношений Средиземноморья на международные вопросы, роли Киликийской Армении в этих процессах. *Материалы* исследования. В качестве основных источников исследования использовались генуэзские и венецианские нотариальные документы, торговые привилегии, выданные киликийскими королями, а так-

же другие первоисточники и научные исследования. *Результаты.* Для выяснения вышеуказанных целей мы сопоставили геополитические и экономические исторические процессы, в результате чего нам удалось представить степень взаимосвязи геополитических и экономических отношений в XIII–XIV вв. Хронология торговых соглашений, заключенных между Киликийской Арменией, с одной стороны, и Венецией, Генуей, Сицилийским королевством и другими европейскими государствами и городами, с другой, коррелирует с геополитическими событиями и процессами, происходившими в это же время. Сравнение этих процессов показывает динамику развития и взаимосвязь геополитических и международных торговых отношений.

Ключевые слова: Киликийская Армения, Монгольская империя, Ильханат, Средиземноморье, средневековая торговля, Монгольская империя, папство, Венеция, Генуя, крестоносцы

Для цитирования: Геворгян З. Г., Григорян М. Г. Пример средневековой «геоэкономики»: Киликийская Армения между интересами монголов и Западной Европы, XIII–XIV вв. // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 547–561. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-547-561

Abstract. Introduction. The article deals with geopolitical processes in the thirteenth-fourteenth century Eastern Mediterranean, and shows the former were tied to international trade and economic relations. *Goals.* The paper seeks to describe the then geopolitical and economic agenda in the Mediterranean, compare international political events, on the one hand, and trade agreements signed by Venice and Genoa, Cilician Armenia and other states, on the other. The Mongols never invaded only two states in the region — Cilician Armenia and the Empire of Trebizond — which thus would become new gateways to the Mediterranean and Black Seas. Ayas, the largest port of Cilician Armenia, had already become a most important point of the Silk Road between Tabriz and the Mediterranean. So, the work shall discuss how the Mediterranean trade affected international relations and what role Cilician Armenia played in those processes. *Materials and methods.* The study focuses on Genoese and Venetian notarial documents, trade privileges issued by the Cilician kings, as well as other primary sources and scholarly publications. *Results.* In pursuit of the abovementioned goals and objectives, the work compares geopolitical and economic historical processes, which proves instrumental in outlining the degree of interrelation between corresponding factors in the thirteenth-fourteenth centuries. Trade agreements concluded between Cilician Armenia, on the one hand, Venice, Genoa, the Sicilian Kingdom and other European states and cities, on the other, do chronologically correlate with the geopolitical events and processes of those times. The analytical insights into the processes show the dynamics and certain affinities between geopolitical and international trade relations.

Keywords: Cilician Armenia, Mongol Empire, Ilkhanate, Mediterranean, medieval trade, Venice, Genoa, Crusades

For citation: Gevorgyan Z. H., Grigoryan M. G. Cilician Armenia between Mongols and Western Europe, Thirteenth-Fourteenth Centuries: An Example of Medieval Geoeconomics. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 547–561. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-547-561

1. Введение и исторический контекст

До XI в. территория Киликии входила в состав различных империй. В VII–XI вв. она была полем битв в продолжавшихся войнах между Византийской империей и Арабским халифатом. Древние крепости, построенные здесь во времена греческой колонизации, находились в полуразрушенном состоянии. После византийско-арабских войн территория Киликии была в какой-то мере отрезана от торговых путей.

XI–XII вв. ознаменовали собой становление государства Киликийской Армении,

тогда главными приоритетами были военно-политические внутренние и внешние вопросы. На этом этапе основными центрами торговых отношений Востока и Запада были государства крестоносцев в Восточном Средиземноморье, а Киликия имела второстепенное значение.

Когда в конце XII в. король Киликийской Армении Левон I (как и принц Левон II (1187–1198), как и король Левон I (1198–1219)) присоединил часть северо-восточного побережья Средиземного моря, Киликийская Армения быстро включилась в среди-

земноморские торговые отношения, имевшие наиболее развитую финансово-экономическую коммерческую систему. В 1201 г. Киликийская Армения заключила торговые соглашения с республиками Венеция и Генуя, к которым позднее присоединились Пиза, южнофранцузские города, Каталония, Флоренция и другие. Эти договоры неоднократно заключались в течение XIII и XIV вв. [Langlois 1863: 72–195; Lane 1963: 80].

Цель исследования заключается в представлении геополитических и экономических процессов, происходивших в Средиземноморье, сопоставлении международных политических событий, с одной стороны, и торговых соглашений, подписанных Венецией и Генуей, Киликийской Арменией и другими государствами, — с другой. Основное внимание направлено на то, как торговые отношения стран Средиземноморья влияли на международные отношения; как изменилась внешнеполитическая стратегия западноевропейских государств, включая Венецию и Геную, в результате распада монгольского государства Ирана; какова была роль Киликийской Армении в этих процессах.

Во второй половине XIII в. вся палитра финансовых и торговых операций, проводившихся в Средиземноморье, была введена в Киликийской Армении. Вместо наличных денег купец, отправлявшийся в торговую поездку из Айаса (в европейских источниках именуемого Лаяццо, Лайас и т. д., главный торговый порт Киликийской Армении) в Барселону, брал с собой только квитанцию, наделявшую его всеми полномочиями, и получал наличные деньги от другого торгового агента уже в городе прибытия. О таких торговых операциях свидетельствуют тысячи нотариальных актов, составленных в городах Киликии, особенно в Айасе, которые впоследствии были перенесены в архивы итальянских, французских и испанских городов и до сих пор хранятся там [Balletto 1989: 3–380].

Все геополитические и экономические процессы на Ближнем Востоке изменились, когда в 1243 г. монголы разгромили Иконийский султанат в битве при Кесе-Даге, а затем в 1258 г. внук Чингис-хана, Хулагу, захватил

Багдад и положил конец правлению Арабского халифата в Месопотамии. В Иране было создано новое монгольское государство, — Ильханство, — со столицей в Тебризе. Этим шагом монголы кардинально изменили ранее сформированные торговые пути, начинавшиеся от Багдада и тянувшиеся до портов крестоносцев на Средиземном море. Тебриз превратился в новый узел торговых путей.

Монголы не вторгались на территорию только двух государств в регионе: Киликийской Армении и Трапезундской империи, которые должны были стать новыми воротами в Средиземное и Черное моря [Микаелян 1952: 352]. Крупнейший порт Киликийской Армении, Айас, уже стал важнейшими воротами Великого Шелкового пути, соединившего Тебриз со Средиземным морем [Lane 1963: 80].

Одной из экономических моделей, являвшихся инструментом экспансии Запада в Средиземноморье, стала банковская система, сформированная в «итальянских» городах, в частности в Сиене и Флоренции, в XII–XIII вв., что вызвало глубокие изменения в финансовых отношениях стран Средиземноморья, в которых также участвовало армянское государство Киликия. В XIII и XIV вв. Киликийская Армения стала важным политическим и экономическим центром. Э. Аштор, специалист по истории левантйской торговли, отмечает, что роль Киликийской Армении в торговых отношениях между мусульманским Левантом (Египет и Ассирия) и Южной Европой была больше, чем у Крита и Кипра [Ashtor 1983: 43–44, 104]. С XIII в. развивается система международных торговых операций и кредитов, которая связывала Киликийскую Армению и Причерноморье, с одной стороны, Каталонию и Англию — с другой. Банки, особенно флорентийские, крупнейшие из которых принадлежали семьям Барди и Перуцци, имели свои агентства, обеспечивали финансовые потоки между государствами всего Средиземноморского, Причерноморского бассейнов и городами Западной Европы, а также финансировали крупные геополитические проекты [Pegolotti 1970: 297, 366–367; Hunt 1994; Balletto 1989: 3–380]. В 1336 г. Франческо Бальдуччи Пеголотти, агент крупней-

шего в Европе банковского дома Барди, посетил Киликийскую Армению и подписал торговое соглашение с королем Левонем IV (1320–1342), который предоставил льготные условия для торговцев компании Барди в Киликийской Армении. Ф. Б. Пеголотти указывает, что агенты другого флорентийского банка Перуцци должны были платить транзитную пошлину в размере двух процентов от цены товара [Pegolotti 1970: 60; Peruzzi 1868: 131–132].

В 1289–1292 гг. Мамлюкский султанат Египта захватил последние оплоты Запада в Восточном Средиземноморье: Акру, Сидон, Бейрут, Триполи и другие. Эти города были осями идеологических, политических и экономических стратегий для Папства и европейских государств. После этих событий значение Киликийской Армении и Кипра для Запада резко возросло.

2. Киликийская Армения в товарообороте между Востоком и Западом

С развитием международной торговли рынки Киликии обогатились разнообразными товарами, привезенными из разных уголков мира. Их ассортимент в городах Киликийской Армении отражал международные торгово-экономические связи между Востоком и Западом того времени. На киликийских рынках продавалась хлопчатобумажная ткань пухрам (букерами, бокаранум, бакрам), название которой было связано с городом Бухара в Средней Азии [Balletto 1989: 306–307; Langlois 1863: 170].

В источниках упоминаются виды шелка. Высококачественным был легги (leggi), получивший свое название от города Лакхиджан в округе Гилян. Были также известны гилани (seta ghella), мазандаран (seta Massandroni), талиш (seta talani), шеки (sicchi или sacchi), гандзак (canzia, cancia), чамаки (chamaki) и многие другие виды [Pegolotti 1970: 297–300; Марко Поло 1956: 58, 252; Ashtor 1983: 265–268; Petrushevsky 1968: 504–505; Heyd 1967b: 670–673].

Широким спросом пользовались драгоценные меха, завозимые в Киликийскую Армению через Дербент и Черное море с территорий нынешней России и отдаленных районов Азии [Balletto 1989: 145–146,

214–216, 223–226, 300–302; Rey 1883: 208; Delort 1978: 259].

С конца 50–60-х гг. XIII в. по XIV в. из Тебриза в Айас было импортировано большое количество китайского шелка. При сравнении единиц измерения и веса, использовавшихся в этих двух городах, шелк указывается сразу после специй [Pegolotti 1970: 30]. По мнению ряда исследователей, большая часть китайского шелка, экспортированного в Италию и Францию в указанный период, была приобретена в Айасе и некоторых черноморских портах [Lopez 1952: 74; Bautier 1970: 29; Balard 1983: 35–36; Карпов 1990: 115; Lucidi 1994: 38]. Кстати, шелк-сырец и шелковая одежда, вывозившиеся из Ирана в Айас и Трабзон, были высокого качества [Карпов 1981: 32]. Д. Джекоби считает, что ткань, найденная в списке товаров, привезенных во Францию в 1317 г., вышитая золотыми нитями, скорее всего, производилась также в Киликийской Армении [Jacoby 2004: 234].

Ряд исследователей истории средневековой торговли обозначили основные пути движения драгоценных металлов из Европы на Восток в XIII–XIV вв.: золото и серебро из стран Центральной и Западной Европы ввозили в Восточное Средиземноморье, включая и Киликийскую Армению [Spufford 1988: 149–156; Spufford 1984: 389; Lane 1985: 32–39; Coureas 2005: 142]. Франческо Пеголотти перечисляет 9 видов серебра, добывавшегося в Европе, которое использовалось на монетном дворе Киликийской Армении наряду с венецианскими и генуэзскими слитками. Серебро с названием французского города Тура также использовалось на монетных дворах. Упоминается и серебро, произведенное на Сардинии и Сицилии [Pegolotti 1970: 60]. Зибальдоне, автор другого известного торгового справочника, пишет, что венецианцы экспортировали в Киликийскую Армению высококачественные серебряные слитки, на которых стояла печать республики Св. Марка (Венецианского), их широко использовали на Армянском монетном дворе в Сисе [Zibaldone 1967: 62; Dotson 1994: 111–112, 161; Spufford 1988: 152–153; Lane 1985: 163, 486].

3. Киликийская Армения в западных восприятиях: средневековая проза и дипломатия

Вовлечение Киликийской Армении в средиземноморский мир в XIII и XIV вв. обусловило качественное изменение отношений с внешним миром не только в плане международных, политических и экономических тенденций, но и в сфере культуры, искусства и науки.

Джованни Боккаччо, известный представитель литературы эпохи раннего Возрождения, живший в XIV в., приводит наглядный пример развития общей коммуникационной среды. В «Декамероне» он посвящает новеллу истории жизни армянского юноши из Киликии по имени Теодорос (позже названного на Сицилии Пьетро): как он был похищен генуэзскими пиратами с побережья Киликии в детстве, перевезен на Сицилию и продан богатому человеку по имени Америкго из города Трапани. Теодорос-Пьетро влюбляется в дочь Америкго, Виоланту, в юном возрасте. Последняя беременеет, и, узнав об этом, Америкго приказывает казнить армянского юношу. Однако события развиваются неожиданным образом: в тот момент, когда Теодороса-Пьетро везут на место казни, в пути им встречаются посланники короля Киликийской Армении, среди которых оказался армянин по имени Финео. Увидев изображение креста на груди обвиняемого, он узнает в нем своего сына, которого потерял много лет назад. Америкго и Финео решают поженить Теодороса-Пьетро и Виоланту. Весьма символична концовка произведения Дж. Боккаччо, где он пишет, что пара отправилась в Лайаццо (город Айас в Киликийской Армении) и прожила в мире и согласии всю свою жизнь [Боккаччо, 2011: 229–335]. Этим сюжетом Джованни Боккаччо проиллюстрировал общение людей, живших в различных частях Средиземноморья в XIV в., вовлекая в него сицилийского итальянца и киликийского армянина. История Дж. Боккаччо отражала многослойный контекст: политический, геополитический, торгово-экономический, личный, религиозный и т. д. Чтобы столь подробно описать события, он должен был быть хорошо осведомленным о Киликийской Арме-

нии и армянах. Дж. Боккаччо родился около 1313 г. и умер в 1375 г., когда армянское государство Киликия было завоевано мамлюками. Он провел свое детство и взрослые годы во Флоренции, которая стала эпицентром расцвета наук и искусств в Европе. Сюжет Дж. Боккаччо проливает свет на некоторые исторически достоверные факты. Например, делегация, отправленная к Папе армянским королем, в составе которой был Финео, скорее всего, относится ко временам короля Киликии — Левона IV. Более того, армянский король был женат на Констанции, дочери короля Сицилии Фридриха III Арагонского (1296–1337). Отец короля Левона IV, король Киликийской Армении Ошин I (1307–1320), был женат на Жанне Тарентской, дочери Филиппа I Тарентского, брата короля Неаполитанского королевства Роберта Анжуйского (1309–1343). В 1332 г. Левон IV отправил епископа Тарса по имени Степан в Европу для ведения переговоров о планах по организации нового Крестового похода. Папа Иоанн XXII (1314–1334) заверил Левона, что французский король Филипп VI Валуа (1328–1350) готовится к новому Крестовому походу [Микаелян 1952: 455–460].

В предисловии к одному из выдающихся образцов английской литературы, «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера, есть ссылка на Киликийскую Армению, в частности на Айас. Хотя это единственная ссылка во всем произведении, тем не менее она уникальна, поскольку очень немногие города мира того времени имели «честь» быть упомянутыми Дж. Чосером [Чосер 2012: 8].

В 1323 г. Папа Иоанн XXII велел Киликийской Армении выделить 30 000 золотых флоринов для восстановления города Айас, разрушенного мамлюками. В письме, адресованном королю Левону IV, Папа написал, что он потребовал занять эти 30 000 флоринов во флорентийском банке Барди и передать их Армянскому королевству, одновременно заявив, что Марино Санудо Торселло настоятельно просил его осуществить эту инициативу [Renouard 1968: 795]. В 1323 г. тот же Папа наложил запрет на судоходство во все города Египта и Сирии. Даже обыч-

ные путешествия были запрещены. Нарушители должны были заплатить штраф в размере половины стоимости своих товаров [Ashtor 1983: 44].

В одном из опубликованных сборников папских документов содержится приказ Папы Бенедикта XII (1334–1342) флорентийскому банку Барди закупить в Апулии пшеницу на сумму 10 000 флоринов и отправить ее в качестве помощи Киликии, находившейся в тяжелом положении из-за опустошительных набегов мамлюков в 1336 г. 3 апреля 1336 г. Папа направил королю Неаполитанского королевства Роберту Анжуйскому письмо с просьбой максимально облегчить процесс закупки пшеницы в портах Апулии, входившей в состав Неаполитанского королевства, и отправки ее в Киликию [Benoit XII 1899: 371; Benoit XII 1903: 101–104]. Как видим, в период наибольшего обострения конфликта с Мамлюкским султанатом Египта Сицилийское и Неаполитанское королевства играли важную посредническую роль в дипломатических контактах Киликийской Армении с папством и западноевропейскими государствами, что и подтверждается сюжетом из «Декамерона» Дж. Боккаччо.

Еще одним примером связи Киликийской Армении с далеким европейским королевством может служить свидетельство об армянском посольстве, встречающееся в трех исландских летописях. Согласно «*Annales regii*» (также известному как «*Konungsannall*»), «*Из Армении к королю Хакону прибыли послы с драгоценными дарами*» [Bandlien 2014: 49–82]. Анализ исландских летописей позволяет предположить, что 1314 г. является наиболее вероятной датой прибытия армянского посольства в Норвегию [Bandlien 2014: 51]. Дипломатические контакты Киликийской Армении с европейскими государствами значительно активизировались в первой четверти XIV в., когда монгольское государство Ирана находилось в упадке, государства крестоносцев уже были завоеваны Мамлюкским султанатом, а необходимость нового крестового похода становилась все более актуальной для армянского государства. Однако постепенно новый крестовый поход становился утопи-

ей, что стало особенно очевидным, когда в 1337 г. началась Столетняя война между Англией и Францией.

4. Киликийская Армения между средиземноморской геополитикой и «геоэкономикой»

В 1245 г. на Вселенском соборе в Лионе папство решает отправить на Восток делегацию, основной целью которой были переговоры с монголами. Почти одновременно с делегацией монаха-францисканца Вильгельма Рубрука король Киликийской Армении Хетум I (1226–1269) в 1254 г. отправился в Каракорум к великому хану Мункэ (1251–1259) [Гандзакеци 1976: 222–226; Richard 1941: 70–81].

По всей вероятности, Хетум I при монгольском дворе среди многих вопросов затрагивал и проблемы, связанные с международной торговлей, как, например, налаживание ветвей Шелкового пути, простиравшегося от далекого Китая до Среднего Востока, а также отношения с итальянскими морскими республиками, с Венецией и Генуей, где у Киликийской Армении имелись большие возможности взять на себя важную посредническую роль. Более того, Армянское королевство уже имело пятидесятилетнюю историю тесных торговых отношений с европейскими государствами.

Захват Багдада монголами в 1258 г. стал переломным моментом не только в обострении политической ситуации на Ближнем Востоке. Если до этого товары из Индии и Китая доставлялись по Персидскому заливу в Багдад, откуда караванными путями отправлялись в порты крестоносцев, то Хулагу перенес главный узел дорог на север — в свою столицу Тебриз [Микаелян 1952: 352]. Все прежние пути теряли свое значение и уже нужно было искать новую торговую магистраль, которая могла бы выйти с одной стороны к Средиземному морю, а с другой — к Черному морю. Результатом этих поисков стала дорога Айас – Тебриз. В середине пути она разветвлялась и вела к Трапезундской империи. Помимо того, что монголы таким образом легко связывались со всем Причерноморьем, Тебриз стал гораздо более удобным пунктом для защиты торговых связей

с Севером. Хулагу разрешал итальянским купцам торговать в пределах своих владений, куда последние проникали преимущественно через Киликию. Не случайно первые упоминания об Айасе в генуэзских нотариальных источниках датируются 1257, 1259 и 1266 гг. [Racine 1992: 181–183].

Эти существенные военно-политические изменения еще больше обострили неустанную борьбу Венецианской, Генуэзской и Пизанской республик за господство в международной торговле. Этот конфликт в конечном итоге перерос в войну. В 1256 г. начинается первая Генуэзско-Венецианская война (1256–1270). В 1258 г. в июне у берегов Акры между ними происходит крупное морское сражение. Несмотря на численное превосходство в кораблях, генуэзская сторона терпит сокрушительное поражение. В результате Генуе пришлось перенести свою главную базу в Восточном Средиземноморье из Акры в Тир, а Венеции в свою очередь из Тира в Акру [Sopracasa 2001: 41–42; Lane 1973: 74–77; Dotson 2003: 120].

Никейская империя в союзе с Генуей в 1261 г. освобождает Константинополь и восстанавливает Византийскую империю. В том же 1261 г. Михаил VIII Палеолог (1261–1282), основатель династии Палеологов и лидер восстания против Латинской империи, в городе Нимфа подписывает соглашение с Генуей. Последняя имела право беспопытной торговли в Константинополе, Смирне и Салониках. Все черноморские проливы тогда считались закрытыми для всех негенуэзских и невизантийских кораблей. Поселение Пера, расположенное недалеко от Константинополя, стало главным оплотом генуэзцев, после чего они стали устанавливать торговое господство почти во всех важных портах Черного моря [Lane 1973: 74–77; Commandant 1955: 91–93; Свет 1968: 39–42].

В условиях этих геополитических процессов через несколько месяцев после подписания Нимфейского договора, в ноябре 1261 г., венецианцы проявили большой интерес к развитию торговых отношений в Восточном Средиземноморье и заключили новый торговый контракт с Киликийской Арменией [Sopracasa 2001: 43–46].

В 1270 г. VIII Крестовый поход под предводительством короля Франции Людовика IX (1226–1270) потерпел неудачу. После завоевания Антиохийского княжества в 1268 г. целью Мамлюкского султаната стало завоевание городов крестоносцев в Восточном Средиземноморье. Интересно, что вскоре после первой войны между Венецией и Генуей король Киликии Левон II (1269–1289) передал дожу Венеции Лоренцо Тьеполо письмо, содержащее обещание привилегий. Письмо было датировано между 1270 г. и 1272 г. [Sopracasa 2001: 48–60; Langlois 1863: 151–153].

В начале 1270-х гг. Марко Поло, следуя в столицу Монгольской империи, посетил Киликийскую Армению и встретился с царем Леоном II (1269–1289), который отправил его дальше на корабле. Упоминания Марко Поло об Армянском королевстве — это, по сути, описание фронтиров с точки зрения венецианца, где он устанавливает не только экономические и политические, но и культурные границы. Краткий абзац Марко содержит разнообразную информацию политического, экономического, культурного, а также географического, экологического характера. Описывая Айас, крупнейший порт в Киликийской Армении, Марко Поло пишет: *«И все купцы и другие, которые хотели бы отправиться во внутренние земли, начинают свое путешествие из этого города»* [Марко Поло 1956: 58]. Фактически, по словам Марко, Айас стал одним из важнейших ворот из Средиземноморья на Восток. В конце отрывка Марко перечисляет все страны, граничавшие с Киликией со всех географических сторон, их он в основном характеризует как враждебные: *«Граничит с королевством Малой Армении, на юге находится Обетованная Земля, которая находится в руках сарацинов; на севере та часть Туркомании, которая называется Карамания; на востоке и северо-востоке Туркомания с Кесарией, Себастией и многими другими городами, все подвластными татарам; на западе море, по которому идут в страны христиан»* [Marco Polo 2001: 19–20].

Другим известным автором, описывавшим Киликийскую Армению, был Марино Санудо Торселло Старший, венецианский

политик первой половины XIV в., чья «Книга тайн верующих креста» («Liber secretorum fidelium crucis») была секретным планом освобождения Святой Земли, где Киликийская Армения имела ключевое стратегическое значение. В 1321 г. Марино представил свою книгу Папе Иоанну XXII (1316–1334), в ней он призывал на помощь христианские государства и народы и описывал ситуацию в Киликийской Армении в начале XIV в. Санудо символически отождествлял окружающие Киликию государства с четырьмя зверями — львом (татары), пантерой (Мамлюкский султанат), волком (турки) и змеей (пираты, корсары), что косвенно представляло Киликийское Армянское королевство как «рубеж» для папства и европейских государств, за которым находились враждебные страны. В том же отрывке Санудо упоминает также Кипр, контролируемый латинянами, и другое далекое христианское государство — королевство Нубия в Африке, которое также описывалось как южная граница для христианского мира¹.

По мнению Санудо, торговля через Тебриз, Черное море и Киликию могла полностью восполнить объем товаров, поступающих через Александрию [Микаелян 1952: 450–452].

Примерно за шесть месяцев до того как Санудо представил свой план Папе, в 1321 г. был подписан новый торговый договор между Киликийской Арменией и Венецией. Их переговоры начались в 1320 г. Инициатива принадлежала Венецианской республике, которая направила к армянскому двору ряд делегаций. Примечательно, что в своем

¹ «Вашему благочестивейшему милосердию также следует обратить взор к царству Ваших верных армян, что лежит в зубах четырех диких и свирепых зверей. В одной стране, находящейся ниже земли [армянской. — Д. В.], находится Лев. Это, разумеется, татары, коим царь Армении платит огромную дань. С другой стороны обитает Барс, а именно — султан, день за днем терзающий христиан и [Армянское. — Д. В.] царство. В третьей части живет Волк — турки, разрушающие владение и царство. Четвертую часть населяет Змея. Это — корсары (Cursarios) нашего моря, что день ото дня глодают кости христиан Армении» [Возчиков 2018: 92; Marino Sanudo Torsello 2011: 65].

письме на имя дожа Джованни Соранцо, датированном примерно 19 марта 1321 г., армянская сторона среди прочих гарантий обещала обеспечить свободный и безопасный проход венецианским купцам, направлявшимся в Тебриз и в Сирию [Sopracasa 2001: 82–93]. В том же месяце Левон IV (1320–1341) также подтвердил торговую привилегию для купечества города Монпелье, данную его отцом, королем Ошином (1308–1320) в 1314 г. [Langlois 1863: 178–179, 185–186]. До этого Ошин подтвердил привилегии каталонских купцов, которые торговали в Киликии [Finke 1908: 741–742].

Напряженное геополитическое фокусирование на Киликийской Армении особенно усилилось с конца XIII в., когда мамлюки завоевали государства крестоносцев, а Киликийская Армения и Кипр остались единственным оплотом папства и европейских государств в Восточном Средиземноморье. Ситуация ухудшилась, когда Ильханство, монгольское государство Ирана, начало приходить в упадок, а Ильханы, начиная с Газан-хана (1295–1304), приняли ислам. Конечно, принятие ислама не означало, что Ильханат немедленно прекратит свой традиционный курс на противостояние с мамлюками. Союз Киликийской Армении с Ильханством² сохранялся, но упадок этих отношений стал заметен уже в первой четверти XIV в.

После падения Триполи в 1289 г. Папа Николай IV (1288–1292) наложил запрет на торговлю боеприпасами (железо, лес), лошадьми и продуктами питания с султанатом Египта. В 1291 г., сразу после падения Акры и Тира, папство запретило все торговые контакты с египетскими портами на десять лет. Нарушителей ожидало суровое наказание, им не разрешалось завещать свою собственность кому-либо, а их товары должны были быть конфискованы. В 1292 г. своим решением от 23 января Папа Николай IV приказал тамплиерам защитить своими галерами армянское королевство от нападений мусульман. Политика папских за-

² Про исторический контекст дипломатических отношений между Киликийской Арменией и Ильханством см.: [Bayarsaikhan 2010: 205–218].

претов продолжалась и в последующие десятилетия [Les registres de Nicolas IV 1891: 445, 901–905, 913–914; Ashtor 1983: 17, 19; Menache 2012: 246–254]. Хотя запреты на экономические контакты с мамлюками часто нарушались, значение Киликийской Армении и Кипра особенно возросло в 1290–1320-х гг. Армянский принц Хетум (Хайтон), что был родом из Корикоса, выступал за немедленный бойкот Египта и подробно описывал нехватку у последнего военной техники и рабов [Hayton 1906: 234; Menache 2012: 246–254]. Хетум был племянником короля Киликийской Армении Хетума I (1226–1269). По поручению папы Климента V (1305–1314) он написал книгу «La flor des estoires de la terre d’orient», которая была одним из основных средневековых источников о монголах в западноевропейской действительности, геополитических процессах на Ближнем Востоке и Киликийской Армении. Последняя была представлена как главный посредник установления возможного установления союза между Западом и монголами. Эта книга имела ключевое значение в формировании представлений об армянах и Киликийской Армении в западноевропейской среде XIV в. [Jackson 2018: 119–122].

На первый взгляд, эти запреты были направлены на экономическое ослабление Египетского султаната, что позволило бы начать новый крестовый поход. Но международные политические отношения были неразрывно переплетены с экономическими интересами. Достаточно упомянуть, что Венеция в 1289 г. (в год падения Триполи) и Генуя в 1290 г. (накануне падения Акры) подписывают новые торговые договоры с Мамлюкским султанатом [Heyd 1967a: 416; Ashtor 1983: 5, 17, 20]. Благодаря введенным ими запретам Папы получали доходы. Например, купцы, нарушившие запреты, были обязаны платить крупные штрафы католической церкви (Папе или уполномоченным им епископам), которая якобы использовала это для подготовки к крестовым походам [Ashtor 1983: 18, 21]. В 1302 г. Венеция получила более выгодные привилегии, а Генуя продолжила масштабную работоторговлю с мамлюками. Стоит упомянуть случай, когда генуэзский купец был

обвинен в продаже султанату 10 000 рабов, в то время как этими рабами пополнялась армия мамлюков [Ashtor 1983: 27–29]. Были случаи, когда западные купцы ввозили во владения Египетского султаната большое количество боеприпасов [Ashtor 1983: 8, 20–23]. Новый крестовый поход был всего лишь предлогом. Для Генуи и Венеции запреты служили прямым рычагом давления на Султанат время от времени, в условиях которого цены на товары, особенно продовольствие, в Египте возрастали [Muir 1896: 44; Soderberg 2004: 3]. Иногда султанат оказывался в условиях разразившегося голода. Например, в 1296 г. Александрия без нелегально ввозимого зерна могла бы даже оказаться перед угрозой запустения [Ashtor 1983: 21; Muir 1896: 49]. Известно, что во время правления мамлюков Каир пережил около десяти раз катастрофический голод [Soderberg 2004: 7].

Период, когда важную роль Армянское Киликийское королевство играло в международных торговых отношениях, почти совпадает с периодом папских запретов. Кипр и Киликия выступали активными посредниками в торговых отношениях с султанатскими владениями. Айас, Фамагуста, а также Александрия были основными центрами экспорта в Европу хлопка, шелка, сахара и многих других товаров. Уже с 1290-х гг. в киликийских городах значительно активизировали свое присутствиетакже крупные центры средневековой торговли, как Пиза, Флоренция, Пьяченца, Мессина, Анкона, Барселона, Нарбонна, Севилья, Майорка, Марсель, Ним и Монпелье [Heyd 1967b: 27–88; Ashtor 1983: 39, 43–44; Карпов 1990: 115; Карпов 1981: 32; Близнюк 1994: 110–112; Otten-Froux 1988; Otten-Froux 1996: 134–138].

После военных столкновений Газанхана с мамлюками стало ясно, что господство монголов на Ближнем Востоке неминуемо обречено на упадок. Однако, избавившись от монгольской угрозы и уступив давлению европейских государств, Египетский султанат, в конце концов, в 1305 г. подписывает мирный договор с Киликийской Арменией, в результате которого последняя на пятнадцать лет избавляется от опустоши-

тельных набегов [Микаелян 1952: 434–435]. Этот период относительного мира был необходим как для Киликии, так и для Мамлюкского султаната, которому необходимо было восстановить свою экономику.

В 1308 г. Папа Климент V (1305–1314) еще больше ужесточил условия запретов на торговые связи с мамлюками, пригрозив нарушителям лишением всех гражданских прав. В 1311–1312 гг. он уполномочил орден Госпитальеров захватывать все христианские корабли, торговавшие с владениями мамлюков [Ashtor 1983: 19]. В 1307 г. Киликийская Армения предоставляет венецианцам новые привилегии, освобождавшие их от транзитной пошлины. Как и в предыдущих привилегиях, здесь снова упор делался на свободные коммуникации через горный перевал Портеллу между Сирией и Киликией, поскольку по этому маршруту венецианцы вели торговлю с Дамаском и другими городами Сирии [Langlois 1863: 166; Ashtor 1983: 56]. С ужесточением запретов объемы торговли в киликийских портах начинают расти. Расчеты показывают, что в 1301 г. стоимость товаров, ввезенных венецианскими кораблями в один только Айас, составило 90 000 золотых дукатов [Ashtor 1983: 44, 101].

Параллельно с этими геополитическими процессами в XIII–XIV вв., раздел сфер влияния между республиками Венеция и Генуя иногда перерастал в войны. После падения государств крестоносцев в 1290-х гг., когда Венеция и Генуя также потеряли свои торговые опорные пункты, борьба за Восточное Средиземноморье усилилась. 22 мая 1294 г. у берегов Айаса генуэзские корабли под командованием Никколо Спинолы столкнулись с 32 венецианскими кораблями под командованием адмирала Марко Базилио. Несмотря на меньшее количество кораблей, генуэзцы одержали победу, захватив 24 венецианских корабля, а Марко Базилио попал в плен. Слава об этом морском сражении между Венецией и Генуей у берегов Айаса была столь живуча, что анонимный генуэзский поэт, известный как Лучето или Лукетто, живший в XIII–XIV вв., посвятил поэму этому морскому сражению. В некоторых частях поэмы встречаются упоминания

генуэзским поэтом Киликии и Восточного Средиземноморья [Anonimo Genovese 1847: 10–14; *Les gestes des Chiprois* 1887: 277–281; Dotson 2003: 125].

В 1335 г. после смерти Ильхана Абусаида (1317–1335) Ильханство начало быстро распадаться. Заверения Папы Иоанна XXII (1316–1334) и его преемника Бенедикта XII (1334–1342) Левону IV в том, что король Франции Филипп VI Валуа (1328–1350) готовит новый крестовый поход, остались пустыми словами. И уже в 1335 г. по приказу султана Египта войска мамлюкского эмира Алеппо вторгаются в Киликийскую Армению и доходят до Тарса, по пути разграбив Маместию и Адану. В следующем году мамлюки и караманские туркмены снова вторгаются в Киликию. Лишь в 1337 г. султан Египта соглашается подписать мирный договор, выдвинув жесткие условия Киликийской Армении, которая была лишена территорий до реки Пирамос, включая Айас [Микаелян 1952: 457].

5. Заключение

Средиземноморье в XIII–XIV вв. стало достаточно активным экономическим регионом. Развитие торговли между Востоком и Западом, начавшееся со времен крестовых походов, тесно переплетаясь с экономическими интересами, еще больше обострило международные политические отношения. Киликийская Армения была одним из важнейших государств Восточного Средиземноморья, являясь одним из главных оплотов папства и западноевропейских стран, которые после падения государств крестоносцев имели уже особое значение. Хронология торговых соглашений, заключенных между Киликийской Арменией с одной стороны, и Венецией, Генуей, Сицилийским королевством, другими европейскими государствами и городами, с другой, коррелирует с происходившими в то же время геополитическими событиями. Сопоставление этих процессов показывает динамику их развития. О многогранной вовлеченности Киликийской Армении и армян Киликии в средиземноморский мир в XIII–XIV вв. свидетельствуют упоминания в европейской литературе

эпохи Раннего Возрождения, причем это не просто эпизоды, а целые главы. В них отражены дипломатические, торговые связи, повседневная жизнь того времени, что свидетельствует о высоком уровне взаимной осведомленности посредством интенсивных коммуникаций. Знания Дж. Боккаччо о Киликийской Армении и армянах не были случайными, если принять во внимание хотя бы тот факт, что в XIV в. Флоренция, европейский банковский центр, поручила агенту банка Барди, своего крупнейшего банка, подписать соглашение с королем Киликийской Армении.

Стратегии Венеции, Генуи и других участников средиземноморской торговли, а также международные торговые договоры, отражавшие их действия, были связаны отношениями причинности с международной политикой. В них решающую роль, особенно с середины XIII в. до конца XIV в., играли монгольские государства, в частности

Ильханство. Конечно, в условиях напряженных отношений между Ильханством, с одной стороны, и Золотой Ордой и Чагатайским улусом, с другой — требовали разрешения вопросы контроля над торговыми путями. Падение Айаса в 1337 г. стало одним из главных показателей резкого изменения геополитической ситуации в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, затянувшегося почти на 100 лет. Поддержание «статус-кво» между монголами и западноевропейскими центрами, сложившегося с середины XIII в. по XIV в., позволял государствам, служившим связующим звеном между ними, таким, как Киликийская Армения, Кипрское королевство и Трапезундская империя, маневрировать и сохранять свое существование. Однако нарушение вышеупомянутого геополитического и экономического порядка имело для этих государств фатальный исход.

Литература

- Близнюк 1994 — *Близнюк С. В.* Мир торговли и политики в королевстве Крестоносцев на Кипре, 1192–1373. М.: Моск. ун-т, 1994. 192 с.
- Боккаччо 2011 — *Боккаччо Дж.* Декамерон. Харьков: Клуб Семейного Досуга, 2011. 640 с.
- Возчиков 2018 — *Возчиков Д. В.* «В зубах четырех зверей»: образ киликийской Армении в трудах венецианских интеллектуалов XIV–XV веков // *Уральское востоковедение: международный альманах.* Вып. 7. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2018. С. 89–100.
- Гандзакеци 1976 — *Киракос Гандзакеци.* История Армении / пер. с древнеармян., предисл. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с.
- Карпов 1981 — *Карпов С. П.* Трапезундская империя и Западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: Моск. ун-т, 1981. 232 с.
- Карпов 1990 — *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Моск. ун-т, 1990. 335 с.
- Марко Поло 1956 — *Марко Поло.* Книга / пер. старофранц. текста И. П. Минаева, М.: Географгиз, 1956. 376 с.

References

- Bliznyuk S. V. The Kingdom of Cyprus, 1192–1373: A World of Trade and Politics. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1994. 192 p. (In Russ.)
- Boccaccio G. The Decameron. Kharkov, 2011. 640 p. (In Russ.)
- Vozchikov D. V. “In the jaws of four beasts”: The image of the Cilician Kingdom of Armenia in the works of the Venetian intellectuals (14th–15th centuries). *Ural Survey of Oriental Studies.* 2018. No. 7. Pp. 89–100. (In Russ.)
- Gandzaketsi K. History of Armenia. L. Khanlaryan (transl., foreword). Moscow: Nauka, 1976. 357 p. (In Russ.)
- Karpov S. P. The Empire of Trebizond and Western European Nations: Thirteenth to Fifteenth Centuries. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1981. 232 p. (In Russ.)
- Karpov S. P. The Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea, Thirteenth to Fifteenth Centuries: Issues of Trade. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1990. 335 p. (In Russ.)
- Polo M. The Book [of the Marvels of the World]. I. Minaev (transl.). Moscow: Geografiz, 1956. 376 p. (In Russ.)

- Микаелян 1952 — *Микаелян Г. Г.* История армянского Киликийского государства. Ереван: Ерев. ун-т, 1952. 535 с.
- Свет 1968 — *Свет Я. М.* После Марко Поло. М.: Наука, 1968. 268 с.
- Чосер 2012 — *Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы / ред. А. Н. Горбунов. М.: Наука, 2012. 951 с.
- Anonimo Genovese 1847 — *Rime storiche di un Anonimo Genovese: Vissuto nei secoli XIII e XIV, Tratte da un codice, dell'Avv. Matteo Molfino di Genova, per cura del Bonaini F.* // Archivio Storico Italiano. Appendice 18. T. IV. Firenze, 1847. Pp. 3–61.
- Ashtor 1983 — *Ashtor E.* Levant Trade in the Later Middle Ages. New Jersey; Princeton, 1983. 624 p.
- Balard 1983 — *Balard M.* Gênes et la mer Noire (XIIIe-XVe siècles) // Revue historique. T. CLXX, Paris, 1983. Pp. 31–54.
- Balletto 1989 — *Balletto L.* Notai Genovesi in Oltremare, atti rogati a Laiazzo da Federico di Piazzalunga (1274) e Pietro di Bargone (1277, 1279). Genova: Università di Genova, Istituto di Medievistica, 1989. 440 p.
- Bandlien 2014 — *Bandlien B.* The Armenian Embassy to King Håkon V of Norway // Journal of the Society for Armenian Studies. 2014. № 23. Pp. 9–82.
- Bayarsaikhan 2010 — *Bayarsaikhan D.* The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston: Brill, 2010. 288 p.
- Bautier 1970 — *Bautier R.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays de l'Orient au moyen âge // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'océan Indien / ed. M. Mollat, Actes du VIIIe colloque int., d'histoire maritime. Paris, 1970. Pp. 263–331.
- Benoit XII 1899 — *Benoit XII (1334–1342).* Lettres closes, patentes et curiales / ed. by Georges Daumet. Fasc. I. Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. Paris: Albert Fontemoing, 1899. 616 p.
- Benoit XII 1903 — *Benoit XII (1334–1342).* Lettres Communes, analysées d'après les registres dits d'Avignon et du Vatican. T. I / ed. by J. Vidal. Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. Paris: Albert Fontemoing, 1903. 496 p.
- Commandant 1955 — *Commandant B.* Histoire des Républiques Maritimes Italiennes. Venise: Amalfi, Pise, Genes; Paris: Payot, 1955. 280 p.
- Mikaelyan G. G. The Armenian Kingdom of Cilicia: A History. Yerevan: Yerevan State University, 1952. 535 p. (In Russ.)
- Svet Ya. M. After Marco Polo. Moscow: Nauka, 1968. 268 p. (In Russ.)
- Chaucer G. The Canterbury Tales. A. Gorbunov (ed.). Moscow: Nauka, 2012. 951 p. (In Russ.)
- Rime storiche di un anonimo genovese vissuto nei secoli XIII e XIV, tratte da un codice dell'avv. Matteo Molfino di Genova per cura del Bonaini F. *Archivio Storico Italiano*. 1847. Appendice 18. Vol. IV. Pp. 3–61. (In It.)
- Ashtor E. Levant Trade in the Later Middle Ages. New Jersey: Princeton, 1983. 624 p. (In Eng.)
- Balard M. Gênes et la mer Noire (XIIIe-XVe siècles). *Revue historique*. 1983. Vol. CCLXX. Pp. 31–54. (In Fr.)
- Balletto L. Notai Genovesi in Oltremare, atti rogati a Laiazzo da Federico di Piazzalunga (1274) e Pietro di Bargone (1277, 1279). Genoa: University of Genoa, Institute of Medieval Studies, 1989. 440 p. (In It.)
- Bandlien B. The Armenian Embassy to King Håkon V of Norway. *Journal of the Society for Armenian Studies*. 2014. No. 23. Pp. 49–82. (In Eng.)
- Bayarsaikhan D. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston: Brill, 2010. 288 p. (In Mong.)
- Bautier R. Les relations économiques des Occidentaux avec les pays de l'Orient au moyen âge. In: Mollat M. (ed.) Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'océan Indien. Conference proceedings. Paris, 1970. Pp. 263–331. (In Fr.)
- Benoit XII. Benoit XII (1334–1342): Lettres closes, patentes et curiales (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome 1). G. Daumet (ed.). Paris: A. Fontemoing, 1899. 616 p. (In Fr. and Lat.)
- Benoit XII. Benoit XII (1334–1342): Lettres communes, analysées d'après les registres dits d'Avignon et du Vatican (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome). J. Vidal (ed.). Vol. 1. Paris: A. Fontemoing, 1903. 496 p. (In Fr. and Lat.)
- Commandant B. Histoire des républiques maritimes italiennes: Venise, Amalfi, Pise, Genes. Paris: Payot, 1955. 280 p. (In Fr.)

- Coureas 2005 — *Coureas N. Economy // Cyprus: Society and Culture 1191–1374*. Leiden: Brill, 2005. Pp. 103–157.
- Delort 1978 — *Delort R. Le commerce des fourrures en Occident à la fin du moyen âge (vers 1300–vers 1450)*. V. 1. Rome: École française de Rome, Palais Farnèse, 1978. 236 p.
- Dotson 1994 — *Dotson J. E. Merchant Culture in Fourteenth-Century Venice: “The Zibaldone da Canal”*. New York: Binghamton, 1994. 228 p.
- Dotson 2003 — *Dotson J. E. Venice, Genoa and the Control of the Seas in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // War at Sea in the Middle Ages and Renaissance*. New York: The Boydell Press, 2003. Pp. 119–137. DOI: 10.1515/9781846151712-012
- Finke 1908 — *Finke H. Acta Aragonensia, Quellen zur deutschen, italienischen, französischen, spanischen, zur Kirschen u. Kulturgeschichte aus der diplomatischen Korrespondenz Jaymes II (1291–1327)*. B. II. Dr. Berlin; Leipzig: Walther Rothschild, 1908. 975 p.
- Hayton 1906 — *Hayton. La Flor des estoires de la terre d’Orient. Recueil des historiens des Croisades. Documents Arméniens*. T. II. ed. Charles Kohler. Paris: Académie des Belles Lettres, 1906. Pp. 111–363.
- Heyd 1967a — *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge*. T. I. Amsterdam: A. M. Hakkert, 1967. 554 p.
- Heyd 1967b — *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge*. T. II. Amsterdam: A. M. Hakkert, 1967. 799 p.
- Hunt 1994 — *Hunt E. S. The Medieval Super-Companies. A Study of the Peruzzi Company of Florence*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 291 p.
- Jackson 2018 — *Jackson P. The Mongols and the West*. London: Routledge, 2018. 452 p.
- Jacoby 2004 — *Jacoby D. Silk Economics and Cross-Cultural Artistic Interaction: Byzantium, the Muslim World, and the Christian West // Dumbarton Oaks Papers*. № 58. 2004. Pp. 197–240. DOI: 10.2307/3591386
- Lane 1963 — *Lane F. C. Venetian Merchant Galleys, 1300–1334: Private and Communal Operation // Speculum*. 1963. Vol. 38. Is. 2. Pp. 179–205. DOI: 10.2307/2852449
- Coureas N. Economy. In: Nicolaou-Konnari A., Schabel C. (eds.) *Cyprus: Society and Culture, 1191–1374*. Leiden: Brill, 2005. Pp. 103–157. (In Eng.)
- Delort R. Le commerce des fourrures en Occident à la fin du moyen âge (vers 1300–vers 1450). Vol. 1. Rome: École française de Rome, Palazzo Farnese, 1978. 236 p. (In Fr.)
- Dotson J. E. Merchant Culture in Fourteenth-Century Venice: The Zibaldone da Canal. New York: Binghamton, 1994. 228 p. (In Eng.)
- Dotson J. E. Venice, Genoa and the control of the seas in the thirteenth and fourteenth centuries. In: Hattendorf J. B., Unger R. W. (eds.) *War at Sea in the Middle Ages and Renaissance*. New York: Boydell Press, 2003. Pp. 119–137. (In Eng.) DOI: 10.1515/9781846151712-012
- Finke H. Acta Aragonensia: Quellen zur deutschen, italienischen, französischen, spanischen, zur Kirschen u. Kulturgeschichte aus der diplomatischen Korrespondenz Jaymes II (1291–1327). Vol. 2. Berlin; Leipzig: W. Rothschild, 1908. 975 p. (In Germ. and Lat.)
- Hayton F. La flor des estoires de la terre d’Orient. In: Kohler C. (ed.) *Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens*. Vol. 2. Paris: Académie des Belles Lettres, 1906. Pp. 111–363. (In Fr.)
- Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Vol. 1. Amsterdam: A. Hakkert, 1967. 554 p. (In Fr.)
- Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Vol. 2. Amsterdam: A. Hakkert, 1967. 799 p. (In Fr.)
- Hunt E. S. The Medieval Super-Companies: A Study of the Peruzzi Company of Florence. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 291 p. (In Eng.)
- Jackson P. The Mongols and the West. London: Routledge, 2018. 452 p. (In Eng.)
- Jacoby D. Silk economics and cross-cultural artistic interaction: Byzantium, the Muslim world, and the Christian West. *Dumbarton Oaks Papers*. 2004. No. 58. Pp. 197–240. (In Eng.) DOI: 10.2307/3591386
- Lane F. C. Venetian merchant galleys, 1300–1334: Private and communal operation. *Speculum*. 1963. Vol. 38. No. 2. Pp. 179–205. (In Eng.) DOI: 10.2307/2852449

- Lane 1985 — *Lane F. C. Money and Banking in Medieval and Renaissance Venice: Coins and Moneys of Account. Vol. 1.* Baltimore; London, 1985. 684 p.
- Lane 1973 — *Lane F. C. Venice. A Maritime Republic.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 505 p.
- Langlois 1863 — *Langlois V. Le Trésor des chartes d'Arménie ou Cartulaire de la chancellerie royale des Roupéniens.* Venice: Saint-Lazare, 1863. 242 p.
- Les gestes des Chiprois 1887 — *Les gestes des Chiprois: Recueil de chroniques françaises ecrites en Orient aux XIIIe & XVIe siècles, de Navarre P., de Monréal G. Vol. 5.* Genève, 1887. 393 p.
- Les registres de Nicolas IV 1891 — *Les registres de Nicolas IV. Recueil des bulles de se Pape, pub. par M. Langlois. Fasc. VI // Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome. Vol. 6.* Paris: Ernest Thorin, 1891. 629 p.
- Lopez 1952 — *Lopez R. S. China Silk in Europe in the Yuan Period // Journal of the American Oriental Society. Vol. 72. № 2 (Apr. – Jun., 1952). Pp. 72–76. DOI: 10.2307/595832*
- Lucidi 1994 — *Lucidi M. La seta e la sua via.* Roma: De Luca, 1994. 322 p.
- Marco Polo 2001 — *The Travels of Marco Polo.* ed. by Aldo Ricci. New Delhi: Asian Educational Services, 2001. 439 p.
- Marino Sanudo Torsello 2011 — *Marino Sanudo Torsello. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross, Liber Secretorum Fidelium Crucis / transl. by P. Lock.* London: Routledge, 2011. 475 p.
- Menache 2012 — *Menache S. Papal Attempts at a Commercial Boycott of the Muslims in the Crusader Period // The Journal of Ecclesiastical History. April 2012. Pp. 236–259. DOI: 10.1017/S0022046911002661*
- Muir 1896 — *Muir S. The Mamluke or Slave Dynasty of Egypt.* Smith, Elder, London 1896. 303 p.
- Otten-Froux 1988 — *Otten-Froux C. L'Aïas dans le dernier tiers du XIIIe siècle d'après les notaires génois // The Medieval Levant. Studies in memory of Eliyahu Ashtor (1914–1984) / ed. by B. Z. Kedar, A. L. Udovitch. Haifa: Gustav Heinemann Institute of Middle Eastern Studies, University of Haifa, 1988. Pp. 147–171.*
- Lane F. C. Money and Banking in Medieval and Renaissance Venice: Coins and Moneys of Account. Vol. 1. Baltimore; London, 1985. 684 p. (In Eng.)
- Lane F. C. Venice: A Maritime Republic. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 505 p. (In Eng.)
- Langlois V. Le trésor des chartes d'Arménie, ou, Cartulaire de la chancellerie royale des Roupéniens. Venice: Saint-Lazare, 1863. 242 p. (In Fr.)
- Navarre P. de, Monréal G. de. Les gestes des Chiprois: Recueil de chroniques françaises ecrites en Orient aux XIIIe & XVIe siècles. Vol. 5. Geneva, 1887. 393 p. (In Fr.)
- Langlois M. (ed.) Les registres de Nicolas IV: Recueil des bulles de ce Pape. Vol. VI (Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome 6). Paris: E. Thorin, 1891. 629 p. (In Fr. and Lat.)
- Lopez R. S. China silk in Europe in the Yuan period. *Journal of the American Oriental Society.* 1952. Vol. 72. No. 2 (April–June). Pp. 72–76. (In Eng.) DOI: 10.2307/595832
- Lucidi M. La seta e la sua via. Roma: De Luca, 1994. 322 p. (In It.)
- Polo M. The Travels of Marco Polo. A. Ricci (ed.). New Delhi: Asian Educational Services, 2001. 439 p. (In Eng.)
- Sanudo Torsello M. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross (Liber Secretorum Fidelium Crucis). P. Lock (transl.). London: Routledge, 2011. 475 p. (In Eng.)
- Menache S. Papal attempts at a commercial boycott of the Muslims in the Crusader period. *The Journal of Ecclesiastical History.* 2012, April. Pp. 236–259. (In Eng.) DOI: 10.1017/S0022046911002661
- Muir S. The Mamluke or Slave Dynasty of Egypt. London: Smith, Elder & Co., 1896. 303 p. (In Eng.)
- Otten-Froux C. L'Aïas dans le dernier tiers du XIIIe siècle d'après les notaires génois. In: Kedar B. Z., Udovitch A. L. (eds.) The Medieval Levant: Studies in Memory of Eliyahu Ashtor (1914–1984). Haifa: Gustav Heinemann Institute of Middle Eastern Studies, University of Haifa, 1988. Pp. 147–171. (In Fr.)

- Otten-Froux 1996 — *Otten-Froux C.* Les relations économiques entre Chypre et le Royaume Arménien de Cilicie d'après les actes notariés (1270–1320) // *L'Arménie et Byzance. Histoire et culture.* Paris: Sorbonne, 1996. Pp. 157–179. DOI: 10.4000/books.psorbonne.1812
- Pegolotti 1970 — *Francesco Balducci Pegolotti.* La Pratica della Mercatura / ed. by Allan Evans. New York: Kraus Reprint, 1970. 380 p.
- Peruzzi 1868 — *Peruzzi S. L.* Storia del commercio e dei banchieri di Firenze in tutto il mondo conosciuto dal 1200 al 1345. Florence: Cellini, 1868. 658 p.
- Petrushevsky 1968 — *Petrushevsky I.* The Socio-Economic Condition of Iran under the Il-Khans // *The Cambridge History of Iran.* Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods / ed. Boyle J. A. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Pp. 504–505.
- Racine 1992 — *Racine P.* L'Aïas dans la seconde moitié du XIIIe siècle // *Rivista di bizantinistica.* 1992. № 2. Pp. 173–206.
- Renouard 1968 — *Renouard Y.* Une expédition de céréales des Pouilles en Arménie par les Bardi pour le compte de Benoît XII // *Études d'histoire médiévale.* 1968. № 2. Pp. 793–824.
- Rey 1883 — *Rey E. G.* Les colonies Franques de Syrie aux XIIme et XIIIme siècles. Paris: A. Picard, 1883. 537 p.
- Richard 1941 — *Richard J.* La papauté et les missions catholiques en Orient au moyen âge // *Mélanges d'archéologie et d'histoire.* 1941. Vol. 58. Pp. 248–266. DOI: 10.3406/mefr.1941.7327
- Soderberg 2004 — *Soderberg J.* Prices in the Medieval Near East and Europe. Stockholm: Stockholm University, 2004. Pp. 1–20.
- Sopracasa 2001 — *Sopracasa A.* I trattati con il regno armeno di Cilicia, 1201–1333. Roma, Viella, 2001. 126 p.
- Spufford 1984 — *Spufford P.* Le Rôle de la monnaie dans la révolution commerciale du XIIIe siècle // *Études d'histoire monétaire.* réunies par John Day. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1984. Pp. 355–396.
- Spufford 1988 — *Spufford P.* Money and Its Uses in Medieval Europe. Cambridge, 1988. 467 p.
- Zibaldone 1967 — *Zibaldone da Canal.* Manoscritto Mercantile del sec. XIV / ed. A. Stussi. Venezia, 1967. 159 p.
- Otten-Froux C. Les relations économiques entre Chypre et le Royaume Arménien de Cilicie d'après les actes notariés (1270–1320). In: *L'Arménie et Byzance. Histoire et culture.* Paris: Sorbonne, 1996. Pp. 157–179. (In Fr.) DOI: 10.4000/books.psorbonne.1812
- Pegolotti F. B. La pratica della mercatura. A. Evans (ed.). New York: Kraus Reprint, 1970. 380 p. (In It.)
- Peruzzi S. L. Storia del commercio e dei banchieri di Firenze in tutto il mondo conosciuto dal 1200 al 1345. Florence: Cellini, 1868. 658 p. (In It.)
- Petrushevsky I. The socio-economic condition of Iran under the Il-Khans. In: *The Cambridge History of Iran.* Vol. 5: The Saljuq and Mongol Periods. J. A. Boyle (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Pp. 504–505. (In Eng.)
- Racine P. L'Aïas dans la seconde moitié du XIIIe siècle. *Rivista di bizantinistica.* 1992. No. 2. Pp. 173–206. (In Fr.)
- Renouard Y. Une expédition de céréales des Pouilles en Arménie par les Bardi pour le compte de Benoît XII. *Études d'histoire médiévale.* 1968. No. 2. Pp. 793–824. (In Fr.)
- Rey E. G. Les colonies Franques de Syrie aux XIIme et XIIIme siècles. Paris: A. Picard, 1883. 537 p. (In Fr.)
- Richard J. La papauté et les missions catholiques en Orient au moyen âge. *Mélanges d'archéologie et d'histoire.* 1941. No. 58. Pp. 248–266. (In Fr.) DOI: 10.3406/mefr.1941.7327
- Soderberg J. Prices in the Medieval Near East and Europe. In: *Towards a Global History of Prices and Wages.* Stockholm: Stockholm University, 2004. Pp. 1–20. (In Eng.)
- Sopracasa A. I trattati con il regno armeno di Cilicia, 1201–1333. Roma: Viella, 2001. 126 p. (In It.)
- Spufford P. Le Rôle de la monnaie dans la révolution commerciale du XIIIe siècle. In: Day J. (coll.) *Études d'histoire monétaire.* Lille: University of Lille Press, 1984. Pp. 355–396. (In Fr.)
- Spufford P. Money and Its Use in Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 467 p. (In Eng.)
- Stussi A. (ed.) Zibaldone da Canal. Manoscritto mercantile del sec. XIV. Venice, 1967. 159 p. (In It.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 562–575, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК/UDC 93/94

Эмигрантские детско-юношеские организации скаутского типа в Харбине в 1920–1930-е гг.

Иван Александрович Булатов¹

Emigrant Scout-Type Organizations for Children and Youth in Harbin, 1920s–1930s

Ivan A. Bulatov¹

¹ Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (д. 4, стр. 1, Ленинский пр., 119049 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-7148-491X. E-mail: [bulatov.ia\[at\]misis.ru](mailto:bulatov.ia[at]misis.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Булатов И. А., 2025

© Bulatov I. A., 2025

Аннотация. *Введение.* Перед эмиграцией «первой волны» (1918–1941 гг.) остро стоял вопрос воспитания детей, и во многом эту функцию взяли на себя детские движения, самыми массовыми из которых были скауты и отколовшиеся от них организации. Помимо традиционных задач социализации, духовного и физического развития, они были призваны сохранять культуру и поддерживать память о России. В Маньчжурии к этому добавлялась необходимость противостояния широко представленным в регионе советским учреждениям. *Целью* статьи является комплексное изучение истории движений скаутского типа в Харбине и на линии Китайско-Восточной железной дороги. Для достижения цели будут рассмотрены основные эмигрантские детские организации, выявлена специфика их развития в сравнении с европейской частью русской эмиграции и определены причины расцвета и угасания этих движений. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляют документы Государственного архива Хабаровского края и Государственного архива Российской Федерации, а также эмигрантская периодика указанного периода. В работе используются описательный и историко-генетический методы, позволяющие увидеть феномен эмигрантских движений Харбина в их полноте и развитии. Историко-антропологический подход применяется для лучшего понимания повседневных практик и роли отдельных личностей в формировании уникального лица харбинской эмиграции. Компаративистский метод позволяет понять специфику детских организаций дальневосточной ветви эмиграции в сравнении с их западными собратьями. *Результаты.* В результате Гражданской войны в Харбине оказалось значительное число скаутских руководителей и подростков, состоявших в этой организации, бежавших из восточной части Российской империи. Учитывая специфику Харбина, являвшегося кусочком России в

Маньчжурии, скаутские отряды быстро привлекли к себе широкие массы детей. Впоследствии от скаутов выделились три других организации, сохранив методику работы, но изменив идейное наполнение. *Выводы.* В течение 1920–1930-х гг. развитие детско-юношеских организаций в регионе находилось в зависимости от политической обстановки и того, кому принадлежала власть на Китайско-Восточной железной дороге: Китаю, СССР, Маньчжу-Го, Японии. И хотя скаутские организации пытались адаптироваться, внешние факторы привели к их затуханию к концу 1930-х гг., а после победы Советского Союза во Второй Мировой войне — к полному исчезновению в регионе.

Ключевые слова: скаутинг, детские движения, Харбин, Маньчжу-Го, Маньчжоу-Ди-Го, НОРР, НОРС, Костровые братья, ХСМЛ, эмиграция, воспитание

Для цитирования: Булатов И. А. Эмигрантские детско-юношеские организации скаутского типа в Харбине в 1920–1930-е гг. // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 562–575. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-562-575

Abstract. Introduction. The issue of childrearing was acute enough for the ‘first-wave’ Russian émigrés (1918–1941), and the function was largely performed by children’s movements, the most widespread of the latter having been scouts and organizations that broke away from them. In addition to the traditional tasks of socialization, spiritual and physical development, they were to preserve national culture and maintain the memory of Russia. In Manchuria, that was supplemented with the need to confront the Soviet institutions widely represented in the region. *Goals.* The article attempts a comprehensive study into the history of scout-type movements in Harbin and along the Chinese Eastern Railway. To facilitate this, the paper shall examine key emigrant children’s organizations, reveal some specifics of their development in comparison to those of the European diaspora, and identify the reasons behind the rise and decline of these movements. *Materials and methods.* The study focuses on documents from the State Archive of Khabarovsk Krai and the State Archive of the Russian Federation, as well as emigrant periodicals from the specified period. The work employs the descriptive and historical-genetic methods for insights into the phenomenon of Harbin emigrant movements in their entirety and development. The historical anthropological approach proves instrumental in better understanding everyday practices and roles of particular individuals in shaping the unique image of Harbin-based emigrant community. The comparative method makes it possible to recognize the specifics of children’s organizations of Far Eastern émigrés in comparison with their Western counterparts. *Results.* The Russian Civil War led to that Harbin hosted a significant number of scout leaders and teenage members who fled toward the eastern part of the Russian Empire. Since Harbin was a piece of Russia in Manchuria, the scout groups did quickly attract a wide range of children. Subsequently, three other movements separated from the scouts — only to change ideological essentials with retained working methods. *Conclusions.* In the 1920s–1930s, the development of children’s movements in the region did depend on the political situation and those who exercised actual control over the CER — China, Soviet Union, Manchukuo, Japan. And despite scout organizations tried to adapt to the changing agenda, external factors led to their decline by the late 1930s, and after the victory of the Soviet Union in World War II — to their complete disappearance in the region.

Keywords: scouting, children’s movements, Harbin, Manchuria, National Association of Russian Explorers, National Association of Russian Pathfinders, Bonfire brothers, Christian Youth Union, émigrés, education

For citation: Bulatov I. A. Emigrant Scout-Type Organizations for Children and Youth in Harbin, 1920s–1930s. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 562–575. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-562-575

1. Введение

Скаутинг появился в Англии в 1907 г., а уже в 1909 г. его первые ростки стали прорастать на российской земле. Это движение быстро развивалось до 1917 г., когда страна

оказалась расколота по идеологическому принципу. В итоге те, кто поддержал большевиков, помогли создать пионерскую организацию, либо влились в нее, либо были репрессированы. Те же, кто поддержал

белое движение, разделили его судьбу, отправившись в эмиграцию. Покинув страну, русские скауты и отколовшиеся от них организации продолжили свою деятельность. Уже в 1920 г. скауты-эмигранты в разных странах стали объединяться. Один из первых отрядов в странах рассеяния появился 25 марта 1920 г. на острове Принкипо (Турция), а 1 июля 1920 г. была создана общеземлианская «Организация Русских Скаутов за границей», которую до 1973 г. возглавлял Старший Русский Скаут О. И. Пантюхов. Впоследствии организация несколько раз меняла название, но более известна она как Национальная организация русских скаутов (далее — НОРС). Это объединение было широко представлено и в Харбине, который в 1920–1930-х гг. являлся столицей дальневосточной эмиграции. С конца 1920-х гг. от НОРС стали откалываться отдельные группы, которые при сохранении методики работы с детьми изменяли идеологическое наполнение.

Изучение истории этих детско-юношеских организаций начиналось еще в годы эмиграции, но по причине того, что исследователи жили в странах Запада, Дальний Восток исследовался в меньшей степени. Примером может служить фундаментальный труд П. И. Ковалевского «Зарубежная Россия» [Ковалевский 2019], увидевший свет в 1971 г. В нем автор подробно рассматривает как в целом детское движение, так и отдельно останавливается на дальневосточной ветви эмиграции. Особо можно выделить работу Ю. Н. Лукина [Лукин 1936], в которой приводится краткая справка по истории Национальной организации русских разведчиков (далее НОРР), в том числе ее Маньчжурского отделения. Особенно этой работой является публицистическая критика скаутского движения, от которого отделилась НОРР.

Количественный и качественный рост исследований, посвященных русским скаутам-эмигрантам в Маньчжурии, отмечался в 2000-х гг. С. В. Смирнов посвятил ряд статей русским детским и молодежным движениям в Китае, отдельно остановившись и на скаутах [Смирнов 2015]. Еще более подробно эта тема исследуется учеником

С. В. Смирнова Д. С. Каргапольцевым. В частности, освещая историю НОРР [Каргапольцев 2009], он детально разбирает причины вражды между членами этого объединения со скаутами. Данная тема рассматривается также в труде Ю. В. Кудряшова «Российское скаутское движение» [Кудряшов 2005: 227–244]. Внимания заслуживает и работа Д. А. Астафьева «Молодежные движения России: история и современность» [Астафьев 2012], хотя автор и ограничивается временным промежутком до 1929 г. Отдельно следует упомянуть работу А. В. О कोरोкова, где исследуются знаки и награды, которыми русская эмиграция на Дальнем Востоке отмечала заслуги участников, в том числе и детских движений [О कोरोков 2005].

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой статьи являются фонды Государственного архива Хабаровского края (далее — ГА ХК), в которых хранятся материалы Бюро по делам российских эмигрантов (далее — БРЭМ), своеобразного эмигрантского правительства в Харбине, контролируемого японцами. Также привлекались материалы Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ), преимущественно фонд Р-6062, содержащий материалы по истории НОРР. Ценная информация содержится и в периодических изданиях эмиграции изучаемого периода: газеты «Наш путь» и «Руль», журналы «Рубеж», «ХСМЛ журнал», «Русский разведчик».

3. Специфика Харбина

Харбин был заложен в 1898 г. как центр полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД), являвшейся ответвлением Транссибирской магистрали на территории Маньчжурии. Он пользовался правами экстерриториальности и фактически представлял собой кусочек России в Маньчжурии. Этим и объясняется главное отличие Харбина от европейских центров эмиграции, среди которых на первом месте стоял Париж. Во-первых, Харбин был русским городом, построенным для граждан Российской империи, трудившихся на КВЖД, и их семей, а также для казаков

и отставных солдат, которые должны были обеспечивать безопасность железной дороги. Свою принадлежность к российской культуре Харбин сохранил и после революции, что, например, отмечал в 1930 г. советский публицист Е. Полевой: *«Когда вы попадаете в этот город, вы как-то почти не чувствуете себя за границей. Кругом — русские лица, вы слышите почти исключительно русскую речь, на улицах магазины с русскими вывесками, во всех углах города — православные церкви, даже на углах улиц то тут, то там торчат типичные старые русские «городовые» в несколько обновленной китаизированной форме»* [Полевой 1930: 5]. Второй отличительной чертой было то, что в Харбине некоторое время сосуществовали белые эмигранты и советские граждане. Возникавшая конкуренция между советскими и русскими детско-юношескими организациями, зачастую доходила до физического противостояния [Кротова 2018: 202; ГА РФ. Р-9145. Оп. 1. Д. 238. Л. 32].

Первоначально детское движение тут развивалось так же, как во всей империи. Например, при конноартиллерийской учебной команде был создан «потешный артиллерийский взвод» [В. С. Е. 1911]. «Потешные» были первой массовой детской внешкольной организацией Российской империи, в создании которых в 1909–1911 гг. активно принимали участие отдельные военные части. С 1912 г. функции «потешных» по физическому развитию и начальной военной подготовке детей практически полностью перешли к школам, а вне школ их место заняли скауты.

4. Национальная организация русских скаутов (НОРС)

С 1918 г. в связи с наплывом беженцев в Харбине начался расцвет скаутского движения [Каргапольцев 2009: 113]. Д. А. Астафьев пишет, что в 1919–1922 гг. в Харбине и его окрестностях появилось 8 скаутских отрядов, что было вызвано эвакуацией с Дальнего Востока России скаутов, не желавших жить под властью большевиков [Астафьев 2012: 62]. При этом местная дружина скаутов не порывала контактов с братьями на Родине, так, в астраханском журнале «Вест-

ник скаута» в списке адресов скаутских отрядов в России значилась и дружина скаутов в Харбине [Адреса 1921]. В 1923 г. при поддержке руководства учебного отдела КВЖД и с одобрения Старшего Русского Скаута О. И. Пантюхова был учрежден Маньчжурский отдел Национальной организации русских скаутов (далее — НОРС) во главе с генерал-майором Л. М. Адамовичем. Численность этого отдела на июль 1924 г. составляла 1 111 человек [Астафьев 2012: 62]. Хотя в берлинской газете «Руль» считали, что в это время скауты были во всех школах КВЖД, а также в частных учебных заведениях, и на пике своей деятельности имели около 2 000 членов [Русские 1926]. Это число представляется завышенным, так как, по данным Г. И. Малышенко, вся численность русских детей школьного возраста в регионе к началу 1930-х гг. составляла 2 000 человек [Малышенко 2018: 2], так что цифра в 1 000 человек представляется более достоверной.

Обстановка ухудшилась в 1924 г., когда КВЖД стала совместно контролироваться Китаем и СССР в соответствии с соглашением «О временном управлении КВЖД» [Ковалевский 2019: 352]. Уже к осени 1924 г. относившиеся к железной дороге клубы, библиотеки и школы перешли под контроль советских органов власти [Малышенко 2005: 171]. Это привело к изгнанию из учебных заведений педагогов из эмигрантской среды, не демонстрировавших достаточной лояльности к новому руководству. Скаутские отряды были запрещены в школах при железной дороге, и по оценкам, приведенным в газете «Руль», их численность сократилась в два раза [Русские 1926]. Сложившаяся ситуация привела и к расколу среди молодежи. Старые детско-юношеские организации подвергались давлению, а их члены даже и физическому насилию со стороны отмола (отдела молодежи, местного аналога комсомола) [Каргапольцев 2009: 113; Кротова 2018: 202]. Многие из них предпочли самораспуститься, и в это время продолжал функционировать только один отряд скаутов. Снижение советского влияния в регионе началось в июле 1929 г., после захвата КВЖД китайцами. В 1931 г. регион

был оккупирован японцами, и СССР окончательно ушел из Харбина. Соответственно в это же время началось возрождение белоэмигрантских детских организаций.

В 1934 г. самым старым отрядом в Харбине считался III-й Никольск-Уссурийский отряд. Хотя он и возник не самым первым, а был организован 1 марта 1923 г. выходцами из Никольск-Уссурийска, но именно этот отряд продолжал свою работу во времена советской власти на КВЖД [Смирнов 2015: 672]. Вследствие этого отряд стал кузницей скаутских кадров. С его помощью были возрождены I-й и II-й харбинские отряды, и из него вышли руководители китежцев, волчат и морских скаутов. Тут нужно вкратце описать общие принципы организации этого движения. В скаутской организации, помимо собственно скаутов, по возрастам выделялись волчата (в НОРС назывались орлята) — младшая ветвь и роверы — старшие скауты, называемые в Харбине китежцами (от града Китеж). Девочки-скауты в это время назывались вожатыми. Морские скауты — это все, кто проводил занятия на воде, в том числе на реках. Скаутский отряд делился на патрули, в России обычно называемые звеньями, во главе которых стояли патрульные (вожаки). Несколько отрядов составляли дружину.

Что касается III-го Никольск-Уссурийского отряда, то выходцы из него присутствовали и в других городах: Сан-Франциско, Циндао, Шанхай и т.д. В 1934 г. в отряде состояло 40 человек, во главе его стоял скаут А. А. Кармилов [III-й Никольск-Уссурийский 1934]. Следующий по номеру, 4-й Харбинский отряд, в 1934 г. состоял из 18 человек, разделенных на 2 патруля, — «Соболь» и «Беркут», и из новичков формировалось звено «Песец». Создан он был в марте 1932 г. [4 Харбинский 1934].

На примере 5-го и 6-го Харбинских отрядов скаутов мы можем видеть, как в идеале должно происходить увеличение их численности. Летом 1933 г. все мальчики из звена «Тигр» 6-го отряда сдали специальный экзамен и начали подготовку к инструкторской работе. В декабре того же года они возглавили 4 новых патруля: «Ящер», «Рысь», «Леопард», «Пантера». В начале

следующего года эти звенья были выделены в 5-й отряд, который возглавил скаут Б. Кеннберг, а прием новичков временно ограничили [5-й Харбинский 1934]. Подобное постепенное расширение, когда сначала готовятся руководящие кадры, а только потом набирается ограниченное количество новичков, является характерной чертой скаутского метода.

В Харбине существовала традиция проводить соревнования между звеньями на переходящий флажок почетного звена «Белый медведь». Помимо внутриотрядных состязаний, практиковались таковые и между отрядами на звание лучших в Маньчжурском отделе. Так, в 1934 г. соревновались звенья «Дятел» от 2-го отряда, «Тигр» от 3-го и «Лев» от 6-го. Они должны были продемонстрировать свои навыки: в теории и практике оказания первой помощи, вязании узлов на скорость, сигнализациях Морзе и Семафор, установке палаток на скорость, знании города и т. д. [Состязание 1934]. «Белый медведь» являлся почетным звеном, «олицетворяющим собой могущество России». Со временем также появились почетные звенья А. В. Суворова и А. С. Пушкина [У русских 1934]. Проводились и другие виды соревнований: 2, 5 и 6-й отряды выясняли, чье звено имеет лучшую походную амуницию.

Спецификой харбинских скаутов была их дружба с Русской фашистской партией (далее — РФП), не имевшей распространения в другие регионы. В частности они активно публиковали свои материалы в нерегулярной рубрике «Уголок русского Скаута» в газете «Наш путь» — официальном органе РФП. Также группа скаутов принимала участие в кружке, занимавшемся на базе приложения к этой газете — «Друг юношества». Начав общение по переписке через редакцию, «юные друзья» вскоре знакомились лично и совместно проводили мероприятия: вечера, елки, спектакли. На них как в качестве гостей, так и собственно «юных друзей» часто можно было встретить скаутов [Как прошла 1934]. Скауты были рады видеть на своих мероприятиях «юных друзей», так, например, 6-й отряд, проводя свой вечер в гимназии им. Ф. М. Достоевского, вывесил в зале все номера «Дру-

га юношества» [Юные 1934]. Переписка «юных друзей» свидетельствовала об их эрудированности и высоком уровне образования. Хорошим примером тому может служить «юный друг» и скаут С. А. Середкин. После окончания первой православной русской гимназии он поступил в престижный университет Кенкоку, располагавшийся в Синьцзине, столице Маньчжоу-Ди-Го. Это учебное заведение было создано по инициативе японского военного командования и подчинялось лично императору Маньчжурии, а не министерству образования. Окончив университет, бывший скаут Сережа Середкин остался в нем уже преподавателем японского языка для не японцев [Бойко 2022: 1008–1009].

Дружба харбинской НОРС и местных фашистов имела объективную и субъективную причины. Первая заключалась в том, что РФП нуждалась в детском крыле, которое занималось бы национальным воспитанием будущих членов партии. До создания собственно фашистских организаций для детей младшего возраста и Авангарда, работавшего с подростками, эту функцию исполняли скауты. Даже не привнося политической пропаганды, они занимались национальным воспитанием, что позволяло в будущем рассчитывать на участие их выпускников в деятельности националистически настроенных партий. Субъективной причиной были родственные связи между организациями. Так, скаутмастер И. А. Матковский, возглавивший НОРС в регионе, приходился братом М. А. Матковскому — одному из основателей РФП и начальнику 3-го отделения Бюро по делам российских эмигрантов. Последняя организация выполняла функции своеобразного эмигрантского правительства, подчинявшегося японскому военному командованию. Видимо, именно родственными связями объясняется тот факт, что скауты продолжали работать в Харбине несмотря на то, что японцы предпочитали им организации с более яркой политической позицией. В частности в составленной БРЭМ в 1940 г. схеме эмигрантских организаций Маньчжурской империи в списке юношеских организаций упоминались две — «Национальная организация русских

скаутов, разведчиков и вожатых» с 200 членами и «Национальная организация исследователей пржевальцев» в составе 30 человек [ГА ХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 2. Л. 2].

5. Пржевальцы

Скаутинг является универсальной системой детского воспитания, допускающей наполнение разной идеологией. При упоре на коммунизм получились пионеры, а национализм — Национальная организация русских разведчиков (НОРР). Самым же экзотическим вариантом развития скаутинга стал «Кружок им. Н. М. Пржевальского при Национальной организации скаутов-разведчиков» в Харбине, позднее эта организация стала известна как «Национальная организация исследователей пржевальцев» [ГА ХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 37. Л. 36]. Этот кружок возник в 1929 г. (М. Л. Дубаев говорит о 1930 г. [Дубаев 2009: 39]), когда влияние страны советов в регионе стало ослабевать. Инициатором создания кружка выступил археолог Владимир Владимирович Поносов. Первое время ему помогали ботаник И. В. Козлов и зоолог П. А. Павлов. В кружок принимались мальчики до 16 лет. Целью объединения было «служение Отечеству посредством изучения природы и человеческой культуры» [Хисамутдинов 2014: 69]. В. В. Поносов обеспечивал также определенную связь между Христианским союзом молодых людей (далее — ХСМЛ), влиятельной организацией, обладавшей большими материальными ресурсами, и скаутами. В это время он входил в президиум Клуба естествознания и географии ХСМЛ, созданный в апреле 1929 г.

Работа у пржевальцев шла очень активно: по данным А. А. Хисамутдинова, за 10 лет деятельности молодые исследователи провели 314 заседаний, сделали 570 докладов и совершили свыше 200 экскурсий [Хисамутдинов 2013: 281]. В 1934 г. ими выпускался «Инструкторский бюллетень Кружка вожатых и скаутов пржевальцев», видимо, это было еще одним вариантом их названия. В том же 1934 г. в кружке произошли преобразования, которые дали повод конкурентам скаутов из НОРР радоваться выходу очередного отряда из НОРС [Сигаль

1934: 22]. А. Н. Баранова связывает произошедшее с тем, что подростки к середине 1930-х гг. выросли уже в молодых ученых с профессиональными навыками [Баранова 2010: 222–223]. Однако работа с детьми не прекращалась. Так, в местной прессе за 1940 г. мы встречаем упоминание скаутов-пржевальцев [Л. Я. 1940]. Судя по всему, часть старшей молодежи действительно обособилась от скаутов, но младшая ветвь сохранялась и успешно работала, хотя, скорее всего, эта работа продолжалась отдельно от НОРС.

6. «Костровое братство»

Еще одной организацией, вышедшей из НОРС, было «Костровое братство». Это был такой же, как и пржевальцы, харбинский феномен. Среди русских эмигрантов в Европе схожую нишу занимала Национальная организация «Витязи».

Выше уже упоминался ХСМЛ, теперь стоит остановиться на нем чуть подробнее. Этот Союз был создан в Англии в 1844 г., а в начале прошлого века он распространил свою деятельность и на Российскую империю, где, помимо основной деятельности, направленной на молодежь, налаживал контакты со скаутами. В 1918 г. деятельность ХСМЛ в России была запрещена, однако она продолжилась среди эмигрантов. При этом консервативная часть эмигрантской России с подозрением относилась к организации, которая под руководством англичан продвигала экуменические идеи в среде русской молодежи. Например, Русская Зарубежная Церковь в 1926 г. запретила Русскому студенческому христианскому движению сотрудничать с ХСМЛ, признав последний антихристианским [Дубаев 2009: 35]. Однако позиции ХСМЛ в Маньчжурии были чрезвычайно крепки, что, в первую очередь, объяснялось хорошей материальной базой. В ведении ХСМЛ были: популярная в городе гимназия, колледж, библиотека, общежитие. Также в помещении ХСМЛ собирались члены клуба деловых людей, клуба естествознания и географии, в президиуме которого заседал глава пржевальцев В. В. Поносов, проводили занятия курсы иностранных языков, курсы маши-

нописи, курсы шоферов и т. д. ХСМЛ также спонсировал спортивный клуб, который дал большое количество талантливых спортсменов. Даже Харбинский богословский институт пользовался финансовой поддержкой ХСМЛ [Дубаев 2009: 35], что объясняло терпимость местных религиозных властей к Союзу. При гимназии были и собственные скаутские отряды. С. В. Смирнов пишет о двух — для мальчиков и девочек [Смирнов 2016: 83], М. Л. Дубаев говорит о трех. С приходом советской власти на КВЖД этот Союз решил обособиться от НОРС, и 18 февраля 1925 г. скаутские отряды были переименованы в «Костровое братство», во главе которого встал А. А. Гусев. Гимназия при ХСМЛ не подчинялась КВЖД, так что они могли сохранить несоветские детские движения. В братстве использовались традиционные скаутские методы воспитания, отличие было в идейной составляющей [Дубаев 2009: 38]. Работа с девочками велась отдельно: в 1925 г. упоминаются попытки создать отряд девочек при женском отделении ХСМЛ и деятельность Отдела девушек при ХСМЛ [Хроника 1925]. В 1927 г. появились «Костровые сестры» [Бабкина 2017: 110]. В «Костровые братья» принимались мальчики 12–16 лет, в старшую группу 16–18 лет, также были курсы для Лидеров-Вожатых [Хроника 1925].

«Костряки», как в прессе называли «костровых братьев», поддерживали контакты со скаутами, например, принимали их у себя в традиционном лагере на станции Эрцензянцзы [Смирнов 2016: 83]. Влияние ХСМЛ на программу «Костровых братьев» проявилось в том, что они стали одной из самых не националистически настроенных детских организаций эмиграции. Вот как эту особенность охарактеризовала проживавшая в это время в Харбине и близкая к ХСМЛ Ю. В. Крузерштен-Петерец: «Скауты держались национального направления, старались внедрить в души своих питомцев любовь к прошлому России, к ее истории, к тому, что еще оставалось от русских традиций. Костровые братья воспитывали просто человека — нравственного, доброго, мужественного и притом хорошего спортсмена» [Бабкина 2017: 110]. Эта характе-

ристика тем интереснее, что сами скауты регулярно критиковались за интернационализм и недостаточную национальную работу. Однако на фоне «костряков» даже НОРС выглядела оплотом национализма.

7. Национальная организация русских разведчиков (НОРР)

Лидеры другой организации скаутского типа — Национальной организации русских разведчиков (НОРР), в свою очередь, обвиняли скаутов в отсутствии национального воспитания, масонстве, а иногда и в сатанизме [Лукин 1934]. Начало НОРР было положено в 1928 г. в Париже, хотя сами члены организации настаивали на своей преемственности от «потешных» Петра Великого. Это было закреплено во время реорганизации данного движения в 1932 г., когда символом «потешных» стал ополченский крест с выгравированными датами: «1682–1932», что отсылало к первому лагерю «потешных» перед Кремлевским дворцом [Окорочков 2005: 93].

3 мая 1928 г. полковник П. Н. Богданович, являвшийся представителем Старшего Русского Скаута во Франции, заявил тому о выходе из возглавляемой им организации. Вместе с ним НОРС покинули несколько отрядов из Франции, а вскоре их примеру последовали многие скауты по всему миру. В июне 1933 г. утвердилось окончательное название нового объединения — «Состоящая под покровительством Е. И. В. Великой Княгини Ксении Александровны Национальная Организация Русских Разведчиков». Слово «разведчик» является дословным переводом английского «scout», и применялось оно для обозначения скаутов как в Российской империи, так и в эмиграции. Выбрав такое название, П. Н. Богданович порывал с иностранной составляющей, олицетворяемой английским словом, но при этом сохранил термин в переводе, привычный русско-му обывателю.

Что касается слова «национальный», то в новой организации оно трактовалось так же, как у скаутов. Белая эмиграция в основной своей массе унаследовала имперское восприятие национального вопроса. Его можно описать как гражданский национа-

лизм без гражданских прав, т. е. основанный на подданстве и общей культуре, по терминологии Э. Смита — «официальный национализм» [Смит 2004: 20]. В эмиграции общее подданство заменялось воспоминаниями об общей стране исхода и надеждой на скорое возвращение туда [Булатов 2022: 292–296]. Даже харбинские фашисты поддерживали дружественные отношения с местными армянами-националистами [Армяне 1934], так что в детских движениях этнический и религиозный аспекты не играли никакой роли. Например, в отряде НОРР на станции Эхо был разведчик «магометанин», а на станции Ханьдаохэдзы в организации состояли двое братьев-молокан [ГА ХК. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 24]. Такой подход был характерен и для НОРС. Очень показательным является пример другого конца света — из Югославии, где НОРС поддерживала калмыцких скаутов, сформировав для них отдельный патруль в 1937 г. После Второй Мировой войны в отколовшейся от НОРС Организации российских юных разведчиков из этого патруля выросла дружина калмыцких скаутов [Полчанинов 2006].

НОРР была представлена практически во всех странах рассеяния, однако наиболее многочисленные отделы находились в двух главных центрах эмиграции: Франции и в Маньчжурии. Хотя организация была официально зарегистрирована в Харбине только в 1932 г. [ГА ХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 38. Л. 9], ее деятельность началась раньше. Так же, как и во Франции, первыми разведчиками тут стали бывшие скауты во главе со старшим скаутмастером Борисом Антоновичем Березовским, который возглавил разведчиков в регионе 15 июля 1929 г. [Лукин 1936: 12], что, судя по всему, и следует считать датой создания НОРР на Дальнем Востоке, хотя контакты с П. Н. Богдановичем были налажены раньше. Вот как этот период описывал бывший скаутом в 1925–1927 гг. и будущий руководитель НОРР в Маньчжурии Юрий Николаевич Лукин: «В 1928 г. установилась связь со скаутской организацией (русской) во Франции, которая в это время также испытывала всякого рода искания. В конечном результате вместо названия „скауты“ было взято название „разведчи-

ки“, как русское, а вместо английской идеи скаутинга была взята идея Петра Великого, воспитавшего из своих „потешных“ знающих и любящих труд людей для своего отечества» [ГА ХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 27909. Л. 23–24].

В новой организации Б. А. Березовский получил высшее и редкое звание почетного старшего инструктора, которое, кроме него, первоначально носил только один человек [ГА РФ. Ф. Р-6062. Оп. 1. Д. 1. Л. 26, 28]. П. Н. Богданович с выбором доверенного лица на Дальнем Востоке не прогадал, так как П. А. Березовский обладал как необходимым опытом и авторитетом, так и организаторскими талантами. Он присоединился к скаутам в Екатеринбурге в 1918 г., а с приходом советской власти на КВЖД основал молодежный Орден крестоносцев, который возглавлял в 1924–1926 гг. По состоянию здоровья ему пришлось оставить руководство разведчиками 29 октября 1931 г. [ГА РФ. Ф. Р-6062. Оп. 1. Д. 1. Л. 45]. С 1 ноября 1931 г. до сентября 1933 г. НОРР на Дальнем Востоке возглавлял Ю. Н. Лукин, помимо прочего, активный публицист, выпустивший большое количество статей и брошюр, обличающих скаутов и ХСМЛ; с 1933 г. он перешел на должность начальника штаба организации в регионе. С сентября 1933 г. и до прекращения деятельности организации ею руководил подполковник полевой артиллерии Александр Петрович Зеленой [ГА РФ. Ф. Р-6062. Оп. 1. Д. 1. Л. 79об.]. Официальное название этого отделения НОРР первоначально звучало как «Национальная Организация Русских Разведчиков на Дальнем Востоке», а с 1 октября 1934 г. оно было переименовано в «Русские Разведчики в Маньчжу-Ди-Го» [ГА РФ. Ф. Р-6062. Оп. 1. Д. 1. Л. 86].

Помимо Харбина, разведчики также присутствовали на станциях: Ханьдаохэ-зы, Яблоня, Маньчжурия, Мулинь, Сочин-зы, Эхо, на копиях М. У. Т. (копи Мулинского углепромышленного товарищества), Пограничной и др. В 1936 г. в Маньчжоу-Ди-Го всего было 20 отрядов: 12 из мальчиков и 8 из девочек [ГА ХК. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 39. Л. 58, 62; Лукин 1936: 16], что составляло примерно треть общего числа во всех стра-

нах рассеяния. До 1940 г. их количество увеличивалось. По информации Ю. В. Кудряшова, на конец 1930-х гг. в Азии насчитывалось более 30 отрядов «разведчиков» [Кудряшов 2005: 246]. Это вполне возможно, так как в приказах по организации и публикациях в прессе можно встретить упоминания о более чем 30 отрядах в Маньчжоу-Ди-Го и Китае.

Схема устройства организации в НОРР в целом напоминала скаутскую. Основной единицей были отряды, которые делились на звенья. Могло быть от двух до четырех звеньев, причем их названия были фиксированными и подчеркивали патриотическую направленность: 1 звено — Петровское; 2 звено — Суворовское; 3 звено — Андреевское; 4 звено — Владимирское. Два-три отряда объединялись в бригаду, две-три бригады составляли район, два-три района включались в отдел. Последний обычно включал в себя всю страну, однако в Маньчжоу-Ди-Го, так же, как и во Франции, было несколько отделов: Восточный, Южный и Западный.

Самым знаменитым членом НОРР на Дальнем Востоке, да и во всей организации, был старший разведчик Мстислав Илларионович Рудых. Он основал и возглавил 27-й отряд на Мулинских копиях в 1931–1932 гг. В это время в приграничных районах активно действовали советские спецслужбы и сотрудничавшие с ними хунхузы (местные разбойники). В больших количествах захватывались и вывозились в СССР активные противники коммунистов. Среди похищенных был также отец М. И. Рудых. Вскоре после этого от рук красных китайцев или хунхузов (в разных источниках информация по этому поводу разнится) погиб и сам старший разведчик. Его убили, когда он с двумя друзьями отправился в лес. Если верить прессе, подростки планировали предать земле останки людей, ставших незадолго до этого жертвами хунхузов. Через год после смерти М. И. Рудых его имя было присвоено 27-му отряду. В 1935 г. в официальном печатном органе НОРР «Русском разведчике», была опубликована статья [Лукин 1935], описывавшая недолгую жизнь и гибель подростка.

Что касается отношений с другими белоэмигрантскими организациями в регионе, то лучше всего у разведчиков они складывались с «мушкетерами». Это было еще одно объединение антисоветской направленности, возникшее в 1924 г. «Союз Его Высочества князя Никиты Александровича мушкетеров» отличался милитаризмом и монархизмом, что импонировало руководству НОРР. Еще одним поводом для их сближения стало принятие 29 марта 1930 г. шефства над «мушкетерами» князем Никитой Александровичем [10-летие 1934]. Его родители были шефами НОРР: вначале отец, великий князь Александр Михайлович, после его смерти почетная обязанность перешла к матери — Ксении Александровне, сестре Николая II. Дети Никиты Александровича числились в организации орлятами, т. е. младшими разведчиками, а сам он был шефом 10-го отряда имени фельдмаршала князя Аникиты Репнина. Так что эти два объединения в прямом смысле слова были родственными. Помимо этого, войсковой старшина Н. Г. Яковлев одновременно возглавлял в НОРР отдельный Северо-восточный район Китая и отделение мушкетеров в Шанхае [Из приказов 1937; ГА РФ. Ф. Р-6062. Оп. 1. Д. 1. Л. 60б.]. Официально дружба между объединениями была закреплена в середине 1930-х гг., когда полковник Богданович опубликовал приказ, разрешавший разведчикам с 16 лет переводиться в мушкетеры [Каргапольцев 2009: 107].

С фашистами, друзьями главных конкурентов НОРР — скаутов, отношения складывались непросто. Так, в 1937 г. в школе на станции Яблоня произошел конфликт между заведующим школой В. А. Садиковым, членом РФП, и учениками-разведчиками. Последним запрещалось ходить в школу в форме разведчиков, при этом фашистской молодежи это разрешалось. Более того, В. А. Садиков срезал с формы звеньевые ленточки и даже ленты национальных цветов [ГА ХК. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 39. Л. 48–50]. Уже упоминавшийся бывший руководитель НОРР на Дальнем Востоке Ю. Н. Лукин, в свою очередь, не скрывал резко негативного отношения к фашистам, что было отмечено в его личном деле в БРЭМ: «являясь ярым

монархистом считает всех, непредрешающих эту форму правления, своими врагами и врагами русского дела. В частности, он непримиримый враг РФП» [ГА ХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 27909. Л. 26].

Что до взаимоотношений НОРР с японским военным командованием, то в первое время они складывались хорошо, ведь реальная власть принадлежала ему, а не правительству Маньчжоу-Ди-Го, тем более не Бюро по делам российских эмигрантов. Утверждая свою власть в регионе, японцы поддерживали все антикоммунистические силы. Однако со временем они стали усиливать свой контроль за эмигрантскими организациями, в том числе детскими. На первом этапе, в 1936 г., было сформировано объединение юношеских организаций при БРЭМ, куда вошла и НОРР [ГА ХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 16. Л. 99]. Это было формальное действо, не сказавшееся на работе «разведчиков». Также никаких принципиальных изменений не произошло и на следующем этапе в 1938 г., когда пришлось вступить в Монархическое объединение [Смирнов 2016: 84]. Однако дальше за дело взялись государственные органы. В 1939 г. все молодежные организации Маньчжоу-Ди-Го обязали вступить в государственную детскую организацию сэсионэндан [ГА ХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 4. Л. 17, 18]. При этом Ю. Н. Лукин отмечал, что формально работа разведчиков не была запрещена в этот момент, но у детей не оставалось свободного времени для участия в объединениях, кроме как в сэсионэндан [ГА ХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 27909. Л. 24]. Несмотря на сложности, НОРР продолжала функционировать, и, например, в бригаде на станции Пограничной 1 января 1942 г. состояло 45 членов [ГА ХК. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 37. Л. 132, 205]. В 1942 г. деятельность русских детско-юношеских организаций, в том числе и НОРР, в Маньчжурии была запрещена официально [Домнин 2011: 98].

Когда Советский Союз освободил Маньчжурию от японских войск, деятельность эмигрантских детских движений стала невозможной в этом регионе и больше не возобновлялась. Те из их членов, кому повезло не быть захваченными советскими

спецслужбами, отправились в Америку и Австралию, где возвращались к работе с детьми, зачастую вливаясь в скаутские организации. Деятельность пржевальцев и «костряков» больше не возобновлялась. Предпринимались попытки воскресить НОРР, но в массовое движение это не вылилось. С 1945 г. в детском воспитании русской эмиграции в Европе, Америке и Австралии стали доминировать скауты: НОРС и возникшая в 1945 г. Организация российских юных разведчиков, по своей идеологии напоминавшая НОРР.

8. Заключение

Детские движения в Харбине, несмотря на географическую удаленность, развивались в общем русле внешкольной педагогики Российской империи, а позднее «белой эмиграции», хотя с середины 1920-х гг. стала проявляться местная специфика. Первоначально это было связано с прессингом со стороны советских служащих КВЖД, а позднее — с необходимостью мириться с требованиями японского военного командования, являвшегося реальной властью в регионе в 1930-е гг. Однако региональные

особенности не повлияли на тот факт, что самыми массовыми детскими движениями были те, которые в своей основе имели скаутскую методику работы. При этом на примере Харбина можно наблюдать, как универсальная скаутская система наполнялась разными идеями: 1) классическая скаутская с умеренным национал-патриотизмом в НОРС; 2) более националистическая и антибольшевистская в НОРР; 3) интернационально-христианская в «Костровом братстве»; 4) научная у пржевальцев. А по соседству, в Советском Союзе, в это же время развивалась на базе коммунистической идеологии пионерская организация, также использующая скаутский метод работы.

Дальнейший более глубокий анализ и сравнение деятельности этих организаций могут способствовать лучшему пониманию истории эмигрантской педагогики. Также перспективным представляется рассмотрение детских движений в Харбине в связке с местными общественными организациями и политическими партиями, так как это поможет создать цельную картину общественной жизни самого дальнего фронта России на востоке.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
ГА ХК — Государственный архив Хабаровского края.

Литература

10-летие 1934 — 10-летие Союза Мушкетеров // Наш путь. 1934. № 29(115). С. 6.
III-й Никольск-Уссурийский 1934 — III-й Никольск-Уссурийский отряд Русских Скаутов // Наш путь. 1934. № 12(98). С. 5.
4 Харбинский 1934 — 4-й Харбинский отряд Русских Скаутов // Наш путь. 1934. № 26(112). С. 9.
5-й Харбинский 1934 — 5-й Харбинский отряд Русских Скаутов // Наш путь. 1934. № 1(127). С. 7.
Адреса 1921 — Адреса скаутских отрядов в России // Вестник скаута. 1921. № 5. С. 24.
Астафьев 2012 — Астафьев Д. А. Молодежные движения России: история и современность: учеб. пособие. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2012. 176 с.

Sources

State Archive of the Russian Federation.
State Archive of Khabarovsk Krai.

References

Tenth anniversary of Musketeer Union. *Nash put'*. 1934. No. 29(115). P. 6. (In Russ.)
Third Nikolsk-Ussuriysky Russian Scout Troop. *Nash put'*. 1934. No. 12(98). P. 5. (In Russ.)
Fourth Harbin Russian Scout Troop. *Nash put'*. 1934. No. 26(112). P. 9. (In Russ.)
Fifth Harbin Russian Scout Troop. *Nash put'*. 1934. No. 41(127). P. 7. (In Russ.)
Addresses of Russian scout troops. *Vestnik skauta*. 1921. No. 5. P. 24. (In Russ.)
Astafyev D. A. Youth Movements of Russia: Past and Present. Coursebook. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2012. 176 p. (In Russ.)

- Армяне 1934 — Армяне — вместе с русскими // Наш путь. 1934. № 58(144). С. 2.
- Армяне — with Russians. *Nash put'*. 1934. No. 58(144). P. 2. (In Russ.)
- Бабкина 2017 — Бабкина Е. С. Периодическая печать национальной организации русских скаутов в Китае 1920–1940-х гг. // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 9 ноября 2017 г.). В 4 ч. Ч. 3. Стерлитамак: АМИ, 2017. С. 108–111.
- Babkina E. S. Periodicals of Russian Scout Association in China, 1920s–1940s. In: Science-Society Synthesis to Tackle Current Global Challenges. Conference proceedings (Perm, 9 November 2017). In 4 pts. Pt. 3. Sterlitamak: AMI, 2017. Pp. 108–111. (In Russ.)
- Баранова 2010 — Баранова А. Н. Молодежные эмигрантские организации в Маньчжурии // Молодой ученый. 2010. № 3(14). С. 221–224.
- Baranova A. N. Youth emigrant organizations in Manchuria. *Young Scientist*. 2010. No. 3(14). Pp. 221–224. (In Russ.)
- Бойко 2022 — Бойко И. В. Русские эмигранты и японское элитарное образование в Маньчжоу-го // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 999–1017.
- Boiko I. V. Japanese elite education for Russian emigrants in Manchukuo. *Modern History of Russia*. 2022. Vol. 12. No. 4. Pp. 999–1017. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu24.2022.411
- Булатов 2022 — Булатов И. А. Образ России как элемент национального воспитания в Русском зарубежье 1920–1930-х гг. // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 287–300.
- Bulatov I. A. The image of Russia as an element of national education in the Russian emigration of the 20s–30s of the XX century. *Dialogue with Time*. 2022. No. 80. Pp. 287–300. (In Russ.)
- В. С. Е. 1911 — В. С. Е. «Потешные» в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 11. С. 11.
- V. S. E. 'Toy troops' in Siberia. *Sibirskie voprosy*. 1911. No. 11. P. 11. (In Russ.)
- Домнин 2011 — Домнин А. И. Мушкетеры против пионеров // Родина. 2011. № 3. С. 96–98.
- Domnin A. I. Musketeers vs. pioneers. *Rodina*. 2011. No. 3. Pp. 96–98. (In Russ.)
- Дубаев 2009 — Дубаев М. Л. Христианский союз молодых людей и русская эмиграция в Китае. Культурологический аспект взаимодействия русской общины с молодежными эмигрантскими организациями (первая половина XX в.) // История и современность. 2009. № 1. С. 33–44.
- Dubaev M. L. Christian Youth Union and Russian emigration in China: The cultural aspect of interaction between the Russian community and youth emigrant organizations (early-to-mid twentieth century). *History and Modernity*. 2009. No. 1. Pp. 33–44. (In Russ.)
- Из приказов 1937 — Из приказов НОПР // Часовой. 1937. № 189. С. 18.
- National Association of Russian Explorers: Excerpts from decrees. *Chasovoy*. 1937. No. 189. P. 18. (In Russ.)
- Как прошла 1934 — Как прошла наша елка // Наш путь. 1934. № 14 (100). С. 10.
- Our New Year party: How it was. *Nash put'*. 1934. No. 14 (100). P. 10. (In Russ.)
- Каргапольцев 2009 — Каргапольцев Д. С. Национальная организация русских разведчиков в Северной Маньчжурии в 1920–1930-х гг. // Запад, восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2009. № 11. С. 101–108.
- Kargapoltsev D. S. National Association of Russian Explorers in North Manchuria, 1920s–1930s. *The West, the East & Russia: Problems of General History*. 2009. Vol. 11. Pp. 101–108. (In Russ.)
- Ковалевский 2019 — Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. 1920–1970. Н. Новгород: Черная Сотня, 2019. 624 с.
- Kovalevsky P. E. Russia Abroad, 1920s–1970s. Nizhny Novgorod: Chernaya Sotnya, 2019. 624 p. (In Russ.)

- Кротова 2018 — *Кротова М. В.* Русское школьное образование в Маньчжурии в 1920-е гг.: политика и педагогика // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.): в 2-х тт. Санкт-Петербург: Пушкинский гос. ун-т, 2018. С. 200–206.
- Кудряшов 2005 — *Кудряшов Ю. В.* Российское скаутское движение. Архангельск: Помор. ун-т, 2005. 593 с.
- Лукин 1934 — *Лукин Ю. Н.* Массонство в русском скаутизме. Харбин: НОРР, 1934. 30 с.
- Лукин 1935 — *Лукин Ю.* Кровью и честью венчаные... // Русский разведчик. 1935. № 21. С. 2–3.
- Лукин 1936 — *Лукин Ю. Н.* Краткий очерк истории Национальной Организации Русский Разведчиков. Харбин: НОРР, 1936. 27 с.
- Л. Я. 1940 — *Л. Я.* На руинах древних городов: Летний лагерь скаутов-пржевальцев неподалеку от Харбина // Рубеж. Харбин. 1940. № 42. С. 19.
- Малышенко 2005 — *Малышенко Г. И.* Молодежные организации российского казачества в дальневосточном зарубежье (1920–1937 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 170–175.
- Малышенко 2018 — *Малышенко Г. И.* Значение православной церкви русских беженцев Северо-Восточного Китая в возрождении дореволюционной системы образования (1920–1945 гг.) // Электронный научно-методический журнал Омского государственного аграрного университета. 2018. Спецвыпуск № 5 [электронный ресурс] // URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00544.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).
- Окороков 2005 — *Окороков А. В.* Знаки русской эмиграции (1920–1990). М.: Collector's book, 2005. 176 с.
- Полевой 1930 — *Полевой Е.* По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 87 с.
- Полчанинов 2006 — *Полчанинов Р. В.* Калмыки и ОРИОР // Страницы истории разведчества-скаутизма: электронный журнал. 2006. № 107 [электронный ресурс] // URL: <http://www.scouts.ru/library/16465> (дата обращения: 13.01.2025).
- Krotova M. V. Russian school education in Manchuria in 1920s: Politics and pedagogy. In: Veremenko V. A. (ed.) Private and Public in Daily Life of the Population of Russia: History and Present Time. Conference proceedings (St. Petersburg, 15–17 March 2018). In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2018. Pp. 200–206. (In Russ.)
- Kudryashov Yu. V. Russian Scout Movement. Arkhangelsk: Lomonosov Pomor State University, 2005. 593 p. (In Russ.)
- Lukin Yu. N. Masonry among Russian Scouts. Harbin: NARE, 1934. 30 p. (In Russ.)
- Lukin Yu. Tied with blood and honor. *Russkiy razvedchik*. 1935. No. 21. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Lukin Yu. N. National Association of Russian Explorers: A Brief Historical Essay. Harbin: NARE, 1936. 27 p. (In Russ.)
- L. Ya. On ruins of ancient towns: Summer camp of Przhevalsky scouts near Kharbin. *Rubezh. Kharbin*. 1940. No. 42. P. 19. (In Russ.)
- Malysenko G. I. Youth organizations of the Russian Cossacks in foreign Far East (1920–1937). *Tomsk State University Journal*. 2005. No. 288. Pp. 170–175. (In Russ.)
- Malysenko G. I. The importance of the Orthodox Church of Russian Refugees in Northeast China in the revival of pre-revolutionary education system (1920–1945). *E-journal of Omsk State Agrarian University*. 2018. Special issue 5. Available at: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00544.pdf> (accessed: 1 March 2025). (In Russ.)
- Okorokov A. V. Signs of the Russian Emigration, 1920s–1990s. Moscow: Collector's Book, 2005. 176 p. (In Russ.)
- Polevoy E. On That Side of Russia-China Border: The White Émigré Harbin. Moscow, Leningrad: State Publ. House, 1930. 87 p. (In Russ.)
- Polchaninov R. V. Kalmyks in the Organization of Russian Young Pathfinders (ORYuR). *Stranitsy istorii razvedchestva-skautizma: elektron.zhurn*. 2006. No. 107. Available at: <http://www.scouts.ru/library/16465> (accessed: 13 January 2025). (In Russ.)

- Русские 1926 — Русские фашисты на Д. Востоке // Руль. 1926. № 1665. Берлин. С. 6.
- Русskie fascists in the Far East. *Rul'*. 1926. No. 1665. P. 6. (In Russ.)
- Сигаль 1934 — Сигаль В. На путях к самостоятельной работе // Русский Разведчик. 1934. № 13. С. 22.
- Sigal V. Underway towards unsupervised activities. *Russkiy razvedchik*. 1934. No. 13. P. 22. (In Russ.)
- Смирнов 2015 — Смирнов С. В. Русские скаутские организации в Китае // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 671–675.
- Smirnov S. V. Russian scout organizations in China. *Society and State in China*. 2015. Vol. 45. No. 2. Pp. 671–675. (In Russ.)
- Смирнов 2016 — Смирнов С. В. Русские организации скаутов и разведчиков // Проблемы востоковедения. 2016. № 2. С. 81–85.
- Smirnov S. V. Russian organizations of scouts and intelligence agents. *The Problems of Oriental Studies*. 2016. No. 2. Pp. 81–85. (In Russ.)
- Смит 2004 — Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практис, 2004. 464 с.
- Smith A. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. Moscow: Praxis, 2004. 464 p. (In Russ.)
- Состязание 1934 — Состязание на лучшее звено в Маньчжурском Отделе // Наш путь. 1934. № 48(134). С. 4.
- Contest to identify best unit in Manchuria Department. *Nash put'*. 1934. No. 48(134). P. 4. (In Russ.)
- У русских 1934 — У русских скаутов // Наш путь. 1934. № 93(179). С. 4.
- Among Russian scouts. *Nash put'*. 1934. No. 93(179). P. 4. (In Russ.)
- Хисамутдинов 2013 — Хисамутдинов А. А. Русские археологи-эмигранты в Китае // Археологические вести. 2013. № 19. С. 278–283.
- Khislamutdinov A. A. Russian archaeologists émigrés in China. *Arkheologicheskie vesti*. 2013. Vol. 19. Pp. 278–283. (In Russ.)
- Хисамутдинов 2014 — Хисамутдинов А. А. Русские этнографы-эмигранты в Маньчжурii, их труды и судьбы // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 62–75.
- Khislamutdinov A. A. Russian émigré ethnographers in Manchuria, their works and lives. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2014. No. 2. Pp. 62–75. (In Russ.)
- Хроника 1925 — Хроника ХСМЛ в Харбине // ХСМЛ журнал. 1925. № 2. С. 23.
- Chronicles of Christian Youth Union in Harbin. *KhSML zhurnal*. 1925. No. 2. P. 23. (In Russ.)
- Юные 1934 — Юные друзья на вечере у русских скаутов // Наш путь. 1934. № 28(114). С. 5.
- Young friends on visit to Russian scouts. *Nash put'*. 1934. No. 28 (114). P. 5. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 576–585, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47)

Заметки о деятельности Кяхтинской ратуши на Чайном пути

Борис Ванданович Базаров¹,
 Александр Дмитриевич Гомбожапов²

The Town Hall of Kyakhta on the Tea Route: Some Remarks

Boris V. Bazarov¹,
 Alexandr D. Gombozhapov²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Academician of the RAS, Dr. Sc. (History), Professor, Scientific Director

 0000-0001-5326-1317. E-mail: [imbt\[at\]imbt.ru](mailto:imbt[at]imbt.ru)

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-9793-2274. E-mail: [agombozh\[at\]gmail.com](mailto:agombozh[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Базаров Б. В., Гомбожапов А. Д., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Bazarov B. V., Gombozhapov A. D., 2025

Аннотация. Введение. Интенсивное развитие торговых связей России с азиатскими странами, формирование новых транспортных коридоров, инфраструктурные проекты на евразийском пространстве актуализируют более глубокое изучение исторических прецедентов глобальной экономической интеграции. Интерес к чайному торговому пути в этой связи вполне очевиден. Однако, несмотря на объемную литературу о российско-китайской торговле, имеется существенная лакуна в изучении роли местных органов самоуправления в ней. *Цель работы* состоит в освещении деятельности Кяхтинской ратуши в контексте ее участия в обеспечении функционирования важного перевалочного участка Чайного пути. *Материалы исследования.* В статье использованы документальные материалы Государственного архива Республики Бурятия (Ф. 158. Кяхтинская городская ратуша г. Кяхта – Троицкосавск Верхнеудинского уезда Иркутской губернии (с 1851 г. — Забайкальской области) 1775–1876 гг. *Результаты.* В статье показана роль локального института самоуправления Кяхтинской ратуши, кяхтинского купеческого и мещанского общества в обустройстве зданий для торговли, содержании местных

дорог и паромных переходов, по которым провозились торговые возы, организации очередей перевозки товаров. Авторы подчеркивают особую роль Кяхтинской ратуши в возведении каменного Гостиного двора. Часть средств на строительство здания была накоплена в ходе торговых операций с иностранными агентами («промен» хлеба на иностранные товары высокого спроса с последующей их продажей внутри страны). Кяхтинская ратуша выражала и отстаивала интересы купечества и мещанства перед администрацией генерал-губернатора Восточной Сибири и иркутского гражданского губернатора, взаимодействовала с Кяхтинской таможней и пограничным управлением.

Ключевые слова: Ратуша, Кяхта, купечество и мещанское общество, торговля, гостиные ряды
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта ««От Чайного пути к Монгольскому коридору „Нового Шёлкового пути“»» (№ 24-48-03025, <https://rscf.ru/project/24-48-03025/>).

Для цитирования: Базаров Б. В., Гомбожапов А. Д. Заметки о деятельности Кяхтинской ратуши на Чайном пути // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 576–585. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-576-585

Abstract. Introduction. The intensive development of Russia's trade relations with Asian nations, shaping of new transport corridors, and implementation of infrastructure projects across Eurasia make it essential to secure deeper insights into historical precedents of global economic integration. In this context, the interest toward the Tea Road is evident enough. However, despite the extensive publications on Russia-China trade, there remains a significant gap in understanding the role of local self-government institutions in the process. **Goals.** The article seeks to shed light on the activities of the Kyakhta Town Hall (council) in facilitating the functioning of Kyakhta as a key transit point along the Tea Road. **Materials.** The study investigates documentary sources from the State Archive of the Republic of Buryatia (Coll. 158 'Kyakhta Town Hall of Kyakhta-Troitskosavsk, Verkhneudinsk District, Irkutsk Governorate [since 1851 — Transbaikalia Oblast], 1775–1876). **Results.** The article demonstrates the role of the local self-government institution — Kyakhta Town Hall — along with the town's communities of merchants and dwellers in the construction of trade facilities, maintenance of local roads and ferry crossings used for transporting goods, and in arranging the scheduling of cargo transportation. The work emphasizes the particularly important role of the Kyakhta Town Hall in the construction of the stone Merchant Court (Gostiny Dvor). Part of the required funds was accumulated through commercial exchanges ('promen') of grain for high-demand foreign goods that would be subsequently sold in domestic markets. Furthermore, the Kyakhta Town Hall represented and defended the interests of merchants and townspeople before the executive offices of Eastern Siberia Governor General and the civil Governor of Irkutsk. It would also closely interact with the Kyakhta Customs Office and border control authorities.

Keywords: town hall, Kyakhta, merchants, urban commoners, trade, rows of shops

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03025 'From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the New Silk Road'. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03025/>

For citation: Bazarov B. V., Gombozhapov A. D. The Town Hall of Kyakhta on the Tea Route: Some Remarks. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 576–585. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-576-585

1. Введение

Интенсивное развитие торговых связей России с азиатскими странами, формирование новых транспортных коридоров, инфраструктурные проекты на евразийском пространстве актуализируют более глубокое изучение исторических прецедентов глобальной экономической интеграции. Интерес к чайному торговому пути в этой связи впол-

не очевиден. Однако, несмотря на немалый объем литературы о российско-китайской торговле, имеется существенная лакуна в изучении роли местных органов самоуправления в ней.

С упразднением в 1762 г. государственной монополии на торговлю пушниной с Китаем, которая существовала в виде направляемых в Пекин казенных караванов,

частный торг после вынужденного перерыва с 1762 г. по 1768 г. показал внушительный рост [Силин 1947; Сладковский 1974; Хохлов 1989]. В Кяхте, где сосредоточивается основная торговля с Китаем, открываются представительства купеческих домов первой гильдии. С увеличением купеческого и мещанского сословия встали вопросы об установлении местного органа самоуправления, каковой и стала кяхтинская ратуша. Кяхтинская городовая ратуша была учреждена в 1774 г. указом Правительствующего Сената, по которому вместо кяхтинской земской избы открывался магистрат и учреждалась должность нотариуса [Силин 1947: 93]. Ее деятельность прослеживается до 1876 г., позже на основании «Городового положения» от 12 июня 1870 г. ратуша была упразднена, а вместо нее образована Троицкосавская городская управа. До 1851 г. Кяхтинская ратуша находилась в подчинении Иркутской губернии, затем Забайкальской области. Ее деятельность была связана не только с регулированием собственно внутренних дел Кяхтинской слободы (сбор податей, гильдейских денег, ведение окладных книг, набор рекрутов, судебные дела и т. д.), особую роль она также играла в транзитном пограничном пункте Чайного пути [Необычайная Кяхта 2018].

2. Деятельность Кяхтинской ратуши

2.1. Участие в строительстве Гостиного двора

Как известно, долгое время русско-китайская торговля имела меновой характер. Для ее организации требовалось устройство соответствующих торговых рядов, складских строений, амбаров и т. д. Кяхтинское купечество неоднократно обращалось к высшему начальству Иркутской генерал-губернии с ходатайством о постройке гостиного двора. В различных «разсуждениях» указывалось, что кяхтинское купеческое и мещанское общество не имеет общественного гостиного двора, который бы приносил постоянный доход городу, хотя таковой деревянный гостинный двор имелся в Троицкосавске [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 2]. На собрании у главы кяхтинских градских дел 6 октября 1825 г. кяхтинское купеческое

и мещанское общество решило просить «на промен за границу определительную и ежегодную пропорцию десяти тысяч пудов хлеба ... и когда будет иметь сие пропорцию на хлеб, тогда может приобретаемым от промену за границу хлеба капиталом приступить и к выстройке на первый раз Каменного корпуса Гостиного двора» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 4]. При этом общество выражало надежду, что его благомыслящие члены «не оставят соревновать к устройству общественного блага и потомственного заведения, собственным пожертвованием капитала» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1282. Л. 15об.]. Таковых оказалось 26 человек, которые пожертвовали 5 570 руб. ассигнациями, на серебро 1 591 руб. 70 коп. [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1282. Л. 15об.].

Пожелание иметь каменный гостинный двор также было вызвано соображениями безопасности. Строение в Троицкосавске, «окруженное с двух сторон на близком расстоянии обывательскими деревянными домами», могло подвергнуться нередко случившимся пожарам, поэтому он был необходим «для безопасности занимающимся оной торговлей, а не менее и для виду заграничным в благовидности и устройстве города» [Памятники архитектуры... 2010: 156].

Вопрос был решен положительно 12 ноября 1825 г. Иркутский гражданский губернатор с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири предложил Кяхтинской таможне дозволить «промен ежегодно за границу хлеба в вышеозначенной пропорции Кяхтинской ратуше» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 11]. В указании губернатора оговаривалось, что кяхтинское общество полученные средства от промена должно, не приобщая в доход города, обращать на постройку гостиного двора [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 11]. Также было дано указание прислать чертеж будущей постройки.

Из рапорта Кяхтинских гражданских дел становится известным, что начальный оборотный капитал был сформирован из сумм государственными ассигнациями, одолженных обществом у частных лиц сроком на один год [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 14]. Денежные доходы предполагалось получать

проведением торговых операций в несколько этапов. Вначале производилась закупка хлеба в дозволенной «пропорции», затем его «промен» на китайские товары, которые в свою очередь подлежали продаже.

Купеческое и мещанское общество для проведения этих операций избрало «*кяхтинских мещан Егора Бутакова и Михаила Обухова с положением им платы с каждого променного пуда по 8 коп.*» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 14]. Далее в рапорте разъясняется, что денежное содержание имело целью держать «*в полной зависимости оной ратуши, которой и обязаны по требованию ее во всякое время доставлять ... надлежащие и верные отчеты, а о затруднительных и важных обстоятельствах доносить оной же ратуше и просить от нее разрешения*» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 14].

Доверенным было дано общественное одобрение на заем 10 тыс. рублей государственными ассигнациями. Предполагаем, что данный заем был трудновыполним, поскольку в другом документе, датированном декабрем 1825 г., т. е. по истечении, по крайней мере, одного месяца, находим, что кяхтинские купцы и мещане вынесли общее решение добровольно пожертвовать «*безвозвратно каждый по силам и возможности*» для «*употребления по предмету предоставленной обществу препорции на промен за границей хлеба*» денежную сумму и передать ее городовому судье Молчанову [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 13]. Так, кяхтинский купец Лука Молчанов пожертвовал 500 руб.

В отчете «Об управлении вверенного частию по промену за границу 10 тыс. пуд. хлеба», составленном на февраль 1826 г., в доношении в Кяхтинскую ратушу доверенных от Кяхтинского общества мещан Бутакова и Обухова о приходе денег указаны два займа, «*взятых в одолжение на векселя у кяхтинского купца Молчанова без срока*» в размере 3 000 руб., у кяхтинского купеческого сына Баснина без срока 3 000 руб., из Кяхтинской ратуши на 1 год — 1 000 руб. [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 27об.].

В февральском доношении в Кяхтинскую ратушу Е. Бутакова¹ и М. Обухова в

¹ Если отсутствует отчетство, то либо оно не

части «Приход денег» указаны две статьи: «*Принято от г. бывшего городского судьи Молчанова в разные времена пожертвованных кяхтинскими купцами и мещанами на постройку гостиного двора*» и «*Взято из Кяхтинской ратуши на вексель из суммы, принадлежащей троицкосавскому обществу <....> займу?*»² [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 58об.–59]. В ежемесячной ведомости за июнь в столбце «Расход денег» значится сумма в размере 3 000 руб., выделенная кяхтинскому купеческому сыну Баснину [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 58об.–59].

Под хлебом как товаром для «промена», судя по ежемесячно предоставляемым доверенными отчетам, значились пшеница и ярица³ в зерне, мука ржаная и пшеничная. Хлеб до его перевозки через границу хранился в арендуемых амбарах, за которые уплачивались кортомные деньги⁴. За ввоз в торговую слободу, как и в «*маймадчину*»⁵, взималась пошлина. Из содержания ежемесячных отчетов доверенных можно узнать и об иных расходах, связанных с променом хлеба. Так, в отчете за июнь 1826 г. указаны расходы на покупку 10 бочек и 38 мешков, за нагребку 500 пудов хлеба в посуду, за вывоз до Троицкосавска товаров и простой посуды [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 58об.–59].

Хлеб обменивался на китайские товары, которые впоследствии подлежали продаже. Типичный ассортимент состоял из чая кирпичного⁶, чая байхового, шанхая, часучея⁷, полушелоковиц, шелка, сахара, дабы большой.

30 сентября 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурчитаемо в источнике, либо и вовсе отсутствует в нем.

² Так в источнике.

³ Ярица — пшеница или рожь. Поскольку пшеница уже указана, то следует понимать как рожь яровую.

⁴ В отчете за июнь 1826 г. указывается, что было оплачено 30 руб. за аренду двух амбаров в течение одного месяца.

⁵ Название китайского торгового поселения, находившегося напротив Кяхтинской слободы.

⁶ Единицей учета служило товарное место, наполнявшееся известным количеством плиточного чая. «Место чая — тюк чая весом 107 фунтов — около 44 кг» [Субботин 1892: 485].

⁷ По всей видимости, речь идет о так называемом диком шелке — часуча или чесуча.

ский направил представление в Министерство внутренних дел о том, чтобы корпус Гостиного двора был причислен к городскому имуществу Троицкосавска, а его капитал был обращен в запасный капитал этого же города. На это министр внутренних дел отозвался, что «не встречает препятствия к приведению в исполнение предположения как об обращении в запасный капитал г. Троицкосавска, хранящихся в Кяхтинской Городовой Ратуше капитала тамошнего Гостиного двора 1 661 руб. 36 коп., так и о причислении самого Гостиного двора к городским имуществам, с тем, чтобы получаемые с оного доходы поступали в общую массу городских доходов г. Троицкосавск и были вносимы в подлежащие городские росписи» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1282. Л. 15].

Кяхтинская ратуша получала доход от аренды торговых мест на Троицкосавском мелочном рынке, о выстройке которых ходатайствовала в приговоре общества от 25 февраля 1859 г. Под ними числились три категории: лавки каменного мелочного гостиного двора, «шалаша» и «стола» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1312. Л. 2]. Согласно реестру для сбора кортомовых денег за общественные лавки в Троицкосавске, за майскую треть 1866 г. самая высокая плата за аренду бралась за места, обозначенные как «лавки Каменного мелочного Гостиного двора» и «лавки бревенчатые от Каменного Гостиного двора» (цена годового кортома 50 руб.), затем идут «лавки бревенчатые на берегу» при цене 20 руб. в год и «лавки позади бревенчатые из тесу» (ежегодная плата 15 руб.)¹. Кроме того, отдельно выделяются «кладовые под торговлю» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1312. Л. 13, 14, 14об., 15]. Торговые места, числящиеся под «шалашами» и «столами», делились по своему расположению. Обложению подлежали «места от мосту по речке» (годовая оплата кортома варьируется от 3 до 18 руб. 5 коп.), «через проезд от Котова моста», «места по реч-

ке Грязнухе на правом берегу» (в среднем 3 руб.), «стола посредине рынка» (3 руб. в год) [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1312. Л. 17–18]. Кроме того, в книге о записи лавок Каменного гостиного двора и деревянных, отдаваемых в кортомное содержание, на 1869 г. значатся «Каменные лавки Большого Гостиного двора» с ценой в 250 руб. за места². Среди держателей этих лавок числятся кяхтинские купцы Я. О. Котов, И. Н. Сабашников, А. А. Вяткин, И. А. Малыгин, И. П. Новиков, И. Е. Бабкин, кяхтинская купчиха О. И. Байбородина и др. [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 927. Л. 1об.–4].

В списке арендаторов реестра наряду с русскими значатся и фамилии китайских торговцев (к примеру, «Бояндаю Сюнмунсунь», «Боянту Суньиконь», «Чечень Сиченьюй»³ и др. — прим. приведены в дат. пад.) [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1312. Л. 14].

По приговору купеческого и мещанского общества от 12 июля 1838 г. было положено отчислять в доходы г. Троицкосавск по 25 % с рубля.

Необходимо отметить, что часть из сумм, получаемых из отдач лавок при гостином дворе торгующим в кортомное содержание, направлялась на обустройство Александровской богадельни [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1282].

2.2. Обустройство и содержание дорог

Деятельность Кяхтинской ратуши связана и с обустройством и поддержанием дорог, по которым перевозились товары из слободы до Троицкосавска, причем обязанность эта была взята добровольно, что видно из обращения к генерал-губернатору Восточной Сибири. Так, «градское общество Кяхты и Троицкосавска обратилось с просьбой генерал-губернатору Восточной Сибири о возобновлении сбора, отмененно-

¹ В реестре указаны номера лавок по порядку. Лавок каменного Гостиного двора насчитывается 26, бревенчатых — 20, бревенчатых на берегу — 6, бревенчатых из тесу — 30. Напротив части номеров отсутствуют фамилии, из чего следует, что часть торговых мест не находила арендаторов.

² В графе с номерами лавок в каждой строке без исключения указаны две цифры. К примеру, в книге есть запись «Лавку под № 7 и 14 в содержание на 1869 год принял кяхтинский купеческий сын Мих. Байбородин» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 927. Л. 3].

³ Известно, что большинство китайских фамилий являются односложными. Однако в данном случае они представлены, по-видимому, двумя иероглифами.

го по распоряжению начальства в 1827 г.» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 8]. Сбор этот составлял 25 коп. с одного воза с товарами, проходящего через город Троицкосавск с целью пересечения границы. Установлен он был не в виде акциза в пользу города, но в силу добровольного решения торгующего в Кяхте с китайцами иногороднего купечества, которое «по взаимному согласию с здешним градским обществом добровольно положило платить вышеупомянутой сбор в вознаграждение принятой последним, т. е. местным обществом на себя обязанности содержать по возможности в устроенном виде дорогу между Кяхтой и Троицкосавском на 4-х верстном расстоянии необходимую для облегчения проходящих многочисленных обозов с товарами российскими и китайскими, тогда как устройство и содержание сказанной дороги долженствовало лежать на ответственности иногороднего купечества» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 8об.].

В 1830 г. Кяхтинская городовая ратуша вторично ходатайствовала о разрешении высшего начальства на взимание данного сбора. Признав указанные в ходатайстве доводы справедливыми, генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский для дальнейшего разрешения вопроса обратился в Министерство внутренних дел Российской империи. В 1836 г. градское общество Кяхты, не получив ожидаемого разрешения, вновь обратилось с ходатайством на имя генерал-губернатора Восточной Сибири об окончательном решении дела в пользу города [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 8об.]. Из документа, подписанного министром внутренних дел к генерал-губернатору от 19 декабря 1836 г. за № 2 008, видно, что прошение, наряду с другими от сибирских городов, было рассмотрено в комитете министров и последовало Высочайшее повеление, «чтоб сбор производимый с возов в Восточной Сибири дозволить в виде временной меры» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 10]. Право утвердить его для Троицкосавска было предоставлено генерал-губернатору, «так как он имеет прямую возможность судить о существенной необходимости сей меры» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 10].

Основываясь на данном «Высочайшем повелении», Троицкосавское градское общество снова представило генерал-губернатору прошение, в котором изъявило, что «оно постоянно желало и желает утвердить сбор по 25 коп. с воза добровольно предлагаемой торгующим на Кяхте иногородним купечеством, п[е]редавая в благорассмотрение Вашего Высокопревосходительства убедительные местные причины» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 10]. Среди причин указывалось, что, во-первых, «город Троицкосавск существует при пограничном месте, где производится с Китаем на многие миллионы торговля и при распространении и усилении оной <....> расходы по обществу с возрастающей потребностью значительно увеличились»; во-вторых, для покрытия этих расходов нет других «надежнейших источников», кроме как допустить «сбор по 25 коп. с каждого воза тягости провозимой через Город»; в-третьих, «что торгующее купечество само добровольно изъявило уже свое согласие платить городу упоминаемый сбор на условии, чтоб общество Города и Троицкосавска содержало в возможной исправности дорогу от Кяхты до Троицкосавска необходимую для успешной перевозки товаров»; в-четвертых, «что как ныне по перемещению Таможни на другое место, имеющее расстояние от Кяхты не менее шести верст и местоположение по которому пролегает дорога состоит из песчаного грунта, по которому пройдя обоз с товарами и другими тягостями потребует частых и немаловажных поправок в продолжении круглого года потому что здесь по причине редко бываемых скотов не бывает <...> и вся тягость перевозится телегами» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 10–11об.].

Получив разрешение начальства, Кяхтинская ратуша смотрителем¹ назначила мещанина Николая Пояркова для сбора с приходящих Троицкосавск возов с купеческими товарами денег по 25 коп. с воза. Содействие смотрителю оказывалось со стороны «Кяхтинской таможни, и от имеющих при шлагбауме воинского караула и

¹ В рапортах, подаваемых в Кяхтинскую ратушу, должность указывается по-разному: смотритель или старшина при сборе повозных денег.

полицейских казаков» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 27].

Не обходилось и без случаев использования должности в корыстных целях и стяжательства. В сообщении Кяхтинской ратуши от 2 августа 1832 г. говорится, что директор Кяхтинской таможни «отозвался присутствию, что из избранных в старшины мещанин Семен Андропов, находясь на пред сего у уравнения подобной перевозки товаров, делал разночинцам стеснения и когда поступили от них словесные жалобы, то он, Андропов, не внимая ни чему, никак не хотел удовлетворить справедливому требованию разночинцев и удержал у себя деньги... почему он г. директор считает со своей стороны во избежание могущих встретиться подобных неудовольствий и жалоб не допускать его Андропова к сей обязанности» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–1об.]. Кяхтинская ратуша по данному вопросу издала указ от 24 сентября за № 1051, в котором постановила: «ныне служащего у уравнения очередей при извозе купецких товаров мещанина Семена Андропова от должности сей уволить, а на место его избрало мещанина Михайла Вешотникова и в помощники ему Ефрема Ефремова кои обязаны по допущению начальства к должности во всякое время находится при накладке купецких товаров как то в Троицкосавске в Торговой слободе и в следовании вперед и обратно соблюдая в том истинные уравнения соображая каждое лицо сколько у него ревизских душ лошадей и самую очередь, так чтобы никто не мог оставаться обиженным, а был бы довольным...» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 182. Л. 3–3об.]. Плата за труды составляла по 5 коп. с возу, которые делились между старшиной и его помощником, т. е. по 2 ½ коп. на каждого [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 182. Л. 4].

В архивных документах, датированных октябрем 1838 г., есть указание на то, что Кяхтинское общество взялось устроить по распоряжению начальника Верхнеудинского округа две дороги между Троицкосавском и торговой слободой. Поводом к такому распоряжению стало указание генерал-губернатора Восточной Сибири, который «в бытность свою в Кяхте заявил, что

от Троицкосавска до Кяхты очень дурна дорога» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 233. Л. 1]. Они получили наименование белой и черной. «Первая, принимая свое начало от Троицкосавска из Иркутской улицы, следует по прежней трактовой дороге, а последняя соединяется на Успенской площади с идущими из многих улиц Троицкосавска и побочных путей, пролегает отсель по правой стороне Трактовой к юго-западу мимо успенской кладбищенской церкви и соединяется с первою у Кяхтинской заставы; а чтобы белая дорога имела благовидность и всегда была в исправности, то помянутыми правилами положено, чтобы по ней проезжать в одних только экипажах, как местных жителей, так и почтовых и проходить обозам с купеческими товарами, а по черной провозить все прочие тяжести» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 233. Л. 1–1об.].

Кяхтинская городская ратуша через отдачу в арендное содержание обеспечивала паромную переправу («перевозы») через р. Селенгу. Так, согласно заключенному контракту от 30 апреля 1875 г., кяхтинский мещанин Иван Агафонов Жданов брал в аренду два перевоза — Махайский и Дюрбенский, — на правом берегу р. Селенга, относившихся к Кяхтинскому обществу, сроком на 3 года. Из листа торгов видно, что цена аренды возросла более чем на 50 % от начальной (см. табл. 1). Согласно контракту, плата за перевозки взималась по таксе, утвержденной Министерством внутренних дел Российской империи, при этом указывалось, «что эта такса будет выставлена на видном месте при упоминаемых перевозах, а с проезжающих по делам службы, за перевоз платы не требовать» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 341. Л. 31]. Перевозка проезжающих лиц должна была производиться с 5 часов утра до 9 часов вечера [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 341. Л. 15], кроме случаев возникновения порывистого ветра, сильной волны, туманов [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1305. Л. 5]. Начало перевоза было возможно с открытия ото льда Селенги и «продолжаться до того времени ... будет возможно производить таковой смотря по заморозу» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1305. Л. 4].

Таблица 1. Лист торгов на отдачу в арендное содержание перевозов

Махайский и Дюрбенский на правом берегу р. Селенги [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 341. Л. 7об.–8]
 [Table 1. Renting auction protocol for Makhaysky and Dyurbensky ferrying stations in the left bank of the Selenga]

Предмет переторжки	Объявление цены			Когда начата и окончена переторжка
	Жданов	Главинский (?)	Гольнов (?)	
Взятие в арендное содержание перевозов Махаевского и Дюрбенского	75 р.	76 р.	80 р.	
	85 р.	86 р.	88 р.	
	90 р.	91 р.	95 р.	
	100 р.	100 р. 50 к.	101 р.	
	105 р.	105 р. 50 к.	110 р.	
	115 р.	отказался	120 р.	
	125 р.		126 р.	
	130 р.		отказался	

Из контракта 1866 г. следует, что на Махайском / Махаевском перевозе арендатор должен был за собственный счет содержать 4 перевозчиков, один карбас (размером: в длину 16 аршин¹, в ширину 4½ аршина) и лодку, на Дюрбенском — один карбас и двух работников [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1305. Л. 4]. Арендная плата в этот год составила 21 руб. серебром.

В раскладке, направленной на утверждение в Главное управление Восточной Сибири, на 1824 г. о сборе денег к отправлению по Троицкосавску общественных повинностей значится статья расхода «На проезд китайских курьеров через Кяхту в город Иркутск». Сумма к сбору по данной статье указана в размере 200 руб. [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 119. Л. 3]. Однако она не была одобрена указанием иркутского Губернского правления Кяхтинской ратуше об «учинении положения об отправлении натурою по очереди подвод на случай проезда китайских курьеров» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 119. Л. 5]. Купеческое и мещанское общество, предлагая данный сбор, руководствовалось тем, что исправление повинности «натурою» ввиду непредвиденности и срочности представляло немалые затруднения, поскольку «многие общественники жительство свое имеют в отсутственных и отдаленных от Троицкосавска местах, то в случае встретившейся в скором времени надобности в таковых подвод вызывать их тогда по отдаленно-

сти расстояния никак невозможно. Почему таковая повинность и должна упасть на одних только живущих в Троицкосавске общественников в совершенное оным отягощение, ибо у некоторых общественников по нынешнему летнему времени и лошадей при домах не имеется, а у многих и вовсе таковых нет, то посему общество и признает для себя удобным означенных для проезда китайских курьеров подвод, если оные когда-либо потребуются нанимать из общих сумм, назначенных обществом по смете на исправление всех городских потребностей» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 119. Л. 5].

Из содержания этой же раскладки узнаем, что на ремонтные работы дороги, ведущей от Троицкосавска в Кяхтинскую торговую слободу, предполагалось собрать 850 руб., которые и были утверждены главным управлением Восточной Сибири [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 119. Л. 3].

Обязанность по содержанию дороги от Троицкосавска до Кяхтинской торговой слободы относилась к Градскому обществу Троицкосавска. Однако в журнале Кяхтинской ратуши имеется запись о просьбе Кяхтинской таможни составить распоряжение «по примеру прошедших годов» об исправлении дороги, лежащей от Торговой Слободы до Кяхтинской Таможни. Кяхтинская ратуша, соглашаясь взять обязательство по «исправлению в надлежащем виде» дороги, делала уточнение, что она «должна быть содержима в исправности только между Кяхтою и Троицкосавском, а не

¹ Аршин — мера длины, равная 0,71 м.

Таблица 2. Ведомость об извозной промышленности, октябрь 1852 г.

[ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1432. Л. 1об.-2]

[Table 2. Worksheet on carrying activities, October 1852]

По Кяхтинскому Градоначальству	Цены серебром			
	высшая		низшая	
	руб.	коп.	руб.	коп.
От Кяхтинской Торговой слободы в г. Троицкосавск китайских товаров с воза, полагая весу 20 пудов, а возов 3000	..	45	..	..
От г. Троицкосавска российских товаров в торговую слободу с воза, полагая весу 20 пудов, а возов 500 <i>Объяснение: 1. Означенная перевозка производилась не одними кяхтинскими гражданами, но и прочими разночинцами, проживающими в Троицкосавске. 2. Вся перевозка вышеозначенных тяжестей перевозилась на одноконных подводах, а не на волах и не парами.</i>	..	45	..	..
От г. Троицкосавска до прорвы Байкал моря провозились подрядчиками товары серебром с пуда	..	40	..	..

по всему Городу до новых Таможенных зданий потому, что содержание улиц в исправности лежит и без этого на прямой обязанности каждого жителя Города своего участка, почему и исправление оных Ратуша отнести на счет общества находит несовместным» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 231. Л. 41об.]. Средства на содержание дороги формировались, как было указано выше, с повозных денег, которые платили купцы.

Определенное представление о стоимости транспортировки грузов можно получить из ведомости, составленной в Кяхтинской городской ратуше, об извозной внутренней промышленности, произведенной обывателями г. Троицкосавск в течение октября 1852 г. (см. табл. 2).

Троицкосавская городская управа и Кяхтинская ратуша находились в тесных отношениях, оказывая друг другу посильную помощь. В этом аспекте показателен случай, когда Троицкосавская городская управа обратилась в Кяхтинскую ратушу с просьбой о предоставлении четырех конных пар с повозками, чтобы отвезти китайских курьеров на Липовскую станцию. Просьба имела срочный характер, поскольку прибывшие в Троицкосавск загра-

ничные курьеры желали, «завтра по утру в 7 часов непременно отправиться в следующий путь для доставления к его превосходительству Господину состоящему в должности Иркутского Гражданского Губернатора, следующего из Пекинского трибунала в Правительствующий Сенат листа» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 26. Л. 1]. Сложность заключалась в том, что при почтовой конторе находилось только шесть конных пар с повозками, одна из которых должна была «на случай экстренной надобности всегда оставаться при почтовой конторе» [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 26. Л. 1]. Всего же для препровождения требовалось девять конных пар с повозками, в том числе для сопровождающего чиновника из пограничного управления и казачьей команды.

Кяхтинская ратуша обращалась также Кяхтинскому градскому старосте по различным хозяйственным вопросам. К примеру, ратуша письмом от 3 мая 1869 г. поручала старосте распорядиться об исправлении шоссеиной дороги путем засыпки выбоин хрящем (гравием) и утрамбовкой оной на деньги, отпускаемые ею [ГА РБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 955. Л. 2–2об.].

3. Заключение

Эти заметки — лишь часть обширной деятельности Кяхтинской ратуши, однако они позволяют оценить значимость роли кяхтинского купеческого и мещанского общества, которую оно играло в функционировании важного приграничного участка торгового Чайного пути. Кяхтинская ратуша выражала и отстаивала интересы купечества и мещанства перед администрацией генерал-губернатора Восточной Сибири и иркутского

гражданского губернатора, взаимодействие вала с Кяхтинской таможней и пограничным управлением. Яркий след оставлен ею в строительстве каменного Гостиного двора и других общественных зданий. Одним из важных направлений деятельности ратуши было содержание дорог «в надлежащем виде», «разбитие» которых происходило вследствие постоянно проезжавших по ним «купеческих возов с товарами».

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

- Захаренко, Ажгиревич 2023 — *Захаренко И. А., Ажгиревич О. И.* Великий чайный путь: Авторские исследовательские проекты. М.: Издательские Технологии, 2023. 612 с.
- Необычайная Кяхта 2018 — *Необычайная Кяхта* / авт.-сост. Л. Б. Цыденова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. 176 с.
- Памятники архитектуры и истории 2010 — *Памятники архитектуры и истории. Т. 1. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия* / науч. ред. В. К. Гурьянов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 328 с.
- Силин 1947 — *Силин Е. П.* Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.
- Сладковский 1974 — *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 439 с.
- Субботин 1892 — *Субботин А. П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб.: Тип. Северного телеграф. агентства, 1892. 706 с.
- Хохлов 1989 — *Хохлов А. Н.* Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. — середина XIX в.) // *Бурятия XVII–XX вв. Экономика и социально-культурные процессы: Сб. науч. тр.* / отв. ред. Н. В. Ким. Новосибирск: Наука, 1989. С. 15–50.

References

- Zakharenko I. A., Azhgirevich O. I. The Great Tea Road: Original Research Projects. Moscow: T8. Izdatelskie Tekhnologii, 2023. 612 p. (In Russ.)
- Tsydenova L. B. (comp.) Unusual Kyakhta. Ulan-Ude: NovaPrint, 2018. 176 p. (In Russ.)
- Guryanov V. K. (ed.) Architectural and Historical Landmarks. Vol. 1: Collected Cultural Heritage Sites of Buryatia. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 328 p. (In Russ.)
- Silin E. P. Kyakhta in the Eighteenth Century: More on the History of Russia-China Trade. Irkutsk: Irkutsk Oblast Publ. House, 1947. 204 p. (In Russ.)
- Sladkovsky M. I. Russia and China: A History of Trade and Economic Relations before 1917. Moscow: Nauka — GRVL, 1974. 439 p. (In Russ.)
- Subbotin A. P. Tea and Its Trade in Russia and Other Countries: Tea Production, Consumption, and Distribution. St. Petersburg: Severnoe Telegrafnoe Agentstvo, 1892. 706 p. (In Russ.)
- Khokhlov A. N. Kyakhta and its trade: 1720s–1850s. In: Kim N. V. (ed.) Buryatia in the Seventeenth to Twentieth Centuries: Economy and Sociocultural Processes. Collected scholarly papers. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 15–50. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 3, Pp. 586–597, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

Повседневная жизнь русскоязычных переселенцев в Харбине в начале XX в. (по воспоминаниям С. Ю. Муравской)

*Манара Чальтеновна Калыбекова^{1,2},
Надежда Александровна Кубик²*

Everyday Life of Harbin's Russian-Speaking Settlers in the Early Twentieth Century: Based on Memoirs of Svetlana Yu. Muravskaya

*Manara Ch. Kalybekova^{1,2},
Nadezhda A. Kubik²*

¹ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

² Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, просп. аль-Фараби, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, профессор

Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Professor

 0000-0001-5194-6136. E-mail: K.manara69@gmail.com

² Государственный архив Павлодарской области (д. 51/1, ул. Лермонтова, 140000 Павлодар, Республика Казахстан)

заместитель руководителя

Deputy Director

 0000-0002-6950-128X. E-mail: kubiknadezda@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Калыбекова М. Ч., Кубик Н. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Kalybekova M. Ch., Kubik N. A., 2025

Аннотация. *Введение.* Русские переселенцы, поселившиеся в зоне отчуждения Китайско-Восточной железной дороги с конца XIX в., сохранили привычный уклад жизни, богатую материальную и духовную культуру, традиционную христианскую веру, создав уникальную общность на основе культурной и этнической идентичности. *Цель* статьи — ввести в научный оборот воспоминания Муравской Светланы Юрьевны о жизни ее предков в Китае. *Результаты.*

Воспоминания С. Ю. Муравской являются ценным источником для понимания особенностей жизни и быта русских переселенцев в Харбине. Переселившись в Китай по причине внутрисемейного конфликта, семья Романченко-Райлян пополнила ряды советских переселенцев в Китае. По роду занятий большинство членов семьи были так или иначе связаны с железной дорогой (строители, кассиры, рабочие), а также занимались торговой, предпринимательской деятельностью, рыболовецким промыслом, ремеслами, огородничеством и животноводством. Сохранение родного языка и традиционного быта, участие в культурной жизни эмиграции, получение образования в рамках привычной культурной и религиозной традиции способствовало сохранению национальной и культурной идентичности, позволило избежать ассимиляции с коренным населением и стало причиной возвращения эмигрантов на историческую родину.

Ключевые слова: КВЖД, железная дорога, Харбин, эмиграция, переселение, повседневная жизнь, русская колония

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта BR24993057 «Фундаментальное исследование основных категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процесса их полной реабилитации» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Калыбекова М. Ч., Кубик Н. А. Повседневная жизнь русскоязычных переселенцев в Харбине в начале XX в. (по воспоминаниям С. Ю. Муравской) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 586–597. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-586-597

Abstract. Introduction. Ethnic Russians who settled within the exclusion zone of the Chinese Eastern Railway (CER) since the late nineteenth century would retain their traditional lifestyles, vivid material and spiritual culture, and Christian faith — only to create a unique community based on cultural and ethnic identity. **Goals.** The article shall introduce into scientific circulation the memoirs of Svetlana Yurievna Muravskaya about the life of her ancestors in China. **Results.** S. Muravskaya's memoirs are a valuable source for understanding the peculiarities of the life and everyday practices of Russian migrants in Harbin. Having moved to China due to an internal family conflict, the Romanchenko-Railyan joined the group of Soviet immigrants in China. Professionally, most family members were in various ways connected with the railway (builders, cashiers, workers), and would also become engaged in trade, entrepreneurship, fishing, handicrafts, gardening, and animal husbandry. The preservation of their native language and traditional lifestyle, participation in the cultural life of the migrant community, and education within the framework of cultural and religious traditions contributed to the preservation of national and cultural identity, helped them avoid assimilation among the indigenous population, and would pave a return way toward the historical homeland.

Keywords: CER, railway, Harbin, émigrés, resettlement, everyday life, Russian colony

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. BR24993057 'Fundamental Research of the Main Basic Categories and Subcategories of Victims of Political Repression in Kazakhstan and the Process of Their Full Rehabilitation'.

For citation: Kalybekova M. Ch., Kubik N. A. Everyday Life of Harbin's Russian-Speaking Settlers in the Early Twentieth Century: Based on Memoirs of Svetlana Yu. Muravskaya. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 586–597. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-586-597

1. Введение

Китайско-Восточная железная дорога (далее — КВЖД) сыграла большую роль в формировании Харбина как современного многонационального мегаполиса. Исторически Харбин был малоизвестной рыбацкой деревней. Сотрудники Управления строительства и проектирования железной

дороги, а также российские исследовательские группы первыми основали поселения вблизи Тяньцзяшао. С началом строительства в 1897 г. КВЖД в Маньчжурию устремились русские переселенцы — подданные Российской империи, фактически превратив ее в русскую колонию, а Харбин стал ее неформальной столицей. Миграция

достигла своего пика в середине 1920-х гг., в период Гражданской войны и последняя численность русских мигрантов составляла 100–120 тыс. чел. [Вуль 2021: 90]. Центр русской эмиграции — Харбин — стал уникальным явлением: благодаря значительным инвестициям конкурирующих между собой царской России и западных капиталистических стран его развитие было столь стремительным, а городское строительство не менее разнообразным, что за короткое время он превратился из небольшой деревушки в крупный мегаполис со своеобразным промышленным и социально-культурным обликом. Эмигранты в Харбине сохранили привычный уклад жизни, богатую материальную и духовную культуру, свою традиционную православную веру, создав уникальную общность на основе культурной и государственно-этнической идентичности.

2. Материалы и методы

Данная работа написана на основе воспоминаний Муравской Светланы Юрьевны, 1952 г. р., о жизни ее предков в Харбине, написанных 10 февраля 2025 г. Автор воспоминаний родилась в г. Муданьцзян (КНР), в 1955 г. в возрасте двух лет вместе с родителями и семьей реэмигрировала в Павлодарскую область Казахской ССР. Данный источник публикуется впервые. Введение их в научный оборот позволит внести вклад в объективное освещение переселенческой политики СССР из КНР, а также представить картину переселения глазами очевидцев.

Методологическую основу данной работы составляют общенаучные принципы историзма и научной объективности. В работе применяется системный подход к информации, содержащейся в воспоминаниях, реализованный через применение описательного, проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов.

3. История вопроса

Несмотря на достаточно большое количество исследований по истории русской эмиграции в Китае, нельзя сказать, что данная тема получила всестороннее и исчерпывающее освещение. Малоизученной остав-

ся повседневная жизнь русской колонии в зоне отчуждения КВЖД, существовавшей там с конца XIX в. до 50-х гг. XX в. и ставшей крупнейшим дальневосточным центром русской эмиграции.

В общей историографии (советской и постсоветской) работы о русской эмиграции в Китае занимают значительное место. Научные труды, мемуары, воспоминания в советский период (1920–1990-е гг.) выходили регулярно (Н. Е. Аблова [Аблова 1998; Аблова 2005], С. Г. Авенариус [Авенариус 1971], М. А. Бакич [Бакич 1969–1979], П. П. Балакшин [Балакшин 1959а; Балакшин 1959б], Г. В. Мелихов [Мелихов 1974; Мелихов 1997; Мелихов 2003], М. Х. Таиров [Таиров 1972] и др.).

С конца 1990-х гг. становятся доступными новые источники и, как следствие, стало возможным более объективное и детальное исследование русской эмиграции, включая и дальневосточную, активно публикуются работы по истории русской эмиграции, в том числе и в Китае. Особо следует выделить работы Е. П. Таскиной [Таскина 1994; Таскина 1998; Таскина 2007] и Г. В. Мелихова [Мелихов 1974; Мелихов 1997; Мелихов 2003], родившихся в Харбине, которые после возвращения в СССР в 1950-е гг. публикуют работы, основанные на личных воспоминаниях, подкрепленных документальными источниками и историческим подходом, что делает их неоценимым источником в изучении данной проблемы. Г. В. Мелихов на основе фактических данных доказывает, что в многонациональном Харбине русский язык и русская культура объединяли все национальности и национальные культуры [Таскина 1994: 192; Мелихов 1997: 245].

В начале XXI в. интерес к истории русской эмиграции возрастает. Н. Е. Аблова подробно описывает роль КВЖД в строительстве и развитии Харбина и общую историю русской эмиграции в Китае [Аблова 2005: 431]. Е. Е. Аурилене, исследуя жизнь русских эмигрантов в Маньчжурии, выделяет три центра эмиграции в Китае, называя Харбин одним из них [Аурилене 2004: 376]. В монографии Н. Н. Аблажей сделана попытка обобщающего исследования фено-

мена русской диаспоры, рассматриваются закономерности и факторы формирования, трансформации и распада эмигрантского общества, показаны масштабы эмиграции и реэмиграции, специфика адаптации и процессы советизации белой эмиграции [Аблажей 2007: 300].

На хозяйственно-экономическую деятельность русских эмигрантов в Маньчжурии обращает внимание С. И. Лазарева, ее работа помогает лучше понять условия, в которых работали русские предприятия Харбина в 1920–1930 гг. [Лазарева 2003: 69]. В монографии Т. Г. Мамаевой на основе большого количества источников показана история российского предпринимательства в Маньчжурии с конца XIX в. до 1945 г. [Мамаева 2021: 121]. В статье Л. Ли «Строительство Китайско-Восточной железной дороги и возвышение Харбина» представлен исторический обзор обстоятельств строительства Китайско-Восточной железной дороги, а также анализируются ее роль и значение в становлении Харбина как современного многонационального мегаполиса [Ли 2023: 102].

Вопросы повседневно-культурной жизни русской эмиграции в Китае в той или иной степени затрагивали И. К. Капран [Капран 2007], Н. П. Крадин [Крадин 2001], С. И. Лазарева [Лазарева 2003], В. Ф. Печерица [Печерица 1999; Кочубей, Печерица 1998], Н. Д. Старосельская [Старосельская 2006], А. А. Хисамутдинов [Хисамутдинов 2000] и др. И. К. Капран подробно рассмотрены условия повседневной жизни русского населения Харбина первой половины XX в. [Капран 2007: 240]. В монографии В. Ф. Печерицы на документальной основе воссоздаются малоизвестные страницы жизни русских эмигрантов. По мнению автора, русская эмиграция оказала заметное влияние не только на экономическую ситуацию, но и на политическую, культурную и духовную жизнь Маньчжурии [Печерица 1999: 276]. Е. Е. Аурилене рассматривает оригинальную концепцию истории российской диаспоры, сформировавшейся в Китае в 1920–1959 гг. [Аурилене 2004: 376]. Проблемы повседневной жизни русских эмигрантов, по разным причинам оказавшихся

в Китае, анализирует в своей монографии и Н. Д. Старосельская. Среди использованных автором источников большой интерес вызывают воспоминания и фотографии из ранее не публиковавшихся семейных архивов Бородиных, Гоберник, Ильиных, Вертинских и др. [Старосельская 2006: 289]. Значительный интерес представляют воспоминания очевидцев об истории российской диаспоры в Китае [Слободчиков 2005: 431], а также работа С. В. Смирнова, посвященная проблеме конструирования диаспоральной идентичности в среде русских репатриантов из Китая в 1990–2000-е гг., которая рассмотрена на основе воспоминаний и документов личного происхождения русских репатриантов [Смирнов 2014: 127].

Ряд работ посвящен непосредственно культурной и, в частности, театральной жизни Харбина. В исследованиях А. А. Хисамутдинова представлена подробная информация о деятельности и репертуаре харбинских театральных трупп [Хисамутдинов 2000: 360]. Под редакцией Пресс-бюро народного правительства г. Харбина в 2006 г. на китайском и русском языках был выпущен фотоальбом «Россияне в Харбине», в котором опубликованы ценные и редкие фотографии из архивов Китая и частных коллекций, в том числе снимки зданий бывших русских кинотеатров и театров, музыкальных коллективов и оркестров, выступлений русских артистов [Россияне 2006: 166].

В монографии российского историка архитектуры Н. П. Крадина «Харбин — русская Атлантида» приводится исторический обзор предпосылок и ход строительства КВЖД, рассматриваются малоизвестные страницы развития русской архитектуры в Маньчжурии периода строительства и функционирования КВЖД, а также судьбы русских эмигрантов в Харбине [Крадин 2001: 352].

4. Результаты

Открытие КВЖД в 1903 г. оказало большое влияние на Харбин, его политику, экономику, культуру, архитектуру и религию, в результате чего он быстро вошел в число современных городов. В районах, связанных

с железной дорогой, активно развивались промышленность и торговля. В результате значительных инвестиций царской России и западных капиталистических стран социально-экономическое развитие Харбина заметно ускорилось, а городское строительство стало столь разнообразным, что облик города преобразился. Исследователи данной темы делают акцент на феномене Харбина, в котором представители двух групп русскоязычных «меньшинств» — «белоэмигрантской» и советской — сумели сохранить привычный уклад жизни, богатую материальную и духовную культуру, традиционную христианскую веру, создав уникальную общность на основе культурной и государственно-этнической идентичности [Вуль 2021: 89].

Пожалуй, очень ярко, в свойственной ему манере, отметил «русскость» Шанхая и Харбина Александр Николаевич Вертинский, который с 1935 г. по 1943 г. проживал в Харбине, Шанхае, где давал концерты в кабаре «Ренессанс», в летнем саду «Аркадия», в кафешантане «Мари-Роуз»: «Понравился ли мне Шанхай? Я его почти не видел, но то, что видел, меня очаровало. Это действительно экзотический город, несмотря на подчеркнуто европеизированный вид. Чувствуется дыхание мирового центра. Но, к моей радости, оно не заглушило движений русской жизни. Она здесь властно чувствуется на самой поверхности! В Европе и Америке этого не замечается. Там внешняя русскость растворяется в основном потоке каждой страны. В Берлине, Париже, Сан-Франциско и пр. вы русского не отличите на улице от аборигена. А здесь, наоборот, иностранцы тонут в русской массе Авеню Жоффр, которую я видел краешком глаза» [Вертинский 1991: 535].

Одной из проблематик исследования данной темы является повседневная жизнь русского населения в Китае и вопросы его адаптации в инокультурной среде. Историческим источником в изучении повседневности служат воспоминания. В этой связи представляют интерес воспоминания Муравской Светланы Юрьевны о жизни ее предков в Харбине, написанные 10 февраля 2025 г. по воспоминаниям бабушки,

Евгении Захаровны, с которой она жила с рождения [ГА ПО. Ф. 719. Оп. 2. Д. 129. Л. 1–13]. История семьи Романченко-Райлян-Муравских охватывает период примерно с конца XIX в. по 1955 г. (начало повествования автор приблизительно датирует 80-ми гг. XIX в.). Автор воспоминаний, Светлана Юрьевна Муравская, родилась в 1952 г. в г. Муданьцзян, но в документах местом рождения записан г. Харбин (по месту крещения). В 1955 г. в возрасте двух лет она вместе со своими родителями: мамой, Ларисой Ивановной Муравской (1930 г. р.), отцом, Юлием Николаевичем Муравским (1929 г. р.), а также бабушкой Евгенией Захаровной (1909 г. р.), дедом Иваном Корнеевичем Райлян (прим. 1897 г. р.), прадедом Корнеем Ивановичем Райлян (прим. 1869 г. р.), его второй женой Райлян Юлией Петровной (1897 г. р.) и его сестрой Марией (в крещ. Агафия) реэмигрировали в СССР и попали в Павлодарскую область Казахской ССР [Калыбекова и др. 2024: 480]. Данные воспоминания публикуются впервые. Орфография и пунктуация источника дается в соответствии с рукописным текстом, также в квадратных скобках приводятся слова, необходимые для понимания.

5. Воспоминания С. Ю. Муравской

Моя семья

(Как они попали в Китай)

Мой прадед, Захар Иванович Романченко, жил в г. Белая Церковь. У него было еще 10 младших братьев и мать-вдова. Чтобы обеспечивать семью, он работал садовником в имении графа Потоцкого¹.

¹ Возможно, речь идет о парке Александрия в г. Белая церковь — памятнике садово-паркового искусства, одном из крупнейших парков Восточной Европы. Был основан в конце XVIII в. графом Ксаверием Браницким. Назван в честь жены графа — Александры. Является образцом пейзажной парковой композиции. На территории парка «Александрия» была построена летняя резиденция семьи Браницких («Аустерия» или «Дединец»), Царский павильон, в котором жили гости Браницких — члены царской семьи, Танцевальный павильон, колоннада «Эхо», павильоны «Ротонда», «Руины», «Китайский мостик» и т. п. Парк был украшен бронзовыми и мраморными скульптурами, вазами, декоративными композициями из больших глыб и искусственных земляных возвышений.

Управляющим именина был Браницкий, у которого была 1 дочь и 4 сыновей. Юная Стефания (Степанида) любила музицировать на фортепьяно. А молодой красавец-садовник любил петь под ее музыку. Молодую белокурую голубоглазую красавицу собирались выдать замуж за богатого старика. Но этому не суждено было случиться, так как молодые люди полюбили друг друга, и накануне свадьбы морозной зимней ночью Захар выкрал любимую, которая выпрыгнула в окно прямо в объятия. Быстро закутав в шубу любимую, отвез на санях в соседнюю деревню, где их и обвенчали (заранее договорился со священником). Был грандиозный скандал: как это, дворянка пошла замуж за «мужика». Ее братья грозились даже убить их. Но в это время шел набор молодежи на строительство Восточной железной дороги, и вот молодые вместе со всей семьей, матерью, прадедом и младшими десятью братьями, завербовавшись на строительство, отправляются сначала в Сибирь и далее через весь северный Китай до самого Владивостока. Практически на срезке КВЖД ушла вся жизнь. Братья подрастали, обзаводились своими семьями, рождались дети. Условия работы были хорошими, предоставлялось казенное жилье, за[р]пл[ата], и откладывалась часть заработка. Женщины занимались хозяйством (коровы, куры и т. п.), огородничеством, пока мужчины строили. Когда человек прекращал работу, на эти деньги уже можно было построить свой дом, завести хозяйство и осесть на какой-либо построенной станции, освоить какую-либо из железнодорожных специальностей и жить своим «русским миром» по обеим сторонам КВЖД.

Семья была дружная, у моего прадеда Захара со Степанидой родилось 8 детей (выжили 6: 4 девочки и 2 мальчика). У прабабушки была машинка «зингер», и [она] обшивала всю семью. Когда кто-либо из братьев собирался жениться, ехали в тайгу, рубили деревья и совместно строили молодым жилье (за 1–2 недели!).

По праздникам собирались все семьи (чаще у Захара) на совместную трапезу и обязательно пели. Электричества тог-

да еще у них не было, только керосиновые лампы, а засиживались допоздна. И как запоем! Такой звук — лампы тухли (моей бабушке, младшей из дочерей, бывало стыдно из-за этого). Пели все. Позднее двое из дочерей — старшая Анна и младшая — бабушка Евгения — пели в театре г. Харбина, которым тогда руководил А. Вертинский, без какого-либо музыкального образования!

У Захара, наверное, было какое-то агропромышленное образование. Когда нужно было сажать что-либо из огородных культур, он вечером, в начале ночи, выходил во двор, смотрел на небо и по фазам луны определял, что, когда нужно сажать, и урожаи всегда были хорошие. По осени отец брал лошадь с телегой, садил всех ребятшек, и ехали в тайгу собирать виноград, дети, стоя прямо на телеге, резали ножницами гроздь дикого винограда, потом делали самодельное вино и т. д. — в тайге всего было много. Зарабатывал только отец, а семья жила в достатке. Дети учились. Моя бабушка закончила гимназию с золотой медалью. Из шести детей трое были медалисты. И никого не заставляли учиться. Не можешь учиться — иди работай. Учились все. [...]¹

Когда достроили железную дорогу, мой прадед стал работать проводником [поезда] Харбин – Владивосток. Вся жизнь сосредоточивалась вокруг железной дороги. В семье были представители специальностей от проводника, обходчика, машиниста до начальника станции. Сначала жили в пос. Пограничное, а когда дети выросли, разъезжались по станциям, где была работа.

Все оставались русскими подданными. Когда началась Первая Мировая война, старший брат Петр был мобилизован в царскую армию, а вернулся уже после революции, и был назначен начальником станции (наверное, стал коммунистом).

Старшая из сестер, Анна, вышла замуж за поляка, он был машинистом паровоза, жил в Харбине. Затем, когда моя

¹ Здесь и далее многоточием в квадратных скобках отмечены пропуски малозначительных деталей, не имеющих значения для общего повествования.

бабушка окончила гимназию и курсы медсестер, но работать в больнице не смогла, так как тогда внедряли реанимацию раненых с помощью эл[ектрического] тока (это, говорила она, было ужасно), так как работы дома не было, она уехала к сестре в Харбин (границы еще не были закрыты) и там устроилась работать продавщицей в кондитерский магазин. Когда Александр Вертинский организовал свой театр, Анна стала петь заглавные женские роли, а ее сестренка [выступала] в амплуа трагистки (играла мальчиков, девочек). Правда, часто она вспоминала свою роль Марии Антуанетты. Уж больно красивое было платье королевы. [...] Так, как это играла моя бабушка, не мог сыграть никто. Такая интонация... У нее даже в старости был молодой голос, и по телефону никто не мог догадаться о фактическом ее возрасте. Но, к сожалению, когда она вышла замуж за моего деда, он запретил ей играть в театре, мол, это неприлично для женщины, хотя, когда ухаживал, с удовольствием ходил на все спектакли. Она всю жизнь пела многие арии и оперетты (вероятно, я поэтому люблю этот жанр искусства) просто так и для себя, делая обыкновенные домашние дела, а также старинные русские и украинские песни (с такой интонацией, с которой сейчас уже не поют), романсы, шансон и т. д. [...]

Харбин — своеобразная столица «русского мира» в Китае того времени. Там было все: больницы, магазины, рестораны, театр, университет (с некоторыми его выпускниками мне доводилось встречаться по работе (Волгин К., Зентка Евгений Францевич, уровень знаний, интеллигентность зашкаливают), русский православный храм. На вокзале у входа была большая икона Николая Чудотворца. Бабушка Евгения (так ее звали в семье, а по паспорту — Ефросинья) рассказывала такой случай (из разговора с китайцем, принявшим православие). Один китаец переправлялся в своей лодке через реку и случайно уронил весло, пытаясь его достать, опрокинул лодку и стал тонуть, перебрал всех своих божков, но помощи нет, потом вспоминает изображение у вокзальной двери и кричит: «Старик

у вокзала помогайло!!!». В этот момент его заметили и помогли выбраться на сушу. Впоследствии он принял православие и стал усердным прихожанином храма и даже какую-то должность там имел¹.

Стройку и работающих на ней нужно было обеспечивать, этим занимались русские купцы, одним из них был мой прадед — Корней Иванович Райлян.

Харбин по-китайски Хао бинь («сушить сети»), дело в том, что в реке Сунгари в то время, когда еще не строили электростанций, рыбы было в избытке. Прадед имел свои «рыбалки» и наживал миллионы рыбным промыслом (ловля и переработка рыбы). Деньги для надежности держал в «Русском банке» и поэтому, когда в новой советской России произвели денежную реформу и обмен денег, он потерял все свои капиталы. На нервной почве у него случился инсульт, и его парализовало. Сердце же было очень крепкое, поэтому, несмотря на его состояние, он пролежал еще не один десяток лет. И семья моей бабушки Евгении Захаровны привезла его и его престарелую сестру, у которой был рак, бабу Марусю, в 1955 году в Советский Союз². У Корнея Ивановича Райляна было трое сыновей, которым он успел дать блестящее образование. Мой дед, Иван Корнеевич, закончил в свое время (до революции) Одесскую высшую коммерческую школу.

Каждый имел свой бизнес: старший, Константин, имел свою парикмахерскую, средний, мой дед, несколько раз пытался открывать свой м[агазин] и буфет (фактически по-современному кафе) при вокзале, младший — пекарню. Причем все были не только «эксплуататорами», но и сами активно работали на своих предприятиях, конечно же, имели и наемных рабочих. Обедали все, и хозяева, и рабочие, — за одним

¹ Похожий сюжет описывает Елена Тимофеевна Мячина «Старик вокзала — помогай!» [электронный ресурс] // Русский дом. 2013. Июнь. № 6. URL: <http://www.russdom.ru/node/6532> (дата обращения: 11.03.2025).

² Постановлением Совета Министров СССР от 18 апреля 1954 г. № 751-329с был разрешен въезд на территорию СССР на постоянное жительство 6 тыс. семей советских граждан, изъявивших желание покинуть КНР (подробнее см.: [Калыбекова и др. 2024: 480]).

и тем же столом, ели одну и ту же пищу, которую готовила моя бабушка (Евгения Захаровна), кто сколько хотел. [...]

Время было беспокойное, начинались революционные события. Возникали отряды «хун хузов» («красных»), которые грабили богатых и более-менее зажиточных граждан, нередко убивая хозяев, жгли дома. Бабушке несколько раз приходилось бросать дом, убежать только с ребенком на руках (моей мамой), благо, что поезда ходили хорошо. Несколько раз их разоряли. В конце концов, бабушку, Евгению Захаровну, сестра устроила на железной дороге кассиром (у сестры муж работал машинистом поезда). Бабушка свободно владела разговорным китайским и имела хорошую зрительную память, она сумела запомнить иероглифы (названия станций) и ни разу не ошиблась при продажах билетов и при проверках на проф. пригодность, никто даже не верил, что она не знает китайской грамоты. Дед работал то на лесных концессиях, то на железной дороге, одно время был заведующим клубом на одной из станций, так как он умел играть на 4 музыкальных инструментах: гитаре, балалайке, мандолине, имел веселый характер, легко общался с людьми. Занимались животноводством, держали несколько коров, в основном, делали масло на продажу. Дед, кроме того, вывел новую породу свиней, которая пользовалась успехом, довольно хорошо продавались поросята.

Перед Великой Отечественной войной, в 1932 г., многие русскоязычные семьи депортировались в Советский Союз. Наши тоже подали документы, но простудилась и сильно заболела моя мама, и бабушка не решилась ехать, боясь потерять ребенка (моя мама была ее единственным ребенком), а по состоянию здоровья бабушка не могла иметь других детей. Так они и остались в Китае. Затем началась оккупация территорий Маньчжурии японскими войсками. Железную дорогу забрали японцы.

Жили в основном за счет своего хозяйства. Было много поляков, они продвигали свою культуру: строили костелы с монашествами. В один из таких костелов бабушка отдала на обучение мою маму, Ларису, так

как там была школа для девочек закрытого типа. Мачеха моего деда была полькой и работала там наемным персоналом. Обучение велось очень хорошее монахинями монастыря, многие из которых были из знатных семей, в основном гуманитарное — языки (английский, французский, латинский, наверное, греческий или церковно-славянский, русский). Для православных девочек отдельно приглашался приходящий священник, [воспитанниц] других религий обучали ксендзы и монахини. Обязательно религиозные службы, режим, очень хорошо изучалась русская и польская литературы (мама наизусть пересказывала Сенкевича, Толстого). Музыка была за отдельную плату. Даже преподавали балетные танцы (монахини!), а также женские ремесла: вязание, вышивка, рисование, кулинария. Мама очень хорошо вязала всю жизнь. А танцевала так, что ее впоследствии даже приглашали в театр, в кордебалет (безо всякого специального музыкального образования!). Но дед не отпустил («чтобы не испортилась»). Поэтому она по выходу из монастыря поступила на курсы телеграфисток, чтобы получить специальность (для железной дороги требовались связисты), работала телеграфисткой и там же познакомилась с моим отцом, Муравским Юлием Николаевичем, за которого вскоре вышла замуж. Он тоже был телеграфистом. Это было уже после Великой Отечественной войны. В результате родилась я.

Мой дедушка, Николай Степанович Муравский, был офицером царской армии, дворянином, участником Первой Мировой войны. Его воинская часть была именно той, на которой Германия впервые испытала отравляющий газ иприт. Он сумел вывести часть солдат из окружения, сам потом всю жизнь страдал по поводу легких. После революции служил на железной дороге и так как был с больными легкими, его отправили лечиться в санаторий в г. Сухуми, где он и познакомился с моей бабушкой, Александрой Васильевной Скоковой. Вскоре они поженились, родился мой отец, Юлий Николаевич, в 1929 г., но из-за происхождения его часто увольняли с работы и преследовали, из-за чего семья часто переезжала,

пока они не оказались во Владивостоке. И в 1934 г., боясь ареста, мой дед и бабушка переправились границу в Китай, забрав только одного ребенка, — соединив руки и посадив на скрепленные руки сына, а он держал их за шею. По ним стреляли пограничники, но не попали, видимо, видели ребенка и стреляли поверх голов. Языка, естественно, не знали, поэтому было только одно место для работы и жизни — КВЖД.

Когда окончилась Вторая Мировая война и Советская армия вошла в Манчжурию, многих бывших офицеров-дворян выслали в Советский Союз, в том числе и моего деда. Мой отец и его мать остались в Китае. Он был еще подростком и поступил на курсы телеграфистов, окончив которые стал работать на телеграфе, где и познакомился с моей мамой. В 1951 г. они поженились. В Китае в это время начинается социалистическая революция. КВЖД Советское правительство передает Китаю, и дорожкой начинают управлять китайцы, большинство русскоязычных здесь остаются без работы, в том числе и молодежь. Моим родителям предложили работу учителями русского языка в одной из деревень на севере Китая. Разговорный-то они оба знали в совершенстве, а отец даже выписывал и читал газеты на китайском языке. Меня оставили с маминими родителями, так как бытовые условия жизни были очень сложными. В это время я тяжело заболела, и мать вернулась к родителям, а отец за двоих работал в школе.

В это время в СССР было принято решение об освоении целинных земель, и наша семья решила переезжать в Советский Союз. Перед самым переездом моя бабушка работала в русском консульстве в Харбине библиотекарем, т. к. в маминой семье было много стариков. Была норма на одного работающего — 2 иждивенца. Мы вывезли всех, и меня тоже.

6. Заключение

В судьбе семьи Романченко-Райлян-Муравских отражены история российской диаспоры в Китае и процессы этнокультурной адаптации. Причиной, побудившей семью переселиться в Китай, стал внутрисемейный конфликт, они пополнили ряды советских переселенцев в Китае и стали ее частью. По роду занятий большинство членов семьи так или иначе были связаны с железной дорогой (строители, кассиры, рабочие), также они обеспечивали ее строительство, поставляя необходимые товары. Кроме того, они занимались торговой, предпринимательской деятельностью, рыболовецким промыслом, ремеслами, огородничеством и животноводством. Приводятся сведения об овладении китайским устным и письменным языком в необходимом для трудовой интеграции объеме, однако внутри семьи и сообщества использовалась русская речь, что свидетельствует об отсутствии ассимиляции с коренным населением. Участие в театральной жизни, сохранение привычного быта, стремление дать детям образование в рамках привычной культурной и религиозной традиции также свидетельствует о сохранении национального и культурного своеобразия. Таким образом, в российском эмигрантском сообществе доминировали этнический и национально-государственный компоненты, благодаря чему в течение долгого времени оно представляло собой устойчивую общность, сохранившую свою культурную идентичность. Адаптация эмигрантов произошла лишь в рамках переселенческой группы, что позволило избежать ассимиляции с коренным населением и стало причиной возвращения эмигрантов на историческую родину и относительно безболезненной реинтеграции.

Источники

ГА ПО — Государственный архив Павлодарской области.

Sources

State Archive of Pavlodar Region.

Литература

- Аблажей 2007 — *Аблажей Н. Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: СО РАН, 2007. 300 с.
- Аблова 1998 — *Аблова Н. Е.* История КВЖД и российские колонии в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. (1896–1917 гг.) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3. С. 62–72.
- Аблова 2005 — *Аблова Н. Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 431 с.
- Авенариус 1971 — *Авенариус С.* Немного о Харбине // Политехник. 1971. № 3. С. 20–36.
- Аурилене 2004 — *Аурилене Е. Е.* Российская эмиграция в Китае (1920–1950-е гг.): дисс. д-ра ист. наук. Хабаровск, 2004. 376 с.
- Бакич 1969–1979 — *Бакич М.* Харбин. Новые облики города // Политехник. 1969–1979. Юбилейный сборник. № 10. С. 49–50.
- Балакшин 1959а — *Балакшин П. П.* Финал в Китае. В 2-х тт. Т. 1. Сириус: Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1959. 430 с.
- Балакшин 1959б — *Балакшин П. П.* Финал в Китае. В 2-х тт. Т. 2. Сириус: Сан-Франциско – Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1959. 374 с.
- Вертинский 1991 — *Вертинский А. Н.* Дорогой длинной. М.: Правда, 1991. 648 с.
- Вуль 2021 — *Вуль Н. А.* Китайско-Восточная железная дорога и русские меньшинства в Маньчжурии // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 1. С. 89–103.
- Калыбекова и др. 2024 — *Калыбекова М. Ч., Кубик Н. А., Кабульдинов З. Е.* О хозяйственном устройстве, трудоустройстве и адаптации бывших советских граждан, переселившихся в плановом порядке из КНР в Казахстан в 1954–1963 гг. // Былые годы. 2024. № 19(1). С. 480–491.
- Капран 2007 — *Капран И. К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – начало 50-х гг. XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 240 с.

References

- Ablazhey N. N. From the Orient to the East: Russian Émigrés in China. Novosibirsk: Russian Academy of Sciences (Siberian Branch), 2007. 300 p. (In Russ.)
- Ablova N. E. Chinese Eastern Railway and Russian colonies in Manchuria in the late nineteenth and early twentieth centuries (1896–1917). *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 1998. No. 3. Pp. 62–72. (In Russ.)
- Ablova N. E. Chinese Eastern Railway and Russian Émigrés in China: International and Political Aspects of History, Early-to-Mid Twentieth Century. Moscow: Russkaya Panorama, 2005. 431 p. (In Russ.)
- Avenarius S. On Harbin. *Politekhnik*. 1971. No. 3. Pp. 20–36. (In Russ.)
- Aurilene E. E. Russian Émigrés in China, 1920s–1950s. Dr. Sc. (history) thesis. Khabarovsk, 2004. 376 p. (In Russ.)
- Bakich M. Harbin: New appearances. *Politekhnik*. 1969–1979. Jubilee edition. No. 10. Pp. 49–50. (In Russ.)
- Balakshin P. P. The Final in China. In 2 vols. Vol. 1. San Francisco, Paris, New York: Sirius, 1959. 430 p. (In Russ.)
- Balakshin P. P. The Final in China. In 2 vols. Vol. 2. San Francisco, Paris, New York: Sirius, 1959. 374 p. (In Russ.)
- Vertinsky A. Following the Long Path. Moscow: Pravda, 1991. 648 p. (In Russ.)
- Vul N. A. Chinese Eastern Railway and Russian minority groups in Manchuria. *Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 1. Pp. 89–103. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.106
- Kalybekova M. Ch., Kubik N. A., Kabuldinov Z. E. On the economic structure, labor use and adaptation of former Soviet citizens who moved in a planned manner from the PRC to Kazakhstan in 1954–1963. *Bylye Gody*. 2024. No. 19(1). Pp. 480–491. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2024.1.480
- Kapran I. K. Everyday Life of Russian Residents in Harbin, Late Nineteenth to Mid-Twentieth Century. Cand. Sc. (history) thesis. Vladivostok, 2007. 240 p. (In Russ.)

- Кочубей, Печерица 1998 — *Кочубей О. И., Печерица В. Ф.* Исход и возвращение: Русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг. Владивосток: ДВГУ, 1998. 250 с.
- Крадин 2001 — *Крадин Н. П.* Харбин — русская Атлантида. Хабаровск: Издатель Хворов А. Ю., 2001. 352 с.
- Лазарева 2003 — *Лазарева С. И.* Из истории хозяйственно-экономической деятельности русских эмигрантов в Маньчжурии (1920–1930-е годы) // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества: Мат-лы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (г. Владивосток, 5–7 сентября 2001 г.). Владивосток: Комсомолка ДВ, 2003. С. 69–76.
- Ли 2023 — *Ли Л.* Строительство Китайской Восточной железной дороги и возвышение Харбина // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 102–107.
- Мамаева 2021 — *Мамаева Т. Г.* Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии: конец XIX в. – 1945 г. Хабаровск: ДВГМУ, 2021. 121 с.
- Мелихов 1974 — *Мелихов Г. В.* Маньчжурия на Северо-Востоке (XVII в). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Мелихов 1997 — *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае: (1917–1924 гг.). М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. 245 с.
- Мелихов 2003 — *Мелихов Г. В.* Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 439 с.
- Печерица 1999 — *Печерица В. Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: ДВГУ, 1999. 276 с.
- Россияне 2006 — Россияне в Харбине. Харбин: Шеньчженское ООО цветной печати «Сяньцзюньлун», 2006. 166 с.
- Слободчиков 2005 — *Слободчиков В. А.* О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.
- Смирнов 2014 — *Смирнов С. В.* «Русская Атлантида»: воспоминания русских репатриантов из Китая и проблема конструирования диаспорической идентичности [электронный ресурс] // Журнальный клуб «Интелрос» НЛЮ. 2014. № 127. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/127_nlo_3_2014/ (дата обращения: 15.05.2025).
- Kochubey O. I., Pecheritsa V. F. Exile and Return: Russian Émigrés in China, 1920s–1940s. Vladivostok: Far Eastern State University, 1998. 250 p. (In Russ.)
- Kradin N. P. Harbin — Russian Atlantis. Khabarovsk: A. Khvorov, 2001. 352 p. (In Russ.)
- Lazareva S. I. Economic activities of Russian émigrés in Manchuria, 1920s–1930s: Glimpses of history. In: Russian Compatriots in the Asia-Pacific. Cooperation Prospects. Conference proceedings (Vladivostok, 5–7 September 2001). Vladivostok: Komsomolka DV, 2003. Pp. 69–76. (In Russ.)
- Lin Li. Construction of the Chinese Eastern Railway and the rise of Harbin. *Tomsk State University Journal*. 2023. No. 487. Pp. 102–107. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/487/12
- Mamaeva T. G. Russian Trade and Industrial Entrepreneurship in Manchuria, 1890s–1945. Khabarovsk: Far Eastern State Medical University, 2021. 121 p. (In Russ.)
- Melikhov G. V. Manchus in the Northeast: Seventeenth Century. Moscow: Nauka, 1974. 246 p. (In Russ.)
- Melikhov G. V. Russian Émigrés in China: 1917–1924. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 1997. 245 p. (In Russ.)
- Melikhov G. V. White Harbin of the Mid-1920s. Moscow: Russkiy Put, 2003. 439 p. (In Russ.)
- Pecheritsa V. F. Spiritual Culture of Russian Émigrés in China. Vladivostok: Far Eastern State University, 1999. 276 p. (In Russ.)
- Russians in Harbin. Harbin: Xian Jun Long, 2006. 166 p. (In Russ.)
- Slobodchikov V. A. Sad Be the Fate of Exiles: Harbin, Shanghai. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. 431 p. (In Russ.)
- Smirnov S. V. The ‘Russian Atlantis’: Reminiscences of Russian repatriates from China and the problem of constructing diasporic identity. *New Literary Observer*. 2014. No. 127. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/127_nlo_3_2014/ (accessed: 15.05.2025). (In Russ.)

- Старосельская 2006 — *Старосельская Н. Д.* Повседневная жизнь «русского» Китая. М.: Молодая гвардия, 2006. 289 с.
- Таиров 1972 — *Таиров М.* Кто и как строил Харбин? // *Политехник*. 1972. № 4. С. 109–118.
- Таскина 1994 — *Таскина Е. П.* Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.
- Таскина 1998 — *Таскина Е. П.* Русский Харбин. М.: МГУ, 1998. 272 с.
- Таскина 2007 — *Таскина Е. П.* Дорогами русского зарубежья. М.: МБА, 2007. 230 с.
- Хисамутдинов 2000 — *Хисамутдинов А. А.* По странам рассеяния. Ч.1. Русские в Китае. — Владивосток: ВГУЭС, 2000. 360 с.
- Staroselskaya N. D. Everyday Life of 'Russian' China. Moscow: Molodaya Gvardiya. 2006. 289 p. (In Russ.)
- Tairov M. Who and how built Harbin? *Politekhnik*. 1972. No. 4. Pp. 109–118. (In Russ.)
- Taskina E. P. Unknown Harbin. Moscow: Prometei, 1994. 192 p. (In Russ.)
- Taskina E. P. Russian Harbin. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1998. 272 p. (In Russ.)
- Taskina E. P. Following the Paths of Foreign Russians. Moscow: MBA, 2007. 230 p. (In Russ.)
- Khisamutdinov A. A. Across Countries of Dispersion. Pt. 1: Russians in China. Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service, 2000. 360 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 598–613, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.321+930.253+821.51

Деяния бодхисаттвы Авалокитешвары как покровителя Тибета, описанные в «Мани-камбуме» (на материале 34-й главы 1-го тома ойратского перевода) **Mani Kambum and Deeds of Bodhisattva Avalokiteśvara as Patron Deity of Tibet: Introducing One Oirat Translation (Volume 1, Chapter 34)**

Деляш Николаевна Музраева¹

*Deliash N. Muzraeva*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-8619-9369. E-mail: [deliash\[at\]mail.ru](mailto:deliash[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Музраева Д. Н., 2025

© Muzraeva D. N., 2025

Аннотация. *Введение.* Данная публикация посвящена описанию деяний одного из наиболее почитаемых божеств буддийского пантеона бодхисаттвы Авалокитешвары, олицетворяющего великое сострадание. *Цель статьи* — на основе анализа текстов, посвященных культу Авалокитешвары, описать его деяния как покровителя Тибета. *Материалом* исследования послужил фрагмент апокрифического текста «Мани-камбум», наиболее полно раскрывающего деяния Авалокитешвары (его воплощений) как прародителя тибетского народа, покровителя Снежной страны и покровителя учения. Примечательно, что указанный сборник традиции «терма» включает разножанровые тексты, относящиеся к разным историческим периодам времени. Описание деяний Авалокитешвары и тибетского царя Сронцзан-гампо (VII в.) представлено в первом отделе (цикле) «Мани-камбума», состоящем из 36 сутр-повествований. В памятниках тибетской исторической литературы часто приводится краткий вариант легенды о том, что тибетцы являются потомками повелителя обезьян и демоницы скалы, в отдельных случаях дается отсылка на нее. Более развернутый вариант этой легенды представлен в 34-й главе 1-го тома «Мани-камбума». *Результаты.* В статье приводится транслитерация и комментированный перевод 34-й главы, в которой излагается легенда. Перевод данной главы выполнен на материале ойратской рукописи из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (шифр Calm D 22).

Ключевые слова: буддизм, бодхисаттва Авалокитешвара, Тибет, письменные источники, «Мани-камбум», 34-я глава, ойратский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Музраева Д. Н. Деяния Бодхисаттвы Авалокитешвары как покровителя Тибета, описанные в «Мани-камбуме» (на материале 34-й главы 1-го тома ойратского перевода) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 598–613. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-598-613

Abstract. Introduction. The paper describes the deeds of Bodhisattva Avalokiteśvara, a most revered deity of the Buddhist pantheon that personifies great compassion. *Goals.* The article attempts analyses of texts dedicated to the cult of Avalokiteśvara to describe his deeds as the patron of Tibet. *Materials.* The study investigates apocryphal texts and a number of Tibetan historical writings. The deeds of Avalokiteśvara (his incarnations) as the progenitor of the Tibetan people, patron of the Land of Snows, and the guardian of the Teaching are most fully represented in the collection of Terma-type texts titled ‘Mani Kambum’ which includes narratives of different genres relating to different historical periods. Section (cycle) One compiled of 36 sutras describes the deeds of Avalokiteśvara and the Tibetan King Songtsen Gampo (7th c. CE). Tibetan historical texts often contain a short version of the legend according to which the Tibetan descend from the Lord of Monkeys and the Demoness of Rocks, with a few references to the latter. An extended text of the legend constitutes Chapter 34 of Volume 1 of Oirat-language Mani Kambum (in Clear Script). *Results.* The article transliterates and translates (with comments) Chapter 34. The introduced translation is based on the Oirat-language manuscript from the Library of the Faculty of Asian and African Studies (St. Petersburg University, call no. Calm D 22).

Keywords: Buddhism, Bodhisattva Avalokiteśvara, Tibet, written sources, Mani Kambum, Chapter 34, Oirat translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Muzraeva D. N. Mani Kambum and Deeds of Bodhisattva Avalokiteśvara as Patron Deity of Tibet: Introducing One Oirat Translation (Volume 1, Chapter 34). *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 598–613. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-598-613

1. Введение. Деяния Авалокитешвары, описанные в «Мани-камбуме»

Среди буддийских текстов девиционального характера особый интерес привлекают сочинения, отражающие культы почитания будд и бодхисаттв, получившие распространение среди народов России, традиционно исповедующих буддизм.

К сочинениям, содержащим описание житий и деяний Авалокитешвары, олицетворяющего великое сострадание, относится собрание текстов традиции «терма» («открывателей кладов» или «заново открытых учений»), именуемое «Мани-камбум» (от тиб. *ma ni bka' 'bum* ‘Собрание изречений о мани’) [Востриков 1962: 42–45; Елихина 2010: 4; Кантор 2013: 46]. Оно включает разножанровые тексты, относящиеся к раз-

ным историческим периодам времени, общим для которых является обращенность к культу бодхисаттвы Авалокитешвары. Как отмечал А. И. Востриков, имеющиеся редакции этого памятника на тибетском языке «отличаются друг от друга главным образом порядком расположения и количеством входящих в них сочинений» [Востриков 1962: 42–43]. Наиболее полным является издание монастыря Брайбун (Дрепунг), привезенное Г. Ц. Цыбиковым [Востриков 1962: 43, 179], ныне хранящееся в коллекции Института восточных рукописей РАН. Согласно оглавлению этого издания «Мани-камбума», все тексты распадаются на три отдела. Среди них можно перечислить отдел (или цикл) из 36 сутр-повествований, описывающих деяния Авалокитешвары и тибетского царя

Сронцзан-гампо (Сонгцэн-гампо), также включающий каноническую «Карандавьяха-сутру». Далее следуют цикл садхан (описаний ритуалов и медитативных практик) и цикл наставлений, приписываемых царю Сронцзан-гампо [Востриков 1962: 43; Кантор 2013: 46–47]. Из тибетологической литературы известно о переводах ряда глав «Отдела сутр». Вторая, третья, четвертая и первые две трети 34-й главы переведены с тибетского языка В. Рокхиллом [Rockhill 1891], ряд глав монгольского текста переведен И. Иеригом [Востриков 1962: 43].

Название этого памятника представлено в списке переводов Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662), содержащемся в его биографии, составленной Раднабхадрой [Biography 1967: 8]. Согласно намтару Зая-пандиты, перевод «Мани-камбума» выполнялся в ойратских кочевьях после его возвращения в 1642 г. из Монголии. Также указывается, что зиму 1644 г. Зая-пандита провел в храме Дархан-цорджи на берегу Иртыша, где, помимо дел во благо распространения учения Будды, занимался переводом «Мани-камбума» [Biography 1967: 5b; Лувсанбалдан 1975: 14–15, 140, 190; Норбо 1999: 45]. Примечательно, что Зая-пандита также перевел этот памятник на монгольский язык. Экземпляры печатных и рукописных изданий «Мани-камбума» на монгольском языке в настоящее время представлены как в фондах востоковедных центров, так и частных коллекциях. Список этого сочинения на «тодо бичиг» хранится в коллекции

монгольских книг библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (шифр Calm D 22) [Uspensky 2001: 252]. Первый том ойратской рукописи включает 36 сутр-повествований, описывающих деяния Авалокитешвары и тибетского царя Сронцзан-гампо [МКО]. Наше особое внимание уделено 34-й главе, в которой изложена история царя обезьян — одного из воплощений Авалокитешвары и демоницы скалы, в которую воплотилась богиня Тара. Краткий ее пересказ был дан в одной из наших предыдущих публикаций [Музраева 2024]. В данной публикации мы приводим полный текст 34-й главы из 1-го тома «Мани-камбума» по списку на ойратском языке [МКО].

2. Транслитерация и перевод 34-й главы

В тексте транслитерации в круглых скобках указываются номера строк, косая черта (/) указывает на границы строк, две косые черты (//) — на границы листов, в круглых скобках со знаком равенства приводятся написания слов, принятые в классическом «тодо бичиг», подчеркиванием отмечены неправильные написания графем (букв), в квадратных скобках приводятся восстановленные графемы (слоги).

В тексте перевода в круглых скобках приводятся варианты переводов отдельных слов, в квадратных скобках даны дополнительные поясняющие слова.

№ п/п	Интервал	Ойр.	Рус. перевод
1	[62b (26)]	om ma ni padme huṃ:	[62b] Ом ма ни пад ме хум.
2	(26–29)	bodhi-sadv-nariyin (27) dēde xutüqtü nidübēr üzüqçi ere/ketü: sukavadiyin abaxü balyād-tü od/bui:	Высший среди бодхисаттв, могущественный Святой Всевидящий оком ¹ отправился в город в Сукхавади ² .
3	[62b (29) – 63a (5)]	tende ilayon tögösön ülüqsen Ami- // daba: ilayon tögüsün üyileqsen Śakyamoni/-yin nomoyodxoloyoi ügei bolon: gegēn ol-	Там Бхагаван ³ Амиабха [63a] изрек: Есть страна, в которой не стало объектов усмирения [для] Победоносного Бха-

¹ Эпитет Бодхисаттвы Авалокитешвары.

² Сукхавади — название райской области Будды Амиабхи.

³ Эпитет Будды (ойр. *ilayon tögüsün üyileqsen* ‘Победоносно прошедший’), в данном контексте относится к Будде Амиабхе, но, как будет видно далее, является эпитетом Будды Шакьямуни.

4		mi/-bēr ese adislaqsan zarlagiyin (=zarligiyin) genel ülü tügen: (4) sedkil-yēr ese ad[i] slaqsan ilayoqsoni casutü (5) oron kemēküi būi.	гавана Шакьямуни, которая не освящена сиятельными стопами, в которой не распространяется сияние [его] наставлений, которая не получила благословения мыслями (умом), которая именуется Снежной [страной].
5	(5–10)	nigüülesküi tögüseqsen (6) bodhi-sadv či castoni amitan-noyöüdi (7) urda ayoürasan-yēr xürān: tende-ēce (8) nomiyin öqligü-bēr nomoyoxün tedeni ünde/soi bolbosürüülün üyiled: kemēn zarliq (10) bolboi:	Ты Бодхисаттва, преисполненный состраданием, собери живых существ Снежной страны прежде всего [с помощью] имущества. Затем, усмирив даянием учения, постарайся усовершенствовать их основы (корни)! — так повелел.
6	(10–19)	tende-ēce xütuqtu nidübēr (11) üzeqçi eretütü: ordü xarši boda/layin üzüürtü elēdeb eredeniyin balyason/-dü odād: nomoyodx-ol̄yo castani amitan/-dü xaraqsan-dü: burxani šajin ügegüye (15) xab xarangyoi sönilügē adali xab xarangyoi (16) бүркүмөл ахү-дү үзен: tende toroqsan (17) amitan-noyöüd nüürtü casü orxü metü dē/qši ülü yaron doraqši moü zayātan-dü odo/xoi üzeqdebei:	Вслед за этим могущественный Святой Всевидящий оком отправился во дворец на вершине Поталы в город множества драгоценностей. Когда взглянул на живых существ Снежной страны, которых предстояло усмирить, то увидел, что в отсутствие учения Будды они, словно в кромешной ночи, пребывают погруженные в сплошную тьму. Рожденные там живые существа не поднимаются выше, словно на их лица падает снег, а отправляются вниз к обладающим плохой судьбой.
7	(19–27)	tende tonilaši ügei (20) tümür saba xabxaqlaqsan metü {gi} īzēd (=üzēd): zöün ya/ran alaxan-ēce genel sacuruulun bodhi-sadv sar (22) bičini xān inü Manju kemēkü nigeni xöbilyan: (23) tende ilyoqsan casutu oron-dü kümün amitani (24) eregüceküyin tula: bodhi-sadv sarabečini xān (25) či zoün zügiyin ilyoqsan casütü oron-dü (26) bišilyal üyileden čidaxü buyu: kemēn asayaq/san-dü: bišilyal čidaxü kemēbei:	Увидев, что там [они] словно накрыты металлическим сосудом, от которого нет избавления. Испустив из ладони левой руки сияние, чудесным образом сотворил бодхисаттву-повелителя обезьян по имени Манджу. Когда спросил: — Там в победоносной Снежной стране ради того чтобы задуматься о людях и живых существах, ты, бодхисаттва-повелитель обезьян, сможешь ли предаться созерцанию в Снежной стране, что на востоке? — когда так спросил, тот ответил, что сможет созерцать.
8	(27–28)	ubadis (28) tabun zasagiyin sanvar öqbüi:	Дал наставления [относительно] пяти видов религиозных правил.
9	[63a (28) – 63b (6)]	gün ayoï // yeke nom nomlöd tere sara-bečin ridi xobilyān/-yēr casütān-dü odon: nigen xadadü bišilyaqsan/-dü: todüi-dü tobīd yesen tibiyn oron kemēkü/-dü: eredeni gerliyin tib kemēkü dēdū (5) yorban oron kükü kigēd casunai zabsartü: (6) zān kigēd gürüsü edlen erekešibeï: :	Преподав многочисленные глубинные [63b] религиозные практики, тот [повелитель] обезьян с помощью волшебства перевоплощения перенесся к обитателям Снежной страны. Когда на одной из скал он предавался созерцанию, в то время в том, что именовалось ‘Тибет — страна девяти материков-местностей’, тремя высшими странами (местностями), именуемыми ‘Материком драгоценного сияния’, пространством между снегами завладели и главенствовали слоны и антилопы.
10	(7–10)	(7) doreben aymiq deqjikyüin tib kemēkü jib (8) sarayin yorban oron xada kigēd	В трех средних странах (местностях), именуемых ‘Материком, возвышающим

11		kürisülenggi/yin xoromoi-du xadayin rakša kigēd sarabi/čin erekešibe:	четыре рода', у подножия скал и земной коры главенствовали демоны скал и обезьяны.
12	(10–12)	toγos gerliyin tib kemēkü (11) dorodu γorban oroni oi kigēd debeldü (12) šübütin kigēd rakša erekešibe:	В трех нижних странах, именуемых 'Материком павлиньего сияния', в лесах и низинах (болотистых местах) главенствовали птицы и демоны.
13	(12–13)	kümün (13) amitan kemekü nere čü ügei bolün:	Не было даже представления ¹ о человеке и живых существах.
14	(13–21)	nigen (14) odoran caqtü xadayin nigen eme rakša (15) tačangyoi-bēr bügüde-ēce aban eme sarabe/čini durabēr xobelēd: biš[i] lyalči sarabe/čini gegēn-dü iren niyöuca üzülüün küsül (18) keleberükei dokō üyiledün: dolon xonoq (19) boltolo tere metü üyiledbečü: sarabe/čin-dü küsül keleberküi sedkil ese bol/boi:	Однажды одна демоница скалы (горная демоница) в силу страсти, приняв на себя облик самки обезьяны, явилась к сиятельному созерцателю-обезьяне, стала подавать тайные [знаки], показывая знаки страстного желания. Прошло семь дней, но, как бы [она] ни демонстрировала подобное, в [созерцателе-]обезьяне не пробудилось страстное желание.
15	[63b (21) – 64a (1)]	tende xadan eme rakša-yin sedkel-dü: (22) mani önggö kigēd yanzü nigüür üzeskeleng (23) ügei boloqsani gem kemēn sedkeji nigen ü/düriyin caq čimeq-yēr čimeqsen üzesküleng/-tü nigen xatoqtai-dü xobilon niyüuca (26) üzülüji küsül edleküi dokō üyile/düqsen-dü: tere sarabečin nidüni // öncöq-yēr xarabai:	Тогда демоница скалы подумала про себя: — Ошибка [моя] в том, что мой внешний вид и облик не так красивы, — подумала и в один [прекрасный] день проявила таинство, превратившись в прекрасную женщину, украшенную драгоценностями. Когда стала всячески демонстрировать, что охвачена желанием, тот [созерцатель-]обезьяна взглянул [64a] краем глаза.
16	(1–2)	tende eme üyile olji (2) sarabečini deregedü irēd čini ger bolsü kemēbei:	Тогда, прибегнув к женским уловкам, приблизившись к обезьяне, сказала: — Стану-ка твоей женой!
17	(3–5)	(3) sarabečin ügüülebei: bi xütuqtu nidübēr üze/qčün ubaši mün geriyin xāni bolüxü büroü kemēqsen/-dü: xadayin eme rakša ügüülebei:	[Созерцатель-]обезьяна ответил: — Я воистину являюсь убаши (мирским последователем) Святого Всевидящего оком, стать твоим мужем ² было бы ошибочно, — когда так ответил, демоница скалы произнесла:
18	(5–9)	ayā sarabeči/nai xān namai ayiladon zangla: bi zayān ni küčün/-yēr eme rakša-yin züyildü türēn: tačangyoyin er/kēr čimadü šonün tačāqsan ni küčün-yēr čimadü ere/gen zalbaramoi:	— О, повелитель обезьян, прояви характер и выслушай меня. Я в силу кармы страдаю в облике демоницы. В силу чувственного желания устремилась к тебе. В силу того, что испытываю желание [по отношению] к тебе, взываю к тебе и молю.
19	(9–15)	bi čima-luyā geriyin xāni ese (10) bolxola: ecüüstü rakša-luyā nükücin ödör (11) tütüm tomegēd amitani ala: ürlō būri mangyād	Если ты не станешь моим мужем, в конечном итоге я сойду с демоном и каждый день стану убивать живых существ.

¹ Здесь букв. 'Не было даже наименования «человек», «живое существо»'.

² Здесь и далее букв. 'стань ханом (царем) дома!'.

20		(12) amitani adā: rakša kүүked caqlaši үgei tür[ē]d (13) casutu oroni zүү edeni rakša oron болоҗон (14) үyiledči: basa zambutib бүгүдеги rakša (15) idekü boluyu:	Каждое утро для живых существ станет бедствием. Дети демонов будут неизмеримо страдать, Снежную страну превратят в свою страну демонов. К тому же демоны поглотят весь [материк] Дзамбутиб.
21	(15–19)	tүүger bi ende үкүн zayāni (16) күчин-yēr үкүd bi tesüši үgei tamuyin oron/-dū unuxu: tүүni tula namai ayiladan nigүүle-skü/-bēr öröšü: kemēn eneleke-yin күчин-yēr (19) nilbasū cusundū cobarlobūi: :	В силу этого я здесь умру и в силу кармы низвергнусь в невыносимую адскую страну. А поэтому выслушай (пойми) меня и своим состраданием смилуйся! — произнеся так, силой скорби стала проливать кровавые слезы ¹ .
22	(19–28)	tende bodhi/-sadv tүүn-dū tačal үgei yeke nigүүleskü (21) töröd: örösenggüi-bēr бүгүдө-эce күdö/lgүүqdöqsan emgeneküi үge-bēr ayān amitani (23) itgel nigүүle-sküyitü: bi ubašiyin sanvar (24) amā metü saküxüla: šunumušan үyile-bēr күsküi (25) sedkil-dū eme rakša: nadur күnöl үyiledün sanvar (26) boülxā irebei: үүн-dū yambar-metü үyiledün bida sanva/ri sakixü: asaraxü itigel či nadür soroxol (28) öq: kemēn zalbaribai:	От этого бодхисаттва, не проявляя к ней желания, пробудив великое сострадание, и такими словами тревоги, вызванными состраданием по отношению ко всем, вознес молитву: «Я, страдающий, ставший прибежищем блуждающих живых существ, если стану блюсти обеты убаши как свою жизнь, то демоница в силу действия шимнусов (злых духов), [обладающая] чувственными желаниями, станет меня терзать, так что пришло время нарушить обет ² . [В силу] этого что следует предпринять, чтобы нам сохранить обет?! Ты, [проявляющее] заботу прибежище, сообрази дать ответ! — так взмолился.
23	[64a (28) – 64b (1–5)]	xadayin eme // rakša eyin kemēn: tiyimi бүгүсү čini gegēn-dū (2) amiben gün үyiledči: bi tačangyoi oroni ereker (3) tamadū odxü: čimadū kilince bolun sanvar (4) sakiqsan tusa үlү boloxü: či amitan-dū tusa/laxü sedkil үүskēn-qsan бүүрахү boluyu: kemebei	Демоница скалы [64b] произнесла: — Если это так, то, всецело ³ посвятив свою жизнь твоему сиянию, я в силу привязанностей попаду в ад. Для тебя станет грехом, пользы от того, что соблюдаешь обет, не будет никакой. А то, что ты пробудил мысль об оказании помощи живым существам, сойдет на нет ⁴ , — так сказала.
24	(6–11)	(6) tegēd sarabečün bodhi-sadv öröšönggüi sedkil/-yēr: eme-rakša-noüyüüdi nidü saragin xaraži (8) sedkil-yēr yambar үyiledküi үlү meden: öün/-lügē geriyin xāni ere eme bolxüla mini sanvar бүүра/xü boluyu: ese xanicaxula tүүn-эce čü gem yeke (11) boloxü:	Тогда бодхисаттва-обезьяна, с мыслью о сострадании взирая на демоницу, умом не мог понять, что делать. Если с ней станем мужем и женой, мой обет будет нарушен. Если [мы] не поженимся, то от этого, возможно, будет еще больший вред.
25	(11–19)	bodhi-sadv baqši nidübēr үzeqči/-эce asaqxu kereq kemēn sedkiži: ridi (13) xubilyān-yēr bodala oūlayin balyason-dū odād: (14) baqši nidübēr үzeqčidü mörögöji eyin (15) kemēn ayiladxabai: xadayin eme	Это дело, о котором надо расспросить Бодхисаттву-Учителя Всевидающего Оком, — подумал так и силой волшебства перевоплощения отправился в город на горе Потала. Поклонившись Учителю

¹ Букв. ‘слезы превратила в кровавые’.² Здесь букв. ‘принизить обет’.³ Букв. ‘глубоко’.⁴ Букв. ‘принизится’.

26		rakša ere eme (16) boloxū kereq ese bolox-ūla amibēn tebečimū (17) čimadū kilince boloxū kememūi: ere eme boloxū (18) bu-ruu buyu yamarū üyiledkü bui: kemēn (19) ayiladxaxsan-dū:	Всевидающему Оком, обратился к нему с такими словами: — Демоница скалы говорит, что, если мы не станем мужем и женой ¹ , то лишит себя жизни, и на мне будет грех. Не будет ли ошибкой стать мужем и женой, как следует поступить? — спросил.
27	(19–24)	baqšiyin zarliq-ēce tere (20) maši sayin či geriyin xāni bol: zedker ūlū (21) bolun nūkūcūl boloxū: ecestū castu oron/-dū čini ači kūbūūni ündūsūni ayimaq (23) delege-yin kūmūn bolji: nom delegeren manglai (24) boloxū: kemēn zarliq bolbai: :	Учитель изрек ² : — Это очень хорошо. Ты стань мужем. Препон не будет, последствия ³ будут. В конечном итоге в Снежной стране собрание рода твоих сыновей и внуков станет людьми, [населяющими] мир, Учение получит распространение, станет главенствующим, — так произнес.
28	(24–26)	eriken dare eke-yin zarliq-ēce čü: tūügēr (25) kūmūn amitan arabidan nomiyyin šüten čü boloxū (26) sayin: : ::	Могущественная Тара (Дара Экэ) также [произнесла]: — В силу этого прибавится людей и живых существ и [они] даже станут опорой Учения, что хорошо.
29	[64b (26) – 65a (10)]	tere zarliq // sonosōd: bečin bodhi-sadv tere: rakša (2) ūkūūji kemēn sedkiji ridi xūbilyān-yēr (3) casutu oroni uridani yazartū ötör (4) kūrēd: xadayin eme rakša-luyā gerleqsen-dū: (5) yesen sara kigēd arbani niyüürtü: zurān zūyil (6) amitan-ēce nasū yōūdken ir[e]ji: ečige (7) sarbečin muni tula beye düüreng: eke (8) xadayin eme rakša mūni tula süül (9) ügei: ulān xangšartai niyüür üzemji (10) ügei nigen bolboi:	[65a] Услышав такие наставления, тот бодхисаттва-обезьяна, думая, что демоница умерла, силой волшебства перевоплощения быстро возвратился в прежнее место Снежной страны и женился на демонице скалы. Когда миновало девять месяцев и наступал десятый ⁴ , прожив сроки жизни шести видов живых существ ⁵ , поскольку отцом был [повелитель] обезьян, кто-то возродился с телом без изъянов, поскольку матерью была демоница скалы, кто-то был бесхвостым, с красным носом и не очень красивым лицом.
30	(10–22)	tenggeri-ēce nasū (11) yoūdūqsen nomoyon tölgün abutu (=aburitu) bolboi: (12) asuri-nar-ēce nasū yōūdeqsed urin (13) kiling yeke temecel bayildoyān-dū durtai (14) šürüūn üyiledü küliceltei nigen bolboi: (15) kūmūn-ēce nasū yōūdūqsed sayin moū (16) bugüdedü tačıl yekedün kūmūni ed ayoürsün/-dū duratai nigen bolboi: tamu-ēce nasu yōūdūq/sed urin kiling kigēd kitüūn kerecegei (19) bolun: zobolongdu yeke züreketei nigen (20) birid-ēce nasu yōūdōqsed xaram yeke idēn (21) undā-dū xobādoq nigen bolboi: adüüsün/-ēce nasu yōūdūqsed sayin muugi ūlū ilyan (22) uxān kigēd medel ügei nigen bolboi:	Тот, кто поменял рождение ⁶ тенгрием (небожителем), был кроток нравом. Те, кто поменяли рождение асуров, возрождались теми, кто очень грозен, рад сражениям и состязаниям, тяготеет к резким поступкам. Те, кто поменяли рождение человеком, возрождались теми, кто испытывает сильную привязанность и к хорошему, и к плохому, очень привязан к имуществу людей. Те, кто поменяли рождение [обитателей] ада, становились свирепыми, холодными и жестокими. Обладающие большим терпением [в от ношении] страданий, те, кто поменял рождение претой (биридом), стали теми,

¹ Досл. ‘если не исполнится дело, чтобы мы стали мужчиной и женщиной’.

² Букв. ‘из слов Учителя’.

³ Здесь букв. ‘условия’.

⁴ Букв. ‘перед лицом десятого (месяца)’.

⁵ Букв. ‘поменяв (сменив) сроки жизни...’. Здесь имеется в виду, что в предшествовавших перерождениях потомки царя обезьян и демоницы были кем-то из шести классов живых существ.

⁶ Т. е. завершил срок жизни, будучи рожденным одним из шести видов живых существ (тенгрием, асурой, животными и т. д.).

			кто проявляет жадность к еде и питью. Те, кто поменяли рождение животным, возродились теми, кто не умеет различать хорошее от плохого, лишен разума и понимания.
31	(22–25)	tede köbūd (23) čü niyüür ulān maxa cusun-dü durtai: (24) ɣalzan beyedü üsütei ügüülen (25) čidaxü nigen bolboi:	Те сыновья [обладали] красными лицами, им полюбились мясо и кровь, на их голых туловищах имелись волосы, умели говорить.
32	[65a (27) – 65b (3)]	(26) {tede} kübödi čü eme rakša (27) tere ölsün idekü ayoül // buyin tula: ečige bečün bodhi-sadv tere: (2) baroün züq tögös čüülyatu kemēkü obečün (3) kigēd bečibür bui oron-du kürgebei:	Поскольку была опасность, что этих сыновей может съесть голодная ¹ демоница [65b], отец, тот бодхисаттва-обезьяна, перевез [их] на запад, в страну под названием '[Обладающая] совершенным собранием', в которой имелись [представления о] болезнях и письме.
33	(4–6)	(4) tegēd sarbečün tede čüülüqsün xoyino nigen jil (5) bolōd ečige üzekē odoqson-dü: bečün čü busu (6) {kümün čü busu} dürbün zoü üderen aribdün amui:	Так, когда миновал один год с того момента, как обезьян собрали [вместе], отец отправился взглянуть на них, [и узнал], что численность этих и не обезьян, и не людей достигла четырехсот.
34	(6–11)	tede (7) ideqsen-yēr modon terigüüten baraqdan amüi: (8) ečige sarabečün tere moduni zemis abči oduqsan/-dü: tedeni ülü tedkün übürōn čü ɣajiran: (10) beyeyin xamoq šara üsütü orgüsü xadaxün (11) süül-dü čü xaduqsan metü bolboi::	Поскольку они питались, сократилось [количество] деревьев и проч. Когда тот отец-обезьяна взял и понес плоды с деревьев, не смог позаботиться о них, да и сам был огорчен; в тело, покрытое желтыми волосами, впивались занозы и казалось, что втыкались даже в хвост.
35	(12–20)	(12) meqdēn dorodoji zobōd bečini sedkildü: (13) bi ene metü enelün zoboxoi ene yoüni gem bui: (14) ede bečün küükedi-yin gem mün: tüüni gem yoün bui (15) kemēbēsü xadayin eme rakša-luyā gerlen (16) nökičöqsüni gem mün: töüni gem (17) yoün bui kemēbēsü baqši nidübēr üzeqči kigēd (18) erkin darē eke xoyor bivāngirid ögüqseni (19) gem: aya ene öböriyin uridani moü (20) üyileyin küčün mün:	Придя в смятение, будучи униженным, страдая, стал про себя думать: — В чем вина, что я так опечален и терплю страдания подобно этому?! Это, воистину, вина этих детенышей обезьян. Если спросить, что за вина, то это вина от того, что [мы] поженились с демоницей скалы. Если спросить, что за вина, то это вина от того, что Учитель Всевидящий Оком и могущественная Тара (Дара Экэ) сделали пророчество. Ах, увы, это, воистину, в силу собственных прежних неблагоприятных деяний.
36	(21–23)	(21) xutuiqtudü endöürel ügeyin tula: (22) töün-dü kilingleküi kigēd buruü üzeqdel (23) üyiledkü buruü:	Поскольку у святых нет заблуждений, то было бы неправильно гневаться на них, а также придерживаться ² несправедных воззрений.
37	(23–29)	bi yambar metü (24) üyiledkü xutuqtu-ēce asaqu (25) kereq kemēn sedkiyi ridi xobilyān-yēr (26) budala oülayin balyason-dü (27) odōd: xutuqtu-dü mürgün (28) gegēni ömönö söüji (29) eyin kemēn ayiladxaba:	Как мне следует поступить, необходимо спросить у Святого, — подумал так и с помощью волшебства перевоплощения переместился в город на горе Потала, поклонился Святому, опустилс ³ перед сиятельным и обратился с такими словами:

¹ Здесь досл. 'может съесть, проголодавшись'.² Здесь букв. 'творить несправедные воззрения'.³ Здесь букв. 'присел перед сиятельным'.

38	[65b (29) – 66a (11)]	aya geriyn // xaxagi orčilonggiyin gen-dani xorōdū ülü (2) meden: xatuqtayigi šümnešiyin küliyesün- {dü} medel (3) ügei: ači küböüdi orčilonggiyin šümnüstü (4) ülü meden: küseli xoroni nabčitü ülü uxañ: (5) öröšönggüi-bēr tačan üyiledči öbōri on-toyo/doülün: küseliyn šabartu čibüqsen zobolonggiyin (7) üüldü daruqdan: nis-vanišiyin xoro uñ moü üyiles (8) ulam künōñ: zobolonggiyin ebečin-yēr bi enelün (9) doroyidoxülā: orčilonggiyin oron-dü öbōri (10) öbōrñ küleküi: balar mungxaq xarangyu sejiğiyn (11) tortü torboi:	— Я совершенно не ведал, что семейные [66a] узы ¹ сродни комнате темницы сансары. Не понимая, что жена (женщина) [сродни] путам демона, не ведая, что сыновья и внуки [сродни] демонам сансары, не задумывался о том, что желания имеют ядовитые листья, в силу сострадания предавшись вожделению, позволил обмануть себя. Был придавлен деяниями страданий от того, что плавал в грязи желаний. Когда выпил яд мирских привязанностей, неблагоприятные деяния еще более стали терзать. Если я буду скорбеть от болезни страданий и ослабну, сам себя свяжу в мире сансары. Попал в сети беспросветного невежества и темных сомнений.
39	(11–12)	ödügēde yambar metü üyiledči (12) tālaxoni üyiledkü büi:	Теперь каким образом было бы предпочтительнее поступить?!
40	(12–15)	xutuqtu soyiroxoqson/-yēr bi ene metü bolboi: xoyišidü tamdu dam (14) ügeiunaxü: toüni tula namai nigüülesküi-bēr (15) ibēñ soyirxo::	В силу наставлений, дарованных святым, я стал таким. В будущем, нет сомнения, что низвергнусь в ад. По этой причине соблаговоли проявить сострадание.
41	(15–20)	baqši-ā bida eme rakša/-luyāñ gerlen nökücöqson-yēr kübüün: ačinar (17) olonto ösün bi ese tejiği: bi übür-yēñ zobon (18) beye ene metü bolboi: ödügē yambār metü (19) üyiledkü büi kemēñ ayiladxaqsañ-dü: xutuqtu (20) nidübēr üzeqči er{ke}tüyin zarliq-ēce:	О, Учитель, в силу того, что мы с демонией поженились, создали семью, выросло много наших сыновей и внуков. Я, не сумев позаботиться [о них], заставил себя страдать и довел себя ² до такого состояния. Как теперь следует поступить?! — когда так спросил, словами могущественного Всевидящего Оком [стали следующие]:
42	[66a (29) – 66b (5)]	casutu (21) töbödiyin oron ene xab xarangyu balar-luyā (22) adali: kümün busu amitan ezelen mini nomoyo/dxolyoyin šütēñ ese bolboi: amitan ede kümün (24) kümün-dü törōñ ondür izüür kigēd (25) toniloqsani olxuyin tula čimai ilgeqsen (26) bülgē: či nadur damnal kigēd (27) xoyor sedkil (28) bü bari: čini (29) kübüün ači ede ecüstü kümün bolün // tere caqtu mini nomoyodxolyo bolxü bui: (2) čimadü gem ügei tonilxü mür-lügē zokildaxu maši (3) sayin: zobolongdu bü sedki: čü (=čini) üre (4) ündüsün tedeni ayoürsani üqli/gü kigēd nomiyn üqligü xoyor-yēr tedkü:	— Эта Снежная тибетская страна сравнима с крошечной тьмой и мраком. [Ею] завладели существа, которые не являются людьми. [Они] не стали для меня ³ опорой для усмирения. Эти живые существа превратятся в людей; для того, чтобы обрели высокое происхождение, а также спасение, отправил тебя. Ты не держи по отношению ко мне сомнений и двойственных мыслей. Эти твои сыновья и внуки в конечном итоге превратятся в людей. [66b] В это время они станут [теми, кого я буду] усмирять ⁴ . Твоей вины нет ⁵ , то, что наставил их на путь спасения, очень хорошо. Не рассматривай это как страдание. О них, своих потомках ⁶ , проявляй заботу, воздавая даянием имуществом и даянием учением.

¹ Здесь букв. 'то, что причиняет удушье'.

² Букв. 'довел свое тело до такого состояния'

³ Букв. 'моей опорой'.

⁴ Здесь букв. 'станут объектом усмирения', т. е. обращения в веру.

⁵ Букв. 'на тебе нет вины'.

⁶ Букв. 'о зародышах, корне'.

43	(6–12)	(6) čini üre ündüsün tede xoyor züyil bolxü: (7) ečigeyin izüürtü xarātai süzüq kigēd: (8) öröšönggüi yeke yeke biliqtei kičēnggüi yeke (9) gün narin xōsun činariyin nomdū ürgüljide (10) dūr[a]šin: üčüüken beye-noyoüdtü ülü xanün (11) ayoi yeke oyüün tügüsüqšen bodhi-sadv yeke (12) uxātani izüürtü bolxü::	Они, эти твои потомки, будут двух видов. Те, кто будут рассматриваться по роду отца, будут обладать большой верой и состраданием, будут наделены большими талантами, большим старанием, постоянно стремясь к глубинному и тонкому учению о свойстве пустоты, не довольствуясь своими ничтожными телами, станут обладать происхождением великого мудрого бодхисаттвы, наделенного величайшей мудростью.
44	(12–21)	zarimüüd inu (13) {ekeyin} izüürtü xarātai bolun ami tasulaxü-du: (14) duratai maxa cusundü duratai: xudaldü (15) kigēd olzo neqdeldü durtai beyeyin (16) küčün yeke bolun yeke xatoü züreketei: (17) kilince-du durlan busudiyin gem (18) sonosxoya durtai: kül yar orošixoya (19) ülü tesen nidün kümün-dü xara ülü (20) teskü: osol maxa ideküi izüürtü (21) bolxü::	Некоторые из них будут рассматриваться по роду матери, пристрастятся к отнятию жизней, полюбят мясо и кровь, полюбят торговлю и приумножение выгоды, обладая большой силой ¹ , будут с холодными ² сердцами; полюбив грехи, полюбят слышать о пороках других; не в силах стерпеть, что ноги и руки немеют, не могут стерпеть, чтобы глаз не подметил [что-то] у других людей; будут обладать происхождением нерадивых, поедающих мясо.
45	(21–27)	čini üre ündüsün tedeni (22) idēni xobi ede bui: arba buüdai (23) kigēd burcuq buyu üčüüken burcaq kigēd (24) xatanggir tarān: tergüüten dolān züyil (25) öqči ilgen casatu-yin nigen түb oron/-dü tari: tarān bolbasuran örgüjiku bolxü:: (27) kemēn zarliq bolji bečün-dü öqböi:	[Что же касается] твоих потомков, то для них пищей им послужат: ячмень, пшеница и горох или мелкозернистый горох, а также высушенные посевы. Первые семь разновидностей передаю, засею в одной из центральных частей (областей) Снежной страны. Посевы взойдут и приумножатся, — так молвил и вручил обезьяне.
46	[66b (28) – 67a (7)]	(28) sarabečin xadayin eme rakša xoyor (29) abulca gerleqšen zöün balyosoni (30) oyidü: altan mönggün zes terigüüten (31) erdeni xumaki adxü düüreng // casatü oroni züq cacun: yazar delkei/gi erdeni yarxü oron-dü adistidla/bai: čini üre ündüsün-noyoüd kümün (4) bolxoi-dü erdeni altan münggün terigüüten-yēr (5) ecüstü amidüran axu boluyu: erdeni yar/xoi oron čü caq bolxu-dü nekü bolüyü: kemēn (7) zarliq bolboi:	В лесу восточного города, где поженились ³ , обезьяна и демоница скалы, пригоршню, полную пылинок из драгоценностей, начиная с золота, серебра и желтой меди, развеял [67a] в направлении Снежной страны и произнес: — Благословляю на то, чтобы стала страной, в которой из земли будут появляться драгоценности! Когда твои потомки станут людьми, то в конечном итоге станут жить благодаря драгоценностям, начиная с золота и серебра. Когда настанет время превратиться в страну, в которой будут появляться драгоценности, тогда и вскроются, — так произнес.
47	(7–10)	keleni nigen šülüsü casütü oroni (8) coq cacuyād: caq caqtü bodhi-sadv-yin xubilyān (9) nom tedküküi cögöšiq түb oron-dü irekü boluyu: (10) kemēn zarliq bolboi:	Прыснув в направлении Снежной страны [каплю] слюны с языка, произнес такие слова: — Да явится в нужное время ⁴ в потерявшей надежду центральной стране воплощение бодхисаттвы, который защитит учение, — так произнес.

¹ Букв. ‘обладая большой силой своих тел’.² Букв. ‘твердыми сердцами’.³ Букв. ‘где дали взаимные (свадебные) клятвы’.⁴ Букв. ‘время от времени’.

48	(10–14)	tegēd bečīn bodhi-sadv tere (11) ridi xobilyān-yēr casutani tūb oron-dū irēd: (12) sedkildū tālaqdaqoi delger dulān {tūb} oroni ʔazar (13) delekei-dū šütün: eldeb tarān ūrəxoi yesūn (14) zūyil tūgūsūqsen nigen ʔazartū cacubai:	Затем тот бодхисаттва-обезьяна с помощью волшебства перевоплощения вернулся в срединную Снежную страну. Проникшись верой в землю милой сердцу, просторной, теплой центральной страны, засеял в одном месте преисполненные девятью разновидностями [семена], которые должны дать обильный урожай.
49	(14–22)	tegēd bodi (15) bečīn bodhi-sadv tere: sar-bečīni kūūkedī toʔos (16) čūūlyatu oyidu zun tedkūd: namur tarā tariqsan (17) šarlan tede bolbosorād delberin axoi-du: xutuqtū (18) nidübēr ūzeqči erdeni tani idēni xobi-du soyiro/xoqsen belgē öüni ide kemēqsen-dū: iden uūba kemēn (20) aldaršiba: oroni urid jayimo tang (21) mūn xoyišido erdeni ʔaraxū (22) boluyu::	Так тот бодхисаттва-обезьяна стал заботиться о детях обезьяны летом в лесу, где собирались павлины, осенью, когда засеянные посевы желтели, созревали и стали колыхаться, и когда сказал им, чтобы они поели их как знак драгоценной еды, который соблаговолил даровать им Святой Всевидящий Оком, ознаменовалось тем, что поели и попили. Первым делом, воистину, ‘джаймо танг’ ¹ , в последующем же появятся драгоценности.
50	[67a (22) – 67b (4)]	tegēd (23) nomiyin angxani xorilya inu tende (24) bodhi-sadv xutuqtu nidübēr (25) ūzeq-či erketüyin baroūn (26) ʔariyin alixan-ēce: (27) genel sacuran gerliyin (28) cayixa-ēce (29) belge ūliger tūgūsōqsen (30) nigen kūbüün xubilyāji: casutani bečīn // čū busu kümün čū busu söl ūgei beye ūsū-bēr (2) düüreng: casutu tūbüdiyin oro düürün (3) aqsan tedeni dotoro odoqsan-dū: (4) tede ūgüülebei:	Так, первым запретом учения (дхармы) стало то, что бодхисаттва Могуущественный Святой Всевидящий Оком с ладони правой руки испустил сияние, и из лучей сияния появился мальчик (отрок), преисполненный признаками и приметами. [Он] не был снежной обезьяной, [67b] но и человеком тоже не был, не имел хвоста, но тело было сплошь покрыто волосами. Когда он направился к обитателям, заселившим Снежную страну Тибет, те стали спрашивать:
51	(4–7)	čini sayin beye ene yōūn-ēce (5) bolboi kemēbei: bi xarin nōūl tebčīn arban (6) buyani edlen: zuryān baramīd edlekū nom (7) nomloboi:	— Это твое прекрасное тело от чего получилось? — Я воздерживаюсь от грехов, совершаю десять добродетелей, — [сказав], преподал учение о шести парамитах:
52	(7–19)	ta amitani ami tasulal (8) ūgei moduni zemis kigēd tarān ide: nigen (9) nigen-yēn idēni xobi bū xūlaq öqtöl ūgei (10) bū ab: kūseli-yin buroū yabudal kemēkü nigen (11) nigen-yēn ezeleqsen-dū bū edle: xudal ūnen (12) busu bū ögüle: nigen nigen-yēn xayacoūlxoi (13) olkin bū ūyiled: zokilduqsadi bū xayacoūl: (14) nigen nigen-dēn temecekūi šürūūn ūge bū ūgüüle: (15) busudtū ūgei böğösü bayasun ūbürtü buyidū bayasxū (16) xoməyolcoxoi sedkil bū ūyiled: busudtu (17) xorlon ūyiledkü xortū sedkil (18) bū sedki: arban nūūl tebčikūi arban buyan (19) bolxū mūn:	— Вы, не лишая жизни живых существ, питайтесь плодами деревьев и злаками. Не крадите друг у друга долю пищи, пока не предложат, не забирайте. Не прибегайте к несправедным деяниям, [происходящим] от желаний, когда один властвует над другим. Не произносите лживые, неправдивые слова. Не клеветайте, чтобы не разлучать одного от другого. Не разлучайте тех, кто пришел к согласию. Не произносите резких слов, которые могут привести к спорам. Не преследуйте своекорыстные цели, когда радуетесь, если у других [чего-то] нет, и когда радуетесь, если есть у вас. Не допускайте вредоносных мыслей о том, чтобы причинить зло другим, — это и будет, воистину, считаться тем, что является десятью грехами и десятью добродетелями.

¹ Перевод данного словосочетания представляется сложным.

53	[67b (19) – 68a (16)]	xudal kemēkū buroū ūzel (20) bū ūyiled: ami tasulxu tebčikūlē (21) ami ibēkī mūn bolon urtu nasulaxu boluyu: (22) xolxoi tebčīd busudtū ōkūlē idēn (23) undān ūrgūjīkū boluyu: busudiyin (24) gergei-dū ariūn busu ese edlekūlē: (25) sedkil-dū tālaqdaxū nōkūr olxū boluyu: (26) xudal ūlū ūgūūlen ūnēr ūgūūlekūlē sonosuqsan (27) nom batūdūn ūlū martaxū boloyū: // olkin ūgūūlel ūgei zokildoxolā xamuq/-luyā zokilduxu boloyū: šürūn ūge ūgūūlel (3) ūgei amurlingyoi jōlōn ūgūūlebē: ali (4) ōgūūleqsen-dū busūd oroxū boloyū: (5) calayai ūge ūgūūlel ūgei ūnēr ūgūūlekūlē (6) xamoq bišīrekū boloyū: xomoqolcoxoi (7) sedkil ūgegūyē ōbōriyīn idēn undān-yēr (8) bolilon medekūlē: ali kūsekūi idēn undan (9) oldoxū boloyū: xortū sedkil ūgegūyē tusatu (10) sedkil sedkikūlē xamuqtu asaraqdaxū boloyū: (11) burūū ūzel ūgegūyū nomi ūnen-dū barixūlā (12) nom-luyā učīraxū boluyu: arban nōūl (13) tebčījī arban buyan edlekūlē: dūrsū (14) yanzū xotolo tūgūsūn: kūmūn tenggeri/-dū törökū: ta čū arban {nūūli} tebčījī arban (16) buyani edle:: kemēn ōgūūlebei:	Не прибегайте к несправедливым воззрениям, которые именуются ложью. Если будете воздерживаться от убийства ¹ , то это будет означать, что воистину заботитесь о душе ² и проживете долгую жизнь. Если станете воздерживаться от воровства и станете отдавать другим, то будете постоянно иметь и еду, и питье. Если не будете вынашивать грязные мысли по отношению к чужой жене, то обретете друга, который придется по сердцу. Если не будете лгать, будете говорить правду, то прослушанное учение закрепится, и не сможете его забыть. [68a] Если, не прибегая к клевете, сможете прийти к согласию, то сможете поладить со всеми. Если, не произнося резких слов, станете говорить спокойно и мягко, то, что бы ни говорили, другие поверят. Если не будете пустословить, а будете говорить правдиво, то все проникнется верой. Если, не допуская своекорыстных мыслей, осознаете, что [следует] ограничивать себя в еде и питье, то тогда найдутся еда и питье, какие только ни пожелаете. Если, не допуская злобных мыслей, станете думать с пользой [о других], то будете окружены всеобщей заботой. Если, не допуская несправедливых воззрений, будете считать учение [Будды] праведным, то [непременно] обретете его ³ . Если станете воздерживаться от десяти грехов и совершать десять добродетелей, то в совершенстве преисполнитесь внешним видом (наружностью). Люди переродятся в тенгриев (небожителей). И вы тоже воздерживайтесь от десяти грехов и совершайте десять добродетелей! — так произнес.
54	(17–19)	tedečū (17) arban nūūl tebčīn arban buyani edleqsen/-yēr: beye ulam ulam sayin bolon kūmūni (19) beye dūrsū yō bolboi:	Что касается их, то в силу того, что стали воздерживаться от десяти грехов и совершать десять добродетелей, их тела все более и более совершенствовались, приобрели прекрасные формы и внешний вид людей.
55	(19–22)	tegēd xobilyān kūbūūn (20) tere basa boluqsan tedeni dōtōrō (21) odōd: zuryān baramidiyin nomdū (22) zokōboi:	Затем тот мальчик-хубилган тоже отправился к ним, вновь переродившимся, и наставил их на путь учения о шести парамитах.
56	[68a (22) – 68b (2)]	aya kūmūn amitan (23) maši cuxaq: tamu birid aduusun yorban/-dū törökūlē: ūbūriyīn tusa čū ūlū bütūn (25) busudiyin tusa ūlū bütūkūi yoū ūgūūlkū (26) tamūdū törökūlē kūyiton xaloni zobolong (27) caqlaši ūgei: biridiyīn oron-dū törökūlē	— О, увы, люди ⁴ весьма малочисленны. Если переродятся в аду, претами (биридами) и животными, то не смогут оказать пользу ни себе, ни другим, стоит ли говорить?! Если переродятся в аду, то страдания от холода и жара будут неисчис-

¹ Букв. 'от отнятия чьей-то жизни'.² Здесь досл. 'заботитесь о жизни'.³ Букв. 'повстречаетесь с учением'.⁴ Досл. 'такие живые существа, как люди'.

		(28) ölöskü undasxuyin zobolong caqlaşı ügei: (29) adoüsuni töröl oron-du törökülē alaqqan/xoi kigēd yani kelekeyin zobolong sedkişi // ügei: ödügē kümün-dü törön buyan-luyā tögü/süqsen mün:	лимы. Если переродятся в стране прет, то страдания от голода и жажды будут неизмеримы. Если переродятся в стране, где перерождаются животными, то страдания от того, что могут быть убиваемы, что несчастны, безмолвны, будут [68b] невообразимы. Сейчас, получив рождение людьми, воистину, преисполнились добродетелью.
57	(2–9)	ta bögüde üqligü ögüqtün: (3) ed ayoürasün baraqqaxü ügei bolxü: xaram/-yēr zoboxü boloyü: xaram-yēr öbüriyin (5) tusa ülü čidaxü bögüsü busudiyin (6) tusa ülü čidaxü yoü ügüülekü: xarimiyin (7) ači üre-bēr yurban moü zayātāni zobolong (8) edlekü boloyü: kemēn öqligü barimidiyin nom (9) üzülbei::	Вы все совершайте даяния (подавайте милостыню). Имущество и скот не исчерпаются. Страдать будете о жадности. Если в силу жадности не сможете оказать пользу самим себе, то стоит ли говорить о том, что не сможете оказать пользу другим, что говорить [об этом]?! В силу воздаяния за жадность станете испытывать страдания получивших три неблагоприятных перерождения ¹ , — так преподавал учение о парамите даяния ² .
58	(9–16)	šaqqābad saki tenggeriyin beye (10) kigēd kümüni beye olxü: calayai-bēr übü/riyin tusa čü ülü čidaxü bögüsü busudiyin (12) tusa ülü čidaxü yoü ügüülekü: calayayin (13) ači üre bolbosoraqsan-yēr yurban moü (14) zayātan-dü töröji: olon zobolong ed/ledkü boloyü: kemēn šaqqābad barimidiyin nom (16) nomloboi::	Соблюдайте правила нравственности, обретете рождение тенгрием ³ или человеком ⁴ . Если в силу лени (беззаботности) не сможете оказать себе пользу, то не сможете оказать пользу другим, что говорить [об этом]?! В силу того, что созреет плод лени, получив три неблагоприятных перерождения, станете испытывать многочисленные страдания, — так преподавал учение о парамите соблюдения правил нравственности ⁵ .
59	(16–22)	külicenggüi bišilya sayin dürsü (17) kigēd belge-lüge tögüskü boloyu: kiling/-yēr öbüriyin tusa ülü bütükü bögösü busu/diyin tusa ülü bütükü yoü ügüülekü: (20) kilingiyin bolbosoraqsan üre-bēr yurban moü (21) zayātan-dü töröd zobolong edledkü bolyü: (22) kemēn külicenggüi barimidiyin nom üzülbei::	Соблюдайте терпение, преисполнитесь хорошей внешностью и признаками. Если в силу гнева не сможете оказать себе пользу, то не сможете оказать пользу другим, что говорить [об этом]?! В силу созревания плода гнева, получив рождение трех неблагоприятных перерождений, испытаете страдания, — так преподавал учение о парамите терпения ⁶ .
60	(23–30)	(23) kičēnggüi tuürbi kičēnggüi-bēr nom olon (24) örgüjiku boloyu: zalixai-bēr öbüriyin tusa (25) čü üyiledün ülü čidaxü bögösü busu/diyin tusa ülü bütükü yoü ügüülekü: (27) zalixayin bolbosoraqsan ači üre-bēr (28) yurban moü zayātan-dü törön (29) zobolong edlekü boloyü: (30) kemēn kičēnggüi barimidiyin nom üzülbei::	Практикуйте усердие, усердием учение во много раз превознесется. Если в силу коварства не сможете оказать пользу даже себе, то не сможете оказать пользу другим, что говорить [об этом]?! В силу созревания плода коварства, получив три неблагоприятных перерождения, испытаете страдания, — так преподавал учение о парамите усердия ⁷ .

¹ Здесь имеются в виду три плохих перерождения — животным, претой (биридом) и существом ада.

² Санскр. *дана-парамита*.

³ Здесь букв. ‘получите тело небожителя’.

⁴ Здесь букв. ‘получите тело человека’.

⁵ Санскр. *шила-парамита*.

⁶ Санскр. *кианти-парамита*.

⁷ Санскр. *вирья-парамита*.

61	[69a (1) – 69b (8)]	// samadi bišilya: sedkil teqši ayoū/luqsan-yēr teqši ayoūluqsan nomiyn udxa (3) üzekü boloyu: alyasangyui-bēr zobon: (4) alyasangyui-bēr öböriyın tōsa ülü bütökü bügüü/sü busudiyın tusa ülü bütökü yoü ügüülkü: (6) alyasangyuyın bolbosoraqsan açi üre-bēr yurban (7) moü zayātan-dü törön zobolong edlekü (8) boluyü: kemēn samadi barımidiyın nom üzüülbei::	[69a] Предавайтесь самадхи (медитации)! Благодаря тому, что приведете себя в ровное состояние духа ¹ , сможете познать суть учения. В силу невнимательности будете страдать. Если в силу невнимательности не сможете принести пользу самим себе, то не сможете принести пользу и другим, что говорить [об этом]?! В силу созреваания плода созерцания, получив три неблагоприятных перерождения, испытаете страдания, — так преподавал учение о парамите созерцания ² .
62	(9–19)	(9) biliq bišilya biliq-yēr nomiyn (10) mün çinar medēd orçilonggiyın (11) oron-ēce noqçin: yasalang-ēce nöqçi/soni çinadü kürün xamüq medeqçi {bilxü (=bolxu)} boluyü: (13) mungxaq-yēr zobon: mungxaq-yēr öböriyın (14) tusaçü üyileden ülü çidaxü bügüsü (15) busudiyın tusa ülü çidaxü yoü ügüü/lekü: mungxagiyın bolbosoraqsan açi üre/-bēr yurban moü zayātan-dü törön zobo/long edlekü boluyü: kemēn biliq bara/midiyın nom üzüülbei::	Созерцайте мудрость, в силу мудрости познав истинное качество учения, освободившись из сансары, достигнув того [состояния], когда нет страданий ³ , станешь всеведующим. Страдая от невежества, если в силу невежества не сможешь принести пользу себе, то не сможешь принести пользу и другим, что говорить [об этом]?! В силу созревания плода невежества, получив три неблагоприятных перерождения, испытаете страдания, — так преподавал учение о парамите мудрости ⁴ .
63	[69a (19) – 69b (2)]	basa yeke (20) nigüülesüqçiyın xubilyān belge üliġer (21) tügüsüqsen kübüün tere: arban buyanı (22) nom nomlōd nomiyn zasaq bayüülun (=bayıyuulun): (23) zuryān baramidiyın nom nomloji [ü]lü (24) zokilduxui zuryān nisvanis-ēce (25) urbüülön: beye ulam deqçiülün (26) nom kigēd sedkil {tosatin}sanvarla üyiledēd: ödöge (27) şalyadaq kümüni beye olun nom edleküi (28) oron-dü törön sedkil nom-luyā neyilen: (29) nomi ali tälal-yēr edlekü büi ene inü: // erkin yeke nigüülesüqçi xütuqtu nidübēr (2) üzeqçiyın açi mün:	Также то воплощение Великого Милосердного — мальчик (отрок), преисполненный приметами и признаками, преподавал учение о десяти добродетелях, установил закон учения (дхармы). Преподавал учение о шести парамитах, заставил отказаться от шести привязанностей к миру, которых им не подобает [придерживаться]. Также тот хубилган Великого Милосердного, мальчик (отрок), преисполненный признаками и приметами, преподавал учение о десяти добродетелях, заложил основы наставлений в учении. Преподавал учение о шести парамитах, отвратил от неподходящих шести привязанностей к миру. Заставил тела еще более возвыситься, так что стали практиковать учение с принятием духовных обетов, полезных для ума. Ныне, обретя тела избранных людей, получив рождение в стране, где возможно исполнять религиозные обязанности, воссоединив мысли и учение, стали практиковать учение в той мере, как пожелают. [69b] Это, воистину, заслуга могущественного Великого Милосердного Святого Всевидящего Оком.

¹ Т. е. 'предадитесь созерцанию'.² Санскр. *дхьяна-парамита*.³ Букв. 'по ту сторону страданий'.⁴ Санскр. *праджня-парамита*.

64	(2–6)	bodhi-sadv-nariyin (3) manglai xütuqtu nidübēr üzeqči erketü (4) töüni: casutu töbüd öröni (=oroni) kümün-noyoüdtü (5) yeke açi-taya üzülüqsen bölq inü yočîn (6) dötögör bui.: ::	Это тридцать четвертая глава , в которой главенствующий среди бодхисаттв, Могущественный Святой Всевидающий Оком оказал великую пользу людям его Снежной страны Тибета.
----	-------	--	--

3. Заключение

В ряду текстов девиционального характера, раскрывающих культ основных бодхисаттв буддизма махаяны и ваджраяны, наряду с Манджушри и Ваджрапани, особое место занимают тексты, посвященные культу бодхисаттвы Авалокитешвары. Среди них, в первую очередь, следует указать на собрание текстов традиции «терма» под названием «Мани-камбум», включающее разножанровые тексты, относящиеся к разным историческим периодам времени, общим для которых является обращенность к культу Авалокитешвары. Так, первый отдел «Мани-камбума» из 36 сутр-повествований описывает деяния Авалокитешвары и тибетского царя Сронцзан-гампо (VII в.). Об интересе к сочинениям из состава «Ма-

ни-камбума» свидетельствуют переводы с тибетского, выполненные В. Рокхиллом, и с монгольского — И. Иеригом.

В данной публикации мы представили полный перевод 34-й главы 1-го тома «Мани-камбума» на ойратском языке по рукописи из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (шифр Calm D 22). Содержание этой главы составляет легенда о происхождении тибетцев от повелителя обезьян и демоницы скалы.

Рассмотренный образец сочинения из сборника традиции «терма» свидетельствует о значимости текстов, относящихся к культу бодхисаттвы Авалокитешвары, для последователей буддизма Махаяны из числа ойратов и калмыков.

Источники

Biography 1967 — Biography of Caya Pandita in Oirat characters (Rabjamba Čay-a bandida-yin tuyuĵi saran-u gerel kemekü ene metü bolai). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen. (Предисловие, транслитерация, издание текста Ж. Цолоо) // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1967. 101p. (На ойратском и монгольском яз.)

МКО — Mani kambum, 1 (Мани-камбум. Ч. 1). Рукопись на ойратском языке // Научная библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 22. 86 л.

Sources

Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (Oir. Rabjamba Čay-a bandida-yin tuyuĵi saran-u gerel kemekü ene metü bolai). Acad. Rinchen (ed.), Zh. Tsooloo (foreword, translit., etc.). Corpus Scriptorum Mongolorum. Vol. V. Fasc. 2–3. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1967. 101p. (In Oir. and Mong.)

Mani Kambum. Pt. 1. Manuscript. At: St. Petersburg University, Faculty of Asian and African Studies, Scientific Library. Call no. Calm D 22. 86 p. (In Oir.)

Литература

Востриков 1962 — Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М.: Вост. лит., 1962. 427 с.

Елихина 2010 — Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. 292 с.

References

Vostrikov A. I. Tibetan Historical Literature. Moscow: Oriental Literature Press, 1962. 427 p. (In Russ.)

Elikhina Yu. I. Cults of Main Bodhisattvas and Their Earthly Manifestations in Buddhist History and Arts. St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology), Nestor-Istoriya, 2010. 292 p. (In Russ.)

- Кантор 2013 — *Кантор Е. А.* «Мани-камбум» в Тибете и Монголии // *Mongolica*—XI. 2013. С. 45–51.
- Лувсанбалдан 1975 — *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Музраева 2024 — *Музраева Д. Н.* Легенда о происхождении тибетцев и правила нравственного поведения, изложенные в сочинении «Мани-камбум» // Новый филологический вестник. 2024. № 2(69). С. 350–359. DOI: 10.54770/20729316-2024-2-350
- Норбо 1999 — *Норбо Ш.* Зая-Пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова; науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Rockhill 1891 — *Rockhill W. W.* The Land of the Lamas. Notes of a Journey through China, Mongolia and Tibet. London: Longmans, Green and CO. 1891. 399 p.
- Uspensky 2001 — *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: ILCAA. (University of Tokyo Press Production Centre). 2001. 530 p.
- Kantor E. A. «Mani kabum» in Tibet and Mongolia. *Mongolica*. 2013. Vol. 11. Pp. 45–51. (In Russ.)
- Luvsanbaldan Kh. Clear Script and Its Monuments. Ts. Damdinsüren (ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)
- Muzraeva D. N. The legend of the origin of the Tibetans and the rules of moral behavior set forth in “Mani-Kambum”. *The New Philological Bulletin*. 2024. No. 2(69). Pp. 350–359. (In Russ.) DOI: 10.54770/20729316-2024-2-350
- Norbo Sh. Zaya Pandita: Biographical Materials. D. Muzraeva, K. Orlova, V. Sanchirov (transl.); V. Sanchirov (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Rockhill W. W. The Land of the Lamas: Notes of a Journey through China, Mongolia and Tibet. London: Longmans, Green and Co., 1891. 399 p. (In Eng.)
- Uspensky V. L. (comp.) Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: ILCAA. (University of Tokyo Press Production Centre). 2001. 530 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 3, Pp. 614–626, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:[001.32:91(060.55)](470.56-89)»1867/1917»

Эволюция образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отделения Русского географического общества (1867–1917 гг.)
Inhabitants of Orenburg Region in Transactions of the Orenburg Branch of the Russian Geographical Society, 1867–1917: Tracing the Evolution of Images

*Сергей Валентинович Любичанковский¹,
Елена Викторовна Годовова²,
Олег Владимирович Татарников³*

*Sergey V. Lyubichankovskiy¹,
Elena V. Godovova²,
Oleg V. Tatarnikov³*

¹ Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)

Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0001-8349-1359. E-mail: [svlubich\[at\]yandex.ru](mailto:svlubich[at]yandex.ru)

² Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)

Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation)

доктор исторических наук, доцент, профессор

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0001-5798-3413. E-mail: [godovova\[at\]mail.ru](mailto:godovova[at]mail.ru)

³ Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)

Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation)

ассистент

Assistant Lecturer

 0009-0003-2636-5438. E-mail: [eugenewhite99\[at\]yandex.ru](mailto:eugenewhite99[at]yandex.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Любичанковский С. В., Годовова Е. В., Татарников О. В., 2025

© Lyubichankovskiy S. V., Godovova E. V., Tatarnikov O. V., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется эволюция образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отделения Императорского Русского географического общества в период с 1867 г. по 1917 г. *Материалы и методы.* В основу статьи положены такие исторические источники, как «Записки» и «Известия» Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Эти серийные научные издания отражали общественную позицию и включали в себя: статьи членов общества (военных, чиновников, учителей, краеведов); отчеты об экспедициях и заседаниях; публикации архивных документов и фольклора; полемические заметки (например, критика работ Алтынсарина); карты, статистические таблицы, протоколы. Методологическую основу работы составили имагологический анализ и критическое источниковедение, примененные к публикациям Оренбургского отдела Русского географического общества. Эволюционный процесс был обусловлен комплексом политических, социальных и научно-методологических факторов. Авторы выделяют три ключевых этапа в развитии научного дискурса: классический имперский (1860–1880-е гг.), этнографический (1890-е – начало 1900-х гг.) и этап провинциализации (1905–1917 гг.). Первый этап формировался под влиянием военно-административных задач. Доминирование военно-административного подхода объяснялось задачами Российской империи по интеграции региона. Оренбургский край воспринимался как пограничная зона, требовавшая контроля, поскольку преобладали стереотипные образы казахов как «кочевников-варваров» и русских переселенцев как «агентов цивилизации». После ликвидации Оренбургского генерал-губернаторства (1881 г.) научный дискурс стал менее идеологизированным, что позволило перейти к более объективным исследованиям. Второй этап характеризуется углубленным изучением культурного разнообразия, отказом от упрощенных клише и вниманием к взаимодействию культур. Он выделяется активизацией местной интеллигенции (учителей, краеведов), которые, в отличие от чиновников, уделяли внимание культурному разнообразию и народным традициям. Рост интереса к этнографии и фольклору отражал общероссийские тенденции, включая влияние народничества. Третий этап связан с сужением исследований до узкопрактических вопросов, что привело к упрощению и фрагментации образов. Смещение фокуса на Тургайскую область в 1900–1917 гг. было вызвано столыпинской аграрной реформой и необходимостью изучения земельных конфликтов. Это сузило научную проблематику, сделав образы жителей менее выразительными. Результаты исследования демонстрируют то, как политические, социальные и методологические факторы влияли на формирование образа региона и его жителей.

Ключевые слова: Оренбургский край, Императорское Русское географическое общество, историческая имагология, научный дискурс, образ «Другого», культурное взаимодействие, провинциальная наука, имперский период, востоковедение

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Оренбургской области «Образ региона и его жителей как фактор развития: Оренбургская губерния пореформенного периода в публичных оценках правительственных и общественных кругов (1865–1917)» (№ 25-28-20063, <https://rscf.ru/project/25-28-20063/>).

Для цитирования: Любичанковский С. В., Годовова Е. В., Татарников О. В. Эволюция образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отделения Русского географического общества (1867–1917 гг.) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 614–626. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-614-626

Abstract. *Goals.* The article examines the evolution of the image of Orenburg region's inhabitants in works authored by members of the Orenburg Branch of the Imperial Russian Geographical Society from 1867 to 1917. *Materials and methods.* The article is based on historical sources, such as the *Zapiski* and *Izvestiya* of the Orenburg Branch of the Imperial Russian Geographical Society. The scholarly series would articulate public opinions and include as follows: articles by members of the Society (military and civil officers, teachers, local historians); reports on expeditions and meetings; publications of archival documents and folklore narratives; polemical notes (e.g., criticism of Alтынсарин's works); maps, statistical tables, protocols and minutes. In terms of methodology, the work rests on tools of imagological analysis and critical source research applied to publications of the Orenburg Branch of the Russian Geographical Society. *Results.* The specified evolution was conditioned by a variety of political, social and research methodological factors. The paper distinguishes a total of three key stages in the development of that scholarly discourse: classical imperial one (1860s–1880s), ethnographic one (1890s – early 1900s), and that of provincialization (1905–1917). At the first stage,

images were formed under the influence of military-administrative tasks, which was mirrored in stereotypical descriptions of the peoples of the region. The dominance of the military-administrative approach was explained by the imperial objectives of integrating the territory. Orenburg lands were perceived as a border zone requiring control, and that would be confirmed with stereotypical images of Kazakhs as 'barbarian nomads' and Russian settlers as 'agents of civilization'. After the abolition of Orenburg Governor General's Office (1881), the scholarly discourse became less ideology-driven, which made it possible to secure more objective studies. The second stage is characterized by detailed insights into cultural diversities, rejections of simplified clichés, and increased attention to cultural interactions. These were given rise to by local intellectuals (teachers, local historians) who — by contrast with officials — did pay attention to cultural aspects and folk traditions. The growth of interest toward ethnography and folklore was mirroring the then all-Russia trends, including that of Narodism. The third stage was associated with the reduction of research to specifically practical issues, which led to somewhat simplified and fragmented images. The shift of focus to Turgai Steppe in 1900–1917 was caused by the Stolypin agrarian reforms and the need to deal with land conflicts. This narrowed the research agenda and made images of native inhabitants less expressive. The study shows how political, social and methodological factors influenced the shaping of the image ascribed to the region and its inhabitants throughout the defined period.

Keywords: Orenburg region, Imperial Russian Geographical Society, historical imagology, scientific discourse, image of the 'other', cultural interaction, provincial science, imperial period, Oriental studies

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation and Government of Orenburg Oblast, project no. 25-28-20063 'Images of the Region and Its Inhabitants as a Development Factor: Orenburg Governorate of the Post-Reform Period in Assessments of the Government and Civic Circles, 1865–1917'. Available at: <https://rscf.ru/project/25-28-20063>.

For citation: Lyubichankovskiy S. V., Godovova E. V., Tatarnikov O. V. Inhabitants of Orenburg Region in Transactions of the Orenburg Branch of the Russian Geographical Society, 1867–1917: Tracing the Evolution of Images. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 614–626. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-614-626

1. Введение

Историческая имагология и эволюция образа жителей Оренбургского края в научной печати

Проблема формирования и трансформации образов региональных сообществ в научном дискурсе представляет значительный интерес с точки зрения исторической имагологии — научного направления, изучающего закономерности создания, функционирования и эволюции образов «Другого» в культурном и историческом пространстве. Как отмечает У. Эко, «образ чужой культуры всегда является конструктором, отражающим не столько реальность, сколько систему представлений о ней» [Эко 2006: 287]. В этом контексте Оренбургский край, будучи уникальным контактным регионом на границе Европы и Азии, представляет особый исследовательский интерес, поскольку образы его жителей формировались в условиях сложного взаимодействия рус-

ской имперской науки и локальных культурных традиций.

Во второй половине XIX – начале XX в., когда Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества (далее — ИРГО, РГО) развернул свою деятельность, научные описания жителей региона развивались в русле двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, они отражали общие закономерности развития российской этнографии этого периода, для которой, по замечанию В. А. Тишкова, был характерен переход «от описательной этнографии к аналитической антропологии» [Тишков 2003: 156]. С другой — местная научная традиция вырабатывала особые подходы, обусловленные спецификой региона.

Анализ публикаций Оренбургского отдела ИРГО за 1867–1917 гг. позволяет выделить несколько ключевых этапов эволюции образа жителей края в открытой научной печати:

1) классический имперский этап (1860–1880-е гг.), когда доминировали описания, ориентированные на нужды административного управления;

2) этнографический этап (1890-е – начало 1900-х гг.), характеризующийся ростом интереса к традиционной культуре и быту народов региона. В этот период появляются работы, сочетающие научную аналитику с элементами романтизации «восточной экзотики», что особенно заметно в публикациях о казахском и финно-угорском населении;

3) этап провинциализации (1905–1917 гг.), когда образ жителей края начинает выпадать из сферы внимания сотрудников Оренбургского отдела ИРГО и становится более упрощенным и схематичным.

Особенностью оренбургской научной традиции стало то, что в отличие от центральных изданий местные публикации часто содержали более детализированные и менее идеологизированные описания. Как следует из исследования Е. А. Базылевой, оренбургские исследователи, находясь в непосредственном контакте с изучаемыми сообществами, могли корректировать стереотипы, сложившиеся в столичной науке [Базылева 2010: 100–113].

Таким образом, изучение эволюции образа жителей Оренбургского края в публикациях Оренбургского отдела ИРГО позволяет не только реконструировать историю научного освоения региона, но и проанализировать механизмы формирования имагологических конструктов в российской провинциальной науке второй половины XIX – начала XX в.

2. Материалы и методы

В основу статьи положены такие исторические источники, как «Записки» и «Известия» Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Эти серийные научные издания отражали общественную позицию и включали в себя: статьи членов общества (военных, чиновников, учителей, краеведов); отчеты об экспедициях и заседаниях; публикации архивных документов и фольклора; полемические заметки (например, критика работ Алтынсарина); карты, статистические таблицы, про-

токолы. Особенностью источника является его неоднородность: сочетание академических исследований и утилитарных отчетов. В статье данные издания проанализированы путем имагологической деконструкции текстов: выявление ключевых образов (например, как менялись эпитеты, характеризующие народы). Использован анализ нарративных стратегий – как авторы конструируют оппозиции («цивилизация vs. варварство»). Например, в статье В. Н. Плотникова (1870) казахские обычаи описаны как «дикие», но детализированы — это позволяет выявить скрытое признание их сложности. В рамках критического источниковедения было произведено разделение текстов на факты (например, данные о численности населения), интерпретации (оценки «отсталости» народов), контекст (почему автор акцентирует именно тот, а не иной аспект проблематики).

3. Результаты исследования

3.1. Начальный период исследований (1867–1880-е гг.): формирование классического имперского дискурса в трудах Оренбургского отдела ИРГО

Создание Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества в 1867 г. стало ключевым этапом в систематизации знаний о регионе. Как отмечал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, главной целью было получение точных сведений о народонаселении для успешного управления краем [Речь 1868: 52]. Этот прагматический подход наложил отпечаток на формирование образов жителей Оренбургского края в научных трудах.

Военно-административный контекст исследований заключался в том, что первые публикации отдела создавались преимущественно военными и чиновниками, что отражалось на характере образов. Ключевыми топографическими и статистическими исследованиями этого периода являлись следующие:

- переиздание «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова (1887) с комментариями членов отдела [Рычков 1887: 406];
- исследования А. А. Тилло [Тилло 1877: 40; Тилло 1877: 42];
- Отчеты о деятельности Военно-топографического отдела Оренбургского во-

енного округа с 1868 г. по 1870 г. [Тилло 1870: 259–270; Тилло 1871а: 259–269; Тилло 1871б: 270–280].

Формирование образов жителей Оренбургского края в первые годы деятельности Оренбургского отдела РГО (1867–1880-е гг.) определялось военно-имперскими задачами Российской империи в регионе. Как отмечал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, исследования должны были служить устройству управления с разноплеменными жителями [Речь 1868: 46]. Это отразилось на характере публикаций в «Записках» и «Известиях» Отдела:

1) казахи («киргиз-кайсаки») в официальном дискурсе:

- Публикация В. Н. Плотникова «Заметки на статью Алтынсарина „Очерк киргизских обычаев при сватовстве и свадьбе...“» (1870) содержала детализацию хозяйственных практик, но в выводах акцентировала недостаток «цивилизационного начала» [Плотников 1870а: 122–136; Плотников 1870б: 137–150];

- В программной статье Б. Д. Даулбаева «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год» (1881) подчеркивалась их «кочевая неустроенность», а традиционное скотоводство интерпретировалось как признак отсталости. Автор настаивал на необходимости приобщения к оседлости [Даулбаев 1881: 98–117]. За эту статью Общество удостоило автора серебряной медали;

2) «инородцы-мусульмане» как обобщенная категория населения. В ряде статей, опубликованных в «Записках Оренбургского отдела ИРГО», разные народы, населявшие Оренбургский край, обобщаются как единая категория «инородцев-мусульман» [Игнатьев 1875: 183–236]. Тем самым выстраивался образ реальности «Свой – Чужой» без столь важной для научного исследования проблематики этнографической детализации, однако с принципиально важным с точки зрения имагологии критериальным аппаратом обозначения «чужого»;

3) русские переселенцы как «агенты цивилизации»:

- Напечатанная в 1875 г. записка полковника Авдеева о значении земледелия в

Оренбургском крае с учетом его трансграничности со Средней Азией представляла их деятельность как триумф земледельческой культуры над кочевым хаосом [Записка 1875а: 176–181];

- При этом сбор экспертных мнений о возможности строительства железной дороги в Среднюю Азию через Оренбургский край, организованный Отделом, фиксировал реальные проблемы проникновения русской земледельческой традиции в кочевую среду и общеимперские выгоды от преодоления этих препятствий [Протокол 1875: 116–138; Записка 1875б: 139–145].

Работы военных топографов содержали ценные этнографические наблюдения, но оформлялись в терминах «уязвимых мест» для контроля [Тилло 1870: 259–270; Тилло 1871а: 259–269; Тилло 1871б: 270–280].

Ключевые особенности дискурса этого периода заключались в следующем:

1) административная прагматика: даже такие фундаментальные научные работы, как «Топография Оренбургской губернии» Рычкова (переиздана Отделом в 1887 г.), снабжались комментариями о пользе для науки и управления [Рычков 1887: 6–7];

2) визуализация контроля: карты и схемы в публикациях выделяли военные объекты, маршруты передвижения кочевников [Карта 1870; Карта 1871; Киргизская 1881];

3) селекция данных: в отчетах подчеркивались конфликты, а случаи успешного взаимодействия культур (например, ярмарки) описывались как исключения [Бекчурин 1871: 201–225].

Этот период заложил основы для последующей трансформации образов, когда в 1880-е гг. к исследованиям подключились учителя и краеведы, менее связанные военной логикой.

Итак, для начального периода характерно:

- преобладание военных и чиновников среди авторов;
- сочетание прагматических задач с элементами научного интереса;
- формирование устойчивых образов, повлиявших на последующие исследования.

С точки зрения исторической имагологии этот период деятельности Оренбургского отдела РГО (1867–1880-е гг.) характеризовался:

1) доминированием административно-управленческого подхода;

2) формированием стереотипных образов жителей края;

3) закладкой основ для последующих более глубоких исследований.

Эти работы, несмотря на их ограниченность существующим имперским управленческим дискурсом, стали важным источником для изучения региона и эволюции научных представлений о его поликультурном населении.

3.2. Этнографический период (1880-е–начало 1900-х гг.): трансформация образов жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отдела РГО

С 1880-х гг., после ликвидации Оренбургского генерал-губернаторства, исследования отдела переживают качественный сдвиг: от военно-административных задач к систематическому изучению культурного разнообразия. Этот период характеризуется постепенным преодолением имперских стереотипов и формированием более комплексных образов жителей края, что отражает эволюцию научной мысли в рамках исторической имагологии.

1. От «инородцев» к носителям уникальных культур.

В трудах Оренбургского отдела РГО происходит переход от упрощенных этнографических описаний к анализу взаимовлияния культур:

- казахи («киргиз-кайсаки», «киргизы») перестают рассматриваться исключительно как «кочевники-варвары». В работах членов отдела, таких, как А. Е. Алекторов, подчеркивается их хозяйственная адаптация, правовые традиции и роль в торговле с русскими поселенцами [Алекторов 1893: 19–49; Алекторов 1894: 1–32];

- финно-угры изображаются не только через призму культурной отсталости, но и как хранители уникальных эпических традиций. Публикации в «Известиях ОО ИРГО» фиксируют их фольклор и традиции [Ерусланов 1894а: 1–86; Ерусланов 1894б: 9–19а];

- русские переселенцы предстают не только как «цивилизаторы», но и как участники культурного обмена. Например, в тру-

дах А. И. Добросмыслова отмечается их заимствование элементов кочевого скотоводства [Добросмыслов 1900: 77–124; Добросмыслов 1901: 125–272].

2. Программы изучения и их имагологический подтекст.

Оренбургский отдел РГО разрабатывает специализированные этнографические программы, направленные на:

- документирование народной памяти — записи казахских легенд о принятии русского подданства показывают попытки понять «взгляд изнутри» [Крафт 1897: 1–59; Крафт 1897: 12–18];

- анализ взаимодействия культур — в работах члена оренбургского отдела РГО А. И. Добросмыслова, которые он напечатал в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» подчеркивается двусторонний характер интеграции, а не просто «русификация» [Добросмыслов 1902: 51–63];

- критику имперских клише — некоторые авторы, например, отмечают, что образ «ленивого кочевника» не соответствует реальным практикам адаптивного скотоводства [Добросмыслов 1899: 95–103];

3. Роль гражданских исследователей.

В отличие от раннего периода, когда авторами были преимущественно военные ученые, теперь ключевую роль играют местные гражданские интеллектуалы:

- А. И. Добросмыслов, ветеринарный врач, член оренбургских научных обществ ИРГО и Оренбургской ученой архивной комиссии, в своих трудах сочетает статистические данные с этнографическими наблюдениями, избегая крайностей имперского дискурса [Добросмыслов 1900: 77–124; Добросмыслов 1901: 125–272];

- учителя и краеведы, публиковавшиеся в «Известиях ОО ИРГО», часто акцентируют гибридные культурные формы, например, смешанные русско-«инородческие» обрядовые традиции [Ерусланов 1894: 9–19; Добросмыслов 1899: 95–103].

4. Издательская политика и ее влияние на образы.

Оренбургский отдел ИРГО активно публикует материалы, которые:

- легитимируют локальные знания — переиздание трудов П. И. Рычкова сопро-

вождается комментариями, отмечающими важность исходных наблюдений Петра Ивановича [Рычков 1887: 405];

- вводят в научный оборот народные источники — публикация казахских легенд и башкирских преданий создает альтернативу официальным имперским нарративам [Ерусланов 1894: 1–8; Крафт 1897: 2–20];

- подчеркивают динамику культур — работы о трансформации кочевого быта под влиянием рынка (например, исследования торговых путей в Тургайской области) показывают жителей края как активных участников модернизации, а не пассивных объектов управления [Добросмыслов 1901: 125–272].

Таким образом, этнографический период в деятельности Оренбургского отдела РГО демонстрирует:

1) постепенный отказ от бинарных оппозиций («цивилизация vs. варварство») в пользу многослойных образов, учитывающих внутреннюю логику локальных культур;

2) рост интереса к народной исторической памяти как источнику, что отражает влияние идей народничества и ранней культурной антропологии;

3) зарождение критического подхода к имперским управленческим нарративам, особенно в работах местных исследователей, близко знакомых с реалиями края.

3.3. Провинциализация исследований и смещение имагологического фокуса (середина 1900-х – 1910-е гг.)

Начало XX в. в деятельности Оренбургского отдела Русского географического общества ознаменовалось значительным изменением направленности исследований. В отличие от предыдущих этапов, где изучались образы жителей Оренбургского края в рамках имперско-управленческого или этнографического дискурса, теперь работы отдела стали более узкими и практико-ориентированными. Основное внимание уделялось хозяйственной деятельности, преимущественно русских переселенцев, а географический фокус сместился с Оренбургской губернии на Тургайскую область — бывшую часть Оренбургского края периода существования Оренбургского генерал-губернаторства. Это

свидетельствует о провинциализации исследований, где научный интерес стал определяться локальными потребностями, а не общероссийскими или имперскими задачами.

К ключевым особенностям данного периода мы относим следующие:

1) смещение географического фокуса: от Оренбургской губернии к Тургайской области. В начале XX в. в исследованиях Оренбургского отдела Русского географического общества произошло заметное изменение географических приоритетов. Если в предыдущие периоды основное внимание уделялось Оренбургской губернии как ключевому региону имперского пограничья, то к середине 1900-х гг. научный интерес сместился в сторону Тургайской области. Это было связано в первую очередь с административно-территориальными изменениями и их отдаленными последствиями: в 1868 г. была образована Тургайская область, выделенная из состава Оренбургского генерал-губернаторства. К началу XX в. она стала важным регионом для переселенческой политики Российской империи. После ликвидации Оренбургского генерал-губернаторства (1881 г.) и упразднения военно-административного управления интерес к Оренбургской губернии как к «форпосту империи» снизился, а к новым фронтальным частям империи повысился. Ведь Тургайская область стала одним из основных направлений для столыпинской аграрной реформы (с 1906 г.). Сюда массово переселялись русские крестьяне, что вызвало потребность в изучении землепользования, конфликтов с местным населением и адаптации новых хозяйственных практик. В отличие от Оренбургской губернии, где к этому времени уже сложилась относительно стабильная этнокультурная картина, Тургайская область оставалась зоной активного взаимодействия (и противостояния) между кочевыми казахами и оседлыми переселенцами. Развитие железнодорожного строительства (Ташкентская железная дорога) и рост торговли со Средней Азией сделали Тургайскую область важным транспортным и экономическим узлом. Исследования Оренбургского отдела ИРГО стали отражать эти изменения: например, отчеты

И. А. Кастанье (1909) фиксировали последствия строительства железной дороги для местного населения [Отчет 1909: 27–99]. По этим причинам в работах начала XX в. (например, у П. А. Хворостанского, Б. Скалова) Оренбургская губерния почти не упоминается. Вместо этого детально изучаются части Тургайской области: Кустанайский уезд [Хворостанский 1912: 127–140] и Темирский уезд [Скалов 1911: 61–120], а также земельные вопросы на территории Тургайской области [Хворостанский 1911а: 139–171];

2) уход от этнокультурных тем к хозяйственным. Если в XIX в. Оренбургский отдел ИРГО публиковал этнографические описания тюркских и финно-угорских народов края, то теперь акцент делался на землеустройство (споры между переселенцами и казахами), экономику (скотоводство, торговля, влияние железных дорог) и демографию (миграции, численность населения). Например, в статье о «Чолаксайском русском поселке» (1911) П. А. Хворостанский не анализирует культуру жителей, а описывает их хозяйственную деятельность [Хворостанский 1911б: 121–130]. Причины хозяйственного крена в исследованиях определялись, главным образом, государственным заказом: столыпинская аграрная реформа (1906 г.) требовала детальных данных по землепользованию; переселенческое управление нуждалось в точной информации о свободных землях; Военное ведомство интересовалось экономическим потенциалом региона;

3) провинциализация науки. Исследования стали более локальными и прикладными, что соответствовало запросам местных властей и переселенческих управлений. Был утрачен прежний имперский масштаб: если раньше оренбургский отдел ИРГО изучал регион как «границу Европы и Азии», то теперь работы касались узких вопросов вроде «норм земельного обеспечения» или «хозяйственной адаптации» [Хворостанский 1911а: 139–171; Хворостанский 1911б: 121–130]. Работы стали менее теоретическими и более прикладными, что отражало снижение интереса к фундаментальным исследованиям в пользу локальных задач.

С точки зрения имагологии указанные изменения привели к тому, что образы жителей стали менее детализированными. Казахи, черемисы и другие народы теперь описывались не как носители уникальных культур, а как участники земельных конфликтов или объекты переселенческой политики. Исчезло противопоставление «цивилизации» и «варварства», вместо этого акцент делался на прагматике совместного хозяйствования. Наука утратила интерес к «Другому». Если в XIX в. Оренбургский отдел ИРГО стремился понять «чужую» культуру, то теперь исследования сводились к сухой статистике и отчетам.

В итоге на смену фундаментальным этнографическим и историческим работам пришли узкие, прикладные исследования, связанные с освоением степных территорий. Это изменило и образы жителей региона: они перестали быть «экзотическими Другими» и превратились в участников хозяйственных процессов, т. е. произошло упрощение и схематизация имагологической картины.

Масштабные этнографические или исторические обобщения в этот период отсутствовали. Научный дискурс утратил прежнюю глубину. Переориентация исследований на хозяйственную тематику привела к принципиальному изменению характера научных публикаций Оренбургского отдела ИРГО. Если ранее работы общества сочетали академическую глубину с практической ценностью, то в 1900–1917 гг. произошла явная деградация исследовательского уровня. На смену фундаментальным трудам пришли узкоспециальные отчеты, ценные с практической точки зрения, но бедные в научно-теоретическом плане. Очевидно упрощение методологических подходов: практически прекратилось сопоставление с другими регионами, исчезли кросс-культурные параллели, наблюдалась редукция источниковой базы (использование только текущей статистики, отсутствие архивных изысканий, игнорирование фольклорных материалов). Можно говорить о тенденции к примитивизации анализа, когда констатация фактов не сопровождается выводами. Например, в статье о местных частушках

просто приведены тексты без какого-либо их анализа [Воронцовский 1914: 127–151]. Показателями определенной изоляции стали почти полное прекращение цитирования столичных исследователей, отсутствие рецензий на местные публикации в центральных изданиях. Исчезновение больших нарративов в итоге привело к фрагментарности образов жителей края, потере связи с общероссийским контекстом и контекстом других пограничных регионов. Приоритет статистики и почти полное отсутствие «живых описаний» привели к потере культурного измерения.

В конечном итоге это обеднило как научное понимание региона, так и его образ в открытом академическом дискурсе.

4. Заключение

Исследование эволюции образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отдела Русского географического общества (1867–1917 гг.) позволило выделить три ключевых этапа, каждый из которых отражает изменения в научном дискурсе, обусловленные историческим контекстом, политическими задачами и развитием методологии. Сравнительный анализ этих этапов демонстрирует трансформацию имагологических конструктов — от стереотипных и управленческих образов до более детализированных и критических описаний, а затем до их упрощения и фрагментации.

1. Классический имперский этап (1860–1880-е гг.)

На этом этапе образы жителей Оренбургского края формировались под влиянием военно-административных задач Российской империи. Исследования носили прагматический характер и были направлены на обеспечение эффективного управления регионом.

Ключевыми чертами этого периода являлись:

- доминирование военных и чиновников среди авторов;
- акцент на описании народов через призму их полезности или угрозы для империи (например, казахи как «кочевники-варвары», русские переселенцы как «агенты цивилизации»);

- использование бинарных оппозиций («свой – чужой», «цивилизация – варварство»);

- визуализация контроля через карты и статистику, подчеркивающие уязвимые места для управления.

В итоге были заложены основы для последующих исследований, но образы оставались стереотипными и идеологизированными.

2. Этнографический этап (1890-е – начало 1900-х гг.)

Этот период характеризуется переходом от управленческого подхода к более глубокому изучению культурного разнообразия региона. Его ключевыми чертами являлись:

- постепенный отказ от упрощенных стереотипов в пользу комплексных описаний (например, казахи как носители уникальных хозяйственных и правовых традиций);

- рост интереса к народной памяти, фольклору и взаимодействию культур;

- участие гражданских исследователей (учителей, краеведов), которые вносили более детализированные и менее идеологизированные наблюдения;

- элементы критики имперских клише и внимание к гибридным культурным формам.

В итоге образы жителей края стали более многомерными, отражая их реальные практики и адаптацию к меняющимся условиям.

3. Провинциализация исследований (середина 1900-х – 1917 гг.)

На этом этапе произошло смещение фокуса с этнокультурных тем на узкопрактические вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью и переселенческой политикой. Ключевыми чертами являлись:

- сужение и смещение географического фокуса (с Оренбургской губернии на Тургайскую область);

- уход от фундаментальных исследований к прикладным отчетам, часто лишенным теоретической глубины;

- упрощение образов: народы описывались не как носители культур, а как участники земельных конфликтов или объекты экономических процессов;

– потеря прочной связи с общероссийским и имперским контекстом.

Образы жителей стали фрагментарными и менее выразительными.

Эволюция научного дискурса отражает общие тенденции в развитии российской этнографии и исторической науки: от описательных и идеологизированных подходов к аналитическим, а затем к узкопрактическим. Изменения в образах жителей края были тесно связаны с политическими и социальными преобразованиями (ликвидация генерал-губернаторства, столыпинские реформы). Работы Оренбургского отдела ИРГО, особенно в этнографический период, демонстрируют важность провинциальной науки в корректировке стереотипов, сло-

жившихся в центре. В начале XX в. исследования потеряли прежнюю глубину, что обеднило понимание региона и его культурного разнообразия.

Изучение эволюции образов жителей Оренбургского края в публикациях Оренбургского отдела ИРГО не только раскрывает историю научного освоения региона, но и служит ярким примером того, как политические, социальные и методологические факторы влияют на формирование научных представлений о «Другом». Кроме того, эволюция образов в трудах Оренбургского отдела ИРГО отражает не только развитие научной мысли, но и изменение отношения империи к своим окраинам: от «освоения» и «изучения» до сугубо утилитарного использования.

Источники

Записка 1875а — Записка полковника Авдеева о значении земледелия в Оренбургском казачьем войске по отношению к средне-азиатской железной дороге // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 176–181.

Записка 1875б — Записка Статского Советника Бекчурин // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 139–145.

Карта 1870 — Карта административного деления Оренбургского края. 1870 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1870. Вып. 1. Прил.

Карта 1871 — Карта Внутренней Киргизской Орды // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1871. Вып. 2. Прил.

Киргизская 1881 — Киргизская Степь Оренбургского Ведомства // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1881. Вып. 4. Прил.

Отчет 1909 — Отчет И.А. Кастанье по поездке его по Сыр-Дарьинской и тургайской области вдоль Ташкентской железной дороги за 1906 и 1907 гг. // Известия ОО ИРГО. 1909. Вып. 21. С. 27–99.

Протокол 1875 — Протокол 29 марта 1874 года // Известия Оренбургского отдела ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 116–138.

Речь 1868 — Речь, произнесенная покровителем Оренбургского Отдела, генерал-адъютантом Н.А. Крыжановским при открытии Отдела // Известия ИРГО. 1868. Т. 4 Отд. 1. С. 52.

Sources

Avdeev. On the significance of arable farming in [Orenburg] Cossack Host in relation to the Central Asian Railway: A report by Col. Avdeev. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 176–181. (In Russ.)

Bekchurin M. S. Report by State Councillor Bekchurin. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 139–145. (In Russ.)

Administrative divisions of Orenburg Krai in 1870: A map. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Appendix. (In Russ.)

Inner Kirghiz Horde: A map. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1871. No. 2. Appendix. (In Russ.)

Kirghiz Steppe of Orenburg Directorate. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1881. No. 4. Appendix. (In Russ.)

Castagné J.-A. Across Syr Darya and Turgay oblasts along the Tashkent Railway in 1906 and 1907: A travel report by J.-A. Castagné. *Izvestiya Orenburgskogo otdela IRGO*. 1909. No. 21. Pp. 27–99. (In Russ.)

Protocol of 29 March 1874. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 116–138. (In Russ.)

Kryzhanovsky N. A. Speech delivered by Adjutant General N. A. Kryzhanovsky at the opening of Orenburg Department. *Izvestiya IRGO*. 1868. Vol. 4. Pt. 1. P. 52. (In Russ.)

Литература

- Алекторов 1894 — *Алекторов А. Е.* Очерки Внутренней Букеевской орды (Окончание) // Известия ОО ИРГО. 1894. Вып. 3. С. 1–32.
- Алекторов 1893 — *Алекторов А. Е.* Очерки Внутренней Букеевской орды // Известия ОО ИРГО. 1893. Вып. 2. С. 19–49.
- Базылева 2010 — *Базылева Е. А.* Издательская деятельность Оренбургского отдела ИРГО // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 100–113.
- Бекчурин 1871 — *Бекчурин М. С.* Наши завоевания 1866 года в Средней Азии // Записки ОО ИРГО. 1871. Вып. 2. С. 201–225.
- Воронцовский 1914 — *Воронцовский П.* Народные частушки (историко-этнографическая заметка) // Известия ОО ИРГО. 1914. Вып. 24. С. 127–151.
- Даулбаев 1881 — *Даулбаев Б. Д.* Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1881. Вып. 4. С. 98–117.
- Добросмыслов 1899 — *Добросмыслов А.* Киргизские изделия из шерсти и волоса // Известия ОО ИРГО. 1899. Вып. 13. С. 95–103.
- Добросмыслов 1900 — *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия ОО ИРГО. 1900. Вып. 15. С. 77–124.
- Добросмыслов 1901 — *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия ОО ИРГО. 1901. Вып. 16. С. 125–272.
- Добросмыслов 1902 — *Добросмыслов А. И.* Заботы Екатерины II о просвещении киргизов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1902. Вып. 9. С. 51–63.
- Ерусланов 1894а — *Ерусланов П.* Жервоприношения черемис Бирского уезда (Уфимской губернии) по случаю неурожая // Известия ОО ИРГО. 1894. Вып. 4. С. 9–19.
- Ерусланов 1894б — *Ерусланов П.* Очерк жизни и преданий восточных черемис // Известия ОО ИРГО. 1894. Вып. 4. С. 1–8.

References

- Alektorov A. E. Essays on the Inner Bukey Horde (closing part). *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1894. No. 3. Pp. 1–32. (In Russ.)
- Alektorov A. E. Essays on the Inner Bukey Horde. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1893. No. 2. Pp. 19–49. (In Russ.)
- Bazyleva E. A. Russian Geographic Society Orenburg Department: Editorial activity (1876–1917). *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2010. No. 2 (76). Pp. 100–113. (In Russ.)
- Bekchurin M. S. Our conquests of 1866 in Central Asia. *Zapiski Orenburgskogo otдела IRGO*. 1871. No. 2. Pp. 201–225. (In Russ.)
- Vorontsovsky P. Folk chastushki: A note on historical ethnography. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1914. No. 24. Pp. 127–151. (In Russ.)
- Daulbayev B. D. Kirghizes of Nikolaevsky Uyezd (Turgay Oblast), 1830–1880: A chronicle. *Zapiski Orenburgskogo otдела IRGO*. 1881. No. 4. Pp. 98–117. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Kirghiz products of wool and horsehair. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1899. No. 13. Pp. 95–103. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Turgay Oblast: A historical essay. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1900. No. 15. Pp. 77–124. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Turgay Oblast: A historical essay. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1901. No. 16. Pp. 125–272. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Educational efforts of Catherine II among the Kirghiz. *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 1902. Vol. 9. Pp. 51–63. (In Russ.)
- Eruslanov P. Sacrifices of Cheremises inhabiting Birsky Uyezd (Ufa Governorate) in case of crop failure. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1894. No. 4. Pp. 9–19. (In Russ.)
- Eruslanov P. Eastern Cheremises: Essays on life and tales. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1894. No. 4. Pp. 1–8. (In Russ.)

- Игнатъев 1875 — *Игнатъев Р. Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки ОО ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 183–236.
- Игнатъев R. G. Mohammedans of Orenburg Krai: Legends, tales and songs in Tatar manuscripts and oral narratives. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 183–236. (In Russ.)
- Крафт 1897 — *Крафт И.* Принятие киргизами русского подданства // Известия ОО ИРГО. 1897. Вып. 12. С. 1–61.
- Kraft I. Russian citizenship of Kirghizes. *Izvestiya Orenburgskogo otdela IRGO*. 1897. No. 12. Pp. 1–61. (In Russ.)
- Плотников 1870а — *Плотников В. Н.* Заметки на статью Алтынсарина «Очерк киргизских обычаев при сватовстве и свадьбе», читанную в Оренбургском Отделе Императорского Русского географического общества 23 марта 1868 года // Записки ОО ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 122–136.
- Plotnikov V. N. Notes on the Essay on Kirghiz Matchmaking and Wedding Rites by Altynsarin delivered at Orenburg Department of Imperial Russian Geographical Society on 23 March 1868. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Pp. 122–136. (In Russ.)
- Плотников 1870б — *Плотников В. Н.* Поминка (Ас). Этнографический очерк из быта зауральских киргизов // Записки ОО ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 137–150.
- Plotnikov V. N. Commemoration rites: An ethnographic essay on everyday life of Transuralia's Kirghizes. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Pp. 137–150. (In Russ.)
- Рычков 1887 — *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. 406 с.
- Rychkov P. I. Topography of Orenburg Governorate. F. Bazilev (ed.). Orenburg: Orenburg Department of Russian Geographical Society, 1887. 406 p. (In Russ.)
- Скалов 1911 — *Скалов Б.* Естественнно-исторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда // Известия Оренбургского отдела ИРГО. 1911. Вып. 22. С. 61–120.
- Skalov B. Nomadic volosts in the south of Temirsky Uyezd: An essay in natural history and economy. *Izvestiya Orenburgskogo otdela IRGO*. 1911. No. 22. Pp. 61–120. (In Russ.)
- Тилло 1870 — *Тилло А. А.* Отчет о действиях военно-топографического отдела Оренбургского военного округа за 1868 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 259–270.
- Tillo A. A. On activity of Orenburg Military Topography Department in 1868: A report excerpt. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Pp. 259–270. (In Russ.)
- Тилло 1871а — *Тилло А. А.* Извлечение из отчета о действиях Оренбургского военно-топографического отдела за 1869 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1871. Вып. 2. С. 259–269.
- Tillo A. A. On activity of Orenburg Military Topography Department in 1869: A report excerpt. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1871. No. 2. Pp. 259–269. (In Russ.)
- Тилло 1871б — *Тилло А. А.* Извлечение из отчета о действиях Оренбургского военно-топографического отдела за 1870 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1871. Вып. 2. С. 270–280.
- Tillo A. A. On activity of Orenburg Military Topography Department in 1870: A report excerpt. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1871. No. 2. Pp. 270–280. (In Russ.)
- Тилло 1877 — *Тилло А.* Описание Арало-Каспийской нивелировки, произведенной в 1874 году, по поручению Императорского русского географического общества и Оренбургского его отдела. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1877. 40 с.
- Tillo A. The 1874 Aral-Caspian Leveling Survey [Held] under Instructions from the Imperial Russian Geographical Society and Its Orenburg Department. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1877. 40 p. (In Russ.)
- Тишков 2003 — *Тишков В. А.* Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Tishkov V. A. Requiem for Ethnos. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)

- Хворостанский 1911a — *Хворостанский П. А.* Норма земельного обеспечения киргиз 2-й Наурзумской волости Тургайского уезда и области // Известия ОО ИРГО. 1911. Вып. 22. С. 139–171.
- Хворостанский 1911б — *Хворостанский П. А.* Чолаксайский русский поселок в Тургайском уезде // Известия ОО ИРГО. 1911. Вып. 22. С. 121–130.
- Хворостанский 1912 — *Хворостанский П. А.* Переселенцы Кустанайского уезда Тургайской области // Известия ОО ИРГО. 1912. Вып. 23. С. 127–140.
- Эко 2006 — *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 2006. 432 с.
- Khvorostansky P. A. Kirghizes of Second Naurzumsкая Volost (Turgay Uyezd, Turgay Oblast): Land use norms. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1911. No. 22. Pp.139–171. (In Russ.)
- Khvorostansky P. A. Russian village of Cholaksay in Turgay Uyezd. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1911. No. 22. Pp. 121–130. (In Russ.)
- Khvorostansky P. A. Resettlers in Kustanay Uyezd (Turgay Oblast). *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1912. No. 23. Pp. 127–140. (In Russ.)
- Eco U. The Absent Structure: An Introduction to Semiotics. St. Petersburg: Petropolis, 2006. 432 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 627–643, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:908:929

«...неприменно надобно, что-бы калмыки считали Калмыцкий музей своим»: письмо Н. Н. Пальмова 1922 г. (по архивным материалам)

Юлия Георгиевна Кокорина¹

Yulia G. Kokorina¹

¹ Московский политехнический университет (д. 38, Большая Семеновская, 107023 Москва, Российская Федерация)

Moscow Polytechnic University (38, Bolshaya Se-
 myonovskaya St., 107023 Moscow, Russian Feder-
 ation)

доктор филологических наук, кандидат истори-
 ческих наук, профессор

Dr. Sc. (Philology), Cand. Sc. (History), Professor

0000-002-2496-3958. E-mail: kokorina[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Кокорина Ю. Г., 2025

© Kokorina Yu. G., 2025

Аннотация. *Введение.* Данная статья носит источниковедческий характер. Она вводит в научный оборот малоизвестный исторический источник, связанный с деятельностью Николая Николаевича Пальмова — основателя российского калмыковедения, историка, археографа, просветителя. Деятельность таких людей, как Н. Н. Пальмов, является вдохновляющим примером для наших современников, поэтому раскрытие ее новых граней представляется актуальным. Новый исторический документ обнаруживает малоисследованный ракурс научной биографии Н. Н. Пальмова — его работу как музейоведа. В этом видится новизна предлагаемого исследования. *Целью* данной статьи является введение в научный оборот нового документа, позволяющего дополнить биографию Н. Н. Пальмова малоизученными данными. *Материалы и методы.* Материалом для исследования послужил рукописный документ, который хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея: записка Н. Н. Пальмова в Главное музейное управление Народного Комиссариата Просвещения. В работе применялись методы источниковедения. *Результаты.* В процессе внимательного изучения документа были выяснены обстоятельства его появления в контексте истории музейного дела в России того времени, а также научной биографии Н. Н. Пальмова. В записке Н. Н. Пальмов выступает за сохранение самостоятельности Калмыцкого Историко-Этнографического музея и рисует перспективы его дальнейшего развития как обладателя не только собственно этнографических, но и археологических и естественно-научных коллекций. Ученый называет имена своих коллег-естествоиспытателей, готовых трудиться на благо музея. Но самое главное — это приведенные Н. Н. Пальмовым факты неподдельного интереса к деятельности музея и формированию его коллекций как со стороны калмыцкой ин-

телигенции, так и со стороны рядовых калмыков. Документ рассказывает о работе, которую проводили сотрудники музея среди калмыцкого населения, об усилиях лично Н. Н. Пальмова по развитию музея и пополнения его коллекций. **Выводы.** Н. Н. Пальмов предстает не только выдающимся историком и археографом, но и музейным работником, который не только осознавал ценность изучения духовной и материальной культуры прошлого народов, населявших калмыцкие степи, и современных калмыков, но и не жалел для этого силы и время, привлекал энтузиастов-единомышленников из местной культурной среды.

Ключевые слова: история России, история Калмыкии, история археологии, музейное дело, Калмыцкий Национальный музей, Н. Н. Пальмов

Для цитирования: Кокорина Ю. Г. «...непременно надобно, чтобы калмыки считали Калмыцкий музей своим»: письмо Н.Н. Пальмова 1922 года (по архивным материалам) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 627–643. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-627-643

Abstract. Introduction. The article is a source study that introduces into scientific circulation a little-known historical document dealing with the activities of Nikolai Nikolaevich Palmov — the founder of Kalmyk studies in Russia, historian, archaeographer, and educator. N. Palmov's work is an inspiring example for our contemporaries, and further disclosure of its details seems relevant enough. The newly introduced document reveals an understudied aspect of N. Palmov's research biography — his museological endeavors. **Goals.** The paper seeks to introduce the specified document into scientific circulation, which makes it possible to supplement the biography of N. Palmov with some little-studied data. **Materials and methods.** The study focuses on a handwritten document stored at the State Historical Museum (Department of Written Sources) — a note submitted by N. Palmov to the Main Museum Directorate under the People's Commissariat for Education. Methodologically, the work rests on tools inherent to source studies at large. **Results.** The careful insight into the document has revealed the circumstances of its creation in the contexts of then Russia's museum affairs — and N. Palmov's research biography proper. In the note, N. Palmov advocates the independence of Kalmyk Museum of History and Ethnography, outlines some prospects of its further development as a host for not only ethnographic but also archaeological and natural science collections. The scholar mentions names of his fellow naturalists who are ready to work for the benefit of the Museum. But the most important thing is that N. Palmov draws facts of genuine interest in the museum's activities and the formation of its collections shown by both the Kalmyk intelligentsia and ordinary Kalmyks. The document tells about the efforts undertaken by the Museum's employees among the Kalmyk population, N. Palmov's personal labors aimed at developing the Museum and expanding its collections. **Conclusions.** N. Palmov proved to be not only an outstanding historian and archaeographer but also a museum worker who not only realized the importance of exploring spiritual and material cultures of Kalmyk Steppe — both the preceding and existing ones — but also spared neither pains nor time for that cause, and would attract like-minded enthusiasts from the local cultural environment.

Keywords: history of Russia, history of Kalmykia, history of archeology, museum business, Kalmyk National Museum, N. N. Palmov

For citation: Kokorina Yu. G. '... It Is Urgent That Kalmyks Consider the Kalmyk Museum as Their Own [Heritage]': Analyzing a 1922 Letter by Nikolay N. Palmov. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 627–643. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-627-643

1. Введение

Имя Николая Николаевича Пальмова (1872–1934) — основателя калмыковедения, историка, археографа, археолога, мыслителя — широко известно в российской науке. Его биография и творческое наследие описываются и всесторонне анализируются, и со страниц работ исследователей предстает образ настоящего патриота, человека, безза-

ветно преданного науке, не жалевшего сил и здоровья на служение народу, можно сказать, положившего жизнь за это служение. Пример таких людей служить своей стране и своему народу, несмотря на тяжелые социально-бытовые условия, бюрократическое давление, личную неустроенность, вдохновляет наших современников, особенно молодежь, на подобное же самозабвенное

служение. Введение в научный оборот исторического источника, представляющего малоисследованную грань таланта подвижника науки Н. Н. Пальмова, дополняет новыми штрихами его образ, расширяет представление о роли его личности, и в этом видится актуальность данной работы.

Николай Николаевич Пальмов родился 21 декабря 1872 г. в городе Астрахани в семье священника. Следуя семейной традиции, Н. Н. Пальмов окончил духовную семинарию в Астрахани и Киевскую духовную академию. Преподавал в Псковской духовной семинарии и Псковском женском епархиальном училище. В 1901 г. стал преподавателем Киевской духовной академии, в 1914 г. возглавил там кафедру церковной археологии. В 1918 г. становится преподавателем Астраханского краевого университета. С 1921 г. профессор Н. Н. Пальмов возглавлял архивно-музейную секцию отдела народного образования Центрального исполнительного комитета Калмыцкой Автономной Области [Джалаева, Команджаев 2022: 21]. Разработка калмыцкой истории стала органичным продолжением его архивной деятельности [Джалаева, Команджаев 2022: 25]. Принадлежащие перу ученого «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» и «Этюды по истории приволжских калмыков» стали основными трудами Н. Н. Пальмова [Джалаева, Команджаев 2022: 26]. Кроме того, исследователь неоднократно выступал со статьями по калмыковедению как в научной, так и периодической печати. За многолетний самоотверженный труд Н. Н. Пальмова представили к награждению Орденом Трудового Красного знамени, но принадлежность по рождению к духовному сословию едва не стоила ему рабочего места и могла привести к дальнейшим репрессиям. Только заступничество руководителей партийных и советских органов республики спасло профессора, но вопрос о награждении был снят. Многолетний напряженный труд без отпусков, материальная нужда, переживания в связи с угрозой применения репрессий подорвали здоровье Н. Н. Пальмова. 11 февраля 1934 г. он скончался по дороге на работу [Джалаева, Команджаев 2022: 30].

В историографии, посвященной жизни и деятельности Н. Н. Пальмова, раскрывается его научная и архивная работа, тогда как его деятельное участие в создании и сохранении Калмыцкого Историко-Этнографического музея в те же 1920-е гг. ускользает от внимания исследователей. Нам удалось обнаружить архивный документ, который раскрывает эту сторону работы великого просветителя. В рассмотрении нового ракурса деятельности Н. Н. Пальмова видится новизна нашей работы. Целью данной статьи является введение в научный оборот нового документа, позволяющего дополнить биографию Н. Н. Пальмова малоизученными данными.

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужил документ, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ) в Москве. Этот отдел содержит Архив Музейного отдела Главнауки Наркомата Народного Просвещения [ОПИ ГИМ. Ф. 54], в котором хранятся документы Астраханской картинной галереи, Астраханского краеведческого музея и Калмыцкого Историко-Этнографического музея [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682]. Документы последнего представлены отчетом С. П. Сахарова и «Запиской» в Главмузей Н. Н. Пальмова, последней и посвящено наше исследование.

Проводя археографическую критику источника, следует отметить, что «Записка» представляет собой рукописный текст на трех листах, исписанных с обеих сторон и сложенных в виде тетради. Текст написан без исправлений, только в одном месте он содержит вставку словосочетания. Именно эта вставка говорит об уникальности документа, о том, что он написан без черновика, в единственном экземпляре. В конце «Записка» имеет: подпись с расшифровкой «Профессор Н. Пальмов», указание на дату и место — «17 апреля 1922 года, Астрахань», ведомственную принадлежность и номер «ЦИК Автономной Калмыцкой Области, Архивно-Музейный Отдел, № 78» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 146об.]. Рукописный характер документа и единственное исправление подтверждают слова Л. И. Бурчиновой о том, что в

условиях разрухи после завершения Гражданской войны Николаю Николаевичу приходилось экономить на всем — не хватало бумаги и чернил, и «Пальмов чаще всего, за редким исключением, свои работы писал в единственном рукописном экземпляре» [Бурчинова 1992: 9]. Машинистки были для ученого непозволительной роскошью, их труд для Архивно-Музейного Отдела Н. Н. Пальмов оплачивал из своих мизерных средств [Джалаева, Команджаев 2022: 25]. Кроме того, видимо, на переписку даже таких ответственных бумаг, как письмо в Главмузей, не хватало времени, о чем говорит его отправка с исправлением. Публикуемый документ мы рассматриваем в контексте истории музейного дела в стране в 1920-е гг. и биографии Н. Н. Пальмова с применением традиционных методов исторического исследования.

3. Обзор литературы

Используемая в данном исследовании литература содержательно распадается на два блока. В первый блок входят работы, посвященные биографии Н. Н. Пальмова и его вкладу в развитие исторической науки и архивно-музейного дела. Второй блок объединяет труды как по истории музейного дела, научных дискуссий, так и ситуации в советской науке в рассматриваемый период. Начнем с работ, относящихся к первому блоку. Отметим, что мы опираемся только на научные труды, не затрагивая публикаций об ученом в периодической печати.

3.1. Обзор литературы, раскрывающей деятельность Н. Н. Пальмова в 1920–1921 гг.

Как отмечают исследователи биографии Н. Н. Пальмова, ученый-монголовед А. В. Бурдуков, которого связывали с Николаем Николаевичем годы переписки, сразу же после кончины коллеги высказал желание издать его биографию и труды [Бурчинова 1992: 25]. Но в советской исторической науке тема калмыковедения была закрыта на долгие годы, и только в 1967 г. К. И. Ерымовский несколько страниц в своем художественно-публицистическом очерке посвятил Н. Н. Пальмову [Ерымовский 1967: 116–122]. В 1978 г. вышло под-

робное исследование Л. С. Бурчиновой о жизни и деятельности ученого [Бурчинова 1978]. В дальнейшем интерес к биографии Н. Н. Пальмова возрождается в эпоху постперестроечной России. Л. С. Бурчиновой было написано предисловие к переизданному в 1992 г. «Очерку истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» [Бурчинова 1992], в котором, как и в ее монографии, для целей нашей работы представляет интерес жизнь ученого в начале 1920-х гг., именно к этому времени относится наш документ.

В 2003 г. в Элисте прошли юбилейные «Пальмовские чтения», посвященные 130-летию со дня рождения Н. Н. Пальмова, участники которых изучали документы из хранящегося в Национальном архиве Республики Калмыкия личного фонда исследователя [Коженбаева 2003], а также его роль в создании научных учреждений в Калмыкии [Шалданова 2003]. Е. Р. Матвенов, подробно исследовав начальный период деятельности музея, особое внимание обращает на длительную переписку Н. Н. Пальмова с Главнаукой в защиту Калмыцкого народного музея [Матвенов 2009]. Раскрывая биографию Н. Н. Пальмова, период 1921–1922 гг. он рассматривает все же очень кратко [Матвенов 2011].

О деятельности Н. Н. Пальмова как ученого-архивиста говорится в статье Л. Б. Манджиковой [Манджикова 2021]. Биографию Н. Н. Пальмова в контексте истории советской науки подробно рассматривает А. М. Джалаева в предисловии к сборнику ранее не публиковавшихся работ исследователя [Пальмов 2007: 3–25], в котором особую ценность для нашей работы представляет характеристика ситуации, сложившейся в российской науке в 1921–1922 гг.

Отличительная черта работ последнего времени — введение в научный оборот новых архивных материалов. Обзор личного фонда исследователя, хранящегося в Национальном архиве Республики Калмыкия, сделан М. М. Батмаевым, с последовательным изучением ракурсов истории калмыков, которые интересовали Н. Н. Пальмова [Батмаев 2023]. Биогра-

фии Н. Н. Пальмова, раскрытию его качеств как педагога и историка, в том числе и в период 1921–1922 гг., посвящена работа О. А. Джагаевой [Джагаева 2013]. В биографическом исследовании, посвященном 150-летию Н. Н. Пальмова, жизнь ученого рассмотрена в контексте развития истории страны, науки и архивного дела в конце XIX – начале XX в. с использованием новейших публикаций по теме исследования, в том числе и о периоде начала 1920-х гг. [Джалаева, Команджаев 2022]. Однако основное внимание уделено архивной работе ученого. Этой же юбилейной дате было посвящено рассмотрение вклада в богословскую науку, ценное описание формирования Н. Н. Пальмова как ученого-историка [Сафонов 2022].

3.2. Обзор литературы по истории музейного дела и национального строительства в России в 1920–1922 гг.

Во второй историографический блок входят работы, опубликованные в сборнике «Музей и власть», который содержит очерк, посвященный государственной политике в области музейного дела в 1917–1941 гг. [Музей и власть 1991]. В нем в качестве отдельного периода выделены 1918 г. – середина 1920-х гг. как время организационного обеспечения музейной политики и создания первых программ музейного строительства. Данный очерк раскрывает основные направления государственной политики в области музейного дела, что нашло отражение и в деятельности Калмыцкого Историко-Этнографического музея. В серийном издании «Очерки истории отечественной археологии» опубликована статья И. А. Сорокиной, посвященная организации государственного управления культурой и наукой в 1921–1925 гг., основанная на архивных материалах [Сорокина 2015]. К этому же блоку относится новая книга В. А. Шнирельмана, в которой он характеризует начало 1920-х гг. как «время активной борьбы с остатками монархического наследия, в частности с русским колонизаторским менталитетом» [Шнирельман 2024: 8]. Царская национальная политика была заклеяна как колониальная, старая Россия была объявлена «тюрьмой народов»; «напротив, стрем-

ление отдельных народов к развитию своих национальных культур, языков и даже к достижению политической автономии всячески приветствовалось и поощрялось» [Шнирельман 2024: 8]. Таким образом, данный период в деятельности Н. Н. Пальмова рассматривался в историографии преимущественно с точки зрения характеристики его археографической деятельности, тогда как музейная работа ученого исследована слабее. Вводимый в научный оборот документ позволит раскрыть эту грань работы Н. Н. Пальмова.

При публикации исторического источника приводятся комментарии. Они составляют основное содержание данной работы, в которой приводятся краткие биографические сведения об упоминаемых в «Записке» лицах, учреждениях, а также рассматривается исторический контекст появления документа.

3.3. «Записка» Н. Н. Пальмова в Главмузей

В Главмузей

*Заведующего Калмыцким областным
Архивно-Музейным Отделом профессора
Н. Н. Пальмова*

Записка

*При обсуждении в Главмузее вопроса об
утверждении сметы на содержание Калмыцкого
Историко-Этнографического музея в г. Астрахани на 1922 год прошу
принять во внимание нижеследующие данные и
соображения.*

*Как видно из брошюры «К открытию
Областного Калмыцкого Историко-Этнографического музея. Астрахань, 1921»,
Музей учрежден в память получения автономии калмыцким народом и
задается целью собирания и сохранения предметов калмыцкого быта,
старинны и искусства, чтобы сделать их достоянием науки и дать
возможность знакомиться с ними всем интересующимся. Музей как часть
Архивно-Музейного Отдела обслуживается сейчас одним музейным
работником —художником С. П. Сахаровым, которому поручено
заведование музеем. Но в своей деятельности он столько же руководствуется
собственной инициативой, сколько соображается с указаниями и
советами членов Архивно-Му-*

зейного Отдела, какое учреждение имеет определенной задачей подбор и подготовку материалов для составления полной и всесторонней истории калмыцкого народа, проживающего 300 лет в пределах России, но до сих пор не имеющего своей научной истории. Архив дает для этого исторические документы, Музей — вещественные памятники. Связь между Калмыцким архивом и Калмыцким музеем, установившаяся на почве разработки письменных и вещественных материалов по истории калмыцкого народа, нужда в которой настойчиво диктуется переживаемым калмыками политическим моментом, — должна быть сохранена и в дальнейшем. Калмыцкий Историко-Этнографический музей должен остаться частью целого Калмыцкого Архивно-Музейного Отдела, что, между прочим, соответствует и соображениям об экономии денежных средств, отпускаемых государственной казной.

При наличном составе Архивно-Музейного Отдела из четырех человек Музей, как сказано, обслуживается одним лицом. Художнику Сахарову пока нет надобности в помощниках — со своим делом он справляется успешно, более же важные вопросы по Музею разрешаются коллегией Архивно-Музейного Отдела. Один технический служащий способен управиться с работой и по Архиву, и по Музею, тем более, что оба эти учреждения находятся в одном помещении. На содержание художника Сахарова, заведующего Музеем, потребуется не так много денежных средств, сколько потребовалось бы в том случае, если бы Музей представлял собой отдельное учреждение.

Обстоятельства времени заставляют все учреждения сокращаться. Но возникают вопросы: а) не отразится ли такое сокращение печально на судьбе Калмыцкого музея и, с другой стороны, б) не лучше ли соединить этот музей с существующим в Астрахани краевым (б. Петровским) музеем?

На тот и другой вопрос следует ответить отрицательно.

А) годичное наблюдение над Калмыцким музеем показывает, что это — не мертворожденное учреждение. Калмыцкий му-

зей развивается. Даже при современном тяжелом положении Калмыцкой области и затруднении путей сообщения между степью и Астраханью музей известен среди калмыков? и они заявили себя сочувственным отношением к нему, выразившемся в пожертвованиях Музею значительного числа предметов Калмыцкой старины и искусства. По сообщению члена ЦИКа Автономной Калмыцкой Области У. Душана, только что возвратившегося из служебной поездки по Яндыко-Мочажному уезду, жители этого уезда — калмыки — заявили о своей готовности передать в Калмыцкий Музей свои старинные национальные одежды, конечно, — за известную компенсацию, а ЦИК Автономной Калмыцкой Области, по докладу Архивно-Музейного Отдела, постановил приобрести редкие, теперь уже выходящие из употребления у калмыков их национальные костюмы, вознаградив владельцев — бедных жителей Яндыко-Мочажного уезда, мануфактурой. И названный доктор Душан, и сородичи его — интеллигентные калмыки с большим вниманием относятся к своему национальному Музею, высказывают уверенность, что с наступлением более сносных условий жизни в степи и упорядочением дорожного сообщения степи с Астраханью. Музей положительно будет завален предметами калмыцкого быта, старины и искусства. Перед музеем открываются, таким образом, светлые перспективы. Начав нормально расти, он обещает прочно стать на ноги и сослужить свою службу науке, как и поспособствовать культурному развитию населения Калмыцкой области. Но непременно надобно, чтобы калмыки считали Калмыцкий музей своим [подчеркнуто Н. Н. Пальмовым. — Ю. К.]. Сознание этого сотрудники Архивно-Музейного Отдела стараются укрепить в калмыках печатным словом, а также в устной беседе, когда коллекции Музея демонстрируются перед степняками, приезжающими в Астрахань и заглядывающими в Музей, или перед калмыками — слушателями разных курсов в Астрахани, по временам посещающими музей группами. Пробуждать сознание нужды в собственном калмыцком музее у калмыцкой интелли-

генции не приходится — она ясно осознает эту нужду, и сознание ее обнаруживается в реальных проявлениях сочувствия в виде пожертвования в Музей вещами и деньгами на приобретение вещей.

Б) Если оставление Музея в составе Калмыцкого Архивно-Музейного Отдела гарантирует развитие музея, то превращение его в одно из отделений Краевого Астраханского музея будет сопровождаться задержкой в нормальном росте Калмыцкого музея, даже может грозить захирением. Можно опасаться, что его покинет живой дух, раз музей будет оторван от того очага научных знаний о калмыцком народе, каким в данный момент является Архивно-Музейный Отдел. Правда, Отдел далек еще от желательной высоты в данном отношении, но все же за год своего существования, при не всегда благоприятных условиях работы, Отдел успел кое-что сделать по части исполнения задач своей программы, и имеются налицо осязательные результаты деятельности его работников в виде печатных изданий и докладов в научных заседаниях Отдела, имеющих [возможность] появиться в свет на страницах журнала «Ойратские известия». Во всяком случае, Архивно-Музейный Отдел является в Астрахани единственным научным установлением, специально занятым разработкой истории и материальной культуры калмыцкого народа. К Отделу, можно сказать [вставлено Н. Н. Пальмовым. — Ю. К.], прикованы взоры интеллигентных калмыков, возлагающих на него надежды, которые Отдел по мере возможности и сил, старается оправдать теперь же, а в будущем явится исследовательским, как бы институтом с широкими задачами всестороннего изучения Калмыцкой Области, в недрах земли которой и на поверхности почвы лежат нетронутые рукой ученого культурные и естественные богатства степи. При таком взгляде на дело всего менее желательна передача Калмыцкого Музея в Краевой астраханский музей. И если, пожалуй, рано поднимать второе (как хотели бы некоторые из представителей калмыцкой интеллигенции) о передаче калмыцких коллекций из Краевого Астраханского Музея в Калмыцкий музей, разуме-

ется, весьма желательна, и есть основания полагать, что такая работа наладится уже потому, что Краевой Музей, в случае надобности научной подойти к калмыцким коллекциям, принужден будет искать специалистов из среды калмыцкой интеллигенции и из состава Калмыцкого Архивно-Музейного Отдела, как и наоборот, сотрудники этого последнего должны будут обращаться к собранию калмыцких памятников в Краевом Музее, если у себя под руками они не найдут нужных экземпляров. Но передача коллекций Калмыцкого Музея, без сомнения, ослабит у калмыков энергии собирать предметы их быта, старины и искусства, и через это вредно отразится на всем деле изучения памятников калмыцкой культуры, отмеченных весьма яркою печатью дальневосточного архаизма, и лишит Калмыцкий Архивно-Музейный Отдел необходимого научного, при текущей работе, учреждения.

Теперь пока, повторю, Калмыцкий музей не требует больших расходов на свое содержание. Даже о пополнении его коллекций надо сказать, что она производится и будет производиться не столько за денежный расчет, сколько путем пожертвований, в результате переговоров Отдела с такими лицами из среды калмыков, которых, по различным причинам, особенно не могут привлекать денежные суммы в уплату за имеющиеся у них редкие вещи, — их может заинтересовать и расположить к пожертвованиям самое дело создания музея Калмыцкой национальной культуры. К материальным компенсациям приходится прибегать, приобретая вещи у бедноты. Для этого только нужна ассигновка денежных средств, как необходима она на экскурсии и на расплату за специальные заказы моделей, копий, снимков, предметов музейного оборудования и пр., словом, всего того, на что Главмузею пришлось бы ассигновывать денежные средства и в том случае, если бы он решил учредить в Краевом Астраханском музее особое калмыцкое отделение.

Выше я заметил, что Калмыцкий Архивно-Музейный Отдел в будущем мыслит себя исследовательским институтом в работе Калмыцкой степи, где имеются многочисленные памятники древнейших куль-

тур, и где в изобилии можно встретить те материалы, которые подлежат ведению естествоиспытателей. Отъезд вследствие закрытия Астраханского университета в Петербург профессора С.В. Паращука, работавшего по изучению флоры и фауны Калмыцкой степи (см. его статью об этом в №№ 1-2 ж[урнала] „Ойратские известия“ за т[екущий] г[од].) лишил Калмыцкую Область крупного научного работника в его специальности. Но в Астрахани остался профессор С. А. Усов – известный специалист-биолог, и можно указать ряд лиц, работающих в Астраханском институте народного образования, как например, горный инженер А. П. Николаевский, естествовик И. П. Дьяченко, ботаники Н. Н. Киселев и С. Ю. Шембель и др., которые не отказались от участия в работах в Калмыцкой Области, когда представится возможность к тому.

По своей специальности историка материальной культуры я должен сказать, что еще в 1921 году, состоя в должности профессора Астраханского университета и вице-президента существовавшей при университете Научной Ассоциации, я входил в Российскую Академию наук и в Академию Истории Материальной Культуры с докладами о необходимости исследования и производства раскопок скифо-сарматских, хазарских и золотоордынских курганов и некрополей, значительная часть которых находится в пределах Калмыцкой Области, при чем указывал на известную мне готовность ЦИКа Автономной Калмыцкой Области пойти навстречу научному предприятию и оказать возможное содействие его успеху. Из ответа на мое имя непременно секретаря РАН, акад. С. Ф. Ольденбурга от 11 июля 1921 года № 905 и из отношения АИМК на имя Астраханского университета от 30 сентября 1921 года № 1625, содержащего отзыв акад. В. В. Бартольда, видно, что та и другая Академии сочувственно отозвались по предмету моего доклада, и в смету АИМК¹ на 1922 год введен

особый расход по разряду мусульманской археологии, на командировку кого-либо из членов АИМК в Поволжье для ознакомления с археологическими памятниками на месте, в целях окончательного разрешения вопроса о раскопках в Астраханском крае. Конечно, калмыцкий Архивно-Музейный Отдел должен будет принять то или иное участие в археологических исследованиях, когда они коснутся памятников Калмыцкой Области, и тогда перед Калмыцким музеем станет сложная задача: он должен будет оказаться хранилищем не одних памятников калмыцкого быта, старины и искусства, но и памятников материальной культуры тех народностей, которых сменили калмыки в низовье Поволжья и в степях Предкавказья. Такая роль Калмыцкого музея в будущем заставляет позаботиться о нем в настоящем, и, прежде всего, эта забота должна выразиться в сохранении его в составе Архивно-Музейного Отдела на том положении, какое Музей занимает сейчас. Когда расширится круг деятельности Музея, тогда возникнет вопрос об увеличении его штата, о расширении помещения, о более крупных денежных ассигновках на него и т. д., но теперь пока эти вопросы не возникают. Возникает один вопрос: о сохранении status quo Музея, и, мне кажется, этот вопрос должен быть решен в положительном смысле, а смета Музея, составленная вместе со сметой всего Архивно-Музейного Отдела и препровождаемая в Главархив, должна быть утверждена.

Профессор Н. Пальмов.

17 апреля 1922 года

Астрахань,

ЦИК Автономной Калмыцкой Области

Архивно-Музейный Отдел

№ 78

PS. При сем прилагаются выписки: 1) из журнала Президиума ЦИКа Автономной Калмыцкой Области от 18 апреля с[его] г[ода]; 2) из протокола заседания Президиума Обкома РКП от 19 апреля с[его] г[ода].

[ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 682. Л. 143–146]

3.4. Анализ источника

Рассматриваемый нами документ направлен Н. Н. Пальмовым в Главмузей.

¹ АИМК — Академия истории материальной культуры. Так Н. Н. Пальмов называл Государственную академию истории материальной культуры.

Этим органом, созданным в 1921 г. в составе академического отдела Наркомпроса, руководила Н. И. Троцкая (1882–1962) [Музей и власть 1991: 123]. С января 1922 г. центральным органом управления музейной деятельностью становится Главнаука [Музей и власть 1991: 125], в которую вливается Главмузей [Сорокина 2015: 122].

3.4.1. Учреждения, упоминаемые в «Записке» Н. Н. Пальмова

«Записка» Н. Н. Пальмова датируется, как было отмечено выше, 1922 г., и начинается со ссылки на необходимость утверждения сметы музея на этот год и с обоснования потребности его существования как учреждения с *«целью собирания и сохранения предметов калмыцкого быта, старины и искусства, чтобы сделать их достоянием науки и дать возможность знакомиться с ними всем интересующимся»* [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 143]. В обосновании деятельности музея Н. Н. Пальмов пытается донести до сотрудников Главмузея высокий гуманистический посыл. Это, с одной стороны, отражение точки зрения ученого, с другой — веление времени. Первое советское десятилетие С. О. Шмидт назвал *«золотым десятилетием»* краеведения [Шмидт 1997: 154]. В свете приведенной выше оценки В. А. Шнирельманом государственной политики периода 1918–1929 гг. аргументация Н. Н. Пальмова была нацелена на подчеркивание просветительской роли музея. При этом Н. Н. Пальмов ссылается на брошюру «К открытию Областного Калмыцкого Историко-Этнографического музея», увидевшую свет в 1921 г. [К открытию 1921]. Создание музея отражало решение I Общекалмыцкого Съезда Советов 1920 г., провозгласившего образование Калмыцкой Автономной Области в составе РСФСР [Матвенов 2009: 111]. 29 января 1921 г. была создана архивно-музейная секция Калмыцкого отдела народного образования, и общее руководство Калмыцким Историко-Этнографическим музеем и Калмыцким архивом было поручено Н. Н. Пальмову [Манджикова 2021: 221]. 8 марта 1921 г. на заседании музейной секции Калмыцкого отдела народного образования было решено, что музей возглавит Н. Н. Пальмов, этнографическую

и художественную части учреждения — художник С. П. Сахаров, архивно-историческую часть — П. К. Богдзевич. 21 марта 1921 г. Историко-Этнографический музей утверждался Калмыцким отделом народного образования [Матвенов 2009: 111]. Именно к открытию музея и было приурочено издание названной брошюры значительным тиражом — 2 000 экземпляров.

Открывается брошюра обращением руководителя Калмыцкого отдела народного образования В. П. Пороха, в котором отмечается, что *«наша помощь музею — даже самая маленькая, самая незначительная, — будет великой услугой науке»* [К открытию 2021: 3]. Издание включает две работы Н. Н. Пальмова. В первой из них, давая краткий очерк истории калмыков, ученый призывает калмыцкую интеллигенцию *«прийти на помощь калмыцкому народу в деле приобщения его к основам общечеловеческой культуры»* [Пальмов 1921а: 14], во второй призывает народ к собиранию памятников калмыцкой истории и искусства [Пальмов 1921б: 22]. Заведующий этнографическим отделом музея С. П. Сахаров разъяснял важность собирания в музее старинных предметов [Сахаров 1921: 18].

Впоследствии художник С. П. Сахаров становится единственным сотрудником этого музея. Сергей Петрович Сахаров (1882–1961) родился в Москве, в 1903 г. окончил Строгановское художественно-промышленное училище [Манджикова 2021: 221]. По поручению Н. Н. Пальмова работал над альбомом национальных костюмов калмыков, проводил всю техническую работу по музею [Манджикова 2021: 221].

В 1922 г. из Москвы поступило предложение передать музей в ведение Калмыцкого отдела народного образования. Главнаука предложила включить Калмыцкий Историко-Этнографический музей в состав Астраханского краеведческого музея [Матвенов 2009: 113]. Против этого выступил Н. Н. Пальмов, выдвинув как итоговый аргумент финансовый вопрос: *«Калмыцкий Историко-Этнографический музей должен остаться частью целого Калмыцкого Архивно-Музейного Отдела, что, между прочим, соответствует и соображениям*

об экономии денежных средств, отпускаемых государственной казной» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 143об.]. К проблеме финансов Н. Н. Пальмов обратится и тогда, когда будет убеждать, что к материальным компенсациям приходится прибегать, приобретая вещи у бедноты, и средств на это хватит из отпускаемых Главмузеем даже в случае, если бы Калмыцкий музей превратился в отделение Астраханского краевого музея [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 145].

Обращаясь к истории Астраханского краевого музея, необходимо отметить, что еще в 1872 г. в Астрахани было создано Петровское общество исследователей Астраханского края, активным деятелем которого был отец Н. Н. Пальмова — Николай Гаврилович. На Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. членами Общества были представлены естественно-научная и этнографическая коллекции, на основе которых в 1897 г. и был открыт Астраханский краеведческий музей [Джалаева, Команджаев 2022: 22]. Именно против слияния двух музеев и выступает в своей «Записке» Н. Н. Пальмов. Один из аргументов, приводимый ученым, — заинтересованность деятельностью музея со стороны населения Калмыкии: «Даже при современном тяжелом положении Калмыцкой области и затруднении путей сообщения между степью и Астраханью, музей известен среди калмыков, и они заявили себя сочувственным отношением к нему, выразившемся в пожертвованиях Музею значительного числа предметов Калмыцкой старины и искусства» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 144]. О том, как эта работа развивалась, Н. Н. Пальмов пишет в своей «Записке»: «Сознание этого сотрудники Архивно-Музейного Отдела стараются укрепить в калмыках печатным словом, а также в устной беседе, когда коллекции Музея демонстрируются перед степняками, приезжающими в Астрахань и заглядывающими в Музей, или перед калмыками — слушателями разных курсов в Астрахани, по временам посещающими музей группами» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 144].

Руководство музея активно сотрудничало с Центральным исполнительным комитетом Калмыцкой Автономной Обла-

сти, который решил «приобрести редкие, теперь уже выходящие из употребления у калмыков их национальные костюмы, вознаградив владельцев — бедных жителей Яндыко-Мочажного уезда, мануфактурой» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 144].

Доказывая необходимость самостоятельного существования Калмыцкого музея, Н. Н. Пальмов пишет об этом ярко, эмоционально даже в таком официальном документе: «Можно опасаться, что его покинет живой дух, раз музей будет оторван от того очага научных знаний о калмыцком народе, каким в данный момент является Архивно-Музейный Отдел» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 82. Оп. 1. Л. 144об.]. Н. Н. Пальмов доказывает необходимость существования Калмыцкого музея независимо от Астраханского краевого музея, утверждая, что передача коллекций Калмыцкого Музея, без сомнения, «ослабит у калмыков энергии собирать предметы их быта, старины и искусства, и через это вредно отразится на всем деле изучения памятников калмыцкой культуры, отмеченных весьма яркою печатью дальневосточного архаизма, и лишит Калмыцкий Архивно-Музейный Отдел необходимого научного, при текущей работе, учреждения» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 145].

3.4.2. Отражение Н. Н. Пальмова как историка в документе

В литературе неоднократно и подробно анализируется деятельность Н. Н. Пальмова как основателя изучения истории Калмыкии. Верность своему научному долгу звучит и в его «Записке», в том числе и в приведенных выше цитатах. В начале 1920-х гг. «Пальмов преподавал историю калмыков во всех астраханских учебных заведениях (педтехникум, рабфак, совпартшколы), в которых происходила подготовка кадров для Калмыцкой автономной области» [Джалаева, Команджаев 2022: 26]. Итогом его активной деятельности стал упомянутый «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» — первое систематическое изложение истории калмыцкого народа. Научный руководитель Н. Н. Пальмова — А. А. Дмитриевский (1856–1929) — писал в 1926 г. коллеге, что его ученик совсем «окалмычился» и

пишет свои труды в изданиях под лозунгом «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» [Сафонов 2022: 92]. Для Н. Н. Пальмова работа над историей калмыков была формой служения народу, он «*был воспитанником дореволюционной школы историков и относился к той части русской интеллигенции, которая своей деятельностью способствовала упрочнению нового общественного строя в России*» [Джагаева 2018: 59]. Исследователи творчества Н. Н. Пальмова относят его к государственной школе в российской историографии: двигателем исторического процесса он считал государственную власть [Бурчинова 1992: 17], при этом, как отмечает А. М. Джалаева, он видел, что задачей Российского правительства было «*постепенное и незаметное введение калмыков в общегосударственное русло в качестве прямых подданных*» [Пальмов 2007: 19].

Н. Н. Пальмов не был чисто «кабинетным ученым», он занимался активной преподавательской работой, разрабатывал курсы по калмыцкой истории для студентов и школьников [Джагаева 2018: 32]. Николай Николаевич понимал необходимость привлечения к собиранию коллекций музея, а значит к изучению истории родного края всех слоев калмыцкого народа, о чем не раз говорится в его «Записке». Представители калмыцкой интеллигенции понимали необходимость его труда. Так, видный государственный деятель советской Калмыкии Харти Бадиевич Кануков (1883–1933), которого с Н. Н. Пальмовым связывали дружеские отношения, писал: «*надо сомневаться, достаточно ли мы ценим этот тяжелый, кропотливый, вместе с тем полезный для нас труд, как архив и история калмыков*» [Джагаева 2018: 32]. Письма, адресованные ему Н. Н. Пальмовым, были опубликованы в 1968 г. [Письма 1968].

3.4.3. Сведения о личностях, упоминаемых в документе

В своей «Записке» Н. Н. Пальмов упоминает Улюмджи Душановича Душана (1892–1974), который был врачом, работал редактором газеты «Улан Хальмг» и журнала «Ойратские известия», занимался этнографическими исследованиями, подготовил труды об обычаях калмыцкого народа [Душан 2016].

Будучи гуманитарием, Н. Н. Пальмов осознает ценность представления в музее естественно-научных коллекций. Он приводит имена ученых-естествоиспытателей, которые могли бы работать в этом направлении. Среди них — Семен Васильевич Парашук (1873–1950), который был ректором Астраханского университета с 1919 г. до 1922 г., когда в университете работал и Н. Н. Пальмов. Будучи биологом, С. А. Парашук не только выступал за открытие Агрономического факультета в университете, но и проводил курсы работников молочного производства, готовил инструкторов «по культуре лекарственных растений». Его труды по технологии молочного производства неоднократно переиздавались в Советском Союзе [Парашук С. В.]. Сергей Андреевич Усов (1867–1931), упоминаемый Н. Н. Пальмовым, возглавлял кафедру зоологии Астраханского университета, в 1922 г. был переведен на должность профессора Московского государственного университета [Усов]. Горный инженер Александр Платонович Николаевский (1878–1942), имя которого приводит Н. Н. Пальмов, окончил Санкт-Петербургский Горный институт, заведовал кафедрой геологии Астрыбвтуза, был репрессирован в 1941 г. и умер в заключении в 1942 г. [Николаевский А. П.]. Упоминаемый в «Записке» Иннокентий Павлович Дьяченко (1908–1982), гидробиолог, в будущем станет научным сотрудником Научно-исследовательского института гидрологии в Ленинграде, куда он вернется после десяти лет сталинских лагерей [Дьяченко И. П.]. Также Н. Н. Пальмов упоминает ботаника Николая Николаевича Киселева (1885–1967), доктора биологических наук, и микробиолога Стефана Юлиановича Шембеля (1886–1934), заведовавшего в 1921 г. Астраханской станцией защиты растений от вредителей, в будущем — доктора биологических наук [Распопова 2016–2017]. Это были энтузиасты науки, которые, по словам Н. Н. Пальмова, «*не отказались от участия в работах в Калмыцкой Области, когда представится возможность к тому*» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 145].

3.4.4. Перспективы археологического из-

учения Калмыкии в «Записке» Н. Н. Пальмова

Отстаивая самостоятельность Калмыцкого музея, Н. Н. Пальмов обосновывает необходимость проведения археологических исследований, о чем он сам докладывал в Российской академии наук и Государственной академии истории материальной культуры. Н. Н. Пальмов разбирался в археологии: в 1912 г. он возглавил кафедру церковной археологии и истории христианского искусства Киевской духовной академии [Сафонов 2022: 89], сотрудничал с Московским Археологическим Обществом [Пальмов 2007: 5], в 1918 г. был приглашен на кафедру археологии и истории искусств Астраханского университета [Матвенов 2011: 408]. Будучи заместителем председателя Научной ассоциации университета, он написал статью «Роль Хазарии в культурных сношениях Киевской Руси с Кавказом», подготовил историко-археологический очерк «Прошлое Астраханского края», неоднократно выступал с научными докладами по археологической тематике, в том числе и в периодической печати. Н. Н. Пальмов проводил самостоятельные археологические разведки в 1920 г. на Шареповых буграх, по его поручению такие обследования были проведены в районе г. Царева и с. Селитренное [Матвенов 2011: 408].

О содействии ученому свидетельствуют письма на его имя академиков С. Ф. Ольденбурга и В. В. Бартольда, которые от лица Российской академии наук и Государственной академии истории материальной культуры поддержали идею об организации раскопок в Астраханском крае [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 146]. В случае проведения широких археологических работ Калмыцкий музей должен был принять и коллекции древностей, что, по мнению Н. Н. Пальмова, являлось еще одним аргументом в пользу сохранения Калмыцкого Историко-Этнографического музея под эгидой Архивно-Музейного Отдела [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 682. Оп. 1. Л. 146об.]. Стремление Н. Н. Пальмова привлечь к изучению древностей калмыцких степей профессиональных археологов достигло своей цели. Первые масштабные археологические разведки и раскопки на тер-

ритории Калмыкии были проведены в 1929 г. профессором Саратовского университета Павлом Сергеевичем Рыковым (1884–1942) и продолжены его учеником Иваном Васильевичем Сеницыным (1900–1972) [Кольцова, Манджиев 2016: 95].

1 июня 1922 г. Архивно-Музейный Отдел был преобразован в Архивный отдел при Центральном исполнительном комитете Калмыцкой Автономной Области. С этого момента архивное и музейное дело Калмыкии развивались самостоятельно [Манджикова 2021: 222], и дальнейшая научно-просветительская деятельность Н. Н. Пальмова будет связана с архивом при Центральном исполнительном комитете Калмыцкой Автономной Области [Матвенов 2011: 409]. Но, работая с письменными источниками, Н. Н. Пальмов понимал важность сохранения предметов материальной культуры, и этим были продиктованы его усилия по переписке с Российской академией наук и Государственной академией истории материальной культуры, а также внесению в Президиум Калмыцкого Центрального исполнительного комитета предложения об издании распоряжения о наблюдении за находками древних монет на территории области [Боликова 2017: 183].

4. Заключение

Введение в научный оборот нового исторического источника раскрывает малоисследованную грань научной биографии Н. Н. Пальмова как защитника самостоятельности Калмыцкого Историко-Этнографического музея. «Записка», направленная ученым в Главмузей в 1922 г., дает представление о работе, проводимой Архивно-Музейным Отделом Центрального исполнительного комитета Калмыцкой Автономной Области по собиранию коллекций музея как этнографического, так и естественно-научного характера. Но главное, что видно из документа, — это верность Н. Н. Пальмова идее привлечения разных слоев калмыцкого населения к организации музея. Николай Николаевич был знаком с представителями российской и калмыцкой интеллигенции, в которых видел своих единомышленников, так же,

как и он сам, преданных делу просвещения народа. Н. Н. Пальмов видел перспективы развития музея, сам привлекал археологическое научное сообщество к изучению древней истории края. Публикуемый документ представляет нам Н. Н. Пальмова как деятеля архивного и музейного дела, краеведческого движения начала 1920-х гг. Об этом говорят и его собственные слова: *«Но пройдет много лет, пока удастся привести в известность, собрать и подготовить к печати астраханские архивные материалы, затем — московские и петроградские, равно как и составить значительную коллекцию предметов калмыцкой материальной культуры, дабы, овладев всем этим материалом, возможно было приняться за составление всеобъемлющей истории калмыцкого народа»* [Пальмов

1992: 28]. «Записка» Н. Н. Пальмова была одним из первых шагов, позволившим сохранить будущий Национальный музей Калмыкии, который в 1968 г. закономерно был назван именем ученого [Джалаева, Команджаев 2022: 30].

Научное наследие выдающегося просветителя, историка, археографа, этнографа, археолога Н. Н. Пальмова вызывает все больший интерес у российского научного сообщества. Регулярно проводятся научные конференции, посвященные изучению этого наследия. Так, 6 октября 2022 г. в Элисте прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Н. Н. Пальмов: личность и время», посвященная 150-летию ученого. Новые грани личности и таланта выдающегося исследователя позволяет раскрыть публикуемый документ.

Источники

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Sources

State Historical Museum, Department of Written Sources.

Литература

Батмаев 2023 — Батмаев М. М. Обзор материалов фонда Р-145 Национального архива Республики Калмыкии — личного фонда профессора Н. Н. Пальмова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 52–69. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-52-69

Боликова 2017 — Боликова Р. Б. Становление архивной службы в Калмыкии в период 1918–1934 гг. // Великая российская революция в судьбах народов Юга России. Мат-лы Всерос. науч. конф. (с междунар. участием), посвящ. 100-летию революции 1917 года (г. Элиста, 13–14 сентября 2017 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 179–189

Бурчинова 1978 — Бурчинова Л. С. Ученый, педагог, человек: Биографический очерк о Н. Н. Пальмове. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 36 с.

Бурчинова 1992 — Бурчинова Л. С. Слово об авторе // Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. С. 5–25.

References

Batmaev M. M. Review of the materials of the R-145 Foundation of the National Archive of the Republic of Kalmykia — the personal fund of Professor N. N. Palmov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023. No. 4. Pp. 52–69. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-52-69

Bolikova R. B. The shaping of Kalmykia's archival service in 1918–1934. In: *The Great Russian Revolution in Destinies of South Russia's Peoples. Jubilee conference proceedings* (Elista, 13–14 September 2017). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. Pp. 179–189. (In Russ.)

Burchinova L. S. Scholar, Teacher, Man: A Biographical Essay about Nikolay N. Palmov. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 36 p. (In Russ.)

Burchinova L. S. About the author. In: *Palmov N. N. An Essay on the Russian Period of Kalmyk History*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. Pp. 5–25. (In Russ.)

- Джагаева 2013 — Джагаева О. А. О научной и педагогической деятельности профессора Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 30–34
- Джагаева 2018 — Джагаева О. А. Вклад профессора Н.Н. Пальмова в развитие исторической науки в Калмыкии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4(57). С. 58–64.
- Джалаева, Команджаев 2022 — Джалаева А. М., Команджаев А. Н. Н. Н. Пальмов: «Цель творчества – самоотдача...» (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Калмыцкого Университета. 2022. № 4(56). С. 21–31. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-21-31
- Душан 2016 — Душан У. Д. Избранное труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с. (Серия «Manuscriptum Orientalica»).
- Дьяченко И. П. — Дьяченко Иннокентий Павлович [электронный ресурс] // Электронный архив Фонда Иоффе. URL: <https://arch2.iofe.center/person/13334> (дата обращения: 18.05.2025).
- Ерымовский 1967 — Ерымовский К. И. Профессор Пальмов // Ерымовский К. И. Путешествие в Калмыкию. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 116–122.
- К открытию 1921 — К открытию Областного калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань: ЦИК Автономной Калмыцкой области, 1921. 23 с.
- Коженбаева 2003 — Коженбаева Л. П. Обзор документов личного фонда профессора Н. Н. Пальмова // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф.: К 130-летию со дня рождения профессора Н. Н. Пальмова, организатора архивного и музейного дела Республики Калмыкия (г. Элиста, 9–10 июня 2003 г.). Элиста: [б. и.], 2003. С. 13–19.
- Кольцова, Манджиев 2016 — Кольцова К. П., Манджиев В. В. Деятельность научных учреждений и отдельных ученых по охране памятников культурного наследия (археологии) Калмыкии // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2016. № 6. С. 94–111.
- Dzhagaeva O. A. About scientific and pedagogical activity of Professor N. N. Palmov. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 1. Pp. 30–34. (In Russ.)
- Dzhagaeva O. A. Professor N. N. Palmov's contribution for development of historical science in Kalmykia. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2018. No. 4(57). Pp. 58–64. (In Russ.)
- Dzhalaeva A. M., Komandzhaev A. N. N. N. Palmov: "The purpose of my work is self-devotion" (150th anniversary of Palmov N. N.). *Bulletin of Kalmyk University*. 2022. No. 4 (56). Pp. 21–31. (In Russ.) DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-21-31
- Dushan U. D. Selected Works. V. Batyrov, T. Sharaeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Dyachenko Innokentiy Pavlovich. On: Ioffe Foundation, Online Archives. Available at: <https://arch2.iofe.center/person/13334> (accessed: 18 May 2025). (In Russ.)
- Erymovsky K. I. Professor Palmov. In: Erymovsky K. I. Travels in Kalmykia. Elista: Kalmizdat, 1967. Pp. 116–122. (In Russ.)
- Kalmyk Oblast Museum of History and Ethnography: A Dedication to the Opening. Astrakhan: Central Executive Committee of Kalmyk Autonomous Oblast, 1921. 23 p. (In Russ.)
- Kozhenbayeva L. P. Collection of Prof. N. Palmov (National Archive of Kalmykia): A review of included documents. In: Palmov Readings. Jubilee conference proceedings (Elista, 9–10 June 2003). Elista, 2003. Pp. 13–19. (In Russ.)
- Koltsova K. P., Mandzhiev V. V. Activity of scientific institutions and separate scientists for the protection of monuments of the cultural heritage (archeology) of Kalmykia. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2016. No. 6. Pp. 94–111. (In Russ.)

- Манджикова 2021 — *Манджикова Л. Б.* О вкладе Н. Н. Пальмова и его соратников в становление архивного дела Калмыкии. 1918–1934 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 28 мая 2021 г.). Вып. XIII. Астрахань: Р. Сорокин, 2021. С. 220–225.
- Матвенов 2009 — *Матвенов Е. Р.* Организация и начало функционирования Калмыцкого краеведческого музея в 1921–1928 годы // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2009. № 2(19). С. 111–114.
- Матвенов 2011 — *Матвенов Е. Р.* Н. Н. Пальмов — организатор краеведческого музея в калмыцкой степи // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 3. Астрахань: Р. Сорокин, 2011. С. 407–411.
- Музей и власть 1991 — Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / отв. ред. С. А. Каспаринская. М.: Научно-исследовательский институт истории культуры, 1991. 322 с.
- Николаевский А. П. — Николаевский Александр Платонович [электронный ресурс] // Памяти квадратный метр... URL: <https://astu.memorial/victims/nikolaevskijaleksandrplatonovich/> (дата обращения: 18.05.2025).
- Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания народа в пределах России / сост., вступ. ст., прим. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Пальмов 1921a — *Пальмов Н. Н.* Несколько слов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжение совей исторической жизни // К открытию Областного калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань: ЦИК Автономной Калмыцкой области, 1921. С. 9–18.
- Пальмов 1921б — *Пальмов Н. Н.* О некоторых памятниках калмыцкой старины и искусства // К открытию Областного калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань: ЦИК Автономной Калмыцкой области, 1921. С. 19–22.
- Mandzhikova L. B. More on the contribution of N. Palmov and his colleagues to the shaping of Kalmykia's archival service in 1918–1934. In: Astrakhan Readings in Local History and Lore. Conference proceedings (Astrakhan, 28 May 2021). Astrakhan: R. Sorokin, 2021. Vol. 13. Pp. 220–225. (In Russ.)
- Matvenov E. R. Kalmyk Museum of Local History and Lore: How it was established and began functioning in 1921–1928. *Vestnik Instituta Kompleksnykh Issledovaniy aridnykh territoriy*. 2009. No. 2 (19). Pp. 111–114. (In Russ.)
- Matvenov E. R. [Prof.] N. Palmov — the museum founder of Kalmyk Steppe. In: Astrakhan Readings in Local History and Lore. Astrakhan: R. Sorokin, 2011. Vol. 3. Pp. 407–411. (In Russ.)
- Kasparinskaya S. A. (ed.) Museum and Authorities: State Museum-Related Policies in the Eighteenth to Twentieth Centuries. Moscow: Research Institute of History and Culture, 1991. 322 p. (In Russ.)
- Nikolaevsky Alexander Platonovich. On: One Square Meter of Memory (memorial website). Available at: <https://astu.memorial/victims/nikolaevskijaleksandrplatonovich/> (accessed: 18 May 2025). (In Russ.)
- Palmov N. N. An Essay on the Russian Period of Kalmyk History. A. Dzhalayeva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Some remarks on cultural and artistic influences that the Kalmyk people may have experienced in their historical paths. In: Kalmyk Oblast Museum of History and Ethnography. A Dedication to the Opening. Astrakhan: Central Executive Committee of Kalmyk Autonomous Oblast, 1921. Pp. 9–18. (In Russ.)
- Palmov N. N. About some monuments of Kalmyk history and arts. In: Kalmyk Oblast Museum of History and Ethnography. A Dedication to the Opening. Astrakhan: Central Executive Committee of Kalmyk Autonomous Oblast, 1921. Pp. 19–22. (In Russ.)

- Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.
- Паращук С. В. — Паращук Семен Васильевич [электронный ресурс] // URL: http://pedagogi.ru.tilda.ws/parashchuk_semyon_vasilievich (дата обращения: 18.05.2025).
- Письма 1968 — Письма Н. Н. Пальмова Х. Б. Канукову. Элиста: [б. и.], 1968. 109 с.
- Распопова 2016–2017 — *Распопова И. Н.* С. Ю. Шембель — профессор, известный русский микофлорист [электронный ресурс] // Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. URL: <http://astrakhan-musei.ru/news/news/view/17533> (дата обращения: 18.05.2025).
- Сафонов 2022 — *Сафонов Д. В.* Николай Николаевич Пальмов — историк византийского богослужения и основатель современного калмыковедения: к 150-летию со дня рождения // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 4. С. 85–97. DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00260
- Сахаров 1921 — *Сахаров С. П.* Этнографическое отделение в Областном Калмыцком музее // К открытию Областного калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань: ЦИК Автономной Калмыцкой области, 1921. С. 15–18.
- Сорокина 2015 — *Сорокина И. А.* Государственная система управления культурным наследием и наукой в 1921–1925 годах // Очерки истории отечественной археологии. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 119–135.
- Усов — Усов Сергей Андреевич [электронный ресурс] // URL: http://pedagogi.ru.tilda.ws/usov_serгей_andreevich (дата обращения: 18.05.2025).
- Шалданова 2003 — *Шалданова Л. Б.* Роль профессора Н. Н. Пальмова в становлении и развитии архивной службы, музейного дела и исторической науки Калмыкии // Пальмовские чтения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф.: К 130-летию со дня рождения профессора Н. Н. Пальмова (г. Элиста, 9–10 июня 2003 г.). Элиста: [б. и.], 2003. С. 8–12.
- Palmov N. N. An Essay on the Russian Period of Kalmyk History. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)
- Parashchuk Semen Vasilyevich. On: Pedagogi (memorial web pages for teachers and mentors). Available at: http://pedagogi.ru.tilda.ws/parashchuk_semyon_vasilievich (accessed: 18 May 2025). (In Russ.)
- [Palmov N. N.] Letters of N. Palmov to Kh. Kanukov. Elista, 1968. 109 p. (In Russ.)
- Raspopova I. N. StefanYu. Shembel — professor, renown Russian mycoflorist. On: Astrakhan State Consolidated Reserve Museum of History and Architecture (website). 2016–2017. Available at: <http://astrakhan-musei.ru/news/news/view/17533> (accessed: 18 May 2025). (In Russ.)
- Safonov D. V. Nikolai Nikolaevich Palmov — historian of Byzantine worship and founder of modern Kalmyk studies: On the 150th anniversary of his birth. *Christianity in the Middle East*. 2022. Vol. 6. No. 4. Pp. 85–97. (In Russ.) DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00260
- Sakharov S. P. Ethnography department at Kalmyk Oblast Museum. In: Kalmyk Oblast Museum of History and Ethnography. A Dedication to the Opening. Astrakhan: Central Executive Committee of Kalmyk Autonomous Oblast, 1921. Pp. 15–18. (In Russ.)
- Sorokina I. A. State administration system for cultural heritage and science in 1921–1925. In: Gaidukov P. G., Tunkina I. V. (eds.) *Essays in the History of Russian Archaeology*. Vol. 4. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2015. Pp. 119–135. (In Russ.)
- Usov Sergey Andreevich. On: Pedagogi (memorial web pages for teachers and mentors). Available at: http://pedagogi.ru.tilda.ws/usov_serгей_andreevich (accessed: 18 May 2025). (In Russ.)
- Shaldanova L. B. The establishment and development of Kalmykia's archival service, museum network, and historical studies: Professor N. Palmov and his impacts. In: *Palmov Readings. Jubilee conference proceedings* (Elista, 9–10 June 2003). Elista, 2003. Pp. 8–12. (In Russ.)

Шмидт 1997 — *Шмидт С. О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // *Шмидт С. О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. С. 153–166.

Шнирельман 2024 — *Шнирельман В. А.* В погоне за предками: этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. 624 с.

Schmidt S. O. Studies in local history and lore as part of Russia's academic and social life in the 1920s. In: Schmidt S. O. *Historian and His Path: Selected Works on Source Studies and Historiography*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1997. Pp. 153–166. (In Russ.)

Schnirelman V. A. *In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics*. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2024. 624 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 644–657, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.581

Русские эмигранты в китайской литературе первой половины XX в.: этническое contra политическое

Екатерина Владимировна Сенина¹,
 Лю Шу²

Russian Émigrés in Early to Mid-Twentieth-Century Chinese Literature: Ethnic contra Political

Ekaterina V. Senina¹,
 Shi Liu²

¹ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-4724-7890. E-mail: [e.senina\[at\]my.mgimo.ru](mailto:e.senina[at]my.mgimo.ru)

MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

² Амурский государственный университет (д. 21, Ignatyevskoe Rd., Игнатьевское шоссе, 675027 Благовещенск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук

 0000-0001-8155-3421. E-mail: [228349909\[at\]qq.com](mailto:228349909[at]qq.com)

Cand. Sc. (Philology)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Сенина Е. В., Лю Ши, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Senina E. V., Shi Liu, 2025

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматривается образ восприятия русских эмигрантов в китайской литературе и публицистике первой половины XX в. Этот период был отмечен интенсивными идеологическими спорами, которые отражались в художественном творчестве и публицистике. В китайской литературе и публицистике в силу исторической ситуации и политической конъюнктуры, а затем и в массовом сознании китайцев как доминирующий образ восприятия русских закрепляется понятие «белоэмигрант», этот стереотип сохранялся вплоть до 1980-х гг. *Целью* исследования является изучение и анализ образа восприятия русских эмигрантов в китайской литературе и публицистике первой половины XX в. *Материалом* исследования послужили произведения китайских авторов: Цзян Гуанцы, Дин Лин, Чжан Айлин, Ба Цзинь, Сяо Цзюнь, Шу Цюнь, Сяо Хун, Ло Фэн, многие из которых ранее не были переведены на русский язык. *Методы* исследования включают историко-генетический, историко-культурный, структурно-семантический, имманент-

ный анализ художественного текста, а также биографический и переводческий подходы. *Результаты.* В период становления Коммунистической партии Китая и во время войны Соппротивления образы эмигрантов отражают собственные этнические и политические установки писателей того периода, а также установки некоторых беспартийных писателей. Авторы статьи выявляют устойчивость этнических стереотипов, а также анализируют различия в восприятии белоэмигрантов в литературе Шанхая, Пекина и Харбина. Кроме того, авторы акцентируют внимание на том, как эмигранты становились объектом политических споров, в рамках которых некоторые молодые представители левой литературы воспринимали их как символы империализма, другие — находили в них образ самовосприятия. Писатели, далекие от политики и не состоящие в политических партиях и творческих кружках, проецировали совсем иные, довольно любопытные этнические установки. *Выводы.* Исследование подчеркивает, что образы русских эмигрантов в китайской литературе отражают не только опыт контакта между двумя этносами, но и внутренние конфликты и изменения в китайском обществе, связанные с революционными преобразованиями. В произведениях первой половины XX в. проявляется сложный процесс рецепции феномена эмиграции, а также обнажаются фреймы, присущие китайцам в восприятии иностранцев с глубокой древности. Тем самым образ белоэмигрантов становится зеркалом, отражающим самовосприятие молодого прогрессивного китайского общества в описываемый исторический период.

Ключевые слова: китайская литература, русские эмигранты, Шанхай, Пекин, Харбин, образ восприятия

Для цитирования: Сенина Е. В., Лю Ши. Русские эмигранты в китайской литературе первой половины XX в.: этническое contra политическое // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 644–657. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-644-657

Abstract. Introduction. The article examines the image of Russian émigrés in Chinese early to mid-twentieth-century fiction and opinion writing. The period was marked by intense ideological disputes which were mirrored in fiction and non-fiction narratives. The historical situation and political environment resulted in that the collective consciousness of the Chinese became dominated by the image of Russians as ‘white émigrés’, and the latter persisted until the 1980s. *Goals.* The paper attempts a study and analysis into the image of Russian emigrants in Chinese literature throughout the specified period. *Materials and methods.* The study analyzes works by such Chinese authors, as Jiang Guangci, Ding Ling, Zhang Ailing, Ba Jin, Xiao Jun, Shu Qun, Xiao Hong, Luo Feng, and many of the latter have never been translated into Russian. The methodological scope includes tools of historical genetic, historical cultural, structural semantic, and immanent analyses of fiction texts, as well as biographical and translation approaches. *Results.* The work shows that during the CCP’s establishment and War of Resistance, the images of emigrants would largely manifest the writers’ own ethnic and political attitudes (with exceptions of few non-party authors). The article identifies the persistence of ethnic stereotypes and analyzes some differences in perceptions of white émigrés in literatures of Shanghai, Beijing and Harbin. Furthermore, the paper focuses on how emigrants would become objects of political controversies, so that some young leftist writers tended to view them as symbols of imperialism, while others would use them as starting points for self-images. Non-politicized, non-party and artistically single writers would articulate quite different and rather curious ethnic attitudes. *Conclusions.* The study emphasizes that the images of Russian emigrants in Chinese literature mirror not only experiences of actual contacts between the two ethnic groups, but also internal conflicts and changes in Chinese society associated with revolutionary transformations. The early to mid-twentieth-century writings show a complex reception process of the phenomenon of emigration, as well as expose the frames inherent in Chinese perceptions of foreigners since ancient times. Thus, the image of white émigrés largely served a mirror for self-perceptions of the young progressive Chinese society in the specified historical period.

Keywords: Chinese literature, Russian émigrés, Shanghai, Beijing, Harbin, perception images

For citation: Senina E. V., Shi Liu. Russian Émigrés in Early to Mid-Twentieth-Century Chinese Literature: Ethnic contra Political. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 644–657. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-644-657

1. Введение

Русская эмиграция в Китае первой половины XX в. оставила большой след и наследие в культуре северо-востока Китая. Архитектура Харбина и Шанхая, бытовые традиции, привычки и даже лексика северо-восточных китайцев до сих пор содержат в себе отголоски русского присутствия. Но если привычки с течением времени меняются, то такое наследие, как литература, прочно фиксирует восприятие того или иного опыта жизни людей. Начиная с 1920-х гг. в китайской литературе появляется образ русского эмигранта — «белого русского» (白俄 báí'é). Этот образ характеризовался набором внеэтнических, но социально устойчивых характеристик.

В современном китайском языке понятие «эмигрант» (侨民 qiáomín) определяется в нескольких значениях: 1) как «живущий за границей, но сохраняющий гражданство своей родины» (住在外国而保留本国国籍的居民); 2) «северянин, изгнанный в Цзянань (т. е. к югу от реки Янцзы — южная часть провинций Цзянсу и Аньхой и северная часть провинции Чжэцзян) во времена Восточной Цзинь (317–420 гг.), Северных и Южных династий (420–589 гг.)» (指东晋南北朝时流亡江南的北方人); 3) «общий термин для людей, живущих в другой стране» (泛指寄居外乡的人) [Lv Shuxiang, Ding Shengshu 2016: 1521; Xin shidai ehan xiangjie da cidian 2014: 5228]. В настоящее время в толковых словарях китайского языка учитывается только пространственная и географическая семантика понятий «эмигрант» и «эмиграция». Но, например, в толковом словаре 1933 г. понятие «эмигрант» (侨民 qiáomín) было расположено в одном ряду со словом «белоэмигрант» (白俄侨民 báí'é qiáomín): «Русские, которые выступают против русской революции и Советов, живут в разных странах и помогают империалистам подавить революционное движение» (反对俄国革命及苏维埃的俄罗斯人, 他们流落各国, 帮助帝国主义镇压革命运动) [Li Dingsheng 1933: 124]. Так почти до конца XX в. (до 1980-х гг.) в китайском этни-

ческом сознании понятие «эмигрант» / «белоэмигрант» определит всех русских, кто по разным причинам оказался в Китае после Октябрьской революции. С начала 1920-х гг. понятие «белоэмигрант» закрепится в китайской литературе и публицистике, а затем и в массовом сознании китайцев как доминирующий и обобщенный образ восприятия русских [Лю Ши 2020: 674–675].

Целью данной работы является изучение и анализ образа восприятия русских эмигрантов в китайской литературе и публицистике первой половины XX в.

2. Материалы и методы

Материалом исследования послужили художественные и публицистические произведения китайских писателей первой половины XX в., в большинстве своем ранее непереведенные на русский язык (Цзян Гуанцы, Дин Лин, Чжан Айлин, Ба Цзинь, Шу Цюнь, Сяо Цюнь, Сяо Хун, Ло Фэн). Отметим, что в данной статье мы в основном анализируем произведения «левой» литературы (за исключением Чжан Айлин). Анализ образов восприятия русских эмигрантов в националистической литературе — литературе Гоминьдана — был представлен авторами статьи в более ранних работах [Лю Ши 2020: 673–678; Забияко, Сенина 2025: 111–113] и трудах наших коллег [Родионов 2008: 278–290; Rodionov 2020: 247–266].

Работа выполнена на основе историко-генетического, историко-культурного методов, структурно-семантического, имманентного анализа художественного текста, биографического и переводческого подходов.

3. Результаты

3.1. Шанхайский текст: пьяницы, проститутки, нищие

В 1920–1930-е гг. в силу определенных социальных процессов, происходящих в самом Китае (соперничество Коммунистической партии Китая (далее — КПК) и политической партии Гоминьдан, начало японской интервенции в Маньчжурию), белоэмигрант-

ты («империалистические приспешники») стали политическими и экономическими врагами китайских пролетариев [Yang Hui 2013: 119]. Эта политическая установка обусловит карикатурный образ белоэмигрантов в литературе «пролетарского движения».

Первыми к рефлексии образов русских эмигрантов обратились писатели Шанхая, так как именно там после Синьхайской революции и образования Китайской республики зарождалась «новая» / «современная» китайская литература. Молодые представители «Лиги левых писателей», яростно противостоявшие писателям-националистам (Гоминьдан) в образе восприятия белоэмигрантов реализуют весь комплекс китайских традиционных представлений о «заморских дьяволах» [Wang Yamin 2015: 8]. Вспомним и статью Лу Синя «Приветствую литературные связи Китая и России» (祝中俄友好之交) (1932), где он в призыве равняться на русскую и советскую литературу не преминул напомнить, что в XIX в. «Российская Империя вторглась в Китай» (大俄罗斯帝国也正在侵略中国) [Lu Xun 2005: 102].

Обособленная жизнь русских и китайцев в Шанхае, антибуржуазный настрой молодых сочинителей и их ненависть ко всему «аристократическому» и «царскому» привели к тому, что китайские писатели подмечали в характере и быте русских эмигрантов неприглядную сторону жизни. Китайский исследователь Хоу Вэньцин отмечает: «По сравнению с „русскими харбинцами“, „белые русские“, живущие в гламурном Шанхае, еще больше скатились в пропасть: русские танцовщицы в шанхайских дансинг-холлах, молодые русские женщины, бродящие по ночным паркам... Эти „белые русские“ стали уникальным образом в левой литературе» [Hou Wenqing 2015: 10].

Роман Цзян Гуанцы (1901–1931) «Сетования Лизы» (丽莎的哀怨) (1929) можно считать одним из первых серьезных шанхайских произведений о русских эмигрантах. Роман написан от лица главной героини Лизы — бывшей аристократки, ставшей проституткой в Шанхае, мечтающей вернуться на родину [Сенина, Забияко 2016: 277]. Ее муж (автор именуется его 白根 báigēn, возможно, Евгений, а может и Бра-

гин), некогда гордый, героический и красивый офицер, утратил свое человеческое достоинство, став пьяницей, жил на заработок своей жены. Из диалогов Лизы и Евгения становится очевидным его упадническое отношение к жизни. «Эти необразованные, вздорные, дикие социалисты! Могут ли они управлять Россией? Чепуха! Никогда!» / «Увы, Россия, Россия! Неужели ты так и будешь умирать?! Что ты хочешь, чтобы я сделал?» / «Дорогая Лиза! Ведь теперь мы можем спокойно жить на чужбине?». Этот «принц на белом коне», некогда поэтично предлагавший Лизе руку и сердце, теперь делал вид, будто боялся потревожить гостей Лизы. «Белый русский офицер», не умеющий зарабатывать на жизнь, с каждым днем становился все слабее и трусливее, а его культурность и интеллигентность иронично проявлялись лишь в воспоминаниях о прошлом. В отличие от своей тяжело больной жены, постоянно борющейся с отчаянием, Евгений влачит горькое существование, «превращаясь в живой труп». Через такие сентенции Цзян Гуанцы попытался передать абсурдность и сложность существования белоэмигрантов.

Подобный образ русского пьяницы и проститутки можно встретить и в женской прозе, например, в рассказе Дин Лин (1904–1986) «Поэт Ялов» (诗人亚洛夫) (1932) [Дин Лин 1954: 227–248; Сенина, Забияко 2016: 275–282]. Дин Лин характеризует Ялова как пьяницу и бездельника, потерявшего свой духовный облик. Семью русского эмигранта писательница обрисовывает в карикатурном виде, подчеркивая всю глубину падения «белых русских», при этом упоминает, как сильно они скучают по старой царской России. Жена Ялова — Анна — толстая, некрасивая, большеногая, «забывшая о достоинстве благородной женщины», явно неприятна самой писательнице. Помимо Ялова и его семьи, в рассказе фигурируют еще несколько русских аморальных персонажей — прохожимец Иванов и распутная девушка Мария. Трусость, малодушие и пустословие — вот те черты, которые чаще всего характеризуют литературные образы русских эмигрантов в Шанхае.

Спустя десять лет эстетическая неприязнь к русским женщинам, очевидно обусловленная женской ревностью, репрезентуется и в произведениях Чжан Айлин (1920–1995). Родившаяся в Шанхае в 1920 г. в семье знатного чиновника, к десяти годам прочитавшая классические китайские романы, утонченная и изысканная Чжан Айлин, конечно, не могла понять и принять трагедию русских изгоев. Ни одно произведение писательницы специально не посвящено русским эмигрантам. Но в синкретическом единстве собственных автостереотипов и авторской субъектности Чжан Айлин в своей прозе изредка обращается к образу русской женщины, который не соответствует китайским представлениям о женском поведении и красоте. Так, в рассказе «Сутра сердца» (心经) (1943) она упомянет «толстых русских женщин» [Zhang Ailing 2003: 325], в «Очерках о чужбине» (异乡记) (1946) писательница сравнивает овцу с русской женщиной: «Вдруг овца высунула голову и заблела „беее“. С гордо поднятой головой, в облезлой шкуре, ленивая и очень унылая, как русская эмигрантка, покупающая овощи на китайском рынке. Хоть она и не могла особо сопротивляться, но все же сохраняла какое-то чуждое достоинство» [Zhang Ailing 2010: 75]. В романе «Книга перемен» (易经) (1956–1963) она снова обрисует русских в обличительном ключе: «Русская молодежь, выросшая в Китае, очень похожа на нее [героиню], только более вестернизированная. Ничего не имеющие за душой, лишь облаченные в старые лохмотья, чтобы защититься от холода, они теряли свое лицо» [Zhang Ailing 2011: 215].

В отличие от многих других писателей Чжан Айлин не состояла ни в каких творческих объединениях и литературных кружках. Все ее представления о русских основывались на внешних довольно поверхностных наблюдениях, не подчиняясь каким-то конкретным идеологическим установкам. Но стоит отметить, что ближе ей была европейская культура. Чжан Айлин обучалась в Шанхайской школе Святой Марии для девочек, основанной англиканской церковью США, а затем продолжила изучать английскую литературу в Гонконгском универси-

тете. Вероятно, эти обстоятельства могли наложить определенный отпечаток и на восприятие русских эмигрантов.

Писательницу несколько возмущало, почему русские, которые все-таки могли найти достойную работу, например, артисты, учителя танцев или музыки, брали за свой труд слишком дорого: «Ваша сестра Фан тоже обучается игре на фортепиано, ее учитель окончил государственную консерваторию, однако он не такой дорогой, как этот ваш русский» [Zhang Ailing 2010: 82]. В очерке «Разговор о музыке» (谈音乐) (1944) Чжан Айлин вспоминает: «Моим учителем музыки была русская толстощекая женщина с густыми светлыми волосами. Время от времени она хвалила меня, целуя в макушку, а ее большие голубые глаза были растроганы до слез» [Zhang Ailing 2006: 115]. Несмотря на проявляемый и присущий китайцам этноцентризм, Чжан Айлин не отрицала тот вклад в развитие шанхайской культуры, который внесла русская творческая интеллигенция. Хотя она лично не любила балет, и ей казалось, что «русские балерины довольно тяжелы», все же признавала «танец на пуантах» (足尖舞) высококлассным искусством: «Благодаря художественным способностям русских эмигрантов опера и балет имеют немалую публику в Шанхае» [Zhang Ailing 2006: 117].

Но границы восприятия китайских писателей не простирались только на уродливые стороны жизни и быта нищих эмигрантов [Jin Yi 1931: 13]. Появляется еще одно именование русских нищих — «русские-бродяги» (罗宋瘪三 luósòngbiēsān)¹ [Zhang Mingyang 1935: 180]. Так, нищие русские несколько скорректировали клишированный образ восприятия белоэмигрантов в литературе, писатели стали больше проявлять «доброту и терпимость к трагедии бывших аристократов» [Yang Hui 2013: 129]. Такие образы можно увидеть, например, в рассказе «Эмигранты» (侨民) (1933) Чжоу Лэнцзя (1911–1992) [Zhou Lengjia 1933: 6] и в рассказе Чэн Бибины «Жалкие люди на чужбине» [Cheng Bibing 1931: 5].

¹ Если в Харбине русских обычно называли маозы, то в Шанхае привычным было именование 罗宋 luósòng ‘русские’.

3.2. Пекинская проза: несчастные изгои

При продвижении на север образ восприятия русских в некоторой степени смягчался. В пекинской прозе уже не было столько ксенофобии и неприязни по отношению к белоэмигрантам, но типические черты самих русских оставались неизменными. Примером тому может служить рассказ Ба Цзиня (1904–2005) «Генерал» (将军), написанный в Бэйпине в 1933 г. В нем показана жизнь несчастного, обездоленного Федора Новикова по прозвищу «генерал». Он, как и поэт Ялов, постоянно пропадает в трактире, а его жена Аннушка, так же, как и Анна у Дин Лин, работает проституткой, тем самым зарабатывая на жизнь себе и пьянице мужу. Но в отличие от персонажей Дин Лин, к которым она всячески выражает свое неприятие, Ба Цзинь как будто сочувствует своим героям, пытается понять их душу, их трагедию. Новиков скучает по России, постоянно вспоминает жизнь в Петербурге, «сочувствует» своей жене. Китайцы зовут его «генералом», с одной стороны, унижая его достоинство, ведь он не генерал, а всего лишь лейтенант. С другой — так китайцы подбадривают его, давая бедному русскому изгою надежду, что может быть когда-то все наладится, характеризуя русского, как «глупого честного человека» (愚蠢的老实人). Честность — важная этнопсихологическая константа китайской культуры, соотносящаяся с одной из пяти конфуцианских добродетелей «искренностью / правдивостью» (信 / 诚). Сам же Новиков гордится тем, что его называют «генералом», говоря: «Ну кто же из ваших генералов сравнится со мной!» [Ba Jin 1989: 10]. Но эта гордыня быстро рассеивается: как только он выходит из кабачка, сразу чувствует себя несчастным и ненужным в холодном Пекине, одиноко шагая в свою «усадьбу» (府邸). Но чтобы хоть как-то защитить свое и без того «потерянное лицо», Новиков, проявляя этноцентризм, постоянно говорит, что у китайцев все не так, как у русских: «У вас все не так, как у нас! И зима у вас не такая холодная, как у нас, что нос можно отморозить. И ветер у вас слабее...» [Ba Jin 1989: 8]. Единственный человек, кто, казалось, уважает Нови-

кова и верит его словам, — официант. Он всегда слушал «генерала» с улыбкой, давая ему возможность высказаться и говорить все, что хочется. Ведь китаец понимал, что у этого белого русского ничего нет.

Ба Цзинь, в отличие от Дин Лин и Чжан Айлин, благосклонно относится и к русской женщине — жене «генерала». Несмотря на ее ремесло, автор отмечает, что Анна «обладала всеми достоинствами русской женщины» [Ba Jin 1989: 11].

3.3. Писатели Харбина и эмиграция: сочувствие, принятие, самовосприятие

Переходя к Харбину, заметим, что в середине 1930-х гг. поколение «левых» писателей северо-востока Китая, большая часть из которых с началом японской интервенции (1931) была вынуждена покинуть свои родные края и переселиться в Шанхай (фактически сами превратившись в эмигрантов), создало совсем иной образ восприятия русских эмигрантов. Эти образы явились ярким примером самовосприятия писателей, которые разделили с русскими эмигрантами участь быть изгнанными.

Примечателен рассказ Шу Цюня (1913–1989) «Апатриды» (无国籍的人们), опубликованный в 1938 г. в сборнике «Поле боя» [Shu Qun 2009: 93–100]. В рассказе фигурируют несколько персонажей русских эмигрантов, оказавшихся в китайской тюрьме в Циндао, — бывший казак, а ныне воришка Муковнин, его жена, арестованная за проституцию, и двое мальчиков — Коля и Алеша, случайно попавшие в тюрьму. Китайцы-надзиратели жестоко обращаются с задержанными. Тюремщик высмеивает жену Муковнина, постоянно унижая ее. Самого Муковнина охранники избивают и называют ублюдком (王八蛋 wángbādàn), а мальчиков заставляют выносить тяжелые ведра с помоями. Но во всей этой жестокости автор-рассказчик сочувствует русским эмигрантам, пытается понять каждого, а сами эмигранты как могут стараются поддерживать друг друга. Мальчишки делятся со своим сокамерником китайцем и Муковниным куском хлеба. Муковнин часто поет песню: «Под белыми облаками есть моя родина, есть мой дом. В буре есть сердце мое и цветок. Цветы завяли, сердце разби-

то на этой далекой земле» (“白云下，有我的祖国，有我的家。风雨中，有我的一颗心，有我的一朵花。花落了，心伤了，在这天涯”) Когда из тяжелого решетчатого окна доносится мелодия песни о родине, это не только тоска белого русского по своему дому на берегах Волги, но и душевная тоска писателя по земле Хэйлунцзяна, по своей малой родине.

Вероятно, что в основу рассказа легла реальная история писателя, который в 1934 г. в Циндао был задержан гоминьдановскими властями и на восемь месяцев попал в тюрьму. Шу Цюнь сквозь призму восприятия русских эмигрантов создал и образ самовосприятия. С одной стороны, это доброта, внимание, сочувствие, участливое отношение к судьбам других, что свойственно качествам «совершенного мужа», а с другой, это дух молодого интернационалиста. Ведь Шу Цюнь подпольно состоял в КПК с 1932 г., а учитывая тот факт, что в подростковом возрасте он изучал русский язык в харбинской школе и имел дружеские отношения с русским учителем, то и образы восприятия русских эмигрантов, несмотря на их социальный статус, у писателя всегда оказываются положительными.

Любопытно, что через детский ракурс Шу Цюнь показывает свою идеологическую приверженность к КПК. Осенью 1934 г. в тюрьме Циндао Шу Цюнь пишет один из самых своих известных рассказов «Дети без родины» (没有祖国的孩子). В нем описываются судьбы трех детей разных национальностей, живущих в оккупированных районах северо-востока Китая. Примечательно, что у всех мальчиков русские имена: потерявший свою родину корейский мальчик — Коля; китайский мальчик, живущий на оккупированной японцами территории, — Ковалев (видимо, Шу Цюнь вспоминает гоголевского персонажа) и живущий в Харбине русский мальчик Алеша, который в конце концов возвращается на родину.

Несмотря на то, что образ русского мальчика не занимает много места в тексте, читателя все равно впечатляют отличительные от китайца и корейца черты характера Алеша. Он яростно идентифицирует себя с родной страной, демонстрирует сильное чув-

ство национальной принадлежности, часто говоря: «Мы — СССР», и считает свою родину самой большой гордостью. Он горд и силен тем, что в СССР все самое лучшее.

Подобное восприятие можно встретить и у Сяо Цзюня в рассказе «Овцы». Я-рассказчик — революционер, запертый в тюрьме Циндао с русскими детьми, которые хотели вернуться в Советский Союз на пароходе из Шанхая, но были пойманы полицией. Они хотят спастись от жалкой участи — жизни на чужбине, желают любыми путями вернуться на родину, восклицая: «У нас есть страна! Мы возвращаемся на родину! Никакие иностранцы не могут нами управлять» [Xiao Jun 2000: 220]. Когда эти герои вспоминают о пушкинской няне, рассказчик поражается детской искренней тоской по родине и плачет от умиления. Через детский ракурс родина у Сяо Цзюня становится местом надежды, куда всегда можно вернуться. Это место, к которому испытываешь самые теплые и искренние чувства. В конце рассказа дети возвращаются на родину, что в определенном смысле является метафорой — обновление и надежда на революционные преобразования.

Примечательно и то, что писатели помещают своих юных героев в повествовательную стратегию тоски не просто по родине, а «тоски по Советскому Союзу», что в реальной жизни было бы маловероятно. Но сквозь призму детской искренности и непосредственности, авторы словно сами ищут возможность вновь обрести свою родину, оккупированную японцами.

Харбинская писательница Сяо Хун (1911–1942), никогда не заключавшая себя в рамки сословных и этнических условностей, сумела отразить свое живое и непосредственное видение проблем эмиграции. В произведениях Сяо Хун изображены разные типы русских эмигрантов: бывшая аристократия и обычные труженики.

В рассказе «Визит» (访问) Сяо Хун от лица рассказчика повествует о бывшей русской аристократке — дочери русского генерала. Рассказ открывается описанием теплого, уютного дома в русском стиле, в котором чувствуется уныние и ностальгия русской эмигрантки, ее тоска по родине. Де-

вятнадцать лет назад вскоре после свадьбы русская женщина переехала в Харбин. Теперь она живет в крошечной кухоньке, сдает в аренду две имеющиеся спальни в доме и зарабатывает тем, что учит людей плести русские кружева. В представлении Сяо Хун русская женщина высокомерная и упрямая: любит громко рассказывать трогательные любовные истории, и ей неважно, понимает ее Сяо Хун или нет. Она показывает рассказчице, какая раньше была «в моде» походка, хотя сама уже совсем не молода, с разочарованием вспоминает о своих породистых щенках. Сейчас, когда она живет в нищете, а в доме нет даже второй чашки для гостя, она все вспоминает об «Императорском дворе», о «Николае», о великолепных вещах и славных былых днях, «*протягивая вверх руки*» [Xiao Hong 2004: 132–135].

Тон повествования Сяо Хун спокойный и холодный, она не может разделить с русской женщиной тоску по роскошной жизни, рассказчице нет до этого дела. Но при этом Сяо Хун сочувствует ее одиночеству и изгнанию. В конце рассказа, когда яркий свет звезд заливают комнату, женщина, поспешно задергивая шторы, восклицает: «*Это не сияние русских звезд, пожалуйста, не светите мне...*» [Xiao Hong 2004: 136]. Она поднимает свою бледную белую руку, пытается укрыться от света, и на нее накатывает чувство опустошенности и безысходности. Когда женщины наконец прощаются, одна — «идет по улице», а вторая — «закрывает дверь». Этим пассажем писательница показывает их совершенно разные ценностные ориентиры и даже политические установки. После этого «визита», этой встречи их жизненные пути расходятся.

В рассказе «Горе Софии» (索菲亚的愁苦) (1934) Сяо Хун описывает жизнь молодой русской учительницы Софии, которая в представлениях писательницы принадлежит к рабочему классу или так называемой «Партии бедняков» (穷党 qióngdǎng) — так на севере Китая называли большевиков, но сами русские харбинцы были, конечно же, беспартийные. Они не имели никаких социальных прав, подвергались дискриминации в обществе [Сенина, Забияко 2016: 276–283]. Написанный в 1934 г. рассказ

впервые был опубликован в приложении «Датун Цзюлэбу» (大同俱乐部) Чанчуньского издания «Датунбао» (大同报) 28 июля 1935 г. под псевдонимом Цяоинь (悄吟). В данном издании публиковались авторы северо-востока Китая. На самом деле в образе Софии Сяо Хун изобразила саму себя, свои чувства и переживания. Находясь в изгнании в Шанхае и не имея возможности вернуться в родной город, оккупированный японскими захватчиками, Сяо Хун удалось понять чувства русских эмигрантов и испытать их на себе. В Шанхае Сяо Хун переживает кризис собственной идентичности, пытаясь сохранить специфику жизни и быта северо-восточного китайца. Добавим — и языка¹. Сквозь призму образа восприятия Софии, через образ «другого» Сяо Хун имеет возможность лучше понять саму себя. Го Шумэй отмечает, что харбинский опыт определил высокую отправную точку «левых» писателей (северо-востока Китая), так как он предоставил им естественное, неискаженное представление об интернационализме (国际主义 guójì zhǔyì) (в нашем контексте представление о «чужом» / «другом») в противовес шанхайцам, переходящим от национализма (民族主义 mínzú zhǔyì) к интернационализму. Это явилось причиной того, почему Сяо Хун испытывала отчужденность в Шанхае и ей непросто было ужиться в этом городе [Guo Shumei 2008: 197]. Спустя пару лет, находясь в Японии на лечении, в стихотворении «Песчинка» (1936–1937) Сяо Хун напишет, что считала и Шанхай, и Токио «чужими землями» и скиталась «из чужой страны в чужую страну» (从异乡又奔向异乡) [Xiao Hong 2003]. Сяо Хун была крайне разочарована, что она не может быть

¹ Дунбэйский региональный язык, или язык северо-востока Китая (впрочем, как и любой региональный язык Китая), имеет ряд лексических, грамматических, синтаксических и других отличий от стандарта общепринятого языка (普通话). Эти особенности прослеживаются в литературных произведениях. Во время разбора и перевода произведений писателей северо-востока Китая от китайских учащихся часто можно услышать: «Так говорят в Дунбэе», «Такое слово используют только в Дунбэе» и т. д., что неоднократно наблюдает в ходе своей работы автор настоящей статьи — Е. В. Сенина.

«дунбэйцем» (东北人 dōngběirén) — человеком северо-востока Китая.

Тонкая женская наблюдательность и внимательность Сяо Хун позволили ей понять разные характеры русских изгнанниц. Главное, что писательнице было не важно, к какому сословию принадлежат русские — были ли это аристократки или простолюдинки. Все они показаны со своими душевными переживаниями и ностальгией по родине.

Авторы произведений, в которых главные героини — русские эмигрантки, неизменно изображают их катастрофическую жизнь. Если в материальном отношении они не имеют ни достаточных финансовых резервов, ни навыков, чтобы зарабатывать на жизнь, и могут удовлетворить лишь самые необходимые потребности, то их душевные переживания отражают тоску по родине, боль от переселения, отсутствие надежды на возвращение на родину. Все это выливается в обиды и душевные терзания, приводящие их в отчаяние. Возможно, это связано с тем, что революционно настроенная китайская литература описывает лишения и страдания русских изгнанников, чтобы отразить великую силу народной революции и неизбежные требования времени.

Интересен рассказ писателя Ло Фэна (1909–1991) «Волосы Каусова» (考索夫的发) (1937). Главный герой рассказа метис Каусов — сын русской женщины и китайца (как сказано в рассказе: «скромного и честного китайского плотника»). Все повествование строится вокруг проблемы национальной идентичности Каусова — кто он? Русский или китаец? В ответ на вопрос «Откуда ты?» или «Кто ты по национальности?» Каусов всегда «качал головой и краснел от стыда и возмущения» [Luo Feng 2020: 32]. Он растет в среде, где над ним всегда насмехаются, и, чтобы избавиться от стыда, отказывается от китайского гражданства, сбривает черные волосы, таким образом стирая «китайский след». В 1932 г. во время приветственного шествия при вступлении японцев в Харбин Каусов вместе с другими русскими эмигрантами в поддержку японского режима скандирует лозунги «Да здравствует японская императорская армия!», «Дух России не погиб!» [Luo Feng

2020: 33]. Мечтающий о возрождении царской России, Каусов сближается с японцами (такими же темноволосыми, как и он) и начинает отращивать волосы. Однако спустя недолгое время он, подвергшись насилию со стороны японцев, снова рвет на себе волосы, а его отец — китаец, решивший отомстить за сына, погибает от рук японских жандармов. В свою очередь Каусов из мести за отца убивает японского полицейского и, попав в японскую тюрьму, приговаривается к смертной казни. Там он отказывается сбривать волосы и лишь перед смертью отдает прядь своих волос матери «в память о погибшем отце».

Как видно, автор берет за основу поведение Каусова — бритье и отращивание волос. За несколько эпизодов заставляет Каусова, стыдящегося своих черных волос и считающего себя «белым русским», наконец, показать свою национальную идентичность: он — китаец с «прядью черных волос» (一缕黑发), подводя тем самым итог революционному повествованию об «антияпонском и антиманьчжурском» (抗日反满). С одной стороны, Каусов ведет себя как храбрый и отважный человек, но, по мнению китайских исследователей, через эпизод с насилием Каусова Ло Фэн хотел показать «вторжение японцев в Китай». Сам образ Каусова — это метафора, это и есть Китай, который переживает серьезные потрясения в тот исторический период — борьба за внутреннее переустройство страны, вторжение японцев, и все это аккумулировано в образе главного героя. А страдания и борьба Каусова — это страдания и борьба всего китайского народа. Таким образом, через реальную физическую травму Ло Фэн отражает самосознание нации в тот период [Sun Hongfei 2016: 143].

По мнению китайских литературоведов, в образе главного героя одновременно запечатлены два типа русских эмигрантов. Первый — бедный, несчастный человек, который не может избавиться от воспоминаний о былых славных днях и аристократической жизни. Второй — болван, осто-лоп (活死人 досл. ‘живой мертвец’), который не способен жить самостоятельно, а может полагаться только на других [Sun Hongfei 2016: 143].

Образ восприятия белоэмигрантов в творчестве северо-восточных писателей — это богатое ощущение времени и региональные особенности языка повествования. В этих произведениях можно отметить не только «русскую экзотику», которая была популярна в Китае в первой половине XX в., но и прочувствовать воспоминания писателей о родных краях, их искреннее сочувствие эмигрантам и размышления о судьбе китайского народа. В разгар войны Сопротивления проза о белоэмигрантах отразила скрытое беспокойство молодых писателей о собственной судьбе и о будущем страны.

4. Заключение

Китайская литература всегда была вовлечена в пространство внутренних идеологических споров. В 1920–1940-е гг. в художественном восприятии образов русских эмигрантов столкнулись не только этнические, но и политические установки — борьба между представителями КПК и апологетами Гоминьдана. Когда общая линия КПК и Гоминьдана в борьбе с империализмом закончилась (1927), между двумя партиями развернулась острая борьба — и в литературе, и в публицистике. Именно

на этот период общественно-политической борьбы, период становления новой идеологии и эстетики пришелся процесс восприятия русских эмигрантов в китайской литературе.

В корреляции «своего» и «чужого» образ восприятия русских эмигрантов стал подобен зеркалу, отражающему образы самовосприятия прогрессивных китайцев, их социально-политические и национальные надежды и чаяния.

Образ восприятия русских эмигрантов в китайской литературе стал активно развиваться в 1920-х гг. в Шанхае, городе зарождающихся «левых» писателей, которые с острой ненавистью относились ко всему «непролетарскому», «буржуазному», «царскому», ко всему тому, что не соответствовало новым революционным идеям, движению интернационализма. В то же время в пекинской прозе русские эмигранты проявлены более нейтрально. И только писатели северо-востока Китая разделили с русскими эмигрантами тоску по родине, по своим родным краям и городам. Сквозь призму восприятия русского изгоя они отразили самовосприятие людей, желающих вернуться на свою малую родину — на северо-восток.

Литература

- Дин Лин 1954 — *Дин Лин*. Избранное / предисл. Л. Д. Позднеевой. М.: Иностр. лит., 1954. 352 с.
- Забияко, Сенина 2025 — *Забияко А. А., Сенина Е. В.* Русские и китайцы: образы взаимного восприятия в литературе. М.: ВКН, 2025. 448 с.
- Лю Ши 2020 — *Лю Ши*. Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 671–681. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681

References

- Ding Ling. Selected Writings. L. Pozdneeva (foreword). Moscow: Foreign Literature Press, 1954. 352 p. (In Russ.)
- Zabiyako A. A., Senina E. V. The Russian and the Chinese: Images of Mutual Perception in Literature. Moscow: VKN, 2025. 448 p. (In Russ.)
- Liu Shi. Cultural connotations of the image of perception of emigrants in Chinese ethnic consciousness of the 20-40s of the 20th century based on the material of Chinese literature and publicism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2020. Vol. 25. No. 4. Pp. 671–681. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681

- Родионов 2008 — Родионов А. А. Россия и русская литература на страницах националистических журналов Китая в начале 1930-х годов // Проблемы литератур Дальнего Востока: Сб. мат-лов III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 24–28 июня 2008 г.). Т. 1. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 278–290.
- Родionov A. A. Russia and Russian literature in China's nationalist periodicals of the early 1930s. In: Problems of Far Eastern Literatures. Conference proceedings (St. Petersburg, 24–28 June 2008). St. Petersburg: St. Petersburg University, 2008. Vol. 1. Pp. 278–290. (In Russ.)-
- Сенина, Забияко 2016 — Сенина Е. В., Забияко А. А. Образ русской женщины в китайской литературе 20–40-х годов XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3(51). С. 276–283.
- Senina E. V., Zabiyako A. A. Image of Russian woman in Chinese literature of the 1920s–1940s. *The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2016. No. 3(51). Pp. 276–283. (In Russ.)
- Ba Jin 1989 — 巴金全集/将军. 北京: 人民文学出版社, 1989. 第10卷. [Ba Jin quánjí / Jiāngjūn [= Ба Цзинь. Полное собрание сочинений / Генерал]. Vol. 10. Běijīng: rénmín wénxué chūbǎnshè, 1989. Pp. 260–268.
- Ba Jin. Complete Writings. Vol. 10. Beijing: People's Literature Publishing House, 1989. Pp. 260–268. (In Chin.)
- Cheng Bibing 1931 — 程碧冰. 后序. 在病院中. 上海: 神州国光社, 1931. 115 页. [Cheng Bibing. Hòu xù [= Чэн Бибин. Эпилог] // Zài bìngyuàn zhōng [= В больнице]. Shanghai: Shenzhou Guoguang, 1931. 115 p.
- Cheng Bibing. Epilogue. In the Hospital. Shanghai: Shenzhou Guoguang, 1931. 115 p. (In Chin.)
- Guo Shumei 2008 — 郭淑梅. “红色之路”与哈尔滨左翼文学潮 // 文学评论2008年第5期 193–198. [Guo Shumei. “Hóngsè zhī lù” yǔ hā'ěrbīn zuǒyì wénxué cháo [= Го Шумэй. «Красная дорога» и харбинская литература левого крыла] // Wénxué pínglùn [= Литературное обозрение]. 2008. No. 5. Pp. 193–198.
- Guo Shumei. 'The Red Road' and left-wing Harbin literature. *Wénxué pínglùn* [= Literary Criticism]. 2008. No. 5. Pp. 193–198. (In Chin.)
- Hou Wenqing 2015 — 侯文婧. 哈尔滨与中国文学中的“白俄”元素. 出版日期:2015-07-02 10版文化观察 记者 — 黑龙江日报. [Hou Wenqing. Hā'ěrbīn yǔ zhōngguó wénxué zhōng de “bái'è” yuánsù [= Хоу Вэньцин. Харбин и «белоэмигранты» в китайской литературе // [Hēilóngjiāng rìbào [=Хэйлунцзян жибao], 02.07.2015. Pp. 10–11.
- Hou Wenqing. Harbin and 'white émigrés' in Chinese literature. *Heilongjiang Daily*. 2015. July, 2. Pp. 10–11. (In Chin.)
- Jin Yi 1931 — 靳以. 隄. 东方. 上海: 商务出版社. 1931. 11–27 页. [Jin Yi. Yǔn [Цзинь И / Потеря]. Dōngfāng. Shanghai, Commercial Press, 1931. Pp. 11–27.
- Jin Yi. The Loss. In: Dōngfāng. Shanghai: Commercial Press, 1931. Pp. 11–27. (In Chin.)
- Li Dingsheng 1933 — 李鼎声. 现代语辞典. 上海: 光明书店, 1933. 722页. [Li Dingsheng. Xiàndàiyǔ cídiǎn [= Ли Диншэн. Словарь современного языка]. Shanghai, Guangming shudian, 1933. 722 p.
- Li Dingsheng. A Dictionary of the Modern [Chinese] Language. Shanghai: Guangming Bookstore, 1933. 722 p. (In Chin.)

- Lu Xun 2005 — 鲁迅. 祝中俄友好之交// 鲁迅全集. 北京人民出版社, 2005. 第 4 卷. 515 页. [*Lu Xun. Zhù ZhōngE yǒuhǎo zhī jiāo* // *Lǚxùn quánjí. Běijīng rénmin chūbǎnshè* [= *Лу Синь. Приветствую литературные связи Китая и России* // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекинское народное издательство], 2005. No. 4. 515 p.
- Luo Feng 2020 — 罗烽. 呼兰河边. 春风文艺出版社, 2020. 248 页. [*Luo Feng. Hū lán hé biān* [= *Ло Фэн. У реки Хулань*]. Chunfeng wenyi chubun she, 2020. 248 p.
- Lv Shuxiang, Ding Shengshu 2016 — 吕淑湘, 丁声树. 现代汉语词典, 2016. 1799 页. [*Lv Shuxiang, Ding Shengshu. Xiàndài hànyǔ cídiǎn* [= *Люй Шусян, Дин Шэншю. Современный словарь китайского языка*]. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2016. 1799 p.
- Rodionov 2020 — *Rodionov A. Images of Russia in Chinese Literary Periodicals at the Beginning of the 1930s: Nationalist Perspective* // *Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century. Heidelberg, Berlin: Cross-Asia, 2020. Pp. 247–266.*
- Shu Qun 2009 — 舒群. 舒群代表作. 北京: 华夏出版社, 2009. 250 p. [*Shu Qun dàibǎozuò* [= *Шу Цюнь. Избранное*]. Beijing: Huaxia Publishing House, 2009. 250 p.
- Wang Yamin 2015 — 王亚民. 20 世纪20–30 年代中国现代文学与俄侨文学中的上海. 兰州学刊. 2015. No. 8. Pp. 6–11. [*Wang Yamin. 20 shìjì 20–30 niándài zhōngguó xiàndài wénxué yǔ éqiáo wénxué zhōng de shànghǎi* [= *Ван Ямин. Шанхай в современной китайской литературе и русской литературе 1920-1930-х годов*] // *Lánzhōu xuékān* [= *Журнал Ланьчжоу*]. 2015. No. 8. Pp. 6–11.
- Xiao Hong 2003 — 萧红. 萧红作品: 她和她的黄金时代. 译林出版社. 2003. 1719 页. [*Xiao Hong. Xiāohóng zuòpǐn: tā hé tāde huángjīn shídài* [= *Произведения Сяо Хун: Она и ее золотой век*]. Nanjing: Yilin chūbǎnshè [= *Издательство Илин*]. 2003. 1719 p.
- Xiao Hong 2004 — 萧红. 萧红作品精选. 漓江出版社. 2004. 313 页. [*Xiao Hong. Xiāohóng zuòpǐn jīng xuǎn*. [= *Сяо Хун. Избранное*]. Guilin: Lijiang chūbǎn shè [= *Издательство Ли Цзян*]. 2004. 313 p.
- Lu Xun. Welcoming China-Russia literary relations. In: Lu Xun. Complete Works. Vol. 4. Beijing: Beijing People's Publishing House, 2005. 515 p. (In Chin.)
- Luo Feng. Near the Hulan River. Chunfeng Literature and Art Publishing House, 2020. 248 p. (In Chin.)
- Lü Shuxiang, Ding Shengshu. A Dictionary of Modern Chinese. Beijing: Commercial Press, 2016. 1799 p. (In Chin.)
- Rodionov A. Images of Russia in Chinese literary periodicals at the beginning of the 1930s: Nationalist perspective. In: Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century. Heidelberg, Berlin: Cross-Asia, 2020. Pp. 247–266. (In Eng.)
- Shu Qun. Selected Writings. Beijing: Huaxia Publishing House, 2009. 250 p. (In Chin.)
- Wang Yamin. Shanghai in contemporary Chinese literature and Russian expatriate literature of the 1920s–1930s. *Lanzhou Academic Journal*. 2015. No. 8. Pp. 6–11. (In Chin.)
- Xiao Hong. [Selected] Works: She and Her Golden Age. Nanjing: Yilin Press, 2003. 1719 p. (In Chin.)
- Xiao Hong. Selected Works. Guilin: Lijiang Publishing House, 2004. 313 p. (In Chin.)

- Xiao Jun 2000 — 萧军. 萧军文集. 华夏出版社. 2000. 530 页. [*Xiao Jun. Xiǎo jūn wénjí*. [= *Сяо Цзюнь. Избранное*]. Beijing: Huáxià chūbǎn shè. [= Издательство Китай]. 2000. 530 p.
- Xin shidai ehan da cidian 2014 — 新时代俄汉详解大词典 (4部). 北京: 商务印书馆, 2014. Vol. 4. S–Ya. 7576 页. [*Xīn shídài éhàn xiángjiě dà cídiǎn* [= Новый русско-китайский словарь в 4-х томах. T. 4: S–Ya]. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2014. 7576 p.
- Sun Hongfei 2016 — 孙洪菲. 中国现代作家笔下的白俄形象 // 名作欣赏: 评论版. 2016 (5): 142–145 页. [*Sun Hongfei. Zhōngguó xiàndài zuòjiā bǐxià de bái'è xíngxiàng* [= *Сунь Хунфэй. Образы белоэмигрантов в произведениях современных китайских писателей*] // *Míngzuò xīnshǎng: Pínglùn bǎn* [Оценка известных произведений: критический анализ]. 2016. No. 5. Pp. 142–145.
- Yang Hui 2013 — 杨慧. 苦难的风景: 1930 年代中国文学中的白俄乞丐 // 南开大学学报. 2013. No. 4. Pp. 119–129. [*Yang Hui. Kǔnán de fēngjǐng: 1930 niándài zhōngguó wénxué zhōng de bái'è qǐgài* [= *Ян Хуэй. Бедственный вид: русские нищие в китайской литературе 1930-х годов*] // *Nán kāi dà xué xué bào* [= Журнал Нанькайского университета]. 2013. No. 4. Pp. 119–129.
- Zhang Ailing 2010 — 张爱玲. 异乡记. 北京十月文艺出版社. 2010. 103 页. [*Zhang Ailing. Yìxiāng jì* [= *Чжан Айлин. Очерки о чужбине*]. Běijīng shí yuè wényì chūbǎn shè. [= Пекинское литературно-художественное издательство Октябрь]. 2010. 103 p.
- Zhang Ailing 2011 — 张爱玲. 易经. 北京十月文艺出版社. 2011. 352 页. [*Zhang Ailing. Yì jīng* [= *Чжан Айлин. Книга перемен*] Běijīng shí yuè wényì chūbǎn shè [= Пекинское литературно-художественное издательство Октябрь]. 2011. P. 352.
- Zhang Ailing 2003 — 张爱玲. 传奇 (上下). 经济日报出版社. 2003. 488 页. [*Zhang Ailing. Chuánqí (shàngxià)* [= *Чжан Айлин. Легенда (в 2-х частях)*]. Jīngjì rìbào chūbǎn shè [= Издательство экономической газеты]. 2003. 488 p.
- Xiao Jun. Selected Writings. Beijing: Huaxia Publishing House, 2000. 530 p. (In Chin.)
- The Unabridged Contemporary Russian-Chinese Dictionary. In 4 vols. Vol. 4. S–Ya. Beijing: Commercial Press, 2014. 7576 p. (In Chin. and Russ.)
- Sun Hongfei. Images of Russian white émigrés in works of contemporary Chinese writers. *Appreciation of Literary Masterpieces*. 2016. No. 5. Pp. 142–145p. (In Chin.)
- Yang Hui. Images of the suffering: White Russian beggars in Chinese literature of the 1930s. *Journal of Nankai University*. 2013. No. 4. Pp. 119–129. (In Chin.)
- Zhang Ailing. [Essays] on Alien Lands. Beijing: Beijing October Literature and Art Publishing House, 2010. 103 p. (In Chin.)
- Zhang Ailing. [I Ching] Book of Changes. Beijing: Beijing October Literature and Art Publishing House, 2011. 352 p. (In Chin.)
- Zhang Ailing. The Legend. In 2 pts. Beijing: Economic Daily, 2003. 488 p. (In Chin.)

Zhang Ailing 2006 — 张爱玲. 谈音乐 / 流言. 北京十月文艺出版社. 2006. 272页. [*Zhang Ailing. Tán yīnyuè* [= Чжан Айлин. Разговор о музыке] / Liúyán. [= Слухи]. Běijīng shí yuè wényì chūbǎn shè. [= Пекинское литературно-художественное издательство Октябрь]. 2006. 272 p.

Zhang Mingyang 1935 — 张明养. 白俄在远东. 太白. 1935. No. 4. [*Zhang Mingyang. Báié zài yuǎndōng* [= Чжан Минян. Русские эмигранты на Дальнем Востоке] // Tàibái [= Тайбай]. 1935. No. 4.

Zhou Lengjia 1933 — 周楞伽. 侨民. 申报: 自由谈. 1933. No. 2. P. 6. [*Zhou Lengjia. Qiáo mín* [= Чжоу Лэнцзя. Эмигрант] // Shēnbào: zìyóu tán [= Шэньбао. Свободные обсуждения]. 1933. No. 2. P. 6.

Zhang Ailing. On Music. In: Rumors. Beijing: Beijing October Literature and Art Publishing House, 2006. 272 p. (In Chin.)

Zhang Mingyang. White Russian [émigrés] in the Far East. *Tàibái*. 1935. No. 4. (In Chin.)

Zhou Lengjia. Expatriates. *Shenbao: Free Talk*. 1933. No. 2. P. 6. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 658–676, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК /UDC 801.7+821.161.1

Городской текст в прозе Лили Калаус как элемент серийности

Жанар Алтаевна Каримова¹

Prose of Lilya Kalaus: Urban Text as Component of Literary Seriality

Zhanar A. Karimova¹

¹ Казахский национальный педагогический университет имени Абая (д. 13, ул. Достык, A26F0X3 Алматы, Республика Казахстан)

докторант

Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD Student

 0009-0007-0756-4158. E-mail: [zhanar.4\[at\]mail.ru](mailto:zhanar.4[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Каримова Ж. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Karimova Zh. A., 2025

Аннотация. Введение. В творчестве казахстанского писателя Лили Калаус особое место занимает образ города, преимущественно города Алма-Аты (Алматы), который выступает не просто пространством действия, но и важным символично-мифологическим элементом, связывающим отдельные произведения в целостный серийный комплекс. *Цели и задачи* исследования — выявить и описать специфику городского текста как структурного и семантического ядра серийности ряда произведений Лили Калаус через осмысление феномена городского текста и его мифопоэтического потенциала, а также анализ тенденции к серийности в современной художественной литературе, рассматриваемой видными исследователями современности, выявление новых характеристик феномена серийности в постмодернизме, к которым относятся интеллектуальная ироничность, «деланность» текста и интертекстуальные коды, интерпретационный потенциал наблюдателя. *Материалы и методы.* Материалами исследования послужили произведения Лили Калаус, опубликованные в разные годы. В статье использованы сравнительно-типологический, структурный, контекстуальный методы. *Результаты и обсуждение.* Выявлено, что почти во всех произведениях Лили Калаус присутствует образ города Алматы, представляя собой отражение либо внутреннего состояния героев, либо происходящих событий, что оправдывает включение его в произведения как определенного контекста с одними и теми же локациями, аналогичными образами городского потустороннего мира, мотивами и персонажами. Вхождение в пространство города или дома инициирует переход персонажей в новое экзистенциальное состояние, связанное с внутренней трансформацией и перерождением. Алматы в прозе Лили Калаус предстает как тело, соединяющее в себе черты уязвимости и сакральной силы, становясь полем борьбы идентичностей в постколониальном контексте. *Выводы.* В текстах произведений Лили Калаус образ Алматы является динамической структурой, где повторяющиеся образы, топосы являют собой серийные элементы, которые, непрерывно обогащаясь новыми значениями и деталями, соединяются в единый, но при этом открытый текст.

Ключевые слова: городской текст, Лиля Калаус, серийность, сквозные мотивы, мифологизм, потустороннее, постколониальный

Для цитирования: Каримова Ж. А. Городской текст как элемент серийности в прозе Лили Калаус // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 658–676. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-658-676

Abstract. Introduction. The cityscape — primarily the image of Alma-Ata (Almaty) — occupies a pivotal position in the prose of Kazakhstani writer Lilya Kalaus. In her works, the urban environment functions not merely as a setting but as a symbolically and mythopoetically charged element that unifies individual narratives into an overarching serial structure. **Goals.** The study aims to examine the urban text as the structural and semantic nucleus of seriality in L. Kalaus' fiction. It explores the mythopoetic functions of the city image, the ways in which recurring urban motifs foster narrative continuity, and the broader postmodern tendencies of literary seriality, such as intellectual irony, textual self-reflexivity, intertextual coding, and interpretive agency of the reader. **Materials and methods.** The paper primarily focuses on a selection of writings by Lilya Kalaus published in various years. The article uses the comparative typological, structural, and contextual methods. **Results.** The analysis demonstrates that the figure of Almaty recurs throughout L. Kalaus' oeuvre to serve as a mirror for the protagonists' inner states or as a symbolic topography of key events. The consistent use of shared urban locations, motifs of the supernatural, and archetypal characters enables a serial reading of the texts. Spatial entry — into the city or domestic interiors — triggers characters' existential transitions, frequently associated with inner metamorphosis or symbolic rebirth. Within a postcolonial framework, Almaty is represented as a corporeal entity, combining vulnerability with sacred potency and functioning as a site of identity negotiation and cultural tension. **Conclusions.** In Lilya Kalaus' prose, the city of Almaty constitutes a dynamic narrative structure. Through the recurrence and reinterpretation of motifs, topoi, and symbolic imagery, the urban text generates a serial continuity that integrates discrete stories into an open-ended yet coherent literary constellation.

Keywords: urban text, Lilya Kalaus, seriality, recurrent motifs, mythologism, otherworld, postcolonial identity.

For citation: Karimova Zh. A. Prose of Lilya Kalaus: Urban Text as Component of Literary Seriality. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 658–676. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-658-676

1. Введение

В творчестве казахстанского писателя Лили Калаус особое место занимает образ города, преимущественно города Алма-Аты (Алматы), который выступает не просто пространством действия, но и важным символично-мифологическим элементом, связывающим отдельные произведения в целостный серийный комплекс.

Цель данной статьи — выявить и описать специфику городского текста как структурного и семантического ядра серийности ряда произведений Лили Калаус.

Феномен городского текста и его мифопоэтический потенциал получили широкое осмысление в трудах Н. П. Анциферова [Анциферов 1922], В. Н. Топорова [Топоров 2003], Ю. М. Лотмана [Лотман 1984; Лотман 2016], Б. А. Успенского [Лотман,

Успенский 1977], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1998] и других исследователей. По Ю. М. Лотману, город выступает как семиотически насыщенное пространство, символическое значение которого формирует культурные тексты и организует их серийность через повторение образов и мотивов [Лотман 1984: 30–31]. Понимание серийности опирается также на концепции Д. У. Данна, английского философа и писателя, исследователя прекогнитивных сновидений, а именно на его работы «Эксперимент со временем», «Серийное мироздание» и др. Согласно теории Д. У. Данна, серийное мышление указывает на фундаментальную сложность реальности, а также на ее зависимость от метаязыка и наблюдателя [Данн 2000: 52]. Он иллюстрирует данную идею о существовании высшего Наблюдателя

через художника, воссоздающего действительность в своем произведении, включая в эту картину фигуру, которая обладает тем же объемом знаний, что и он сам, и которая воспроизводит ту же картину на своем холсте. Но самым важным в этой картине является то, что она лишь первая в череде бесконечной проекции, которая словно всматривается в саму себя. При этом очевидно, что знания второго художника оказываются неизбежно более ограниченными, чем знания первого¹ [Данн 2000: 54].

В культурном пространстве постмодернизма подобное «бесконечное отражение» можно рассматривать как гипертекстовую структуру, где каждое новое повторение выступает в роли рефлексии по отношению к предыдущим текстам, продолжая и завершая их на ином уровне, а также как все новые и новые интерпретации художественного произведения реципиентами.

Анализом тенденции к серийности в современной культуре, в частности в художественной литературе, занимались такие исследователи, как У. Эко [Эко 1997], В. П. Руднев [Руднев 1997], Е. М. Тюленева [Тюленева 2004], Л. В. Сафронова [Сафронова 2009] и другие. Несмотря на достаточно широкое использование приемов серийности авторами XIX в., в постмодернизме этот феномен обретает новые черты, к которым ученые-литературоведы относят интеллектуальную ироничность текста, его «сделанность» и интертекстуальные коды [Эко 1997].

Л. В. Сафронова расширяет понятие серийности, делая акцент на интерпретационном потенциале наблюдателя. Конструкция серии текстов объединяется отношениями, возникающими в процессе наблюдения (на-

блюдателем может выступать как автор, так и читатель), и именно интерпретатор (реципиент) придает серии целостность, связывая модули и наделяя их смыслом [Сафронова 2009].

В данной работе исследуется алматинский текст Лили Калаус с точки зрения серийности, так как автор, снова и снова возвращаясь в городские локации в разных произведениях, формирует образ Алматы, одновременно дополняя уже существующий городской текст и расширяя границы экстенсивно (посредством совокупности неких признаков, присущих произведениям, которые составляют основу алматинского текста) и интенсивно (через включение новых признаков). Городские мотивы в текстах Л. А. Калаус устойчиво повторяются, объединяя ее прозу в серию не только тематически, но и семантически. Символика Алма-Аты как города, где сосуществуют различные культурные и исторические слои, реальные и вымышленные локации, позволяет читателю видеть в разных произведениях повторяющиеся сюжеты, образы и символические конструкции, создавая впечатление единого серийного нарратива. Это усиливает эффект узнаваемости и взаимосвязи отдельных текстов, обеспечивая их серийное восприятие.

В научной литературе серийность в контексте городского текста рассматривается через несколько концепций, включая интермедиальность и гипертекстуальность. Интермедиальность, или взаимопроникновение различных медиа (например, литературы и визуального искусства, литературы и социальных медиа), связывает городской текст с серийностью, так как культурные образы, мотивы и символы могут появляться и повторяться в разных формах, создавая серию взаимосвязанных описаний и представлений о городе. Это явление наиболее очевидно в творчестве писателей и художников, многократно обращающихся к определенным городским образам, формируя таким образом культурный нарратив, который становится повторяющимся и символически насыщенным. Например, Лиля Калаус обращается к описаниям локаций, пейзажей города, к его событийному хронотопу не только в художественной прозе, но и в блоговых

¹ Это обусловлено тем, что художник, создавая изображение, обладает знанием, необходимым не только для воспроизведения содержания картины, но и знанием, превышающим пределы непосредственно изображаемого; это приводит его к необходимости отобразить и того субъекта, который обладает подобным знанием. Однако и субъект знания в свою очередь должен обладать информацией, достаточной для изображения самого художника. Таким образом, знание оказывается бесконечным и организуется в сериальную структуру, образующую потенциально неисчерпаемую последовательность.

записях на своей странице в Фейсбук¹. Гипертекстуальность также демонстрирует серийность, представляя городской текст как открытый и нелинейный, с возможностью интертекстуальных ссылок и ассоциативных переходов между фрагментами текста. Этот подход к городскому тексту позволяет воспринимать его как динамическую структуру, где серийные элементы (повторяющиеся образы, топосы) соединяются в общий, но не закрытый текст, который постоянно обогащается новыми значениями и деталями [Потанина, Гололобов 2012: 33].

Актуальность изучения поэтики серийности городского текста в художественном мире произведений Л. Калаус продиктована тем, что созданные автором образы города Алматы присутствуют практически в каждом тексте писателя. Эти образы являются проекцией внутреннего состояния героев, отражением происходящих в реальном мире событий и включены в произведения как некий контекст, в котором фигурируют одни и те же локации, похожие образы городского потустороннего мира, мотивы (мотив потери-обретения, мотив отторжения, утраты, ненависти-любви) и персонажи.

2. Алма-атинский городской текст

Феномен *алма-атинский текст* существует наряду с другими подобными городскими текстами, такими, как *петербургский текст*, *московский текст*, *воронежский текст*, *ташкентский текст* и т. д.

Городской текст — это литературное и культурное явление, при котором город или его части выступают в роли символа, насыщенного смысловыми, историческими и культурными значениями. По мнению Ю. М. Лотмана, одним из первых использовавшего термин «городской текст», город можно рассматривать как «котел текстов и кодов»: в него входят не только произведения литературы и искусства, но и устные рассказы, архитектура, названия улиц, обряды и ритуалы, городской пейзаж и обычаи жителей [Лотман 2016: 322].

¹ Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

В русском литературоведении интерес к городскому тексту возник во второй половине XX в. после фундаментальных работ Н. П. Анциферова [Анциферов 1922], В. Н. Топорова [Топоров 2003], Ю. М. Лотмана [Лотман 1984; Лотман 2016] и других исследователей тартуско-московской семиотической школы.

Н. П. Анциферов в своем труде «Душа Петербурга» проводит уникальное исследование городской культуры и пространственного восприятия Санкт-Петербурга. Ученый, как историк культуры и градoved, пытается понять Петербург не только через его архитектурные особенности, но и через дух, который пронизывает улицы и дома города, влияя на внутренний мир его жителей [Анциферов 1922: 21].

С точки зрения В. Н. Топорова, городской текст — это сложное многослойное явление, которое можно рассматривать как символическое, мифологическое пространство, формирующееся из исторического, культурного и сакрального опыта. Ученый понимает городской текст как «текст-космос», где город представлен как целостная структура, насыщенная мифопоэтическими элементами, концептами и архетипами. Такие тексты, по его мнению, не просто описывают город, но и создают его особую смысловую среду, раскрывая значимость пространства через мифологический и культурный контекст.

В. Н. Топоров подчеркивает, что городской текст воплощает специфическое восприятие города как хронотопа — уникального сочетания пространства и времени. Этот текст складывается из местных топосов (значимых для культуры пространств), природных объектов, знаковых городских атрибутов и исторических наслоений, что позволяет осмысливать город одновременно как реальное и как воображаемое пространство [Топоров 2003: 279].

В казахстанском литературоведении не иссякает интерес к городскому тексту, а центральным объектом изучения является, несомненно, алма-атинский (алматинский) текст². Г. И. Власова, исследуя феномен «ал-

² В связи с возникающей необходимостью акцентировать внимание читателей на исполь-

ма-атинского текста» в русскоязычной прозе Казахстана, определяет его как особый городской культурный текст, отражающий уникальный образ Алма-Аты (ныне Алматы). Автор выделяет ключевые аспекты алма-атинского текста — маркированные заголовки, пространственные топосы, природные и культурные элементы, а также образ «городского сознания», воплощающего историческую и культурную память [Власова 2019: 1798].

Немаловажную роль в формировании образа Алма-Аты во второй половине XX в. сыграли романы Юрия Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». Если для Петербурга *genius loci* — это «Медный всадник» А. С. Пушкина [Анциферов 1922: 27], то для Алматы — это роман Ю. О. Домбровского «Хранитель древностей». Современный же Алматы предстает сквозь призму различных произведений казахстанских авторов, таких, как Лиля Калаус, Б. М. Канапьянов, Д. Ф. Снегин, Е. Г. Клепикова, М. Б. Земсков, Арсен Баянов, Ю. Ю. Серебрянский, И. А. Одегов и др. Городские ландшафты, природные символы, улицы и памятные места оживают не только через литературные произведения, но и любой медиаконтент: кино, песенное искусство, различные перформансы и фестивали, — которые также играют немаловажную роль в формировании образа города. В текстах встречаются топосы как природного характера (сады, горы), так и культурные — театры, проспекты, архитектурные памятники, рынки. Такой литературный подход превращает Алма-Ату в «главного героя книги», в некий образ, обладающий уникальной одушевленной идентичностью: «Просто повернул за угол — и вдруг выбежала навстречу целая семья высоких, тонких, гибко изогнутых деревьев» [Домбровский 2017: 4–5]; «Нет, это не девятиэтажные шлакоблочные дома уныло ползут за окнами маршрутки, затравленные стаей пыльных иномарок, а мраморные, обрубленные в бедрах ноги колосса шагают, не зная еще о судьбе остального тела...» [Калаус 2010: 6].

зовании и старого, и нового названия города в данной работе одинаково используются термины «алматинский» и «алма-атинский».

Наряду с понятием *городской текст* в литературоведении используется термин *локальный текст*, связанный с изучением пространства, освоенного человеком. В своем исследовании алма-атинского текста Ж. А. Баянбаева выделяет два его типа: мифологический и историко-культурный. В первом город предстает как мифологическое пространство: в центре внимания находятся символы, архетипы, фигуры героев и божеств, сакральные места, природные объекты, воплощающие идеи космогонии и эсхатологии. Такой текст формирует особую культурную ауру, корни которой уходят глубоко в основы коллективного сознания. Во втором типе акцент переносится на реальные события, места и образы, и город предстает как культурный и исторический архив. Оба типа локального текста делают городской хронотоп многослойным, объединяя миф и историю, символическое и реальное, что позволяет ему служить мощным средством передачи культурного опыта и идентификации [Баянбаева 2016: 80].

Семиозис любого городского текста образуется в двух основных сферах — пространства и наименования [Лотман 2016: 313], которые в свою очередь мифологизируются в локусах концентрического и эксцентрического городов. Первый характеризуется расположением на возвышенном месте, он вечен, бесконечен, и это своеобразная модель Вселенной. Второй тип города имеет окраинное местоположение в пространстве культуры и реинтерпретируется в мифологическом аспекте через идею обреченности. По мысли Ю. М. Лотмана, *концентрические* структуры замкнуты и противопоставлены враждебному окружению, а *эксцентрические*, наоборот, тяготеют к «разомкнутости, открытости» и культурным интерференциям [Лотман 2016: 315].

Алма-атинский текст формировался под влиянием прямо противоположных концепций. С одной стороны, расположенность города в предгорьях Заилийского Алатау, его древняя история и культурный контекст, вертикальная зональность («верх» и «низ» города) позволяют определить алма-атинский городской текст как концентрический. С другой стороны, Алматы находится во

впадине, так называемой предгорной котловине, и разветвленная сеть естественных рек, притоков, каналов, водохранилищ и арыков делает городской ландшафт уникальным. Однако неблагоприятная застройка, практически уничтожившая розу ветров, и рельефные характеристики привели к формированию в художественной литературе некоей мифической обреченности образа города.

Поэтому можно характеризовать алматинский текст как сочетающий в себе оба типа городского текста. И в этой оппозиции вечного, возрождающегося благодаря мистической витальности в культурном алгоритме социума, и гибнущего, обреченного, борющегося с этой обреченностью города писатели рубежа XX и XXI вв. увидели сюрреалистическую двойственность образа. Такая двойственность позволяет обосновать мифологизацию городского алматинского текста, представленную современными авторами, а также способствует выявлению мифологизированных образов городского алма-атинского (алматинского) текста в творчестве Лили Калаус через призму серийности.

3. Городской текст Лили Калаус

Городской текст Лили Калаус можно рассматривать как циклообразующий элемент многих произведений автора. В этот цикл входят повести «Роман с кровью», «Темные паруса» (мелодрама в 9 картинах), «Цокольный этаж», «Старая дача», незавершенный роман «Фонд последней надежды», рассказ «Света»¹.

Городской текст Лили Калаус как продолжает традиции алматинского городского текста, так и разрушает их. Близость друг к другу разных описаний Петербурга, пишет В. Н. Топоров, «как у одного и того же, так и у различных авторов, — вплоть до совпадений», — это не плагиат, а игра [Топоров 2003: 278]. В алматинских текстах наблюдается то же самое. Однако Лили Калаус включается в игру на других условиях. Ее город

отвергает героев и одновременно привлекает их, он порождает некие мистические сущности, которые давно уже завладели городом, и город не то, чтобы находится в их власти, а сам является частью этих сущностей, живым организмом. И такой мифологизированный образ города формируется как нечто цельное из произведения в произведение, что и создает особый топос алматинского текста Лили Калаус. Этот образ выстраивает в серию все тексты, становясь сквозным образом, так называемой скрепой.

3.1. Мифологизация городского текста Лили Калаус

Городской текст Лили Калаус осмысливается посредством двойственной типологизации, придающей городскому пространству мифологические черты, где сталкиваются противоположности верха и низа города, улиц, домов, теряющих или, наоборот, обретающих целые этажи, старых и новых районов города, утраченных и вновь приобретенных названий, обусловленных контекстом верненского и алматинского подтекстов: «Разномастные дома его — и серые брежневские, и желтые сталинские, и резные дореволюционные теремки, и облитые стеклом турецкие небоскребы-новостройки, текли по горбатым улицам, бывшим сопкам да пригоркам, с севера на юг, вырастая к нижней своей части примерно на этаж, который и назывался „цокольным“. В Городе все говорили: „вниз“, „вверх“ и других направлений не ведали» [Калаус 2014а: 63]; «Улица, по которой Света возвращалась каждый день из школы, стекала вниз со склона горы, и поэтому дома, мимо которых она проходила, вначале не имели первого этажа, потом, ближе к середине здания, в них прорезались сначала слуховые окошки, потом настоящие, обрешеченные окна, а в самом конце длинного пятиэтажного жилища первый этаж уходил на недостижимую высоту — и вся эта метаморфоза происходила медленно-медленно, по ходу движения, оставляя время на каждодневное умеренное восхищение» [Калаус 2013а]; «Юридическая фирма „Немезида“ располагалась в здании института ботаники, занимая часть его первого этажа и несколько подвальных по-

¹ Городской текст есть во всех произведениях и сборниках автора, но именно данные произведения образуют некую серию, связанную с мистическими образами города.

мещений, стыдливо именовавшихся в разговорах сотрудников **цокольными залами**» [Калаус 2013б].

Узнаваемые культовые объекты города являются лишь фоном для настоящей жизни героев, разворачивающейся в спрятанном от обывателя параллельном мире, в котором властвует иная сила, потусторонняя, воскрешенная из небытия. Исследования, посвященные городскому тексту, выявляют модель, которая формирует некое мистическое пространство города, обретающее черты живого организма, так или иначе реагирующего на действительность, создающего эту действительность, влияющую на людей [Топоров 2003: 288–289]. Город использует для этих целей любые объекты, наделяя их мощной силой воздействия на человека, в частности, если памятник Петру I решает участь Евгения в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник», то подвал дома вмешивается в жизнь героя повести Лили Калаус «Цокольный этаж». Рассматривая городской текст как мифологизированное пространство и время, исследователи сталкиваются с проблемой многообразия связующих звеньев между человеком и самим Городом как материальной структурой, глыбой массивов, деталями инфраструктуры и т. п. Миф по отношению к сознанию человека выполняет компенсаторную функцию, это «форма социальной и психологической защиты» человека [Корнилова 2020: 314].

В мифопоэтике Лили Калаус отчетливо прослеживается постмодернистская интонация мифотворчества, сопряженная не с восстановлением утраченной целостности, а, напротив, с фиксацией ее невозможности. В отличие от первобытного и древнего мифа, стремившегося к гармонизации коллективного опыта через сакральные образы и ритуалы, миф в модернистском и постмодернистском сознании становится выражением разлома, фрагментации и онтологической неустойчивости. Город в текстах Калаус — это не упорядоченное пространство мифа-космоса, а территория утрат, символического смещения и глубинного отчуждения. Как подчеркивает Е. М. Мелетинский, в условиях модернизма миф утрачивает статус коллективной категории

сознания и превращается в форму личной, трагически окрашенной мифологизации — в антимиф [Мелетинский 1998: 429]. В прозе Лили Калаус это проявляется в апокалиптических видениях героев, трансформации городского ландшафта, размывании границ между реальным и фантастическим, живым и мертвым: «Послышались голоса, дверь сильно толкнули, и перед Гапаряном появился некий полупрозрачный субъект в военном френче <...> Явно не замечая оценевшего Гапаряна, пришелец оглядел кабинет — Миша как под гипнозом проследил за его взглядом и ужаснулся: <...> все <...> покрылось зыбкой молочной пеленой, сквозь которую проступила совсем другая картина...» [Калаус 2013б]. При этом уникальный стиль авторского подхода к переосмыслению мифа нивелирует остатки сакрального начала: мифологические структуры пародируются, иронически обыгрываются, переворачиваются [Галанина 2013: 42]: «На белой земле под блекло-сиреневым ночным небом Он [Дом Зла] — абсолютно черный, поглощающий свет, жуткий и безмолвный, казался тараканом на свежесмытой плитке. <...> Дощатая громада дома № 99 дрожала и стонала под ударами бури. Без забора, как без штанов, по самые уши в снегу, в обнимку с кривобокой осинкой, он все-таки выглядел злое...» [Калаус 2013в].

Автор сознательно играет с мифом, разрушая его сакральный смысл. Так появляются вампиры, дома-призраки, полуабсурдные наименования, искажающие хронотоп, то исчезающие, то появляющиеся котлованы и подвалы. Миф в творчестве Лили Калаус утрачивает функцию ритуального примирения с реальностью, он становится способом зафиксировать ее экзистенциальную тревожность, отчужденность и внутреннюю расщепленность. В этом и состоит особенность авторской мифопоэтики, выражающей борьбу не цивилизации с силами природы, а самого города с героями, который словно проверяет их на прочность духа.

3.2. Город мертвых: потустороннее как структурный элемент сериальности

Параллельный мир призраков в прозе Лили Калаус теряет привычную жанровую окраску хоррора и превращается в культо-

вую метафору как способ выразить специфическое состояние города и человека на границе жизни и смерти. Вампиры, мертвецы и другие потусторонние сущности здесь не являются внешними по отношению к городу, напротив, они *принадлежат* ему, сливаются с городской средой, становятся ее тенью, продолжением, даже символической опорой. Их существование встроено в текстуальную ткань города: они живут в знакомых кварталах, их путь проходит через пространства, насыщенные культурной памятью. Их обиталища не замки и кладбища, а вполне реальные алматинские улицы, подъезды, квартиры, превращенные в параллельную реальность, куда проникает обычный свет [Spoonер 2017: 7].

Интерес автора к фольклору и мифу также продиктован иллюзией предсказуемости мира, которую они дают, надеждой на стабилизацию рушащихся основ. Мифотворчество как сотворение нового художественного мира становится экзистенциальным инструментом освоения мифа литературой в периоды исторических перемен. Как правило, в кризисные эпохи, когда к жизни вызываются деструктивные энергии общественных пертурбаций, происходит волна изменений, от колоссальных до едва приметных, в том числе это касается и ликвидации устоявшейся системы наименований. В искусстве подобные потрясения неизменно ведут к созданию новых «систем координат» для классических, установившихся мифов или к кардинальному перераспределению ролей в этой системе [Токарева 2006: 15].

Эволюция мифологических архетипов и символических образов — это, по утверждению Джозефа Кэмпбелла, адаптация к потребностям общества в осмыслении окружающей действительности [Campbell 2008: 4]. Создавая собственный миф, автор наиболее отчетливо выражает процесс осмысления реальности, не вписывающейся в рамки личного мироощущения. Потусторонний мир, параллельно существующий в современной автору Алма-Ате, будто материализовался именно в тот момент, когда город оказался подвергнут мощным пертурбациям постперестроечной эпохи. Развал Советского Союза, обретение Независимости,

болезненный разрыв с единым огромным культурным, социальным и экономическим пространством буквально сотрясает героев произведений Лили Калаус, отражая и внутреннюю боль автора.

Прием переименования или наделения новых явлений действительности собственными именами символично и условно обозначает рождение иного мира. Этот прием выражается в акте полной смены всех систем координат [Лотман, Успенский 1977: 4]. Как и в любые периоды кризисов, сопровождающихся подобными разрушительными социальными преобразованиями, происходит не только переименование улиц, городов. Осуществляются символические трансформации, ждавшие своего часа: оживает в старой части города Дом вампиров и принимает в свое лоно новообращенных («Роман с кровью»); в прекрасном особняке, в элитном районе у подножия гор, происходит дьявольщина и нечто страшное вселяется в тех, кто недавно был живым, потому что этот загородный дом построен на останках древнего кладбища; на фоне происходящего ужаса оживают в устах героев истории о потустороннем, которое всегда было рядом: «*Ты представляешь, непознанное, неведомое, оно — рядом, ты только допусти...*» [Калаус 2013в]; внезапно в подвале здания, являющегося архитектурным памятником и использующегося современной фирмой, проявляется нечто из сталинского прошлого, неприглядного и жестокого («Старая дача»); в жизнь героев, терпящих не самые лучшие времена, вторгается нечто из загробного, неупокоенного мира, требуя жертвы («Цокольный этаж»). В городе таится потусторонняя сила, которая пробудилась благодаря стихийным изменениям в жизни страны.

Лили Калаус со свойственным ей тонким юмором создает собственную мифологию города вампиров, свободно перемещая канонические образы вурдалаков и упырей в современный Алматы, а весь процесс порождения нового поколения вампиров теряет специфическую ауру сексуальности и жестокости, упрощаясь до того, что присутствие вампира для заражения «голубой» кровью потомков Дракулы вовсе не обяза-

тельно. Требуется лишь некий артефакт, а все остальное происходит в глубоком символическом, похожем на гипнотический, сне. Подобная форма мифотворчества условна, гораздо важнее семантика самого приема, используемого автором. Городской текст служит не только фоном для создания вампирской реальности, но и порождает эту реальность: в художественном пространстве древнего, как оказалось, города с незапамятных времен существует место, предназначенное для «воспитания» вампиров: «... так называемый Дом Зла. <...> Аксельрод <...> схватил книгу, нашел в оглавлении перечень городов <...> и там <...> обнаружил искомый адрес: Алма-Ата, ул. Трех коммунаров, 99» [Калаус 2013в]. Согласно серийной конструкции алма-атинского текста Лили Калаус, этот Дом «существует» и в некоторых других произведениях в разных контекстах — от иронического упоминания до буквальной констатации факта: «В репортаже с места событий описывалось, как в ночь на Ивана Купалу несколько жителей этого патриархального пригорода [Малая станица] подожгли дом № 99 по ул. Трех коммунаров. <...> Деяние свое они объяснили охотой за вампирами, якобы обосновавшимися в заброшенном доме» [Калаус 2013б].

В этом контексте мотивы потустороннего — мертвецы, вампиры, ожившие здания, а также сам город как живое и враждебное существо — становятся структурным механизмом серийности. Потустороннее у Калаус — это не просто художественный прием, а форма мифологизации тревожной реальности, способ выявления скрытых смыслов и структур, не поддающихся рациональному объяснению [The Classic Fairy Tales 2016: 8–9]. Возвращающиеся персонажи, одинаковые или похожие имена (Ася — Асия Нуркатовна, Лида, Света — Светлана — Лана, Жорик), повторяющиеся локации и мифологизированные сущности создают иллюзию замкнутого цикла, где граница между мирами стерта, а смерть — это не конец, а способ существования в «городском мифе». В этой повторяемости мы видим реализацию эффекта «вечного возвращения» в духе постмодернистской традиции. Напри-

мер, дом № 99 по улице Трех коммунаров, многократно упоминаемый в разных произведениях, обретает статус сакрального «портала» между мирами — *locus horridus*, в котором сталкиваются живое и мертвое, реальное и потустороннее. Это не просто архитектурная метка, а место инициации, где герои с потерей прошлой идентичности обретают новую, таким образом входя в зону потустороннего. Аналогичным образом «порталом» в новую жизнь становятся дома, офисы, здания, функционирующие в пространстве настоящих и вымышленных топонимов, которые создают сеть аллюзивных связей между произведениями, превращая тексты в своего рода цикл с мистической составляющей.

Город у Лили Калаус буквально оживает, он дышит, наблюдает, требует, сопротивляется, поглощает. Он не метафора, а персонаж, одаренный памятью, телесностью и волей. Пространство Алматы (а для героев это утраченная Алма-Ата) становится симбиотической средой, в которой мертвые и живые сливаются в единую текстовую, культурную, экзистенциальную субстанцию. Отсюда повторяющийся мотив **поглощения, растворения в городе** («Внизу раскинулся линованный кривыми дорожками, как пучком артерий с анатомического атласа, пустырь. <...> Пейзаж казался уже родным, как запах этой квартиры, как чужие обстоятельства, как новые заботы, как старые летние мозоли» [Калаус 2010: 34]; «... Сливочно-желтый, уже полуродной, дом словно выплыл ему навстречу. <...> Влад замер у входа во двор, под единственным фонарем: ему показалось, что дом в оглушительном молчании надвигается на него, как форштевень летучего голландца...» [Калаус 2014а: 7]); **дома и подвалы как ловушки** («Дверь выступила из тьмы, как живая <...> Пусто и тихо. Влад вдруг замечает красное пятнышко вдали <...> это ж машинка тимкина! <...> Быстро идет к ней. Бежит. Коридор бесконечен. Влад начинает задыхаться, но машинка так и остается красным пятнышком вдали» [Калаус 2014а: 21]); **улиц как следов мертвых** («Была ночь. Улица Джамбула, белая и страшная, вытянулась, как покойник. Синие пятна фонарей дрожа-

ли на ее впалых боках, высвечивая венозные переплетения веток, тускло мерцающую ледяную сукровицу на стенах, столбах и скамейках» [Калаус 2013в]).

Это мифологизированный городской хронотоп, в котором потустороннее не исключение, а норма, форма существования культурной травмы и способ ее художественного осмысления. Таким образом, потустороннее в прозе Лили Калаус — это не жанровая принадлежность, а поэтика повторения, мифологическая структура, позволяющая вписать постсоветскую (постколониальную) идентичность в более широкую систему культурных и экзистенциальных координат.

3.3. Сквозные мотивы (мотив обреченности, ненависти к городу, любви к городу)

Герои Лили Калаус испытывают к городу неоднозначные чувства — от ненависти и презрения до любви, именно они и формируют образ города. Только сильные чувства порождают новую живую душу или сущность, которая обнаруживается в материи города.

В повести «Цокольный этаж» Алматы не назван напрямую, но, как и в других произведениях Лили Калаус, он узнается по многим приметам¹. Герой повести не произносит названия столицы (на данный момент — бывшая столица), словно на него распространяется *табу*, а именует его «Город», с большой буквы, так одновременно подчеркивается и олицетворение, так как Город является действующим лицом, антагонистом главного героя, и враждебное отношение к нему самого героя, который подобно булгаковскому Понтию Пилату называет его ненавистным Городом: «Влад терпеть не мог Город. <...> Столичные пейзажи, широкие

улицы, многоцветье иномарок, куча возможностей, масса кабаков... А не лежала у него душа к Городу. <...> Выводя в резюме свой адрес, он кисло ухмылялся и прикрывал глаза, стараясь не видеть очертания противного слова. Казалось ему, что от этого названия тянет гадким сквознячком, как из кошачьей подворотни, вкус его надолго обволакивал язык и хотелось быстро сполоснуть рот алкоголем. <...> Ненавистный Город, как калика переходный, развалился в предгорьях» [Калаус 2014а: 3–4].

Непроизнесенное, табуированное название Алматы, происходящее от слова «алмалы» (яблочный) метафорически обыгрывается во фразе: «Или это Город проклятый душит его, берет за яблочко и душит, душит» [Калаус 2014а: 4], где автор прячет его в просторечном слове «яблочко», отсылающем к грехопадению, «адамову яблоку», подчеркивая враждебность героя к городу, который хочет его убить (что и происходит впоследствии).

Мотив отторжения города получает развитие и в другом произведении Л. Калаус — романе «Фонд последней надежды», где антипатия героя носит качественно иную природу. В отличие от трагически окрашенной ностальгии по утраченной Алма-Ате здесь ненависть обусловлена чувством отчужденности и высокомерного презрения к иному — чуждому пространству, чуждому культурному коду и городу. Герой выражает это в резкой и телесно маркированной реплике: «(Коришунов передернулся.) Что за идиотские помеси разгуливают в этом Зорком? Не город, а лаборатория евгеники, причем, с загаженными ретортами» [Калаус 2014б]. Такое восприятие формирует семиотику «чужого» как отклоняющегося от нормы и биологически ущербного, что находит отражение в современных постколониальных исследованиях, акцентирующих внимание на роли повседневных нарративов в производстве культурной дистанции [Das et al. 2024]. Жанровое обозначение романа как *постколониального* подчеркивает его принадлежность к нарративам, в которых пространство становится ареной символического конфликта между «своим» и «чужим». В терминах Тахир Хамди, отворачивание героя

¹ Даже не самая продвинутая версия чата GPT узнает город по описанию в повести. В статье «Place identity: a generative AI's perspective» авторы исследуют коллективную идентичность городов и приходят к выводу, что генеративные модели (ИИ) фиксируют основные характеристики городов, делающие их уникальными, и, соответственно, различимыми в массиве текстов, содержащих значения, специфичные для того или иного города [Jang et al. 2024].

к «Зоркому» (Алматы) можно рассматривать как симптом внутренней раздвоенности постимперского субъекта [Hamdi 2022: 14], вынужденного лавировать между чувством культурного неприятия и ощущением внутреннего комфорта на фоне зарождающейся любви к героине: *«Но только здесь, в этой, как выражалась грубая Машка, жопе мира, азиатском провинциальном болотце, почувствовал он вдруг какое-то странное умиротворение и даже — покой»* [Калаус 20146].

Также и здесь присутствует мотив яблока: «яблочный аромат волос» возлюбленной ассоциируется с яблоком «андорр» (знаменитым алматинским сортом апорт): *«алые яблоки „андорр“ с тяжелым винным ароматом — гордость Зоркого»*. Но и здесь автор использует схожую метафору, описывая непримиримую ситуацию: *«Свечка, вспыхнув, погасла. Олег судорожно закашлялся. Ему показалось, что четвертинка яблока „андорр“ навеки застряла в его кадыке»* [Калаус 20146].

В блоге «О поворотах» сборника «Иероглиф жизни» Лиля Калаус пишет: *«В Фейсбуке¹ мне как-то попеняли: прекратите писать слово „Алма-Ата“. Пора, дескать, забыть, нынче город называется „Алматы“*. И как-то, знаете, нехорошо был этот упрек сформулирован. Как будто кто-то ставит напротив моей фамилии галочку в каком-то списке (на выселение? На распыление? На уплотнение смыслов?)» [Калаус 2019: 47]. Новая топонимическая действительность города подверглась внутренней цензуре, что выразилось в устойчивом нежелании использовать официальное название. Этот феномен можно интерпретировать как проявление культурной травмы, где отказ от нового имени становится симптомом более глубокого экзистенциального и культурного сопротивления. Речь идет о стремлении сохранить символическую целостность утраченного мира — привычного уклада до распада советской эпохи, до переименования, до исчезновения узнаваемого верненского облика Алма-Аты. Психолингвистическая

табуизация названия свидетельствует об отказе принимать новую реальность, ассоциируемую с неопределенностью, тревогой и разрушением прежней идентичности [Нора 1999: 17–19]. Таким образом, и за пределами художественных произведений воспроизводится символический мотив в рамках концепции интермедиальности, создавая связующие звенья серии.

Герои других произведений Лили Калаус выплескивают свои страхи и тревоги через антипатию к «уродливым» изменениям городских пейзажей: *«И уродливый, как гигантская меланомы, азиатский город вспыхнул янтарным величием русского барокко... <...> Лида вздохнула. Так бывает в Средней Азии. Несуразный фьюжн. Не то Евразия, не то самая настоящая Азия. Западный здравый смысл <...> на практике оборачивается могучим комплексом национальной неполноценности»* [Калаус 2010: 6].

Разочарование и вызванную им неприязнь персонажа к образу города можно интерпретировать как выражение внутренней раздвоенности эмигрировавшего субъекта, испытывающего разрыв между культурным отчуждением и ностальгией к утраченному прошлому, между отторжением и любовью к родному городу [Бойм 2019: 18]: *«Неприятно поразило обилие бутиков на первых этажах старых домов, иностранные их названия, несметное количество аляповатых рекламных щитов. <...> Городские пейзажи навевают грусть и недоумение. Я почти не узнаю улиц. Удивили небоскребы, выстроенные на месте памятных мне, еще дореволюционных зданий»* [Калаус 20146].

3.4. Дом как порог: инициация и внутренняя трансформация в мифопоэтике Лили Калаус

Как и в пространстве Дома, в прозе Лили Калаус город оказывается структурированным по принципу мифологического упорядочивания: освоенное жителями города *свое* пространство противопоставляется опасному, неосвоенному *чужому* миру вовне. Город воспринимается не просто как среда обитания, а как целостная, внутренне замкнутая структура, по отношению к которой любое нарушение границ, выход за

¹ Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

предел — это риск исчезнуть как субъект, не удержав себя в пространстве и времени. Эта мифологема города как дома в широком смысле отсылает нас к архаическому делению мира по оси сакрального и профанного, центра и периферии, защищенности и угрозы извне [Поршнева 2010: 97–99].

Однако в текстах Лили Калаус это сакрализованное пространство *города-дома* не является гарантией покоя, наоборот, именно в момент вхождения в его обозначенные неким узнаваемым, зачастую иронически аллюзивным, символом¹ зоны (в дом, квартиру, подъезд, подвал) происходит встряска, инициация, внутренняя трансформация героя. Дом в мифопоэтике автора приобретает статус порогового пространства, в котором происходит трансформация героя, это место, где начинается, преломляется или завершается как физический, так и внутренний его путь. Таким образом, вхождение в жилище не бытовая деталь, а архетипическая модель перехода, повторяющаяся из текста в текст как мифологический лейтмотив, скрепляющий серию.

Вхождение в такую зону в мифопоэтике Лили Калаус представлено как модель инициационного перехода из одного состояния в другое, из неустойчивости — в символическое равновесие, из хаоса — в обретение себя. Такой тип перехода напрямую соотносится с архетипическим сюжетом инициации, подробно описанным в работах Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1998: 422–427], где мифическая структура включает момент утраты прежней формы существования и обретения новой, зачастую сопряженной с символической смертью, после которой герой *воскрешается* в новом качестве. И если в традиционной мифе этот переход носил коллективный, ритуальный характер, то в постмодернистской прозе он становится личной, глубоко интимной драмой. Так, в «Темных парусах» Лида, оказавшись в доме незнакомой в общем-то семьи (было лишь шапочное знакомство с колле-

гой), претерпевает внутреннее преобразование: материнское чувство к чужому ребенку разрушает прежнюю изоляцию, желание уехать из неудобного города, позволяя ей стать частью новой реальности — не по крови, а по эмпатии: *«Лида <...> осторожно прижала к груди теплый чужой сверточек. <...> Лида вдруг ощутила, как приливом пошла от онемевших пальцев ног — вверх, с коленей — на бедра, и выше, по животу, через грудь — и до самого горла жаркая волна нежности... <...> В конце концов, думала она, <...> все всегда оказывается до ужаса просто. Жизнь <...> полна не вопросов, а ответов»* [Калаус 2010: 34].

В «Старой даче» Миша, непримиримый атеист, отрицающий все сверхъестественное, став хозяином загородного дома, войдя в пространство потустороннего, сталкивается лицом к лицу с тем, во что не верил. Но не теряет, а приобретает истинный покой, потому что проходит путь любви, жертвы и принятия, отождествившись с духом женщины-призрака и восстановив нарушенный порядок: *«„Что я должен делать?“ — твердо спросил Михаил, отстраняя от себя плачущую женщину. „Ты должен прийти ко мне домой. Прийти, открыть дверь и дать нам покой <...> Только верь мне, ты наша последняя надежда“»* [Калаус 2013б]. В этом же произведении другой персонаж не «проходит» обряд «инициации», будучи неспособным выбраться из глубин потустороннего, и потому погибает: *«А мама с порога и говорит: бросишь его, Верка, жить будешь, не бросишь — вон она, могила твоя, за окном лежит. Понимай, как знаешь, а к нам больше не ходи, не пуцу. <...> В чем соль? <...> Да в том, что Митрофан наш [жених Веры. — Ж. К.] ровно через год <...> в Америку лыжи наострил <...> Но при перелете Москва — Нью-Йорк самолет его вдребезги разбился»* [Калаус 2013б].

В повести «Цокольный этаж» эта модель обостряется: квартира, находящаяся в полуподвальной части дома, на грани с подземным миром, становится неким пусковым механизмом, запускающим движение героя от аморальной успешности к искуплению. Влад, отдав жизнь ради сына, проходит путь очищения, а его жена пробуждается

¹ Например, номер Дома, 99, по улице Трех коммунаров, в котором происходит перерождение в вампиров, явно отсылает к числу дьявола «666», но, намеренно перевернутое и неполное, число это становится приемом иронии (принятие канонического образа вампиров).

от «сна-небытия»: «...не хочется носить глухие черные платья и мрачные платки. Даже шапку больше никогда не надену!» [Калаус 2014а: 87].

В романе «Фонд последней надежды» герой, очутившись в чужом городе-доме, подвергается трансформации постепенно, но происходит это настолько основательно, что он «изменяет» своим фундаментальным принципам: *«Не то чтобы Олег сознательно придерживался каких-то там особых взглядов на национальный или расовый вопрос, но маргиналы — „дети разных народов“ — всегда казались ему весьма нежизнеспособными и, прямо скажем, ущербными с точки зрения и физиологической, и, особенно, интеллектуальной. Олег предпочитал отделять „чистых“ от „нечистых“.* Любовь к «нечистой», чуждой его взглядам девушке разрушает внутренние установки героя, переводя его из состояния презрения к городу и обитателям «Фонда» (*«даже если они выглядят как сборище придурков. Даже если они разговаривают, как больные на голову обезьяны»*) в состояние участия и домашней теплоты (*«Хорошо. Как в уютных стареньких тапочках»*) [Калаус 2014б].

Даже в «Романе с кровью», где трансформация буквальна (герои становятся вампирами), мы имеем дело с инициацией, перерождением в новое состояние, и у вампиров пробуждаются истинные чувства дружбы и заботы друг о друге: *«Ну а вы-то как, мальчики?... — Да что мы, ты про себя расскажи... — Да уж, блин, сестра, не томи...»* [Калаус 2013в].

В каждом случае вход в дом сопровождается изменением статуса, точки зрения, системы координат. Это не просто переход, но онтологическое обновление, то, что А. Ф. Лосев называл «энергийным» становлением личности [Лосев 2021: 99]. Миф обеспечивает здесь не столько внешнее повествование, сколько движение внутри субъекта, его внутреннюю трансформацию. Примечательно, что итогом этих преобразований не становится материальная стабильность, социальная «норма» или возвращение в прежний уклад. Напротив, все герои обретают лишь одну, но абсолютную ценность — внутренний покой, ощущение, что мир — пусть фрагментарный

и тревожный — все же допускает для них «свой угол», место тишины и сопричастности. Это своего рода малый космос внутри хаоса большого города, небольшая ясная форма, где совершается ритуал обретения устойчивости [Tally 2019: 45].

Так формируется хронотоп инициации, специфический для прозы Лили Калаус, в котором город и есть основа для трансформации личности, а дом, или его часть, становится посредником между реальным и потусторонним миром, между «я» до и после инициации. Мифологический смысл дома здесь воспроизводится как некая грань, за которой раскрывается возможность символического возврата к самому себе через иное.

По аналогии с серийной конструкцией У. Д. Данна произведения Лили Калаус выстраиваются в ряд картин, каждая из которых словно всматривается в другие через призму городского хронотопа. Читатель (наблюдатель) рассматривает картину в картине, и для того чтобы убедиться, что он находится в следующей и дальше, в новых и новых проекциях, ему достаточно увидеть знакомые декорации города. Порой пространство города сужается до замкнутого пространства квартир, спален и крохотных хрущевских кухонь, но это все те же знаковые объекты, через которые транслируется жизнь действующих лиц произведений. Состояния этих помещений ярко отражают в художественной детализации внутренние переживания и настроение персонажей. Так, подсознательная мечта о тепле большого семейного очага отражается в ежедневно повторяющейся любимой картинке в окне: *«Собственно, видно ей только круглый стол у самого окна, уставленный какой-то снедью, и руки — много разных рук, детских, мужских и женских, хватающих пирожки, готовящих бутерброд, ковыряющих яйцо всмятку...»* [Калаус 2013а].

Неуютная чужая жизнь, в которую не хочется вникать, показывается через неприглядный бытовой «бардак»: *«Кухонька совсем крохотная. Столик, две табуретки, на подоконнике горбом торчит засаленный детектив Донцовой, с краю притулилась забитая окурками жестянка. Сырые стены, закопченный потолок, шахтерские отвалы посуды...»* [Калаус 2010: 18] — но хочется попытаться

все исправить, проявить к этой чужой жизни заботу — и словно появляется лучик надежды, что достаточно привести в порядок кухню — жизнь наладится: *«Лиди поставила идеально круглый, смазанный желтком пирог в духовку, вымыла стол, посуду, заварила чай. Вытряхнула пепельницу. Потом очистила бок холодильника от почерневшей жвачки, вытерла мушиное гуано с плафона. Занавески бы надо постирать. И побелить хорошо бы. <...> Лиди благодарно улыбнулась сквозь слезы и посмотрела на небо»* [Калаус 2010: 34].

Кухня также отображает равнодушие близких людей, ставших посторонними, отсутствие любви, разрыв пуповины: *«На кухне, уперев локти в ослизлую клеенку, сидела мама и ела пельмени, большие и нечистые, как ушные раковины. — Мама, а мне не сварила? — Доча, а там не было больше, — ответила мама, не отрываясь от дамского романа. Глядя на обложку с грудастой девочкой и похотливым амуром, Алена сжевала полбатона с маслом и вареньем, залила все это спитым чаем и с ноющими зубами отправилась спать»* [Калаус 2013б].

Пространство кухни — место, где обрывается связь с внешним миром, с жизнью: *«Миша, шаркая ногами, спустился вниз, на кухню, достал из холодильника банку пива, пару раз хлебнул. <...> Стол был заставлен тарелками с заплесневелой едой — сколько он уже не ел? Два дня? Три? Неделю?»* [Калаус 2013б]. Также кухня — это начало дня, начало нового этапа жизни, именно там принимаются важные решения: *«Катя положила трубку, не враз нащупала ногами шлепанцы, снялась с дивана и пошла на кухню. В окне старой тряпкой висело зимнее нерадостное утро. Смирнова вынула из мойки чашку, сполоснула под краном, налила холодного чая. Голова тихо и заунывно болела, ничего не хотелось делать...»* [Калаус 2013в].

Для героев зачастую именно кухня становится зоной спасения или отчуждения, некой точкой отсчета, смысла дальнейшего существования или отражением внутреннего конфликта: *«Ася <...> держась за стенку, побрела на кухню. <...> На кухне грязь. По салатым тарелкам ползали наглые тараканы, <...> на полу поблескивали клейкие лужи, даже не хотелось знать — чего. <...>*

Она включила чайник и потянула за запанную дверцу холодильника» [Калаус 2014б].

Мифопоэтическая модель города у Лили Калаус формируется не только как хронотоп отчуждения, но и как пространство онтологического разлома. Границы между жизнью и смертью, реальным и фантастическим, человеческим и потусторонним становятся подвижными и проницаемыми. Потеря стабильных координат в постколониальной реальности сопровождается активной эстетизацией «иного», того, что не укладывается в рациональную, реалистическую картину мира [Мелетинский 1998: 421].

Проза Лили Калаус выводит пространство города на уровень готического хронотопа, и в этом контексте серийность играет ключевую роль: тексты Лили Калаус (в первую очередь, «Роман с кровью», «Темные паруса», «Цокольный этаж», «Старая дача») связаны повторяющимися образами, локациями и мотивами потустороннего. Читатель вновь и вновь возвращается к тому же городу, тем же символам, но с иным смыслом, иным уровнем глубины, это серия без линейного сюжета, но с мощной метафизической спиралью [Hamidi 2022].

Мифотворчество выполняет защитную функцию, дополняя реальность в сознании человека, тем самым нивелируя несовершенство земного мира, заменяя его идеалом чудесного. Именно это приводит к возникновению мистического двоемирия. Мифологическое мышление сохраняет представление о мире как о целостной системе, заполняя пробелы посредством художественного воображения. Целостность мира предполагает целостность личностного сознания, так как в мифологическом мышлении действует закон тождества между частью и целым, или принцип включенности [Токарева 2006: 25]. Таким образом, обращение к подобной форме мифотворчества свидетельствует о намеренном использовании мифа писателем в качестве инструмента познания и отражает дух эпохи перемен, эпохи коренных преобразований.

5. Заключение

Анализ прозы Лили Калаус позволяет сделать ряд обобщающих выводов, демонстрирующих устойчивость и оригиналь-

ность ее художественной стратегии в формировании городского текста, которая отвечает принципам серийности.

1. Город в прозе Лили Калаус представлен не как реалистически очерченное пространство, а как мифопоэтический хронотоп. Он насыщен символическими знаками, внутренняя драматургия жизни самого города как живого субъекта и его жителей экзистенциально переплетается и проходит красной нитью через серию произведений автора.

2. Органично вплетены в структуру городской мифологии повторяющиеся из произведения в произведение мотивы потустороннего, которые служат не жанровым украшением, а способом выражения разрыва между прошлым и настоящим, между телесным и духовным. Потустороннее — это не что-то чуждое, а то, что было вытеснено изнутри и возвращается в городской хронотоп в виде параллельной жизни, до поры до времени скрытой и проявляющейся в самые значимые моменты жизни персонажей.

3. Город предстает как женственный образ, запечатленный в утерянном, но значимом старом наименовании, и раскрывается этот образ через телесность, уязвимость, эмоциональную связь и интонацию сопричастности. Алматы даже после переименования в текстах Лили Калаус обозначен как Алма-Ата и как женская фигура сохраняет сакральный центр тяжести, связанный с чувствительностью, эмпатией и выносливостью в условиях эпохи, где опровергнуты прежние ценности. А в тех случаях, когда город предстает под вымышленным именем (в (пост)колониальном романе «Фонд последней надежды») или словом-названием

«Город» (в повести «Цокольный этаж»), он показан как мужское начало — инфернальное, недоброе, проявляет себя как враг.

4. Хронотоп дома, или его части, особенно в сюжетных поворотах, где внимание заострено на вхождении в его пространство, представлен как момент инициации. В каждом произведении герои, проходя через сакрализованную зону, претерпевают экзистенциальную трансформацию от перерождения (буквального или символического) до осознания своей вовлеченности в чужую реальность, которую в итоге принимают.

5. Серийность прозы Лили Калаус играет ключевую роль: повторы мотивов, возвращающиеся персонажи и локации, перекликающиеся ситуации и мифологемы создают художественный цикл, в котором произведения не просто сосуществуют в едином городском тексте, а взаимодействуют, расширяя смысловое пространство друг друга. Серийность организует именно такую форму мифологического осмысления действительности, которая и обеспечивает целостность расколовшегося на фрагменты мира и позволяет автору и читателю снова и снова окунуться в знакомые локации, в хронотоп города как в архетипический образ дома, памяти, поиска.

Таким образом, городской алматинский текст Лили Калаус представляет собой постмодернистский миф о Городе, в котором сосуществуют два мира — мир реальности и мир потустороннего, где сквозь потери, тревоги и обретения, через смерть и возвращение проступает потребность в укорененности, в «своем месте», пусть даже это место всегда остается на границе двух миров.

Литература

- Анциферов 1922 — Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1922. 228 с.
- Баянбаева 2016 — Баянбаева Ж. А. Локальный текст и его функции (на примере алматинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.

References

- Antsiferov N. P. The Soul of [St.] Petersburg. [St.] Petersburg: Brockhaus & Efron, 1922. 228 p. (In Russ.)
- Bayanbayeva Zh. A. To the question of the local text and its functions (On the example of the Almaty local text). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2016. No. 2. Pp. 77–84. (In Russ.)

- Бойм 2019 — *Бойм С.* Будущее ностальгии / пер. с англ. А. Стругача. М.: НЛО, 2019. 828 с.
- Власова 2019 — *Власова Г. И.* Алма-атинский текст в современной русской прозе Казахстана // Русское слово в многоязычном мире: Мат-лы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г.). Нур-Султан: МАПРЯЛ, 2019. С. 1797–1802.
- Галанина 2013 — *Галанина Е. В.* Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. М.: Академия естествознания, 2013. 130 с.
- Данн 2000 — *Данн Д. У.* Эксперимент со временем / пер.с англ. Т. В. Ивлевой / под ред. И. М. Париной. М.: Аграф, 2000. 224 с.
- Домбровский 2017 — *Домбровский Ю. О.* Хранитель древностей. СПб.: Азбука, 2017. 320 с.
- Иванов 1986 — *Иванов В. В.* Семантика пространства и пространство семантики // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 720. Тарту, 1986. С. 7–24.
- Калаус 2010 — *Калаус Л.* Темные паруса: повесть в 9 карт. // Дружба народов. 2010. № 4. С. 6–34.
- Калаус 2013а — *Калаус Л.* Света [электронный ресурс] // Российский литературный портал Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2013/08/02/664> (дата обращения: 01.12.2025).
- Калаус 2013б — *Калаус Л.* Старая дача, повесть. [электронный ресурс] // Российский литературный портал Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2013/06/14/455> (дата обращения: 11.12.2025).
- Калаус 2013в — *Калаус Л.* Роман с кровью, повесть [электронный ресурс] // Российский литературный портал Проза.ру. URL: <https://proza.ru/avtor/kalaus1969> (дата обращения: 17.05.2025).
- Калаус 2014а — *Калаус Л.* Цокольный этаж: повесть // Дружба народов/ 2014. № 2. С. 60–87.
- Калаус 2014б — *Калаус Л.* Фонд последней надежды (пост колониальный роман) [электронный ресурс] // Российский литературный портал Проза.ру. URL: <https://proza.ru/avtor/kalaus1969> (дата обращения: 17.05.2025).
- Boym S. The Future of Nostalgia. A. Strugach (transl.). Moscow: NLO, 2019. 828 p. (In Russ.)
- Vlasova G. I. “Almaty text” in contemporary Russian-speaking prose of Kazakhstan. In: Bozhenkova N. A. et al. (eds.) Russian Word in the Multilingual World. Congress proceedings (Nur-Sultan, 29 April – 3 May 2019). Nur-Sultan: MAPRYaL, 2019. Pp. 1797–1802. (In Russ.)
- Galanina E. V. Myth as Reality and Reality as Myth: Mythological Foundations of Contemporary Culture. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya, 2013. 130 p. (In Russ.)
- Dunne J. W. An Experiment with Time. T. Ivleva (transl.), I. Parina (ed.). Moscow: Agraph, 2000. 224 p. (In Russ.)
- Dombrovsky Yu. O. The Antiquarian. Moscow: Azbuka, 2017. 320 p. (In Russ.)
- Ivanov V. V. Semantics of Space and Space of Semantics. In: Scholarly Notes (University of Tartu). Vol. 720. Tartu: University of Tartu, 1986. P. 7–24. (In Russ.)
- Kalaus L. The Dark Sail (novel). *Druzhba Narodov*. 2010. No. 4. Pp. 6–34. (In Russ.)
- Kalaus L. Sveta (novel). On: Proza.ru (Russian literary web portal). Available at: <https://proza.ru/2013/08/02/664> (accessed: 1 December 2025). (In Russ.)
- Kalaus L. The Old Dacha (novel). On: Proza.ru (Russian literary web portal). Available at: <https://proza.ru/2013/06/14/455> (accessed: 11 December 2025). (In Russ.)
- Kalaus L. The Romance with Blood (novel). On: Proza.ru (Russian literary web portal). Available at: <https://proza.ru/avtor/kalaus1969> (accessed: 17 May 2025). (In Russ.)
- Kalaus L. The Semi-Basement (novel). *Druzhba Narodov*. 2014. No. 2. Pp. 60–87. (In Russ.)
- Kalaus L. The Last Hope Foundation (post-colonial novel). On: Proza.ru (Russian literary web portal). Available at: <https://proza.ru/avtor/kalaus1969> (accessed: 17 May 2025). (In Russ.)

- Калаус 2019 — *Калаус Л.* Иероглиф жизни: блоги. Алматы: Изд. группа Лили Калаус, 236 с.
- Корнилова 2020 — *Корнилова Е. Н.* Актуализация классического мифа в современном медиадискурсе // Миф в истории, политике, культуре: Мат-лы IV Междунар. науч.междисциплин. конф. (г. Севастополь, 26–27 июня 2020 г.). Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. С. 313–320.
- Лосев 2021 — *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: АСТ, 2021. 448 с.
- Лотман 1984 — *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Σημειωτική – Исследования знаковых систем.* 1984. № 18(2). С. 30–45.
- Лотман 2016 — *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
- Лотман, Успенский 1977 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 414. Тарту, 1977. С. 3–36.
- Мелетинский 1998 — *Мелетинский Е. М.* Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ. С. 419–429.
- Нора 1999 — *Нора П.* Проблематика мест памяти / пер. Хапаевой Д. Франция-память. СПб.: Санкт-Петерб. ун-т, 1999. С. 17–50.
- Поршнева 2010 — *Поршнева А. С.* Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения / сб. науч. тр. под ред. Л. А. Назаровой, О. Г. Сидоровой. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2010. С. 96–115.
- Потанина, Гололобов 2012 — *Потанина Н. Л., Гололобов М. А.* Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37.
- Руднев 1997 — *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века [электронный ресурс] // URL: https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/index.htm (дата обращения: 15.05.2025).
- Kalaus L. The Hieroglyph of Life: Blogs. Almaty: Lilya Kalaus Publishing Group, 236 p. (In Russ.)
- Kornilova E. N. Actualization of the classical myth in modern media discourse. In: Stavitsky A. V. (ed.) Myth in History, Politics, Culture. Conference proceedings (Sevastopol, 26–27 June 2020). Sevastopol: Lomonosov Moscow State University (Sevastopol Branch), 2020. Pp. 313–320. (In Russ.)
- Losev A. F. The Dialectics of Myth. Moscow: AST, 2021. 448 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. Symbols of Petersburg and problems of urban semiotics. *Σημειωτική – Studies of Sign Systems.* 1984. Vol. 18. Pp. 30–45. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. Inside Thinking Worlds. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2016. 448 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A. The impact of dual models on Russian cultural dynamics (Before the late nineteenth century). In: Scholarly Notes (University of Tartu). Vol. 414. Tartu: University of Tartu, 1977. Pp. 3–36. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Myth and the twentieth century. In: Meletinsky E. M. Selected Articles, Memoirs. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1998. Pp. 419–429. (In Russ.)
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. D. Khapaeva (transl.). In: Nora P. et al. France — Memory. St. Petersburg: St. Petersburg University, 1999. Pp. 17–50. (In Russ.)
- Porshneva A. S. Investigating environments of fiction: Strategies and algorithms. In: Nazarova L. A., Sidorova O. G. (eds.) Foreign-Language Discourse: Problems of Interpretation and Research. Collected scholarly papers. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2010. Pp. 96–115. (In Russ.)
- Potanina N. L., Gololobov M. A. Urban text as a theoretical problem. *Filologicheskaya regionalistika.* 2012. No. 1 (7). Pp. 32–37. (In Russ.)
- Rudnev V. P. Dictionary of Twentieth-Century Culture. On: Vologda Oblast Universal Academic Library (website). Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/index.htm (accessed: 15 May 2025). (In Russ.)

- Сафронова 2009 — *Сафронова Л. В.* Постмодернистский текст: поэтика манипуляции. СПб.: ИД «Петрополис», 2009. 212 p.
- Токарева 2006 — *Токарева Г. А.* Мифопоэтика У. Блейка. Петропавловск-Камчатский: Камчатск. гос. ун-т им. Витуса Беринга, 2006. 350 с.
- Топоров 2003 — *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с.
- Тюленева 2004 — *Тюленева Е. М.* Серийность как способ построения постмодернистского текста // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Мат-лы Междунар. науч. конф. (10–11 ноября 2004 г., г. Москва). М.: Московский ун-т, 2004. С. 260–262.
- Усманова 2000 — *Усманова А. Р.* Умберто Эко: Парадоксы интерпретации. Минск: Пропилеи, 2000. 200 с.
- Эко 1997 — *Эко У.* Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна [электронный ресурс] URL: <https://textarchive.ru/c-2015762.html> (дата обращения: 16.05.2025).
- Campbell 2008 — *Campbell J.* The Hero with a Thousand Faces. New World Library, 2008. 432 p.
- Das et al. 2024 — *Das D., Gandhi D., Semaan B.* Reimagining Communities through Transnational Bengali Decolonial Discourse with YouTube Content Creators. arXiv preprint, 2024 [электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.13131> (accessed: 17 May 2025).
- Hamdi 2022 — *Hamdi T.* Imagining Palestine: Cultures of Exile and National Identity. Лондон: Bloomsbury Publishing, 2022. 248 p.
- Jang et al. 2024 — *Jang K. M., Chen J., Kang Y. et al.* Place identity: a generative AI's perspective. Humanit Soc Sci Commun. 2024. 11, 1156. DOI: 10.1057/s41599-024-03645-7 (accessed: 17 May 2025).
- Safronova et al. 2025 — *Safronova L. V., Zanyzbekova E. T., Ryssaldiyeu Z. M.* Mythopoetics of Transition in Women's Prose in Kazakhstan (Based on the Works of Lili Kalas). Journal of Siberian Federal University Humanities and Social Sciences. 2025. № 18(1). Pp. 56–69.
- Safronova L. V. Postmodernist Text: Poetics of Manipulation. St. Petersburg: Petropolis, 2009. 212 p. (In Russ.)
- Tokareva G. A. Mythopoetics of W. Blake. Petropavlovsk-Kamchatsky: Vitus Bering Kamchatka State University, 2006. 350 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works. St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 2003. 616 p. (In Russ.)
- Tyuleneva E. M. Seriality as a method of constructing a postmodernist text. In: Russian Literature of the Twentieth–Twenty First Centuries. Problems of Theory and Methodology of Research. Conference proceedings (Moscow, 10–11 November 2004). Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2004. Pp. 260–262. (In Russ.)
- Usmanova A. R. Umberto Eco: Paradoxes of Interpretation. Minsk: Propilei, 2000. 200 p. (In Russ.)
- Eco U. Innovation and repetition: Between modern and post-modern aesthetics. On: TextArchive.ru. Available at: <https://textarchive.ru/c-2015762.html> (accessed: 16 May 2025). (In Russ.)
- Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Novato, CA: New World Library, 2008. 432 p. (In Eng.)
- Das D., Gandhi D., Semaan B. Reimagining communities through transnational Bengali decolonial discourse with YouTube content creators. On: ArXiv preprint, 2024. Available at: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.13131> (accessed: 17 May 2025). (In Eng.)
- Hamdi T. Imagining Palestine: Cultures of Exile and National Identity. London: Bloomsbury Publishing, 2022. 248 p. (In Eng.)
- Jang K. M., Chen J., Kang Y. et al. Place identity: A generative AI's perspective. Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Article no. 1156. On: Springer Nature. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41599-024-03645-7> (accessed: 17 May 2025). (In Eng.)
- Safronova L. V., Zanyzbekova E. T., Ryssaldiyeu Z. M. Mythopoetics of transition in women's prose in Kazakhstan (Based on the works of Lili Kalas). Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences. No. 18(1). Pp. 56–69. (In Russ.)

- Spooner 2017 — *Spooner C.* Post-Millennial Gothic: Comedy, Romance and the Rise of Happy Gothic. Bloomsbury Academic, 2017. 232 p.
- Tally 2019 — *Tally R. T.* Topophrenia: Place, Narrative, and the Spatial Imagination. Indiana University Press, 2019. 210 p.
- The Classic Fairy Tales 2016 — The Classic Fairy Tales / ed. Maria Tatar. W. W. Norton & Company, 2016. 544 p.
- Spooner C. Post-Millennial Gothic: Comedy, Romance and the Rise of Happy Gothic. London: Bloomsbury Academic, 2017. 232 p. (In Eng.)
- Tally R. T. Topophrenia: Place, Narrative, and the Spatial Imagination. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 210 p. (In Eng.)
- Tatar M. (ed.) The Classic Fairy Tales. New York, London: W. W. Norton & Company, 2016. 544 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 677–694, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.554

Старик да старуха: к этимологии лексики юкагирского языка

Самона Николаевна Курилова¹

Old Man and Old Woman: More on Yukaghir Lexical Etymologies

Samona N. Kurilova¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 677013 Якутск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Ammosov North-Eastern Federal University, Arctic Linguistic Ecology Laboratory (42, Kulakovsky St., 677013 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-0300-3771. E-mail: [samonakur\[at\]mail.ru](mailto:samonakur[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Курилова С. Н., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Kurilova S. N., 2025

Аннотация. Цель настоящего исследования — анализ лексики, обозначающей возрастные и гендерные категории в тундровых и лесных юкагирских идиомах, с точки зрения ее происхождения и семантического развития. Основное внимание в работе уделяется выявлению гетерогенности лексического состава, включая как исконные элементы, так и заимствования из чукотско-камчатских, уральских и русского языков. *Методологическую основу* составляет комплексный подход, объединяющий сравнительно-исторический анализ, семантическую реконструкцию и учет межъязыковых контактов. Исследование базируется на гипотезах о возможных связях юкагирского с уральскими, чукотско-камчатскими и другими языками. *Результаты.* Автор установил, что ранее не этимологизированная лексема *апаналаа* ‘старуха; жена’ в идиоме тундровых юкагиров имеет надежные параллели в чукотско-камчатских языках, что указывает на ее заимствованный характер. Особый интерес представляет этимологическое разграничение корней *пэл* ~ *пул*, где юкагирская лексема *пэлдудие* ~ *пулундие* ‘старик’ возводится к прачукотскому *pelqet- ‘стариться’, тогда как *пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’ рассматривается как рефлекс прауральского *pälä ‘половина, сторона’. Важным аспектом исследования является анализ семантических сдвигов, в результате которых лексемы, обозначающие возрастные категории (*апаналаа*, *пэлдудие*), приобрели социальные значения (‘жена’, ‘муж’). Это явление системно отражает связь между возрастом и социальной ролью в традиционном юкагирском обществе. На основании проведенного анализа фокусная лексика стратифицируется на три группы: вероятные юкагино-уральские соответствия (*пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’, *куойпэ* ~ *куойпэ* ‘мужчина’); поздние заимствования из камчукотских (*апаналаа* ‘старуха; жена’, *пэлдудие* ‘старик; муж’) и русского языков (*тэрикэ*

‘старуха; жена’); изолированные лексемы, реконструируемые внутри юкагирского (*лугэ- ~ лигэ-* ‘быть старым’, *паайнэ* ‘женщина’, *мирийэ ~ мидосьо* ‘кочевой караван; жена’). Результаты исследования вносят вклад в понимание языковых контактов и этнокультурной истории юкагириров, а также уточняют механизмы семантических изменений в условиях межъязыкового взаимодействия.

Ключевые слова: юкагирский язык, уральские языки, чукотско-камчатские языки, эскимосский язык, лексика, лексические параллели, этимология, заимствования, семантика, верификация

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке в рамках проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (соглашение № 25-78-30006 от 22.05.2025).

Для цитирования: Курилова С.Н. Старик да старуха: к этимологии лексики юкагирского языка // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 3. С. 677–694. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-677-694

Abstract. Goals. The study attempts an insight into the lexicon denoting age and gender categories in Tundra and Forest Yukaghir idioms, focusing on their etymological origins and semantic development. Special attention is given to the heterogeneity of lexical composition, encompassing both native elements and borrowings from Chukchi-Kamchatkan, Uralic, and Russian languages. **Methods.** The methodological framework combines tools of comparative historical analysis, semantic reconstruction, and language contact research. The work is grounded on hypotheses suggesting potential connections between Yukaghir and Uralic, Chukchi-Kamchatkan and other languages. **Results.** The paper establishes that the previously unetymologized Tundra Yukaghir *апаналаа* ‘old woman; wife’ (from an idiom) displays reliable parallels in Chukchi-Kamchatkan languages indicating its borrowed status. Of particular interest is the etymological distinction between the roots *нэл ~ нул:* the Yukaghir *нэлдудизэ ~ нулдудизэ* ‘old man’ is traced back to the Chukchi-Kamchatkan **pelqet-* ‘to grow old (of objects)’, while *нэлур ~ нулут* ‘suitor; husband; old man’ is considered a reflex of the Uralic **pälä* ‘half; side’. A key aspect of the study is the analysis of semantic shifts whereby lexemes denoting age categories (*апаналаа, нэлдудизэ*) acquired social meanings (‘wife’, ‘husband’). This phenomenon systematically mirrors the connection between age and social roles in traditional Yukaghir society. Based on the analysis, the target lexicon is stratified into three groups: probable Yukaghir-Uralic correspondences (*нэлур ~ нулут* ‘suitor; husband; old man’, *куойнэ ~ куойнэ* ‘man’); late borrowings from Chukchi-Kamchatkan (*апаналаа* ‘old woman; wife’, *нэлдудизэ* ‘old man; husband’) and Russian (*тэрикэ* ‘old woman; wife’); isolated lexemes reconstructed within Yukaghir (*лугэ- ~ лигэ-* ‘to be old’, *паайнэ* ‘woman’, *мирийэ ~ мидосьо* ‘caravan; wife’). The findings contribute to the further understanding of language contacts and ethnocultural history of the Yukaghir, clarify mechanisms of semantic change in situations of cross-linguistic interaction.

Keywords: Yukaghir, Uralic, Chukchi-Kamchatkan, Eskimo, lexicon, lexical parallels, etymology, loanwords, semantics, verification.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project name ‘Languages and Cultures of Russia’s North and Arctic: Comprehensive Socio-Humanitarian Studies (Big Data Analyses)’ (Agreement no. 25-78-30006 of 22 May 2025)

For citation: Kurilova S. N. Old Man and Old Woman: More on Yukaghir Lexical Etymologies. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 677–694. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-677-694

1. Введение

Многовековое сосуществование коренных народов северо-востока Евразии — чукчей, коряков, эскимосов, ительменов, юкагириров, эвенов и др. — на сравнительно небольшой территории привело к естествен-

ному взаимовлиянию их культур. В связи с тем, что до Октябрьской революции эти народы относились к бесписьменным, язык выступает единственным свидетельством их исторического прошлого. Одними из древнейших мигрантов и насельников данного

региона принято считать юкагиров, которые сегодня сохранились в виде двух локально проживающих групп — тундровые (вадулы) на Нижней Колыме и лесные (одулы) на Верхней Колыме (а также в Магаданской области и на Чукотке), из общей численности которых лишь 5 % являются носителями языка. Проблема происхождения юкагиров сложилась в отдельное направление в науке — «юкагирская проблема», для решения которой привлекаются данные из лингвистики, антропологии, этнографии, археологии, генетики. По археологическим данным, наиболее известна концепция, согласно которой предки юкагиров относятся к древнейшему этническому пласту на северо-востоке Сибири, а дальнейшее их продвижение на северо-восток (не позднее V тыс. до н. э.) и формирование как этноса на территории Якутии (II – середина I тыс. до н. э.) сводят с различными археологическими культурами (прибайкальский и палеосибирский субстрат) [Чернецов 1964: 11; Чернецов 1971: 114; Симченко 1975: 155; Симченко 1976: 31, 39, 46, 279; Кирьяк 1993: 126; Мочанов, Федосеева 1980: 11; Шадрин 2008: 201; и др.]. Таким образом происходило сложение этнического субстрата ымыхтахской культуры с вафельной и рубчатой керамикой (с преобладанием уральского субстрата). При этом северная группа этой культуры с таймырским субстратом оказала влияние на формирование древнеберингоморской культуры и культур Нортон и Ипиутак на Аляске. К середине I тыс. до н. э. – концу I тыс. н. э. участием южного прибайкальского субстрата завершается оформление древних юкагиров и их этнических черт. Древние юкагиры расселяются по всему северо-востоку Сибири, но оказываются вытесненными пришлыми тунгусскими племенами из Южной и Западной Якутии на восток (1-я половина I тыс. н. э. – концу I тыс. н. э.), а позднее часть юкагирских племен Центральной Якутии ассимилируется тюркскими племенами с юга (начало II тыс. н. э.), и здесь закладывается основа якутского этноса (середина II тыс. н. э.). На крайнем северо-востоке юкагиры также приняли участие в ассимиляционных процессах, приведших к формированию коряков (конец I тыс. н. э.).

Таким образом, юкагиры повлияли на этногенез эвенов, коряков, якутов и русских старожилов [Немировский 2017; Гребенюк, Федорченко 2018; Акимова и др. 2021].

Такие представления об этногенезе юкагиров находят подтверждение в этнографических и генетических исследованиях. Связь ымыхтахской культуры с праюкагирами в этнографической науке подтверждается исследованиями на основе сопоставления похоронной обрядности, фольклорных материалов, одежды, символики, типов хозяйствования [Этногенез народов Севера 1980: 144, 226]. В то время как генетики связывают юкагиров, с одной стороны, с коряками и палеоэскимосами на основании сходства варианта Y-хромосомы Q1a*-MEN2, вероятно маркирующего один из древних генетических компонентов, связанных с палеоэскимосами, но не ясно, каким путем оказавшийся среди юкагиров [Malyarchuk et al. 2011: 585], с другой — с нганасанами и эвенами на основании высокого содержания гаплогрупп Q и C3* Y-хромосомы, характерных популяции Америки и древнего населения Сибири эпохи верхнего палеолита [Fedorova et al. 2013: 127; см. также Перцев 2024: 58].

С позиции лингвистики исследователи предлагают генетически связывать юкагиров, с одной стороны, с уральскими, с другой — северо-восточными палеоазиатскими языками. В рамках уральской гипотезы сложились три подхода — обнаруживаемые лексические совпадения указывают на (1) происхождение уральских и юкагирского языков от общего родового языка-предка (распад около рубежа н. э.) [Крейнович 1982: 3–5; Николаева 1988: 3–21; Напольских 1999: 431; Напольских 2018: 121], (2) результат языковых контактов носителей [Крейнович 1982: 3; Rédei 1988: 354; Häkkinen 2012: 93; Aikio 2014: 7], и (3) переходную форму юкагирского от уральских к алтайским языкам [Collinder 1965: 140–153]. Согласно охотской гипотезе, языки юкагиров, чукчей, коряков и нивхов образуют отдельную гипотетическую семью (распад около 5 тыс. лет назад), родственную алгонкинской в Северной Америке, что подтверждается генетическими исследова-

ниями [Мудрак 2000; Байтасов 2014]. Поиск соответствий и заимствований в юкагирском из других языков [Крейнович 1958; Курилов 2003; Бурыкин 2003; Курилова 2014; Курилова 2022; Paasonen 1907; Tailleur 1959; Fortescue 1998; Piispanen 2018; и др.], попытки реконструкции праюкагирского языка [Nikolaeva 2006] и древнейших этапов истории и культуры юкагиров [Иохельсон 1900; Иохельсон 2005; Гурвич 1966; Кирьяк 1993; Эверстов 2008; Эверстов 2017; Гоголев 2004; Напольских 1991; Жукова 1996; Жукова 2003; Немировский 2017; и др.] — актуальное и перспективное направление для решения проблем этнической истории народов Сибири. Данная работа является существенным вкладом в решение «юкагирской проблемы», в которой впервые подробно анализируется и пересматривается статус некоторых лексических единиц базового словаря юкагирского языка с привлечением материала чукотского, корякского, алютторского, а также эскимосского языков.

2. Материалы и методы

В работе применяется комплексная методологическая база, включающая сравнительно-исторический метод, направленный на анализ реконструкций праформ в юкагирском и других палеоазиатских языках, предложенных в трудах других исследователей, сопоставительный анализ для выявления параллелей в родственных и контактировавших языках, а также компонентный анализ для определения семантических сдвигов. Используются этимологический анализ (включая методы внутренней реконструкции) и лексико-семантический анализ для выявления закономерностей развития значений. Привлекаются данные диалектологии и ареальной лингвистики, позволяющие проследить заимствования и субстратные влияния. Для интерпретации антропоцентрических номинаций применяется когнитивно-дискурсивный подход, учитывающий культурно-исторический контекст. Материал анализируется с опорой на корпусные методы (сбор и систематизацию лексических данных из опубликованных источников) и морфемный анализ для выявления словообразовательных моделей.

3. Результаты

В идиоме тундровых юкагиров лексема *апаналаа* ‘старуха; жена’ располагает типичным набором морфологических показателей для класса существительных. Данная лексическая единица входит в лексический фонд, тогда как в идиоме лесных юкагиров используется заимствование из русского языка с соответствующими ассимилятивными признаками:

– тю. *ápanaláá* ‘жена, старуха’ [Иохельсон 1900: 451; Иохельсон 2005: 168, 476, 488]; *apanalaa* ‘старуха, жена’; TD *apanala:* (< *apanəla: ~ *apanalaa) [Nikolaeva 2006: 111; ЭБДЮЯ 2002]; *a`panalā* ‘жена; старуха’ > *apanalāne-* ‘выходить замуж; жениться’ [Angere 1957: 23]; *апаналāн*, *апаналаа* ‘старуха’ [Крейнович 1958: 253, 271; Крейнович 1982: 10]; *апаналаа* ‘старуха; жена’ > *апаналааньэ-* ‘иметь жену’ [ЮРС 2001: 51]; *apanalā* ‘старуха; жена’ [Maslova 2001: 92];

– лю. *тари́ка*, *тери́ка* ‘старуха’ [Старчевский 1889: 435]; *тэ́рикэ* ‘старуха, жена (первая)’ (рус.) > *тэ́рикэн* ‘быть женатым’, *йу́куол тэ́рикэ* ‘вторая жена’ [Иохельсон 2005: 168, 465, 476, 488]; *terike* (рус. старуха) ‘старик, старуха, жена’ > *terikeduole-* ‘выйти замуж’, *terikeñ-* ‘жениться’, *terikeŋo-* ‘быть старой, пожилой женщиной’, *terikešnu-* ‘состоящий в браке’ [Angere 1957: 235–236]; *terikā* ‘жена; старуха’ < *terikəd-* ‘выйти замуж’, KD *terike* > *teriked-* ‘выйти замуж’, RS *terika*, *terikadéni*, *terike*, MC *saryka*, В *tarika* (< рус. старуха) [Nikolaeva 2006: 417]; *тэ́рикэ* ‘жена’ [Крейнович 1958: 283; Крейнович 1982: 14]; *terike* ‘старуха; жена’ (рус.) > *terikedeijl* ‘женился’ [Спиридонов 2003: 27]; *тэ́рикэ* ‘жена; старуха’ > *тэ́рикэди* ‘жениться’ [СЮРПЮ 2002: 70, 120]; *terike* ‘old woman; wife’ [Maslova 2003: 555]; *тэ́рикэ* ‘старуха; жена’ > *тэ́рикэнь-* ‘быть женатым’, *тэ́рикэт-* ‘жениться’ [ЮРСЯЛЮ 2021: 290] (ср. фин. *tarikka* ‘старик’, таймыр. *тарик* ‘старик’ (по: [Михайлова 2018: 48])).

Фонологическая сторона слова *апаналаа*, исконный статус которой еще не пересматривался в работах со сравнительно-сопоставительным материалом по юкагирскому языку, характеризуется нетипичными для юкагирского языка признаками, заключающимися главным образом в многослож-

ности, из которой нет возможности вычленишь и дать объяснение значимой основе / основам или морфеме / морфемам. Однако обращение к материалам других палеоазиатских языков дает следующие параллели в камчукотских языках:

– чук. *ынпыуэв* [ЧРС 2003: 6], *ынпын'эв* 'старуха' [ЧРС 1957: 148];

– кор. *ынпыңэв* 'старуха' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556];

– алют. *ынпыуав* 'старуха' [НРСАД 2019: 127].

Все эти обозначения пожилого человека женского пола восходят к корню *ынпы*, представляющему собой относительно продуктивную морфему и образующему слова для обозначения пожилого человека мужского пола, соответствующие вокативы, а также именные слова и словосочетания:

– чук. *ынпыначгын* п 'старик'; *ынпычыын* adj 'старший' > *ынпычычакагэст* 'старшая сестра', *ынпычыэжык* 'старший сын'; *ынпыльын* adj 'старый'; *ынпыгыргын* п 'возраст'; *ынпыэвык* v 'постареть' [ЧРС 2003: 6; ЧРС 1957: 148];

– кор. *ынпыулавол*, *ынпыклавол* 'старик'; *ынпын* вок. 'старик'; *ынпычг'ын* 'старший'; *нынпыуин*, *нынпывыччыуин* 'старческий'; *ынпылг'ын* 'взрослый'; *ынпычг'ын* 'старшина, старший'; *ынпыянво* 'старика, взрослое население'; *ынпыгыйуын* 'возраст, старость'; *ынпыэвык* 'стареть', *ынпыавык* 'стариться' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556];

– алют. *ынпыулавул* 'старик', *ынпын* вок. 'старик'; *ынпыыллыгын* 'дедушка'; *ынпысьын* 'старший'; *ынпыаккальэ* 'старика', *ынпыавык* 'стареть' [НРСАД 2019: 127].

Вышеприведенные композиты со значением 'старуха' и 'старик' в корякском и алюторском состоят из двух компонентов, где главные компоненты представлены корневыми морфемами, восходящими к ПЧК **ɲev-ə́t* 'женский', **ɲev-(ə́t)* > *ɲevə-cqet 'женщина', *ɲevhe-n 'женский; жена' (ср. чук. *уэвысэ́т*, кор. *уавычуын*, алют. *уавысуын* 'женщина') и ПЧК **qɭlav-ɣ́l* 'муж; вождь' (ср. чук. *к'лявыл* 'мужчина', кор. *улавол* 'муж', алют. *уылавул* 'муж') [Мудрак 2000: 101–102, 118, 251; Скорик 1961: 341]. В чукотском в структуре производного существительного *ынпыначгын* 'старик'

вычленяется суффиксальная морфема *-нычгын* ~ *-нъычгын*, обозначающая носителя признака, выраженного корнем *ынпы*. Очевидно, чукотское *ынпыначгын* имело план выражения, аналогичный сохранившимся в сложных словах корякского и алюторского, но подвергшийся модификациям по причине упрощения морфологической структуры или развития иной деривационной стратегии (суффиксация) с последующей фонетической редукцией составных элементов (интервокальных согласных). Также сравнительный анализ позволил выделить оппозиции в чукотском *ы'вэ́жуч* 'муж' vs *у́ля-выл* 'мужчина' и в корякском / алюторском *г'о́ля/г'у́ля* 'мужчина' vs *у́лавол* / *у́ылавул* 'муж' [ЧРС 1957: 149; РЧС 2020: 148, 269; РКС 1967: 230; КРС 1960: 28; НРСАД 2019: 34–35]. Подобное распределение отражает процесс семантической специализации родственных слов и соответственно развитие отдельных систем терминов родства, где чук. *ы'вэ́жуч* либо является лексической инновацией (не имеющей когнатов в других камчукотских языках), либо заимствованием, отражая пережитки взаимных юкаги-ро-чукотских брачных практик увода и переезда невесты в дом жениха (ср. тю. *йауул* 'след; дорога; путь; стезя'). Также камчукотские корни, маркирующие пол, образуют термины со значением 'супруг/а': чук. *н'э-вэ́эн* ~ *уэ́вээн*, кор. *уэ́выткэ́т*, алют. *уавг'ан* ~ *уавъан* 'жена'; кор. *у́лавол* ~ *у́ылавол* 'муж', алют. *у́ылавул* 'муж', за исключением чукотского, где *к'ля́выл* устарело в значении 'муж', но сохранило сему 'мужская особь' (ср. *к'лей* (обращение к мужчине), *у́лявылен* 'мужний; мужеподобный', *к'лы́ттыын* 'кобель, самец', *к'ле́гпээ́чвак* 'годовалый олень-самец', *к'ле́гпыры́кы* 'морж (самец)' и др.) [ЧРС 1957: 64–65; РЧС 2020: 269]. Соответственно глагольные дериваты также восходят к гендерным корням: чук. *уавты́уык* 'жениться', *к'лыкэ́тык* 'выходить замуж', *ры́уавты́уатык* 'женить' [ЧРС 1957: 64–65; РЧС 2020: 149], кор. *уав'ты́ык* 'жениться, быть женатым', *у́лаво́ла экмы́тык* 'выйти замуж', *йы́уав'ты́уатык* 'женить' [КРС 1960: 81, 145; РКС 1967: 72, 120], алют. *уавты́уык* 'жениться', *у́ылыкаты́к* 'выйти замуж', *уавты́уатык* 'женить' [НРСАД 2019: 35].

дед; дряхлая бабушка'; *anánqıgu|n[-m]* 'неродной дедушка; неродная бабушка'; *anánıx|q[-m]* ласк. 'дедушка; бабушка'; *anáguzlı|q[-m]* 'прадед'; ср. *aná[m]* 'дед, дедушка, бабушка' (< *ара) [ЭРС 1971: 90, 91; Мудрак 2011: 138]. Эскимосские соответствующие лексемы с *aná[m]* 'дед, дедушка, бабушка (вокативы, используемые детьми)' восходят к пракорню *ара (< *äpä ~ *ара) 'дедушка, отец', что соответствует прачукотско-камчатскому (прасибирскому) *'аррă- 'дедушка, старший родственник' (чук. *'еррë 'дедушка, старший родственник'), которое в свою очередь связывается с ПУ *арре ~ *іррі 'отец супруга' и далее с гипотетическим праурало-сибирским *ар(р) а ~ *ір(р)і 'дед' [Мудрак 2000: 30; Мудрак 2011: 138; Fortescue 1998: 144, 152]. По мнению М. Фортезкью, данный термин родства и значительная часть других обнаруживают общность среди сибирских народов, в том числе юкагиров и эвенов [Fortescue 1998: 164–165]. В этой связи имеется параллель с юкагирской реконструкцией *ере: / *ерее, рефлексам которой сегодня выступают тю. *эпиэ* 'бабушка (старшая единоутробная, двоюродная или троюродная сестра отца)' и лю. *эпиэ* ~ *эпо* 'бабушка; медведица (иносказательно)' [ЮРС 2001: 604; Спиридонов 2003: 13; ЮРСЯЛЮ 2021: 406; Nikolaeva 2006: 162; ЭБДЮЯ 2002]. Расхождение же в плане содержания (гендерность) может объясняться независимым характером параллельного развития корней в языках или возможным субстратным влиянием.

В юкагирском понятия 'старик' и 'старый' передаются совершенно иными корнями, качественно разнящимися с *ананалаа*. Так, лексема, обозначающая 'старик', имеет в своей структуре корень *нэл* ~ *пол*:

– тю. *pelur* + 'жених'; TD *pelur-keine*, *pelur* > *polurde-*, *polurdiece-* 'to get married (of a woman)' (< *pel-) [Nikolaeva 2006: 346]; *пэлудиз* 'старичок'; *пэлут* 'старик, муж' [Иохельсон 2005: 464]; *peldudie* 'старик'; *pelut* 'старик; муж'; *pelur* (= *polut*) 'муж' > *pelurñe-* 'быть женатым' [Angere 1957: 207]; *пэлур* 'муж'; *пэлдудиз* 'старик' [Крейнович 1958: 277; Крейнович 1982: 11]; *пэлдудиз* 'старик; муж' > *пэлдудизньэ-* 'иметь мужа', *пэлдудизчи-* 'гоняться за мужчинами, же-

лая'; *пэлур* 'жених; муж' [ЮРС 2001: 410]; *peldudie* 'старик; муж' [Maslova 2001: 104];

– лю. *полундэ*, *полуд*, *пал-* 'старец' [Старчевский 1889: 435]; *полундиэ* 'старичок'; *пóлут* 'старик, муж; старейшина' > *полут-тэ-* 'выходить замуж, жениться' [Иохельсон 2005: 173, 463, 488]; *polundie* 'старичок'; *polut* (= *polud*) 'муж; старик' > *polutne-* (= *poludñe-*) 'быть женатым; выходить замуж (о женщине)', *polutte-* (< ? *poludñe-*) 'выходить замуж (о женщине)' [Angere 1957: 207, 211–212]; К *pulut* 'old man, husband; bear' > *pulunde*: 'old man'; KD *polut*; RS *polud-*; МО *-pullun* [rect. *-pullut*], *-pullup*; В *pallad*, *polud* (< *pel-) [Nikolaeva 2006: 346]; *полут* 'старик'; *полундиэ* 'старичок' [Крейнович 1958: 283; Крейнович 1982: 11]; *pulut* 'муж, старик, мужчина' [Спиридонов 2003: 26]; *пулундиэ* 'старичок'; *пулут* 'старик; муж' > *пулутньэ-* 'быть замужней, быть замужем', *пулуттэ-* 'выйти замуж; выдать замуж' [ЮРСЯЛЮ 2021: 64, 125, 175, 256].

С морфоструктурной точки зрения тю. *пэлдудиз* и лю. *пулундиэ* ~ *полундиэ* представляют собой лексикализированный диминутив, где *-диэ* деривационный аффикс, передающий в юкагирском языке субъектно-оценочные признаки малого размера или ослабленного признака основы, выраженной существительным, которым для тундрового юкагирского является *пэлут* и для лесного — *полут* ~ *пулут* (в тундровом варианте метатеза *ут* > *ду* с озвончением конечного слога корневой морфемы). Таким образом, имеем дело с диалектным когнатом, восходящим к реконструируемому пракорню *pel ~ *pe^wluð, связываемый с уральским *pälä 'половина, половинка; сторона' [Nikolaeva 2006: 346; ЭБДЮЯ 2002]. Ср. фин. *pieli* (род. *pielen*): *suupieli* 'угол рта' (*suu* 'рот'), *poskipieli* 'скула' (*poski* 'щека'), *pielos*, *pielus* 'край', *pieltää* 'наклоняться в сторону' | саам. норв. *bälle -äel-* ~ *bällë - äel-* ~ *-äel-* 'сторона; половина (чего-л., разделенного вдоль; одна из пары)' | морд. эрз. *pel'* 'сторона', *pel'e* 'половина, половинка' | чуваш. урж. *pel*, *wel* 'сторона' | удм. сарап. *pal* 'сторона, местность, сторона света; отрезок времени; половина, половинка; один из двух парных предметов (например, глаз, ног, сапог)' | коми. сысол. *pel'* 'сторона; один из пары' |

хант. вах. *peļək* ‘половина, сторона’ | манс. тавд. *pāl* ‘половина; сторона’ | венг. *fél* (вин. *felet*) ‘половина, половинка, один из парных членов; ближний, сосед, спутник; сторона’, *feleség* ‘супруга’ || энец. тундр. *feðe*; нган. *fealea* ‘половина, родственник’; сельк. тым. *päläk* ‘половина, сторона’ [Rédei 1988: 362]. С данной позицией соглашается А. Аикио, считающий, что заимствованный характер (из самодийского) юкагирского слова подтверждается значением ‘муж’ (< ‘супруг’) в юкагирском, которое в свою очередь является вторичным семантическим развитием от значения ‘половина’. Также отмечает вероятное развитие *e > *ö > u (сначала лабиализация под влиянием *p-, а затем ассимиляция к *u во втором слоге) [Aikio 2014: 54, 73]. Собственно, в юкагирском от данного корня, предполагающего родственника мужского пола, выводится термин, охватывающий несколько родственных связей между братьями и сестрами супругов:

– тю. *пул’иэ*, *пул’ијэ* ‘зять (муж старшей сестры)’ [Иохельсон 2005: 123; Крейнович 1958: 277]; *пулийэ* ‘муж старшей сестры; муж младшей сестры отца’ [Иохельсон 2005: 124; ЮРС 2001: 397]; *пулије* ‘зять’ [Maslova 2001: 104];

– лю. *pulei* ‘муж старшей сестры (шурин); муж старшей двоюродной сестры первой, второй и т. д. степени (двоюродный шурин); младший брат жены (шурин); младший брат мужа (деверь)’ [Angere 1957: 219]; *pulej* ‘зять’ [Maslova 2003: 552]; *пулэй* ‘зять’ [Иохельсон 2005: 124; СЮРПЮ 2002: 64, 175; ЮРСЯЛЮ 2021: 257].

При этом в лесном юкагирском *пулут* демонстрирует более высокую активность в образовании других терминов родства, таких, как:

– лю. *пулут можжу* ‘жених’, где *можжу*, по всей вероятности, показатель проспектива *можиш*, указывающий на будущее действие или состояние, связанное с текущими условиями или ситуацией [Крейнович 1958: 67; Maslova 2003: 175], ср. лю. *эмэй можжу* ‘мачеха’ (где *эмэй* ‘мать, мама’ + PRSP *можжу*);

– лю. *пулут эмэйги* ‘свекровь’ (где *эмэй* ‘мать, мама’ + POSS.3 *-gi*);

– лю. *пулут эсьиэги* ~ *пулут эсиэги* ‘свекор’ (где *эсьиэ* ~ *эсиэ* ‘отец’ POSS.3 *-gi*)

[СЮРПЮ 2002: 64, 120; ЮРСЯЛЮ 2021: 256–257, 404].

С юкагирским *пэл* ~ *пол* сводится чук. *пэлк’этык* ‘стариться; умирать’, *пэлээтык* ‘умереть’, имеющий отношение к физиологическим процессам человека [ЧРС 1957: 105; РЧС 2020: 653; Fortescue 1998: 149]. Однако дериваты-глаголы в юкагирском имеют иное происхождение.

– тю. *лүгои* ‘старый’, *лүгүму* ‘расти, стареть’ [Иохельсон 2005: 457, 488]; *лугујэ* ‘старый’ [Крейнович 1958: 274]; *лугэ- intr* ‘быть старше’ > *лугуму-* ‘постареть; перен. прожить до старости в какой-л. местности’, *лугумул* ‘старение, старость’, *лугуйэ* ‘старый’, *лугумус-* ‘состарить’ [ЮРС 2001: 214]; *луги* ‘старый’ > *лугити-* [Maslova 2001: 100];

– лю. *лигай* ‘старый’, *логдуй* ‘увядший’ [Старчевский 1889: 425–426]; *лигэи* ‘старый’, *лигому* ‘стареть’, *лигэл* ‘старость’ [Иохельсон 2005: 456, 488]; *lorqajla* ‘одряхлеть’ [Спиридонов 2003: 19]; *лигэјэ* ‘старый’, *лигэл* ‘старость; старый’, *лигому-* ‘становиться старым’ > *лугумул* ‘стареть; становиться старым’ [Крейнович 1958: 274, 282]; *лигэ-муй* ‘стареть, стариться (о человеке)’, *лигэй* ‘старый’, *лигэйоой-* ‘пожилой’ [СЮРПЮ 2002: 37, 175]; *лигэй* ‘быть старым’ > *лигумуй* ‘постареть’ [Maslova 2003: 548]; *лигэ-* ‘быть старым (о возрасте)’ > *лигэйуо-* ‘быть пожилым, старым’, *лигэйуон* ‘пожилой человек, старик’, *лигэлбэн* ‘пожилой человек, старик’, *лигэму-* ‘постареть’, *лигэмул* ‘старость’, *лигэмуш-* ‘состарить’ [ЮРСЯЛЮ 2021: 144–145].

Этимологические связи для данного корня, имеющего реконструкции *liye- / *luye- ~ *liʷgə- ‘старый’ [Nikolaeva 2006: 242; ЭБДЮЯ 2002], пока еще не предложены. Стоит отметить, что в юкагирском, как и в ряде других палеоазиатских языков, существует четкое противопоставление корней со значением ‘стариться’ по признаку одушевленности и неодушевленности, сравните:

– тю. *лугуму-* ~ *лигэму-* ‘стареть (о человеке)’ (см. выше); тю. *чуольээй-* ‘одряхлеть, обветшать в короткий срок; зачерстветь, залежать (о продуктах)’ [ЮРС 2001: 569]; лю. *чуольэ-* ~ *чуольэ-* ‘старый: долго используемый; старинный, древний; устаревший,

недействительный' > *чуольэму*- 'постареть', *чуольоой*- 'давний; древний', *чэлукиэй*- 'стареть (о вещи)' (1 и 2 л. не употр.) [СЮРРЮ 2002: 82–83, 175; ЮРСЯЛЮ 2021: 354];

– чук. *ынпэвык*, *эппэвычек*, *ынпын нэ-лык* '(по)стареть, состариться (о человеке)'; *пэтакык*, *пэтан нэлык* 'стареть, стариться (о вещи)', *пэтылыын* 'старый, ветхий'; *пэлк'этык* 'стариться; умирать', *пэлэтык* 'умереть' [ЧРС 1957: 104, 148; РЧС 2020: 600, 653];

– кор. *ынпэвык* ~ *ынпавык*, *ынпытвик* 'стареть, стариться (о человеке)'; *пэлк'этык* 'стареть (о вещи)' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556].

В отличие от корякского у чукотского глагола *пэлк'этык* 'стариться; умирать' не задано специализированное значение, связанное с устареванием, износом неодушевленных предметов, но также затрагивающее сферу старения человека [ЧРС 1957: 105; РЧС 2020: 653]. Это, видимо, и было одной из причин, почему М. Фортестью при составлении списка камчатско-уральских когнатов связал чук. *pəlqət*- 'стареть' и юк. *pəl-ut* '(старый) человек' [Fortescue 1998: 149]. В этом случае следует этимологически разводить лексемы юк. *пэлдудиз* ~ *пулундиз* 'старик' и юк. *пэлур* ~ *пулут* 'жених; старик; муж', где первая рефлекс чукотского *pəlqet- 'стариться (обычно о вещи)', а вторая — рефлекс прауральского *pälä. Это также объясняет отсутствие значения 'супруг' в лесном юкагирском.

Таким образом, слова, обозначающие пожилых людей разного пола и процесс старения, по сути, имеют различное происхождение. Если лексема тю. *апаналаа* имеет своим первоисточником ЧК *ынны* (< *ənpə 'старый') с метатезой согласных *пн* и эпентезой гласной, то предположительно первичной заимствованной формой было что-то, похожее на алют. *ынпылла* 'бабушка' (ср. также *ынпыллыгын* 'дедушка'), которым в юкагирском семантически соответствуют тю.-лю. *эпиэ* 'бабушка', тю. *хайчиэ*, лю. *хаахаа* 'дедушка' [Иохельсон 2005: 120; Мудрак 2000: 163; НРСАД 2019: 127]. При переходе в систему юкагирского языка *апаналаа* сохранило возрастную привязку, обозначая пожилых женщин, находящихся

в определенных родственных отношениях с кем-либо. Как следствие, семантика тю. *апаналаа* включает две семы, где ядерной является 'пожилая женщина', а вторичной — 'замужняя женщина' через импликацию социального статуса, что имеет распространение во многих других языках. Собственно термином свойства, обозначающим жену (супругу) в тундровом юкагирском, выступает *мирийэ* 'жена', сводимое с эвенским языком [Nikolaeva 2006: 282]. Е. А. Крейнович в своих ранних работах рассматривал данную лексему в контексте юкагирско-самодийских и юкагирско-эвенских параллелей [Крейнович 1958: 236, 249, 274]. Однако в последующих исследованиях при рассмотрении словообразовательных особенностей юкагирских существительных ученый отнес *мирийэн* 'караван нарт с оленями' к классу субстантивированных причастий, выделив в ее структуре корень *мира-* 'ходить; шагать' и аффикс *-йэ*, между которыми «появляется морфема *и*» [Крейнович 1982: 90]. Отметим, что интерпретация форманта *и* как самостоятельной морфемы представляется спорной — в нашем понимании данный элемент скорее функционирует как алломорф конечного звука корня под влиянием следующего за ним аффикса (ср. *вай-аба-* 'течь' > *вайабиэйэ* 'течение', *игэ-* 'быть привязанным' > *игийэ* 'ремень, веревка' и др.) (см. другие примеры в: [Курилов 2003: 117]). В то же время метонимический перенос 'движение' > 'аргиш' > 'жена' отражает глубинные социоструктурные закономерности юкагирского общества, характеризующегося элементами особого социального статуса женщины в хозяйственно-бытовой организации. В итоге перед нами развертывается антропоцентрическая номинативная модель, где значимая деятельность (кочевание) становится основой для обозначения ее ключевого субъекта (жена) через материальный атрибут (аргиш) (см. этнографические справки в: [Иохельсон 2005: 136–150; Туголуков 1979: 118–122]).

Производные формы *мирийэи-* 'женить' и *мирийэр-* 'жениться', приводимые В. И. Иохельсоном в словарной части монографии «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» [Jochelson 1926; Иохельсон

2005] ошибочно не маркированы соответствующей пометой, указывающей на их принадлежность лесной идиоме. Позднее без проверки они были отражены под пометой лесной идиомы в «Юкагирско-немецком словаре» Й. Ангере [Angere 1957: 159]. При этом тундровому *мирийэ* соответствует лю. *мидосьо* ‘кочевой караван’, для которых И. А. Николаева [Nikolaeva 2006: 282] реконструирует праюкагирский корень **мудо-* (ср. **mi^wdi^{jə}-*, **me^wdiu-* ‘жена, жених, невеста, мачеха’ в [ЭБДЮЯ 2002], что подтверждается параллелями тю. *мира-* ‘ходить; шагать’ ~ лю. *мидо-* ‘кочевать (на большие расстояния); бродить’, тю. *мирал* ‘хождение; походка; след, караванная тропа’ ~ лю. *мидол* ‘расстояние, равное одному переходу с места на место при кочевке; дневной переход, миля’) [Иохельсон 2005: 457; Крейнович 1958: 18, 274; ЮРСЮЛЮ 2021: 163–164; Nikolaeva 2006: 282]. Отсутствие развития семы ‘жена’ отмечается у лю. *мидосьо* в отличие от тю. *мирийэ*, лексема свидетельствует о несколько отличных хозяйственно-культурных моделях этих двух юкагирских групп. Более интенсивный кочевой образ жизни тундровых юкагиров способствовал выработке в хозяйственной лексике метонимической связи ‘движение’ > ‘аргш’ > ‘жена’, в то время как полуоседлый образ жизни лесных собратьев сохранил утилитарную семантику без антропоцентрических значений.

Можно предположить об аналогичном семантическом развитии у лексем *апаналаа* и *пэлдудиз*, при котором возрастная семантика (старуха, старик) сохранилась, но дополнилась узкоспециализированным значением в контексте супружеских отношений (жена, муж) через метафоризацию, основанную на связи возрастной мудрости и социальной роли (женщина как хранительница очага, мужчина как добытчик и защитник). С другой стороны, полисемантность *апаналаа* также может быть интерпретирована в рамках компонентного анализа, если в структуре лексемы усматривается корень *эпиэ* ‘бабушка’, который встречается в обоих юкагирских идиомах (см. выше) и содержит семы ‘старость’

и ‘родственная принадлежность’. В таком случае требуется определение статуса остальных компонентов слова, что, однако, затруднено отсутствием подтвержденных случаев с звуковыми соответствиями и трансформациями.

4. Заключение

Рассматриваемая в данном исследовании лексика, входящая в базовый список идиом тундровых и лесных юкагиров, демонстрирует гетерогенность происхождения, следствия раннего и позднего иноязычного влияния, а также разную степень сохранности исконной лексики. Находившаяся ранее вне этимологических рассуждений лексема тю. *апаналаа* ‘старуха; жена’ обнаруживает надежную параллель в камчукотских языках (ПЮ *apanala: ~ *apanalaa < ПКЧ *эпрэ ‘старый’). Наравне с лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’ (< рус. старуха), тю. *апаналаа*, вероятно, представляет собой результат позднего заимствования с последующей релексификацией, приведшей к выходу из употребления в данных значениях исконных слов.

Корень *пэл* ~ *пул* (< ПЮ *pel ~ **pe^wluδ*) не совсем верно рассматривать в качестве диалектного когната, поскольку есть основания для этимологического разграничения лексемы юк. *пэлдудиз* ~ *пулундиз* ‘старик’, вероятно, восходящей к ПЧК **pelqet-* ‘стариться’, и лексемы юк. *пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’, считающейся рефлексом ПУ *pälä ‘половина, половинка; сторона’, что также объясняет отсутствие семантики ‘супруг’ в идиоме лесных юкагиров.

В отличие от камчукотских и многих других языков в юкагирском нет слов, обозначающих ‘старуха как пожилая женщина’ и ‘старик как пожилой мужчина’, которые были бы производны от общей корневой морфемы, маркирующей возраст или гендер, таких, как *лугэ-* ~ *лигэ-* ‘быть старым’, *кэй-* ~ *куой* ‘мужчина’, *паай* ~ *паайнэ* ‘женщина’. На почве юкагирского языка *апаналаа*, а также *пэлдудиз* развили вторичные значения ‘жена’ и ‘муж’ соответственно в результате семантического сдвига, обусловленного связью между возрастным статусом и социальной ролью в традици-

онном обществе. Аналогичное расширение значения наблюдается в лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’, а также тю. *мирийэ* ‘аргиш; жена’ (связь через хозяйственную деятельность), что свидетельствует о системном характере этого явления в юкагирской языковой картине мира. Анализируемые в данной статье лексические единицы на основании существующих реконструкций с учетом выводов других исследователей можно стратифицировать на:

(1) вероятные юкагино-уральские этимологические соответствия (тю. *пэлур* ‘жен; муж’, лю. *пулут* ‘старик; муж’ < ПЮ *pel ~ *re^w*luδ* < ПУ *pālā ‘половина, половинка; сторона’; тю. *кэйпэ* ‘мужчина; мужская особь’, лю. *куйпэ* ~ *куойпэ* ‘мужчина; мужская особь’ < ПЮ *kōj ~ *ke^w*i-ŋ* ‘мужчи-

на, мужская особь’ < ПС **ko(ə)* < ПУ **koj(e)* ‘человек, мужчина’);

(2) поздние камчатские заимствования (тю. *апаналаа* ‘старуха; жена’ < ЧК *ынны* ‘старый’ < ПЧК *эпрэ ‘старый’; тю. *пэлдудиз* ‘старик; муж’, лю. *полундиз* ‘старик’ < ЧК *пэлэ* ‘стариться’ < ПЧК *pelqet ‘стариться (обычно о вещи)’; лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’ < рус. старуха);

(3) изолированные, внутренне реконструируемые лексемы (тю. *лугэ*-, лю. *лигэ*- ‘быть старым’ < ПЮ *liye-/ *luye- ~ *li^w*гэ*- ‘старый’; тю. *паайпэ* ~ *пайпэ* ‘женщина; женская особь’, лю. *паай* ~ *паайпэ* ‘женщина’ < ПЮ *ра: / *raj ~ *rai ‘женщина, женская особь’; тю. *мирийэ* ‘аргиш; жена’, лю. *мидосьо* ‘кочевой караван’ < ПЮ *мудо- / *mi^w*δijə*- ~ *me^w*δiu*- ‘шагать’).

Сокращения

алют. — алюторский
венг. — венгерский
вин. — винительный
вок. — вокатив
ител. — ительменский
коми. сысол. — сысольские диалекты коми
кор. — корякский
ласк. — ласкательный
лю. — лесной юкагирский
манс. тавд. — тавдинский диалект мансийского
морд. эрз. — эрзянский диалект мордовского
ПС — прасамодийский
ПУ — прауральский
ПЧ — прачукотский
ПЧК — прачукотско-камчатский
ПЭ — праэскимосский
ПЮ — праюкагирский
род. — родительный
рус. — русский
саам. норв. — саамский норвежский
сельк. — селькупский
таймыр. — таймырский пиджин
тым. — тымский диалект селькупского языка
тю. — тундровый юкагирский
удм. сарап. — сарапульский диалект удмуртского
фин. — финский
хант. вах. — ваховский диалект хантыйского
ЧК — чукотско-камчатский
чуваш. урж. — уржумский диалект чувашского

чук. — чукотский

энец. тундр. — тундровый диалект энецкого
эск. — эскимосский (сибирский)

юк. — юкагирский

В — материалы по колымскому (лесному) юкагирскому языку, записанные в 1787 г. во время Северо-Западной экспедиции И. И. Биллингса и опубликованные в труде М. Зауэра 1802 г. [Nikolaeva 2006]

KD — словарь на языке лесных юкагинов, хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и частично опубликованный в труде В. И. Иохельсона 1926 г. [Nikolaeva 2006]

МС — материалы по чуванскому языку, записанные Ф. Матюшкиным на р. Малый Анюй в 1821 г. и опубликованные в дневниках Ф. П. Врангеля 1841 г. [Nikolaeva 2006]

МО — материалы по омокскому языку, записанные Ф. Матюшкиным на р. Малый Анюй в 1821 г. и опубликованные в дневниках Ф. П. Врангеля 1841 г. [Nikolaeva 2006]

POSS — посессивный

PRSP — перспективный

RS — материалы по колымскому (лесному) юкагирскому языку, записанные Ф. Райским и Ю. Штубендорфом в 1858 г. и опубликованные в труде А. А. Шифнера 1871 г. [Nikolaeva 2006]

TD — неопубликованный словарь на языке тундровых юкагинов, хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и частично опубликованный в труде В. И. Иохельсона 1926 г. [Nikolaeva 2006]

Источники

ЭБДЮЯ 2002 — Этимологическая база данных юкагирского языка (в формате jukaet.dbf) / О. А. Мудрак // Личный архив автора. 2002.

Литература

- Акимова и др. 2021 — *Акимова В. С., Немировский А. А., Шадрин В. И.* Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.). Ч. 1. М.: Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 144 с.
- Байтасов 2014 — *Байтасов Р. Р.* Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Научно-методический журнал. 2014. № 1(19). С. 24–32.
- Бурыкин 2003 — *Бурыкин А. А.* Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкагиров // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2003. С. 169–180.
- Гоголев 2004 — *Гоголев А. И.* Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск: Якутск. гос. ун-т, 2004. 104 с.
- Гребенюк, Федорченко 2018 — *Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю.* Юкагирская проблема в современных исследованиях // Человек и Север: антропология, археология, экология / ред. А. Н. Багашев. Матлы конф. (г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Т. 4. Тюмень: Тюменский научный центр (ТНЦ), 2018. С. 331–334.
- Гурвич 1966 — *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.
- Жукова 1996 — *Жукова Л. Н.* Одежда юкагиров. Якутск: Якутский край, 1996. 143 с.
- Жукова 2003 — *Жукова Л. Н.* Иноязычные элементы в одежде юкагиров // Взаимодействие культур народов Якутии в XVII–XXI веках. Якутск: РНМЦ НТ и СКД им. А. Е. Кулаковского, 2003. С. 90–96.
- Иохельсон 1900 — *Иохельсон В. И.* Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи // Живая старина. 1900. Вып. 1–2. С. 151–193.

Sources

Mudrak O. A. (comp.) Yukaghir etymology (database, DBF file). Personal archive of the author. 2002. (In Russ., Eng. and Yuk.)

References

- Akimova V. S., Nemirovsky A. A., Shadrin V. I. Ethnic History of the Yukaghir: From Earliest Times to the Twentieth Century. Pt. 1. Moscow, Berlin: Directmedia Publishing, 2021. 144 p. (In Russ.)
- Baitasov R. R. Correlation between language families and Y-haplogroups. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. Nauchno-metodicheskiy zhurnal*. 2014. No. 1(19). Pp. 24–32. (In Russ.)
- Burykin A. A. Russian lexical borrowings in Forest (or Upper Kolyma) Yukaghir. In: Popov I. A. (ed.) *Lexical Atlas of Russian Dialects: Materials and Studies*. St. Petersburg: Nauka, 2003. Pp. 169–180. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Ethnic History of Yakutia's Peoples before the Twentieth Century. Yakutsk: Yakutsk State University, 2004. 104 p. (In Russ.)
- Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu. Yukaghir problem in modern research. In: Bagashev A. N. (ed.) *Man and North: Anthropology, Archaeology, Ecology. Conference proceedings (Tyumen, 2–6 April 2018)*. Tyumen: Tyumen Scientific Centre (SB RAS), 2018. Vol. 4. Pp. 331–334. (In Russ.)
- Gurvich I. S. Ethnic History of Northeast Siberia. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (In Russ.)
- Zhukova L. N. Yukaghir Clothing. Yakutsk: Yakutskiy Krai, 1996. 143 p. (In Russ.)
- Zhukova L. N. Foreign-language elements of Yukaghir clothing. In: *Interaction of Yakutia's Cultures, Seventeenth to Twenty First Centuries*. Yakutsk: Kulakovsky Arts and Crafts Center, 2003. Pp. 90–96. (In Russ.)
- Jochelson V. I. Roaming tundra clans of the Indigirka-Kolyma interfluvium, their ethnic composition, language, household life, wedding and other rites. *Zhivaya starina*. 1900. No. 1–2. Pp. 151–193. (In Russ.)

- Иохельсон 2005 — *Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Кирьяк 1993 — *Кирьяк М. А.* Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Крейнович 1958 — *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л.: АН СССР, 1958. 288 с.
- Крейнович 1982 — *Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- КРС 1960 — *Молл Т. А.* Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1960. 239 с.
- Курилов 2003 — *Курилов Г. Н.* Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка). Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Курилова 2014 — *Курилова С. Н.* Тематические группы тунгусских лексических заимствований в североюкагирском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12(42). Ч. 2. С. 101–105.
- Курилова 2022 — *Курилова С. Н.* Русская лексика в языке тундровых юкагиrow. Новосибирск: Наука, 2022. 256 с.
- Михайлова 2018 — *Михайлова Л. П.* Системный характер воздействия иноструктурных языков на русское слово // Северорусские говоры. 2018. № 17. С. 46–58.
- Мочанов, Федосеева 1980 — *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии: Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: ЯФ СО РАН, 1980. С. 3–13.
- Мудрак 2000 — *Мудрак О. А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М.: РГГУ, 2000. С. 133–148.
- Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Эскимосский этимологикон. М.: Тезаурус, 2011. 1324 с.
- Jochelson V. I. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (In Russ.)
- Kiryak M. A. Archaeology of Western Chukotka: A Perspective from the Yukaghir Question. Moscow: Nauka, 1993. 224 p. (In Russ.)
- Kreynovich E. A. Yukaghir Language. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 288 p. (In Russ.)
- Kreynovich E. A. Yukaghir Language: Studies and Materials. Leningrad: Nauka, 1982. 304 p. (In Russ.)
- Moll T. A. Koryak-Russian Dictionary. Leningrad: Uchpedgiz, 1960. 239 p. (In Kor. and Russ.)
- Kurilov G. N. Lexicology of Modern Yukaghir: Lexical Development and Impacts of Yakut. Novosibirsk: Nauka, 2003. 288 p. (In Russ.)
- Kurilova S. N. Thematic groups of Tunguska lexical borrowings in the North Yukaghir language. *Philology. Theory & Practice*. 2014. No. 12 (42). Pt. 2. Pp. 101–105. (In Russ.)
- Kurilova S. N. Russian Loanwords in Tundra Yukaghir. Novosibirsk: Nauka, 2022. 256 p. (In Russ.)
- Mikhaylova L. P. System character of impact of foreign languages on the Russian word. *Northern Russian Dialects*. 2018. No. 17. Pp. 46–58. (In Russ.)
- Mochanov Yu. A., Fedoseeva S. A. Archaeological research of Yakutia: Key results. In: Yakutia Rediscovered. Proceedings of the Lena Basin Archaeological Expedition. Yakutsk: SB RAS (Yakutsk Dept.), 1980. Pp. 3–13. (In Russ.)
- Mudrak O. A. Yukaghirs and Nivkhs: The Paleo-Siberian question. In: Starostin S. A., Starostin G. S. (comps.) Problems in Investigating Distant Affinities of Languages at the Turn of the Second Millennium. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. Pp. 133–148. (In Russ.)
- Mudrak O. A. The Eskimo Etymologicum. Moscow: Thesaurus, 2011. 1324 p. (In Esk., Russ., etc.)

- Напольских 1991 — *Напольских В. В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». № 5. М.: Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, 1991. 189 с.
- Напольских 1999 — *Напольских В. В.* Предыстория уральских народов. // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1999. № 44 (3–4). С. 413–472.
- Напольских 2018 — *Напольских В. В.* К проблемам исследования древнейшей предистории Северной Евразии (ностратическая макросемья языков) // *Этнография*. 2018. № 1. С. 119–142.
- Немировский 2017 — *Немировский А. А.* Новые лингвистические результаты М. А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров // *Фольклор палеоазиатских народов: материалы 2-й Межд. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.)*. Якутск: РИО медиахолдинга, 2017. С. 59–70.
- Николаева 1988 — *Николаева И. А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
- НРСАД 2017 — *Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И.* Нымыланско-русский словарь: алыторский диалект. Ч. 1. Саппоро: Hakuyo Printing Co., Ltd., 2017. 144 с.
- НРСАД 2019 — *Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И.* Нымыланско-русский словарь: алыторский диалект. Ч. 2. Саппоро: Hakuyo Printing Co., Ltd., 2019. 139 с.
- Перцев 2024 — *Перцев Д. М.* Юкагиры: язык и генетика. Взгляд из-за рубежа // *Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*. 2024. № 46. С. 54–64.
- РКС 1967 — *Жукова А. Н.* Русско-корякский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. 749 с.
- РЧС 2020 — *Ранаврольтын Г. И.* Русско-чукотский словарь. Анадырь, СПб.: Алмаз-Граф, 2020. 704 с.
- Napolskikh V. V. Most Ancient Stages of the Uralic Ethnogenesis: Evidence from Mythological Reconstructions. Insights into the Proto-Uralic Cosmogonic Myth (Peoples of the Soviet Union 5). Moscow: Institute of Social Science Information (USSR Acad. of Sc.), 1991. 189 p. (In Russ.)
- Napolskikh V. V. Prehistory of Uralic peoples. *Acta Ethnographica Hungarica*. 1999. Vol. 44. No. 3–4. Pp. 413–472. (In Russ.)
- Napolskikh V. V. On the problem of studying the most ancient prehistory of Northern Eurasia (Nostratic macrofamily of languages). *Etnografia*. 2018. No. 1. Pp. 119–142. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-119-142
- Nemirovsky A. A. New linguistic results of M. Zhivlov and confirmation of Ymyyakhtakh connections for (proto)Yukaghirs. In: Alekseev A. N. et al. (eds.) *Folklore of Paleo-Siberians*. Conference proceedings (Yakutsk, 21–25 November 2016). Yakutsk: Yakutia Media Holding, 2017. Pp. 59–70. (In Russ.)
- Nikolaeva I. A. The Problem of Uralic-Yukaghir Genetic Affinities. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1988. 24 p. (In Russ.)
- Nagayama Y., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. Nymylan-Russian Dictionary: The Alyutor Dialect. Pt. 1. Sapporo: Hakuyo Printing Co., 2017. 144 p. (In Kor., Russ., etc.)
- Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. Nymylan-Russian Dictionary: The Alyutor Dialect. Pt. 2. Sapporo: Hakuyo Printing Co., 2019. 139 p. (In Kor., Russ., etc.)
- Pertsev D. M. Yukaghirs: Language and genetics. A view from abroad. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. 2024. No. 46. Pp. 54–64. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-5960-2024-46-54-64
- Zhukova A. N. Russian-Koryak Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1967. 749 p. (In Russ. and Kor.)
- Ranavroltyn G. I. Russian-Chukchi Dictionary. Anadyr, St. Petersburg: Almaz-Graf, 2020. 704 p. (In Russ. and Chuk.)

- Симченко 1975 — *Симченко Ю. Б.* Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 148–185.
- Симченко 1976 — *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.
- СИРРИ 1989 — *Володин А. П., Халоимова К. Н.* Словарь ительменско-русский и русско-ительменский. Л.: Просвещение, Ленингр. отд., 1989. 255 с.
- Скорик 1961 — *Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка. Фонетика и морфология именных частей речи. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1961. 450 с.
- Спиридонов 2003 — *Спиридонов Н. И.* Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь. Якутск: Якутск. гос. ун-т, 2003. 57 с.
- Старчевский 1889 — *Старчевский А. В.* Проводник и переводчик по отдаленным окраинам России, заключающий в себе 44 языка... (По каждому языку от 1 000 по 2 000 и более слов, по 300 разговорных фраз и грамат. очерк). Т. 2. СПб.: [б. и.], 1889. 646 с.
- СЮРРЮ 2002 — *Николаева И. А., Шалугин В. Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский. СПб.: Дрофа, 2002. 224 с.
- Туголуков 1979 — *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
- Чернецов 1964 — *Чернецов В. Н.* К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. С. 30–52.
- Чернецов 1971 — *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала / отв.ред. О. Н. Бадер. Ч. 2. М.: Наука, 1971. 120 с.
- ЧРС 1957 — *Молл Т. А., Иненликей П. И.* Чукотско-русский словарь. Л.: ГУПИ МП РСФСР ЛО, 1957. 195 с.
- ЧРС 2003 — *Рахтилин В. Г.* Чукотско-русский словарь. СПб.: Просвещение, 2003. 126 с.
- Шадрин 2008 — *Шадрин В. И.* Современные концепции этногенеза юкагириков // Север Азии в этнокультурных исследованиях: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 197–205.
- Simchenko Yu .B. Ancient ethnic history of the Arctic Circle and adjacent regions of Eurasia: Some issues revisited. In: Ethnogenesis and Ethnic Histories of the North, Moscow, 1975. Pp. 148–185. (In Russ.)
- Simchenko Yu .B. The Culture of North Eurasian Deer Hunters. Moscow: Nauka, 1976. 311 p. (In Russ.)
- Volodin A. P., Khaloimova K. N. Itelmen-Russian and Russian-Itelmen Dictionary. Leningrad: Prosveshchenie, 1989. 255 p. (In Itel. and Russ.)
- Skorik P. Ya. Chukchi Grammar: Phonetics and Morphology of Nominal Parts of Speech. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961. 450 p. (In Russ.)
- Spiridonov N. I. Yukaghir-Russian Dictionary. Even-Russian Dictionary. Yakutsk: Yakutsk State University, 2003. 57 p. (In Yuk., Russ., etc.)
- Starchevsky A. V. The Guide and Translator to Remote Parts of Russia Containing [Data on] Forty Four Languages ... (From 1,000 to 2,000 Word Entries, 300 Set Phrases, and a Grammar Sketch for Each Language). Vol. 2. St. Petersburg: A. Pozharova, 1889. 646 p. (In Sámi, Russ., etc.)
- Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir Dictionary. St. Petersburg: Drofa, 2002. 224 p. (In Yuk. and Russ.)
- Tugolukov V. A. Who Are You, Yukaghirs? Moscow: Nauka, 1979. 152 p. (In Russ.)
- Chernetsov V. N. More on the ethnic substrate in circumpolar culture. In: Proceedings of the Seventh International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Moscow, 1964. Pp. 30–52. (In Russ.)
- Chernetsov V. N. Petroglyphs of the Urals. O. Bader (ed.). Moscow, 1971. Pt. 2. 120 p. (In Russ.)
- Moll T. A., Inenlikey P. I. Chukchi-Russian Dictionary. Leningrad: Chief Printing and Publishing Directorate, 1957. 195 p. (In Russ.)
- Rakhtilin V. G. Chukchi-Russian Dictionary. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2003. 126 p. (In Chuk. and Russ.)
- Shadrin V. I. Contemporary concepts of Yukaghir ethnogenesis. In: North Asia in Ethnocultural Studies. Conference proceedings (Yakutsk, 15–16 August 2005). Novosibirsk: Nauka, 2008. Pp. 197–205. (In Russ.)

- Эверстов 2008 — *Эверстов С. И.* Некоторые параллели в культурах древних ымыяхтахцев и юкагиров XVII–XIX вв. (в свете археологических открытий на нижней Индигирке) // Север Азии в этнокультурных исследованиях: Мат-лы конф. (г. Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 223–230.
- Эверстов 2017 — *Эверстов С. И.* Сугуннахская археологическая культура на Индигирке (в связи с проблемой этногенеза юкагиров) // Общество. Культура. Образование. 2017. № 3. С. 133–159.
- ЭРС 1971 — *Рубцова Е. С.* Эскимосско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1971. 644 с.
- Этногенез народов Севера 1980 — Этногенез народов Севера: сб. ст. / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 281 с.
- ЮРС 2001 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- ЮРСЯЛЮ 2021 — *Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е.* Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
- Aikio 2014 — *Aikio A.* The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or change resemblance? // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Vol. 62. Pp. 7–76.
- Angere 1957 — *Angere J.* Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm, Almqvist & Wiksell, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957. 271 p.
- Collinder 1965 — *Collinder B.* An introduction to the Uralic languages. Berkeley & Los Angeles: University of California Press Publ., 1965. 182 p.
- Fedorova et al. 2013 — *Fedorova S. A., Reidla M., Metspalu M., Rootsi S., Tambets K., Trofimova N., Zhadanov S. I., Kashani B. H., Olivieri A., Voevoda M. I., Osipova L. P., Platonov F. A., Tomsy M. I., Khusnutdinova E. K., Torroni A., Villems R.* Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of Northeast Eurasia // *BMC Evolutionary Biology*. 2013. № 13. Pp. 2–18.
- Everstov S. I. On some parallels between Ymyyakhtakh culture and that of the seventeenth-nineteenth century Yukaghir: A perspective from archaeological discoveries in the Lower Indigirka. In: *North Asia in Ethnological Studies. Conference proceedings (Yakutsk, 15–16 August 2005)*. Novosibirsk: Nauka, 2008. Pp. 223–230. (In Russ.)
- Everstov S. I. Sugunnakh culture of the Indigirka Basin in relation to Yukaghir ethnogenesis. In: *Starostin V. P. (ed.) Society. Culture. Education. Vol. 3*. Moscow: Russian Academy of Natural History, 2017. Pp. 133–159. (In Russ.)
- Rubtsova E. S. Eskimo-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1971. 644 p. (In Esk. and Russ.)
- Gurvich I. S. (ed.) *Peoples of the North: Ethnogenesis*. Moscow: Nauka, 1980. 281 p. (In Russ.)
- Kurilov G. N. Yukaghir-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 p. (In Yuk. and Russ.)
- Prokopyeva P. E., Prokopyeva A. E. [Forest] Yukaghir-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2021. 412 p. (In Yuk. and Russ.)
- Aikio A. The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: Genetic inheritance, language contact or change resemblance? *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Vol. 62. Pp. 7–76. (In Eng.)
- Angere J. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm: Almqvist & Wiksell; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957. 271 p. (In Yuk. and Germ.)
- Collinder B. An Introduction to the Uralic Languages. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1965. 182 p. (In Eng.)
- Fedorova S. A., Reidla M., Metspalu M., Rootsi S., Tambets K., Trofimova N., Zhadanov S. I., Kashani B. H., Olivieri A., Voevoda M. I., Osipova L. P., Platonov F. A., Tomsy M. I., Khusnutdinova E. K., Torroni A., Villems R. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): Implications for the peopling of Northeast Eurasia. *BMC Evolutionary Biology*. 2013. No. 13. Pp. 2–18. (In Eng.)

- Fortesque 1998 — *Fortesque M.* Language relations across Bering Strait: reappraising the archeological and linguistic evidence. London; New York: Cassell, 1998. 307 p.
- Häkkinen 2012 — *Häkkinen J.* Early contacts between Uralic and Yukaghir // *Per Urales ad Orientem: Iter Polyphonicum Multilingue*. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen på Hans Sextioårsdag den 12 February 2012 (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 264). 2012. Pp. 227–250.
- Jochelson 1926 — *Jochelson W. I.* The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 9. New York: G. E. Stechert, 1926. 469 p.
- Malyarchuk et al. 2011 — *Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Maksimov A., Wozniak M., Grzybowski T., Dambueva I., Zakharov I.* Ancient links between Siberians and Native Americans revealed by subtyping the Y chromosome haplogroup Q1a // *Journal of Human Genetics*. 2011. Vol. 56. Pp. 583–588.
- Maslova 2001 — *Maslova E.* Yukaghir Texts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 200 p.
- Maslova 2003 — *Maslova E.* A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. 610 p.
- Nikolaeva 2006 — *Nikolaeva I. A.* A historical dictionary of Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. 500 p.
- Paasonen 1907 — *Paasonen H.* On the question of the original relationship between Finno-Ugric and Indo-European languages [Zur Frage von der Urverwandschaft der Finnisch-Ugrischen und Indoeuropäischen Sprachen] // *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1907. № 17. Pp. 13–31.
- Piispanen 2018 — *Piispanen P. S.* Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir // *Turkic Languages*. 2018. № 22. Pp. 108–138.
- Rédei 1988 — *Rédei K.* History of the Permian languages [Geschichte der Permischen Sprachen] // *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. 1988. Pp. 351–394.
- Fortesque M. Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archeological and Linguistic Evidence. London, New York: Cassell, 1998. 307 p. (In Eng.)
- Häkkinen J. Early contacts between Uralic and Yukaghir. In: *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen på Hans Sextioårsdag den 12 February 2012 (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 264). Helsinki, 2012. Pp. 91–101. (In Eng.)
- Jochelson W. I. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus (Memoirs of the American Museum of Natural History 9). New York: G. Stechert, 1926. XVI, 469 p. (In Eng.)
- Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Maksimov A., Wozniak M., Grzybowski T., Dambueva I., Zakharov I. Ancient links between Siberians and Native Americans revealed by subtyping the Y chromosome haplogroup Q1a. *Journal of Human Genetics*. 2011. No. 56. Pp. 583–588. (In Eng.)
- Maslova E. Yukaghir Texts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 200 p. (In Yuk. and Eng.)
- Maslova E. A Grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 2003. 610 p. (In Eng.)
- Nikolaeva I. A. A Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 2006. 500 p. (In Eng. and Yuk.)
- Paasonen H. Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen. *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1907. No. 17. Pp. 13–31. (In Germ.)
- Piispanen P. S. Additional Turkic and Tungusic borrowings into Yukaghir. *Turkic Languages*. 2018. No. 22. Pp. 108–138. (In Eng.)
- Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen. In: Sinor D. (ed.) *The Uralic languages: Description, History, and Foreign Influences*. Leiden, New York: Brill, 1988. Pp. 351–394. (In Germ.)

Tailleur 1959 — *Tailleur O. G.* In defense of Yuk-
aghir, the eastern branch of the Uralic family
[Plaidoyer pour le Youkaghir, Branche Ori-
entale de la Famille Ouralienne] // *Lingua*.
1959. № 6. Pp. 403–432.

Tailleur O. G. Plaidoyer pour le youkaghir,
branche orientale de la famille ouralienne.
Lingua. 1959. No. 6. Pp. 403–423. (In Fr.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 695–719, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

Некоторые фонетические особенности языка каракольских калмыков: 50 лет лингвистического изучения

Анна Владимировна Дыбо¹,
 Илья Александрович Грунтов²,
 Владимир Наранович Мушаев³

¹ Институт языкознания РАН (д. 1 стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом

 0000-0002-6077-7183. E-mail: [adybo\[at\]mail.ru](mailto:adybo[at]mail.ru)

² Институт языкознания РАН (д. 1 стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-3290-2725. E-mail: [altaica\[at\]yandex.ru](mailto:altaica[at]yandex.ru)

³ Калмыцкий государственный университет (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-8321-7667. E-mail: [mushaev_vn\[at\]mail.ru](mailto:mushaev_vn[at]mail.ru)

Some Phonetic Features of the Karakol Kalmyk Language: Fifty Years of Linguistic Study

Anna V. Dybo¹,
 Ilya A. Gruntov²,
 Vladimir N. Mushaev³

Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Head of Department

Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

© КалмНЦ РАН, 2025

© Дыбо А. В., Грунтов И. А., Мушаев В. Н., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Dybo A. V., Gruntov I. A., Mushaev V. N., 2025

Аннотация. *Введение.* Каракольские калмыки — этническая группа ойратского происхождения, проживающая в Ак-Суйском районе Иссык-Кульской области Кыргызстана. Они являются потомками олетов, которые после подавления дунганского восстания 1881 г. перебрались на современные территории расселения. Язык каракольских калмыков утрачивается. *Цель статьи* — рассмотреть основные фонетические диагностические признаки, характеризующие диалект

каракольских калмыков, проживающих в Кыргызстане, в сравнении с другими калмыцкими и ойратскими диалектами и говорами. *Результаты.* Выявлены значения этих признаков на современном материале (собственном полевом материале авторов); проведено сопоставление с иногда противоречивыми описаниями, содержащимися в литературе. Установлен ряд фонетических распределений для действия правил переходов от общемонгольского состояния к состоянию, задокументированному для диалекта. Инструментальный акустический анализ в ряде случаев позволил подтвердить или опровергнуть слуховое впечатление различных исследователей диалекта. Классификационная специфическая близость диалекта к говору калмыков-цаатанов пока подтверждается по нескольким параметрам, но не находит подтверждения по некоторым другим; впрочем, окончательное решение может быть получено только после фонетического обследования других диалектов калмыцкого и ойратского языков по аналогичной признаковой матрице.

Ключевые слова: ойратская группа монгольских языков, диалекты, диалект каракольских калмыков, историческая фонетика, акустическая фонетика

Благодарность. Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта РНФ «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика» (№ 23-18-00518). Авторы выражают благодарность всем носителям языка каракольских калмыков, работавшим с ними.

Для цитирования: Дыбо А. В., Грунтов И. А., Мушаев В. Н. Некоторые фонетические особенности языка каракольских калмыков: 50 лет лингвистического изучения // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 695–719. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-695-719

Abstract. Introduction. Karakol Kalmyks are an ethnic group of Oirat descent inhabiting Ak-Suu District of Issyk-Kul Region (Kyrgyzstan). Those are descendants of Olots that migrated there after the Dungan Revolt of 1881 was suppressed. Nowadays, their native language is vanishing. *Goals.* The paper examines key phonetic diagnostic features characterizing the Karakol Kalmyk dialect in Kyrgyzstan — in comparison to other Kalmyk and Oirat dialects and subdialects. *Results.* The article reveals values of the features on the basis of present-day materials (the authors' own field data) and provides comparative insights into sometimes contradictory descriptions available in published works. It also specifies a number of phonetic distributions inherent to manifestations of sound change rules — from the common Mongolic state to the one documented for the dialect. In a number of cases, instrumental acoustic analyses made it possible to confirm or refute some auditory impressions of various dialect researchers. The specific classification proximity of the dialect to that of Tsaatan Kalmyks is confirmed for a number of parameters. However, any final conclusion can only be made after phonetic investigations of other Kalmyk and Oirat dialects through the use of a similar feature matrix.

Keywords: Oirat group of Mongolic languages, dialects, Karakol Kalmyk, historical phonetics, acoustic phonetics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00518 ‘Digital Atlas of Mongolic Dialects in Russia: Basic Vocabulary’. The authors express their heartiest gratitude to all involved native speakers of Karakol Kalmyk.

For citation: Dybo A. V., Gruntov I. A., Mushaev V. N. Some Phonetic Features of Karakol Kalmyk: Fifty Years of Linguistic Research. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 695–719. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-695-719

1. Общие сведения

Каракольские калмыки (самоназвание *сарт-калмак*, сарт-калмыки) живут в районе озера Иссык-Куль (кирг. *Ысык-Көл*) в Кыргызстане. По историческим данным, они переселились туда в XIX в. Относительно их происхождения существуют разные представления. По одним, это торгуты, которые по возвращении в Синоцзян с Волги кочева-

ли по реке Текес, а после Дунганского восстания (1861–1878) вышли на Нарин-гол, далее на Иссык-куль и Каракол (1881–1884) [Дондуков 1973: 165]. С другой стороны, в на основании сарт-калмыцкого предания [Бурдуков 1935] решительно утверждается, что это олеты, искони кочевавшие по рекам Чу и Текесу, и, вероятно, эти перекочевки могли включать и Каракол [Убушаев 2006:

38–40]. В настоящее время они являются мусульманами. Их численность составляет около 4–5 тыс. человек. Сарт-калмыцкими являются села Челпек, Таш-Кыя, Бурма-Суу и Берю-Баш в Иссык-Кульской области. Отношение сарт-калмыков к другим ойратам, особенно к калмыкам, разными специалистами оценивается по-разному. Например, Д. А. Павлов [Павлов 1990: 2] в очерке «Каракольские калмыки и их язык» утверждает, что характерные особенности их этнического самосознания, языка и фольклора свидетельствуют о былой общности с калмыками Поволжья, особенно с торгутами-цаатанами. В то же время Д. Сомфай-Кара упоминает, что преподавание литературного калмыцкого языка не прижилось у сарт-калмыков из-за сильного отличия диалекта (и кроме того, религиозных различий) [Somfai-Kara 2012: 202]. Б. Х. Борлыкова и Б. В. Меньяев полагают, что диалект сарт-калмыков наиболее близок языку олетов Синцзяна и цаатанскому подговору торгутского говора калмыцкого языка [Борлыкова, Меньяев 2020: 65].

Диалект сарт-калмыков близок к исчезновению. По данным 1999 г. [Somfai-Kara 2012: 201], свободно говорящими на языке сарт-калмыков были пожилые люди старше 80 лет, поколение 60-летних все еще понимало сарт-калмыцкий, но не использовало его. Основными языками общения в быту являлись киргизский и / или русский языки. Приблизительно так же можно оценивать ситуацию и в настоящее время.

В октябре 2024 г. делегация Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, помимо участия в официальных встречах с представителями научно-образовательных учреждений в г. Бишкеке и г. Караколе Иссык-Кульской области, посетила места компактного проживания каракольских калмыков. В селе Берю-Баш и в Челпековской сельской управе, куда входят села Бурма-Суу и Таш-Кыя, были организованы встречи с местными депутатами, представителями старшего поколения и молодежью, в ходе которых от 13 местных жителей с разным уровнем владения калмыцким языком были получены заполненные анкеты.

Для записи использовался стандартный список 200-словника Сводеша с контекстами. Информанты из сел Берю-Баш, Челпек, Бурма-Суу и Таш-Кыя, рожденные в период с 1934 г. по 1953 г. использовали каракольский калмыцкий язык для общения в быту, при этом они хорошо владели киргизским (также часто использовавшимся в бытовом общении) и русским языками.

2. Фонетические особенности языка сарт-калмыков в предшествующих описаниях и нашем полевом материале

По мнению большинства авторов, именно фонетические особенности языка сарт-калмыков позволяют выделить его как диалект калмыцкого языка, а не как говор.

Следует, однако, признать, что описания сарт-калмыцкой фонетики у разных авторов имеют некоторые отличия.

Самое раннее исследование собственно лингвистических данных по языку сарт-калмыков принадлежит У.-Ж. Ш. Дондукову [Дондуков 1973; Дондуков 1975]. Затем были опубликованы статья Э. Р. Тенишева [Тенишев 1976]; брошюра Д. А. Павлова [Павлов 1990], в основу которой легли материалы экспедиции 1982 г.; описание в монографии Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006], также составленное по материалам экспедиции 1973 г.; описание в статье Д. Сомфай-Кара [Somfai-Kara 2012] по итогам его поездки в 1999 г. В 2014 г. было опубликовано очень краткое описание сарт-калмыков и их языка Р. Алимова [Alimov 2014]. Упоминается язык сарт-калмыков и в диссертации Аттилы Ракоша [Rákos 2015], основой которой послужили материалы, взятые из изданной литературы. В ней фонетическим различиям между диалектами ойратской группы монгольских языков не уделено особого внимания, так как они признаются нефонологическими. Однако диалектолог, пытающийся составить генеалогическую или даже количественную классификацию диалектов, не должен пренебрегать нефонологическими (аллофоническими) различиями, которые могут отражать вполне фонологические исторические процессы, к тому же для лингвиста продуктивнее при описании придерживаться идиом позиционной фонологии.

Новое и наиболее полное описание сарт-калмыцких фонетических особенностей находим в статье Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева [Борлыкова, Меняев 2020], написанной на основе собственных полевых материалов, собранных авторами в ходе экспедиций в Аксуйский район Кыргызстана в период с 2009 по 2017 гг. В ней исследователи сопоставляют их данные с данными из ранних описаний.

В настоящей работе нами приводятся фонетические признаки, которые в калмыцкой диалектологии принято считать различающими говоры и диалекты калмыцкого языка, и их значения для сарт-калмыцкого, представленные в работах предшествующих исследователей (табл. 1).

3. Обсуждение

Для калмыцких диалектов существуют обобщающие описания, позволяющие извлечь из них набор языковых различительных признаков, по которым конкретный идиом можно было бы отнести к тому или иному говору. Прежде всего это работа Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006]. Мы воспользовались системой признаков, извлекаемой из данной монографии [Убушаев 2006], а для ойратских диалектов и говоров постарались извлечь сравнительные данные из работ Ж. Цолоо [Цолоо 1988], Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012], С. Баттулга [Баттулга 2019], в основном посвященных языку ойратов Монголии. В работе Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева [Борлыко-

ва, Меняев 2020] изредка приводится полевой материал, собранный авторами по ойратским диалектам Синьцзяна.

Записанный нами материал далеко не полон, и все наши информанты продемонстрировали владение скорее херитажным языком. Однако некоторые существенные различия в работах наших предшественников можно прокомментировать. При исследовании произношения были использованы спектрограммы, полученные в программе для акустического анализа PRAAT¹.

3.1. Вокализм

3.1.1. Развитие конечных *i*-дифтонгов

Одной из важных характеристик диалектов ойратской группы принято считать стяжение прамонгольских дифтонгоидных сочетаний **ai*, **ei* в открытый *æ*: (*ə* в кириллической калмыцкой орфографии). На деле это один из основных признаков, различающих калмыцкие торгутский, дербетский и бузавский диалекты. Из данных, приведенных в исследовании Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006: 79–80], можно составить следующую признаковую таблицу (см. табл. 2).

Насколько можно понять из работ У.-Ж. Ш. Дондукова и Д. А. Павлова, каракольский калмыцкий характеризуется в них так же (хотя у Д. А. Павлова имеется одно отклонение); и это один из трех фонетиче-

¹ PRAAT // URL: <https://praat.org/> (дата обращения: 15.08.2025).

Таблица 2. Развитие **ai* и **iua* на конце слова в калмыцких диалектах
[Table 2. Evolution of **ai* and **iua* in word endings across Kalmyk dialects]

	Перевод	Лит.	Торг.	Дерб.	Ики-дерб.	Буз.	Цаат.	Сарт. [Убушаев 2006]	Сарт. (ПМА)
<i>*ai#</i>	‘свинья’ ‘змея’ ‘голова’ ‘червь’ ‘собака’ ‘выходит’ ‘наш’ ‘много’	<i>haха:</i> <i>ноха:</i> <i>һарна:</i>	<i>haха:</i> <i>ноха:</i> <i>һарна:</i> <i>мана:</i> <i>дала:</i>	<i>haхә:</i> <i>нохә:</i> <i>һарнә:</i> <i>манә:</i> <i>далә:</i>	 <i>мәнә:</i> <i>дәлә:</i>	<i>hәхә:</i>	<i>hәхә:</i>	<i>hәхә:</i>	<i>пәхә:</i> <i>тәхә:</i> <i>толхә:</i> <i>хорхә</i>
<i>*iua#</i>	‘курица’	<i>така:</i>	<i>така:</i>	<i>такә:</i>		<i>тәкә:</i>	<i>тәкә:</i>	<i>тәкә:</i>	<i>taka:</i>

* Презентное окончание **-nai* и претеритное **-bai* восстанавливаются для общеойратского состояния в соответствии с письменно-ойратскими формами *-nai* и *-bai*, см. [Яхонтова 1996: 85–86].

Таблица 1. Сводные данные по отличительным признакам сарт-калмыцкого¹
[Table 1. Summarized data on distinctive features of Sart-Kalmyk]

Фонетическое развитие общих монгольских форм	[Дондуков 1973]	[Тенишев 1975]	[Павлов 1990] (1982)	[Убушаев 2006] (1973)	[Somfai-Kaga 2012] (1999)	[Борлыкова, Меняев 2020]	Наш полевой материал (2016, 2024)
*Vɪ# (например: <i>arbai</i> 'ячмень'; переходит в долгий <i>ae</i> ; или в долгий заднерядный гласный	<i>арва</i> 'ячмень' (?) (как пример на <i>ae</i> , типографическая ошибка?)		<i>гахэ</i> 'свинья', <i>үгэга</i> 'бедный', <i>хөрмэ</i> 'подол', но: <i>ноха</i> 'собака'	«Старо-письменные дифтонги независимо от позиции в слове развились в гласный [ə ~ ə:], ср. <i>арва</i> 'овес', <i>хөрмэ</i> 'подол', <i>халэ</i> 'жесть'» [Убушаев 2006: 40]		<i>ноха</i> 'собака', <i>вахэ</i> 'свинья', <i>тоха</i> 'змея', <i>сарва</i> 'подумал', <i>ювна</i> 'идет', но <i>ärvä</i> 'просо'	<i>пэуа</i> : * <i>pokai</i> 'собака', <i>тэва</i> : * <i>mogai</i> 'змея', <i>тоба</i> : * <i>tolugai</i> 'толова', <i>хорүа</i> * <i>qoqai</i> 'червяк', <i>usöhta</i> : 'мокрый', <i>su.na</i> : 'сидит', <i>zo.xuwa</i> : Т 'остановилась', <i>zo.xuwa</i> : К 'стоит', <i>su.wa</i> : Т 'сел', <i>ugə, gə</i> К, А * <i>ügei</i> 'нет'
*ɣaʃ, результат стяжения	—	—	—	—	—	—	<i>taka</i> : 'курица'
*VɥV (например: <i>ayaga</i> 'чашка') — каков результат стяжения?	<i>ба́на</i> 'находит-ся'	—	<i>бээнэ</i> 'есть', <i>ээмүг</i> 'аймаг', <i>чэ</i> 'чай' (* <i>ča-yi</i> ?)	<i>э:he</i> 'чашка'	—	<i>äätəg</i> 'аймак', <i>сә</i> 'чай', <i>sään</i> 'хороший', <i>äärig</i> 'айран', <i>ääl</i> 'айи'	<i>sæ.n</i> 'хороший', <i>bæ.næ</i> 'есть', <i>su.ɬæne</i> : Я, Т 'сидит', <i>niskæne</i> : Т 'летит'
*(C)VCi(C) (например: * <i>toŋin</i> 'лошадь'), наблюдается ли умлаут (мена ряда) под влиянием следующего гласного	<i>äp</i> 'к'и 'водка', <i>mörn</i> 'лошадь'	<i>хөре</i> 'двадцать', <i>тэве</i> 'пятдесят'	<i>тэве</i> < <i>tabin</i> '50', <i>mөрүн</i> 'лошадь', <i>салькын</i> 'ветер', но: <i>такъм</i> 'подколенный стиг'	<i>кхүрүм</i> 'свадьба', но <i>такъм</i> 'подколенный стиг'	<i>mörön</i> 'лошадь', <i>tävə</i> 'пятдесят', <i>ämsxəl</i> 'вздох', <i>äygə</i> 'часть', <i>ämtäxən</i> 'сладкий', <i>ärki</i> 'водка', <i>ävərtä</i> 'гневный', <i>äjt</i> 'яблоко',	<i>mörün</i> 'лошадь', <i>xətmön</i> 'баран-Асс', <i>tävə</i> '5', <i>ælimgə</i> К 'яблоко-Асс' (но <i>älimgə</i> Т)	

¹ Здесь и далее все примеры приводятся в графике источников. Все примеры из ПМА приведены в транскрипции МФА. В данных из наших полевых материалов заглавной буквой обозначены фамилии информантов, при отсутствии обозначения данное произношение зафиксировано у всех информантов.

						<p>āṭan 'жизнь', āṭdā 'живой', āṭḥan 'ладонь', āḍal 'похожий', āṭḥā 'закрыть глаза', nāṭin 'тонкий', xōṭii 'двадцать', mōṭin 'лошадь', bārḥā 'держать', zālḥəṭnā 'молится', takut 'подколенный стиб', но ṣākəlnā 'сверкает'</p>	
* (C) iCV и * (C) ViCV (новая пе- редняя гармония по предшеству- ющим i, ə)		куру 'иней', бээнэ 'имеется', ээмэг 'аймак'	ə:he 'чашка', mə:ijnə 'блеет'		хэйjīnā 'тает', tāālnā 'снимает', zālḥəṭnā 'молится'	bə:nə: 'есть', su:ḍəneə: Я, Т 'сидит', nistəneə: Т 'летит', teoxteəwə: 'сбил', ḍəirən '60'	
* (C) iCV (пере- лом) (*nidūn 'глаз' *nigen '1')	нет перелома, роль «и» сво- дится к палата- лизации пред- шествующего ему согласного звука: нидун 'глаза', алчир 'платок', дэвил 'шуба', иуры 'бусы', тэргин 'теле- га', бичиг 'письмо'	неполный пере- лом: нидн 'глаз', негн '1', зырга 'шесть', йёсе 'девять' (*yisūn), но ишдн 'зуб', жире '60', куру 'иней'	перелом: нидун 'глаз', негаге 'одну', но ишде 'зубы'		nīdūn 'глаз', negən 'один', ḥisun 'кровь', nīlṁsən 'слезы', xixi 'нож', ḥōdiir 'пути', ḥavər 'глина' «В некоторых словах не наблюдается пере- лом „i“» [Борлыкова, Меняев 2020: 64]: žire 'шестьдесят', šingīn 'жидкий', žirḥal 'счастье'	k'umsoṅ Т 'ноготь' (*kitmusun), k'uto: 'нож' (*kituga), maḥən 'мясо' (*mikan), cat A, Т 'зажги' (*sita), teosūn A, K, Т 'кровь' (*ḥisun), nūdiṅ 'глаз', nēfən, nēfə '1', но eiḍən 'зуб' (*sidūn), ḍəirən Тек '60' (*jiran)	
* (C) iCV (пере- лом) *sibahun					ḥolun 'камень'	ḥowun Т 'птица', teohun K, teohun T, A	

‘птица’, <i>čilahun</i> ‘камень’	<i>мөрн</i>	Конечный <i>e</i> встречается после <i>o, ə, e, u</i> : <i>dөрвө</i> ‘четыре’, <i>йёре</i> ‘девять’, <i>йёре</i> ‘девятьсто’, <i>эчхе</i> ‘отец’, <i>эке</i> ‘мать’, <i>жире</i> ‘шестидесят’, <i>чйче</i> ‘правнук’ [Тенишев 1976: 84].	ээжи ‘бабушка’ эгчи ‘сестра’ эчхе ‘отец’ эне ‘этого’ <i>тере</i> ‘тот’ <i>йесе</i> ‘девять’ <i>хөре</i> ‘двадцать’ <i>хөрүн ниген</i> ‘двадцать один’	«Лабialsые гласные в первых (втором, третьем) слогах, если в первом слоге имеется лабиальный [o, ə, y] гласный» [Убушаев 2006: 40]: <i>сүкү</i> ‘топор’, <i>үкүр</i> ‘корова’, <i>өөсүн</i> ‘травя’, <i>төмүр</i> ‘железо’, <i>үвүлзүн</i> ‘зимовье’, <i>үчү</i> ‘шуба’, <i>мөсүн</i> ‘лед’	«Лабialsые гласные в первых (втором, третьем) слогах, если в первом слоге имеется лабиальный [o, ə, y] гласный» [Убушаев 2006: 40]: <i>сүкү</i> ‘топор’, <i>үкүр</i> ‘корова’, <i>өөсүн</i> ‘травя’, <i>төмүр</i> ‘железо’, <i>үвүлзүн</i> ‘зимовье’, <i>үчү</i> ‘шуба’, <i>мөсүн</i> ‘лед’	« <i>Final vowels are also preserved although reduced, e.g. xarǝ ‘black’</i> » [Somfai-Kara 2012: 202]. э, ə, ү, ө, ў, ё	«Гласный <i>ü</i> встречается во всех слогах слова»: <i>kiükiün</i> ‘девочка’, <i>nüümsən</i> ‘слезы’, <i>iiüdin</i> ‘дверь’, <i>iiülin</i> ‘облако’, <i>iiüzg</i> ‘буква’, <i>iiüdi</i> ‘обед’, <i>iiisiin</i> ‘молоко’, <i>iiingün</i> ‘лиса’	‘камень’, <i>zigkan</i> ‘б’ (*jiguhan) <i>qazar</i> ‘земля’ (*gajar), <i>narən K</i> ‘солнце’ (*narən), <i>tawən</i> ‘5’ (*tabun), <i>teasən</i> ‘снег’ (*časJan), <i>ečəkə</i> ‘отец’ (*ečige), <i>ekə</i> ‘мать’ (*eke), <i>ukūr</i> ‘корова’ (*hüker), <i>önvši</i> ‘травя’ (*ebesün), <i>gürwön</i> ‘3’ K <i>gürwə</i> , <i>gürwön</i> T ‘3’ (*gurban), <i>tósön A, T, tosön K</i> ‘жир’ (*tosun), <i>xojoǝ</i> ‘2’ K, <i>xoǝar</i> T ‘2’ (*koǝar) (но <i>χar A, K, T</i> , ‘черный’, <i>eaat</i> , <i>eaatə A, T</i> ‘зажги’ (*sita)) <i>tósön A, T, tosön K</i> ‘жир’, <i>xojoǝ K, xoǝar</i> T ‘2’, <i>ukūr</i> ‘корова’, <i>önvši</i> ‘травя’
(C)VCVC(C), характер огубленных редуцированных — бывает ли широкий огубленный рефлекс (*moǝin ‘лошадь’)	<i>мөрн</i>	«Широкие огубленные возможны и в первых слогах: <i>өлкө</i> ‘дедушка’, <i>өөрчө</i> ‘грудь’, <i>мөңгөн</i> ‘серебро’» [Тенишев 1976: 84].	а) <i>олон</i> ~ <i>олун</i> ‘много’ <i>мөңгөн</i> ~ <i>мөңгүн</i> ‘серебро’ <i>одон</i> ~ <i>одун</i> ‘звезда’ <i>өмнө</i> ‘вперед’, <i>өбкө</i> ‘дед’, <i>босго</i> ‘косяк’, <i>бөлө</i> ‘двоюродный брат’,	<i>V</i> > <i>ү, ө, ў, ё</i> только узкие <i>hurwü</i> ‘три’, <i>үвүл</i> ‘зима’, <i>үмсүн</i> ‘зола’, <i>жүрүм</i> ‘свадьба’	«The short vowels of the non-initial syllables are reduced but not as much as in the <i>Ijil-xal’ng dialect, e.g. mörün / mörən</i> »	«Гласный <i>ö</i> встречается только в первом слоге слова. В первых слогах слова гласный <i>ö</i> не встречается» [Борлыкова, Меньяев 2020: 61]	«Гласный <i>ü</i> встречается во всех слогах слова»: <i>kiükiün</i> ‘девочка’, <i>nüümsən</i> ‘слезы’, <i>iiüdin</i> ‘дверь’, <i>iiülin</i> ‘облако’, <i>iiüzg</i> ‘буква’, <i>iiüdi</i> ‘обед’, <i>iiisiin</i> ‘молоко’, <i>iiingün</i> ‘лиса’	‘камень’, <i>zigkan</i> ‘б’ (*jiguhan) <i>qazar</i> ‘земля’ (*gajar), <i>narən K</i> ‘солнце’ (*narən), <i>tawən</i> ‘5’ (*tabun), <i>teasən</i> ‘снег’ (*časJan), <i>ečəkə</i> ‘отец’ (*ečige), <i>ekə</i> ‘мать’ (*eke), <i>ukūr</i> ‘корова’ (*hüker), <i>önvši</i> ‘травя’ (*ebesün), <i>gürwön</i> ‘3’ K <i>gürwə</i> , <i>gürwön</i> T ‘3’ (*gurban), <i>tósön A, T, tosön K</i> ‘жир’ (*tosun), <i>xojoǝ</i> ‘2’ K, <i>xoǝar</i> T ‘2’ (*koǝar) (но <i>χar A, K, T</i> , ‘черный’, <i>eaat</i> , <i>eaatə A, T</i> ‘зажги’ (*sita)) <i>tósön A, T, tosön K</i> ‘жир’, <i>xojoǝ K, xoǝar</i> T ‘2’, <i>ukūr</i> ‘корова’, <i>önvši</i> ‘травя’

			авдър 'сундук', санва 'думает', но аб 'возьми', кеб 'колодка', таб 'положи', табчкь ~ тэлчкь 'положи', зөлтә 'положенный', таб ~ тоб 'междометие', өпчанә 'болит', би келүб ~ келүв 'я сказал'	w (на конце или перед глухой согласной может переходить в р). Нередко сохраняется как [b]» [Убушаев 2006: 41]: кеб 'колодка' аб- 'брат', тэб- 'полжить', тэбчике ~ тэлчике 'полжить', зоб 'согласие', ебдкер 'боль', би келүб 'я сказал'		аавә 'дедушка', авдәр 'сундук', зәлчәтә 'молится', живәр 'пот', тавәг 'блюдо', завәг 'деталь юрты', санва 'подумал', devskær 'подстилка для скота', devxә 'пинать', tebkә 'кобылка', täbckә / täpckә 'положи', керddæk 'лежащий', zәb-zör 'правильный', зörтә 'положенный', örsänä 'болит', körsьk 'подстилка под седло', ab 'возьми', imäb 'приду', täb 'положи', bi kelüb 'я сказал'	awɣa: 'жена' (*abagai), ap 'возьми' (*ab), örtæɣnē 'болит', örtæy: 'грудь' (*ebčihü(n))
b перед носовыми			йомна 'придет', тэмнә 'кладет'			jomna 'идет', tämnä 'кладет', amna 'берет', но azær jomnav 'сейчас придет'	jowna: A, T 'ходит'
*ç: возникает ли оппозиция между шипящей и свистящей аффрикатами (*çagahan 'белый',	«Из-за отсутствия перелома и произношение многих слов остается таким же, как в древнемонголь-	ч сохраняется всегда, кроме 3 случаев: билцъг 'кольцо' цугла 'портянки' инцхана 'ржет'	отсутствие согласного [ц] и повсеместное употребление аффрикаты [ч], например, чаха:н 'белый', чэвер 'чистый',	«The affricate č is usually pronounced č in that dialect. The separation of c / č		çag 'время', çakældæk 'прис', çä 'чай', хурçә 'острый', çäkälnä 'сверкает', çevæg 'чистый', ханçta 'с рукавом',	teakán 'белый' (*çagahan), teošün 'кровь' (*čisun), teasən 'снег' (*časun)

*čag 'время'	ском» [Дондуков 1973: 168]: чирай 'лицо' («по-цельпекски»)			часын 'снег', чаг 'время', чэку:р 'кремень', чокна: 'бить', чуha:р 'все', чугырхы 'со-бираться', чарча 'саранча'	<i>is not so evident as in other Oirad dialects, e. g. čaγūn 'white', časān 'snow' » [Somfai-Kara 2012: 202].</i>	čaṇə 'сани', čaṇaṇ 'белый', čegān 'прозрачный', čāārān 'дальше', čukaṇ 'вместе', časəṇ 'снег'	
*j: позиции латализации и депалатализации	Аффрикаты дз, ц, ч, дж соответствуют современным монгольским и киргизскому языкам	журе '60'			«The separation of /j/ is common but as in other Oirad dialects /j/ is pronounced as z, e. g. zurγa 'six' » [Somfai-Kara 2012: 202]	zafə мужчина, zo:χsunwa: Т 'остановилась', zo:χsunā: К 'стоит', zurγaṇ '6', zʏrkyṇ 'сердце' (*žürike), džairəṇ '60'	
jɪV: переход в [j] (*jigaṣun 'рыба')		йокчана 'стоит', йаһсгын 'рыба'	йокчана 'стоит', йаһсгын 'рыба'	йокчана 'стоит', майа 'кнут', сойна 'менять', сойун 'интересный', уйун 'ресный', 'шест', мэ:йнэ 'блеет', той 'зеркало'		ja:sən 'рыба'	
liV, niV (maliya 'плеть', sonin 'новость', interessant): переход в [j]		майа 'плетка', айа 'балованный', айын 'переметная сумка', тойь 'зеркало', суйь 'овес', дойна 'меняет', сойун 'интересный', уйун 'шест'	майа 'плетка', айа 'балованный', айын 'переметная сумка', тойь 'зеркало', суйь 'овес', дойна 'меняет', сойун 'интересный', уйун 'шест'	айт 'яблоко', таја 'кнут', sojna 'менять', uɪjna 'плачет', mäjɪnā 'блеет, мяукает'		toja 'зеркало' (*tolui), sojən 'интересный' (*sonin)	

Спорадический переход начального $l > [j]$			явишг 'халат' вместо лавишг	javšik 'халат'	
*k в заднерядном вокалическом окружении	<p>а) «Увулярный смычный глупый къ»: зокъа 'сметана', нокъа 'собака', къира 'ворона', къира 'ворона', бука 'бык';</p> <p>б) «Губоко-заднеязычная аффриката кх, смычная часть которой артикулируется неясно, образуется в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким небом. С заднерядными гласными, кхонь 'овца', кхојур '2', кхазыр 'земля', кхупчу 'одежда', кхазар 'уздечка', макхын 'мясо', куткуху 'нож'» [Дондуков 1973: 167]</p>	<p>а) <i>такъм</i> 'подколенный стиг', <i>бакъсън</i> 'вид козла', <i>макър</i> 'кривой', <i>сақна</i> 'посвящать себя', <i>туқрна</i> 'нагрывает', <i>шарқъна</i> 'ноет, ломит';</p> <p>б) <i>кх</i>- в мягкорядных и твердорядных словах в начале слова: <i>кхурум</i> 'свадьба', <i>кхулчун</i> 'одежда'</p>	<p>а) «В их языке сохранились следы заднерядного варианта гласного [и]. Например, <i>такъм</i> 'подколенный стиг', <i>бакърсын</i> 'небольшой котел', <i>макыр</i> 'кривой', <i>сакна</i>: 'следить, выжидать', <i>туқырна</i>: 'направлять, наускивать'» [Убушаев 2006: 41];</p> <p>б) аффриката [кх]. <i>кхурум</i> 'свадьба', <i>кхулчун</i> 'одежда', <i>кхутху</i> 'нож'</p>	<p>а) «Согласная <i>k</i> имеет также твердый оттенок: <i>takum</i> 'подколенный стиг', <i>šarkalna</i> 'ноет, ломит';</p> <p>б) «в записанных полевых материалах авторов аффрикат <i>kx</i> в языке сарт-калмыков не зафиксирован (<i>xürim</i> 'свадьба', <i>xiršin</i> 'одежда' и др.)» [Борлыкова, Меньяев 2020: 64]</p>	<p><i>пъа</i> 'собака' (*pokai), <i>тођа</i>: 'голова' (*tolugai), <i>хоръа</i>: 'червяк' (*korkai), <i>хатан</i>, <i>q̣aṭan</i> 'теплый' (*kalahun), <i>сәән</i> <i>kʰuṭɔ</i>: А 'хороший нож' (*kituha) <i>kʰuṭmsoj</i> Т 'ноготь' (*kimusun), <i>taka</i>: 'курица' (*takiya)</p>

*k в переднерядном окружении	о́кер 'корова', к'эл'и 'язык', кел 'нога'						хəŋɥə 'баран-Асс' (*kōŋi), kʰɪŋ 'холодный' (*kōji-ten, калм. kītŋ), kʰəl, kʰəlɪŋ 'нога' (*kōl), kʰel, kʰelɪŋ 'язык' (*kilen), ekə 'мать' (*eke), ukɪŋ 'корова' (*hüker)
g в заднерядном окружении	гъ — увулярный щелевой: гъу́ур 'мука', гъесун (опечатка?) 'сапоги'	«Щелевой g ... встречается и в начале слов и между гласными, а также между сонорными и гласными» [Тенишев 1976: 84]: гу́й 'бедро', гу́рву 'три', гу́чу 'тридцать', мантаган 'с нами', тантаган 'с вами', зы́рга 'шесть', арну́ргун 'спина', толг'а 'голова'	Увулярный h в начале слова — смычный, в середине слова — щелевой			«Увулярная согласная соединяется в начале слова, в середине слова открытая» [Борлыкова, Меньяев 2020: 63]	qar 'рука' (*gar), qurwop 'з' (*gurbap), qazar 'земля' (*gazar), ɬəwáp 'белый' (*ɬaga-hap)
Оглушение *g в сочетании с сонантом	-	-	-	Н. Н. Убушаев отмечает для бузавского диалекта	-		toɬa 'голова' (*tolugai), xoɬa 'червяк' (*koɬkai)

ских признаков, по которым Н. Н. Убушаев решительно сближает каракольский диалект с диалектом калмыков-цаатанов.

Но наш материал не подтверждает оба типа различий. Все три проанализированных информанта неизменно выдавали характерное для калмыков-торгутов развитие **ai#*, **iya#* > [a:] и, соответственно, при отсутствии позиции отсутствие упреждения первой гласной (см. рис. 1, 2, 3). Это касается как словарных форм исконно двусложных и трехсложных имен (*ноха*: ‘собака’, *тоха*: ‘змея’, *толха*: ‘голова’ < **tolugai*, *хорха* ‘червяк’, *така*: ‘курица’), так и комитативного суффикса **-tAi*: *usōnta*: ‘мокрый’ — и презентного ойратского показателя **-nAi*: *su:na*: ‘сидит’, *зохсунa*: ‘стоит’. Такое развитие характерно и для большинства ойратских диалектов Монголии (см. табл. 2а).

Специфическое развитие показывает отрицательный предикат **UgAi* ‘нет’ (калм. лит. ‘уга’): по-видимому, конечная долгая гласная подверглась губному сингармонизму, после чего начальный узкий выпал; в результате все 4 произнесения всеми информантами выглядят как [gə] (сокращение, видимо, вследствие грамматикализации).

Н. Н. Убушаев отмечает интересное развитие глагольной формы презенса *су:жэ:на:* ‘сидится’: в цаатанском подговоре — *су:жэ:на:*, *йовжэ:на:*, *суржэ:на:* «с заменой первого [э:] на нейтральный долгий [и:], ‘примиряющий’ две разные системы гласных в одном слове» (лит. *су:жэ:на:*, *зогсча:на:*, *харча:на:*). В нашем материале, зафиксированном от каракольских калмыков, это единственный тип основ, в котором мы видим *-æ:* в соответствии с праязыковым **-ai#*, при этом форма не совпадает с указанной цаатанской; это *su:ḍæ:næ:* ‘сидит’, *nistæ:næ:* ‘летит’

(**sahu-ǰAi-nAi*, **unis-ǰAi-nAi*). Вероятно, здесь рефлекс первого дифтонга обусловлен его внутренней позицией в слове, а конечный гласный развивается сингармонически под его влиянием. Похоже, что именно такие формы обусловили не вполне точное описание каракольско-калмыцкой ситуации у предшественников; ср., впрочем, отклоняющуюся от нашего правила форму *ärvä* ‘просо’ в [Борлыкова, Меньев 2020: 60].

3.1.2. Развитие сочетания **ayī*

Внутреннее сочетание **ayī* в каракольском калмыцком стандартно развивается в *æ:*, вызывая упреждение последующих гласных (рядный сингармонизм): [sæ:n] ‘хороший’ < **sayin*, [bæ:næ] ‘есть’ из общеойратского **bayinai*. Такое же развитие наблюдается во всех ойратских диалектах Монголии (дербеты, торгуты, захчины, хотоны, олетский, урянхайцы, байты *sān*, олеты *sāŋ*) [Цолоо 1988: 741; Баттулга 2019: 330], *bä:gü:lä:l* ‘организация’ (во всех ойратских диалектах Монголии) < *bayiyulal* [Цолоо 1988: 88]. Однако **ayī* > *a:* в торгутском, донском подговоре дербетского калмыцкого, бузавском [Убушаев 2006: 84] (см. рис. 4, 5).

3.1.3. Упреждение перед **i*

Описываемое предыдущими исследователями действие «ойратского умлаута», то есть упреждение гласной слова перед «нейтральной» **i*, а также перед вновь развившейся *æ*, наблюдается и в нашем материале (см. табл. 3).

То, что находится в нашем материале, соответствует распределению, вырисовывающемуся в этой таблице для сарт-калмыцкого (и соответствующему цаатанскому): *taka*: ‘курица’ (< **takiya*), *тохтэwæ:* ‘срубил’ (< **čoki-ǰi-bAi*), т.е. без умлаута

Таблица 2а. Развитие **ai* и **iya* в ойратских диалектах Монголии [Баттулга 2019; Цолоо 1988]

[Table 2a. Evolution of **ai* и **iya* in Oirat dialects of Mongolia]

		олет. [Баттулга 2019]	дзах.	торг.	урян.	дерб.	байт.	хотон.
<i>*ai#</i>	‘собака’	<i>ноха:</i>	<i>нохо:</i>	<i>нохо:</i>	<i>нохо:</i>	<i>нохо:</i> <i>ноха</i>	<i>ноха:</i>	<i>ноха:</i>
	‘свинья’	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i> <i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>
<i>*iya#</i>	‘курица’	<i>taka</i> [Баттулга 2019], <i>taka:</i> [Цолоо 1988]	<i>така:</i>	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>	<i>takā</i>	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>

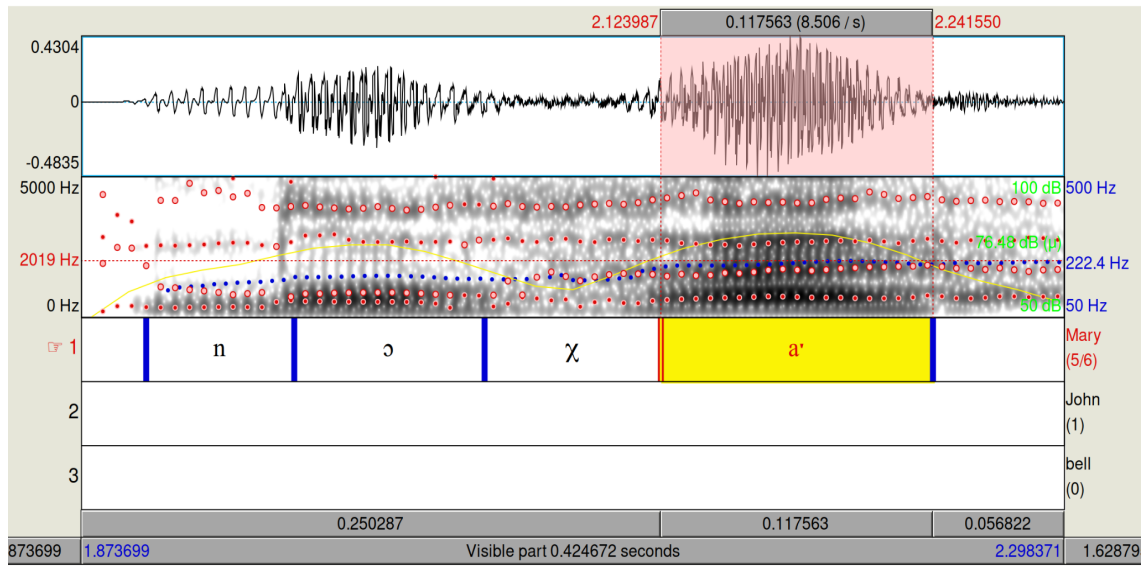

Рис. 1. nəχa ‘собака’. Отчетливо виден удлинённый характер последней гласной
[Fig. 1. nəχa ‘dog’. Prolongation of the last vowel is evident enough]

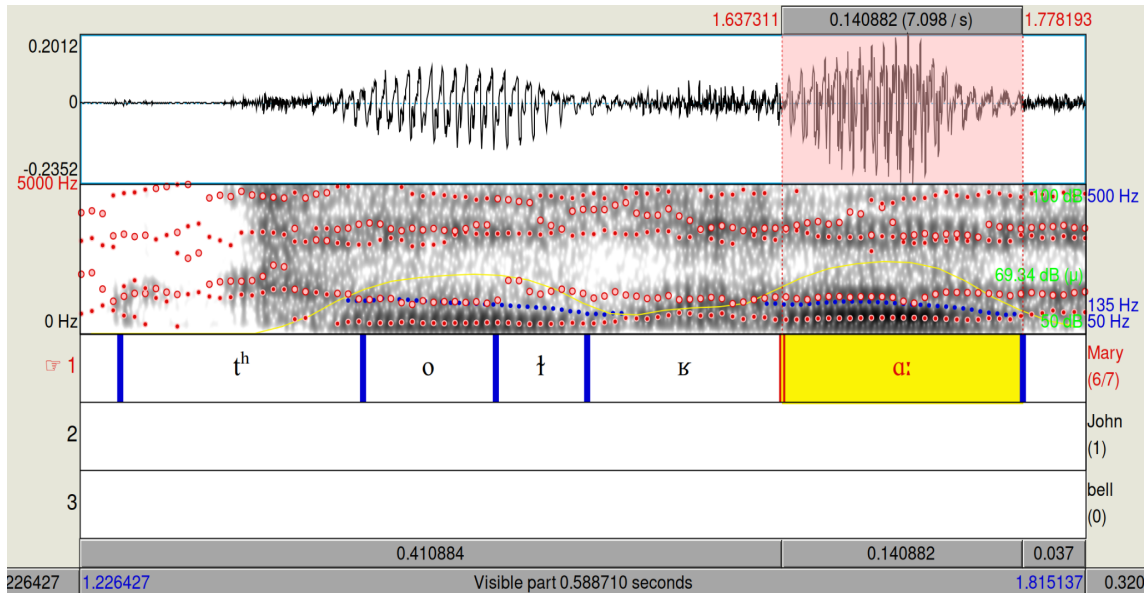

Рис. 2. thəχa ‘голова’
[Fig. 2. thəχa ‘head’]

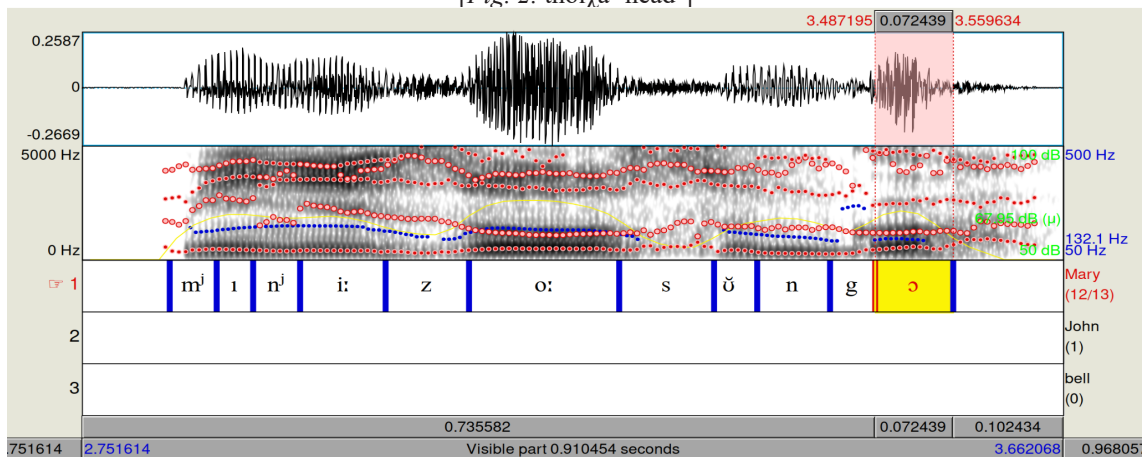

Рис. 3. mɪn'i zo:səŋ gə ‘у меня нет денег’
[Fig. 3. mɪn'i zo:səŋ gə ‘I have no money’]

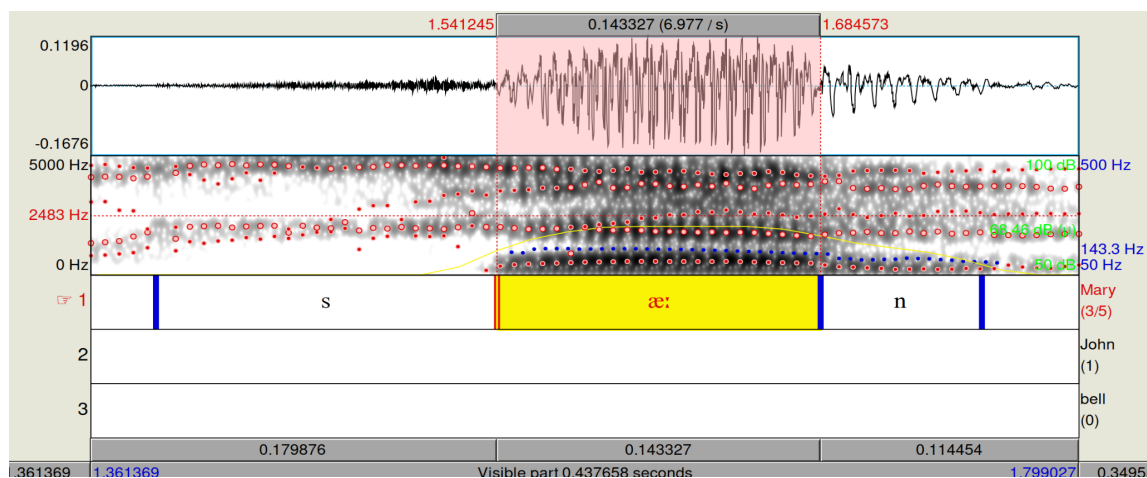

Рис. 4. *sæ:n* 'хороший'
[Fig. 4. *sæ:n* 'good']

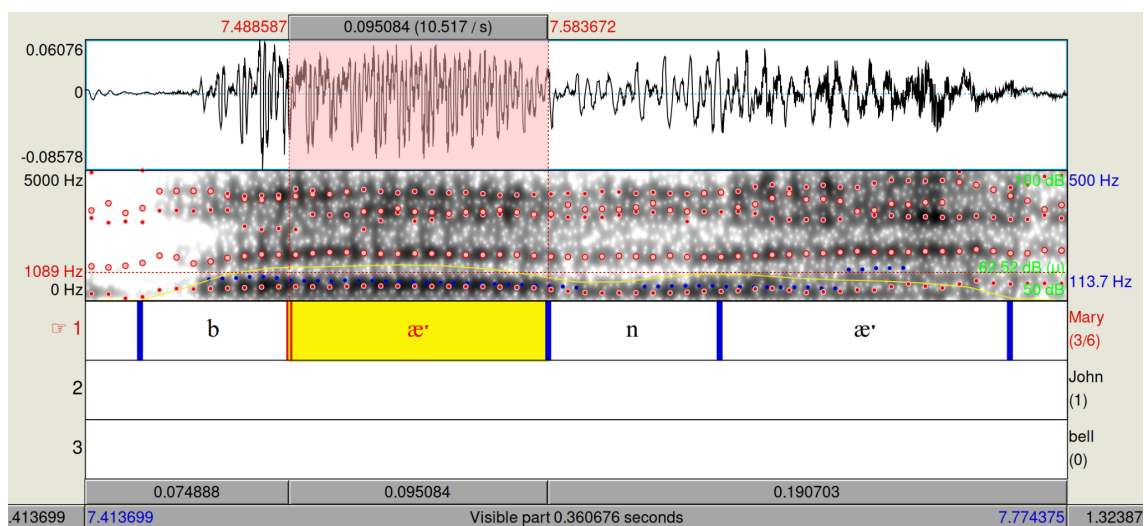

Рис. 5. *bæ-næ* 'есть, имеется'
[Fig. 5. *bæ:næ* 'be; have got']

Таблица 3. «Ойратский умлаут» в калмыцких диалектах (по: [Убушаев 2006])

[Table 3. «Oirat umlaut» in the Kalmyk dialects]

Перевод		Лит.	Торг.	Дерб.	Ики-дерб.	Буз.	Цаат.	Сарт.
‘подколенок’	*VKi *takim		такым	тәкем	тәкем		такым	такым
‘ветер’	*VRKi *salkin	салькын	сэлкен	салькын	салькын		сэлкен	
‘лошадь’ ‘овца’	*VRi *morin *konin	мөрэн	мөрэн хөөн	мөрэн хөөн~хөн		морын хоонь		мөрэн

при заднеязычном перед умлаутизирующей гласной, но с умлаутом при прочих согласных: *mörŋ* ‘лошадь’, *xönŋ-gə* ‘баран-Асс’, *elŋm-gə* ‘яблоко-Асс’ (один раз встречено *aŋm-gə* Т), *tæwə* ‘50’ (< *tabin). В материале [Борлыкова, Меняев 2020] этому распределению соответствуют почти все формы, включая *takum* ‘подколенный сгиб’, но противоречит один пример: *čäkəlnä* (калм. лит. *цəклнə*) ‘сверкает’, **čäki-l-l*¹. В ойратских диалектах Монголии мы видим следующую ситуацию (см. табл. 3а).

В этих данных можно усматривать систему, похожую на сарт-калмыцкую, в хотонском, баитском и торгутском — с отсутствием умлаутизации перед заднеязычным и ее бесперебойным наличием при других согласных.

3.1.4. Перелом *i

Что касается перелома *i первого слога, то в наиболее ранней работе Дондукова вообще отрицается перелом в сарт-калмыцком. Однако начиная с Э. Р. Тенишева все пишут о неполном или нерегулярном переломе. Эти различия не могут быть

¹ Еще один пример, *äxər* (калм. лит. *axər*, олёт. *äxər*) ‘короткий’ [Борлыкова, Меняев 2020: 60] не поддается интерпретации: письменномонгольская форма этого прилагательного *aqur*, письменная ойратская *aqar* [Цолоо 1988: 24], в ойратских говорах Монголии в [Цолоо 1988: 24; Баттулга 2019: 169] только заднерядные формы, без следов умлаута.

обусловлены временем обследования: полевые записи Дондукова, Э. Р. Тенишева и Н. Н. Убушаева проводились в одном и том же году. Наш материал дает довольно четкую систему (по-видимому, соответствующую тому, что описывалось Э. Р. Тенишевым, Д. А. Павловым и Н. Н. Убушаевым): перелом происходит в заднерядных словах при любой начальной согласной, кроме *j-; в переднерядных — при любой начальной согласной, кроме *s- (т. е. *с*-). Ср., с одной стороны, *k^humsōŋ* ‘ноготь’ Т (*kimusun), *k^hutxo*: ‘нож’ (*kituga), *maχən* ‘мясо’ (*mikan), *eat* ‘зажги’ А, Т (*sita), *təvšün* ‘кровь’ А, К, Т (*čisun), *niydŋŋ* ‘глаз’ (< *nidün), *n^heyən* ‘один’ (< *nigen); с другой — *čirən* Тек ‘60’ (< *jiran), *eidən* ‘зуб’ (*sidün). При этом если вторая гласная долгая (вследствие стяжения комплекса с *h), то перелом происходит при любой начальной согласной: *əwōŋ* Т ‘птица’ (< *sibahun), *təolún* К, *təólōŋ* Т, А ‘камень’ (< *čilahun), *zurvan* ‘6’ (*jirguhan). То же распределение извлекается как будто из материала Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева (см. табл. 1).

3.1.5. Редуцированные непервого слога

Характер рефлексов непервых кратких гласных для каракольского калмыцкого описывается в основном как «несколько

Таблица 3а. «Ойратский умлаут» в ойратских диалектах Монголии
(по: [Цолоо 1988: 800, 803, 639, 454])

[Table 3a. Oirat Umlaut in Oirat Dialects of Mongolia]

Перевод		Олет	дзах.	торг.	урян.	дерб.	баит.	хотон.
‘подколенок’	*VKi *takim	<i>täkim</i> , <i>takām</i>	<i>täkim</i> , <i>takām</i>	<i>takām</i>	<i>täkim</i> , <i>takām</i>	<i>takām</i>	<i>takām</i>	<i>takām</i>
‘кожемялка’	*VRKi *talki	<i>talkä</i>	<i>tälkä</i> , <i>talkä</i>	<i>tälkä</i> , <i>talkä</i>	<i>talkä</i>	<i>talkä</i>	<i>talkä</i>	<i>talkä</i>
‘лошадь’	*VRi *morin	<i>mörōŋ</i> , <i>mör</i>	<i>mörōŋ</i> , <i>mör</i>	<i>mörōŋ</i>	<i>mörōŋ</i> , <i>mör</i>	<i>morŋ</i> , <i>mör</i> , <i>mörōŋ</i>	<i>mörōŋ</i>	<i>mörōŋ</i>
‘овца’	*konin	<i>hö</i> : [Бат- тулга 2019: 396]	<i>xö</i> :, <i>xö:n</i> , <i>xö:nä</i>	<i>xö:nä</i>	<i>xö:nä</i> , <i>xö:n</i>	<i>xö:n</i> , <i>xö</i> :, <i>xoen</i>	<i>xö:n</i>	<i>xö:n</i> , <i>xöi</i>

более четко артикулируемые редуцированные». Действительно, анализ показывает, во-первых, в данном случае сверхкраткие гласные (в полтора-два раза короче обычных гласных 1-го слога). Во-вторых, эти редуцированные получают огубленность, если предшествующая гласная огубленная. Таким образом в говоре, в отличие от литературного калмыцкого, где различаются редуцированный заднего ряда (ə), переднего ряда (ə) и восходящий к *i (i), имеются еще две огубленные гласные — *ö* и *ʉ*. Огубленные и неогубленные редуцированные непервых слогов после губной первой гласной выделяются и в говорах ойратов Монголии, ср.: ‘корова’: *ükiür* (дерб.,

торг., олет., урян., баит., хотон.), *ükiür* (дзах., урян.), *ükküür* (дзах.) [Цолоо 1988: 884; Цэн-дээ 2012: 34, 41].

Упоминания авторов о наличии широких огубленных редуцированных (обычно варьирующихся с узкими), возможно, связаны с тем, что качественно эти гласные сдвинуты из верхнего подъема к среднему (как это свойственно всем редуцированным). Конечная краткая в двусложном слове, видимо, полностью исчезает спорадически: *χar* ‘черный’ А, К, Т (*kara); *εat*, *εatə* ‘зажги’ А, Т (*sita); *ekə* ‘мать’ (*eke); непервые гласные в закрытом слове обычно не исчезают (см. рис. 6, 7, 8, 9, 10).

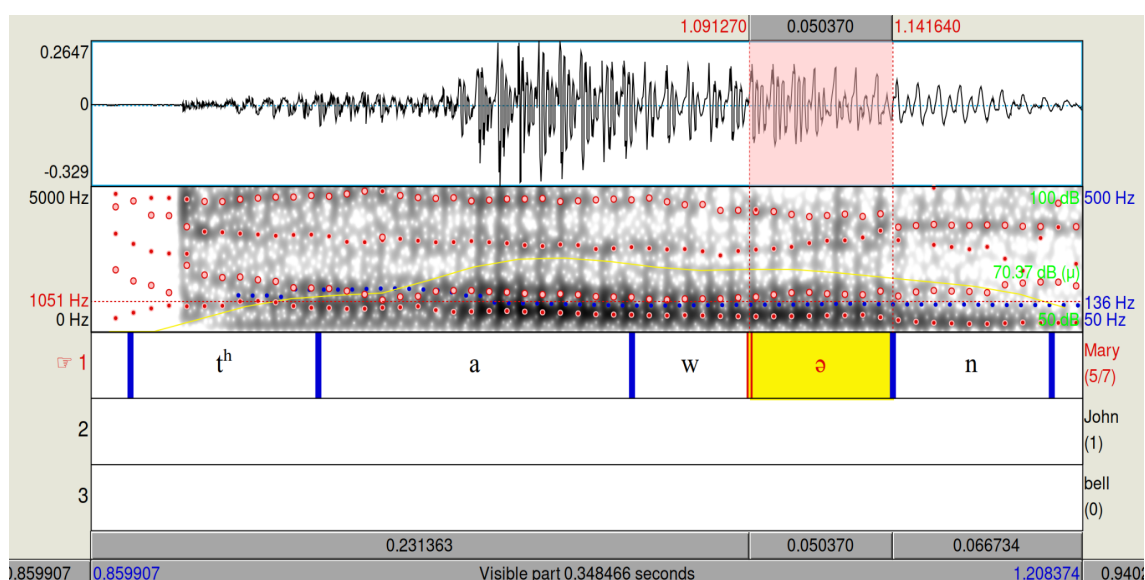

Рис. 6. *ṭʰawən* ‘пять’
[Fig. 6. *ṭʰawən* ‘five’]

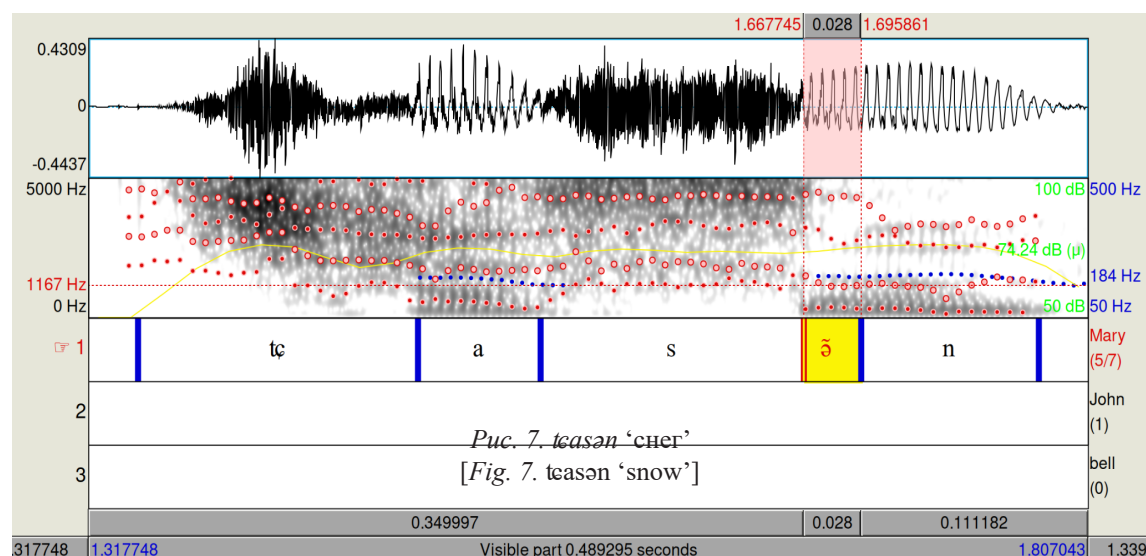

Рис. 7. *ṭcasən* ‘снег’
[Fig. 7. *ṭcasən* ‘snow’]

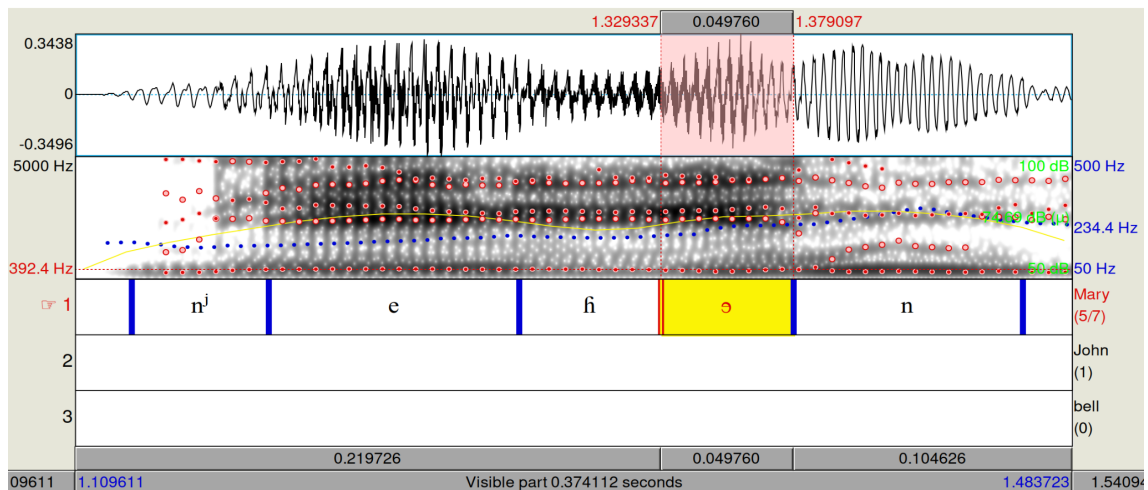

Рис. 8. *niehən* 'один'
[Fig. 8. *niehən* 'one']

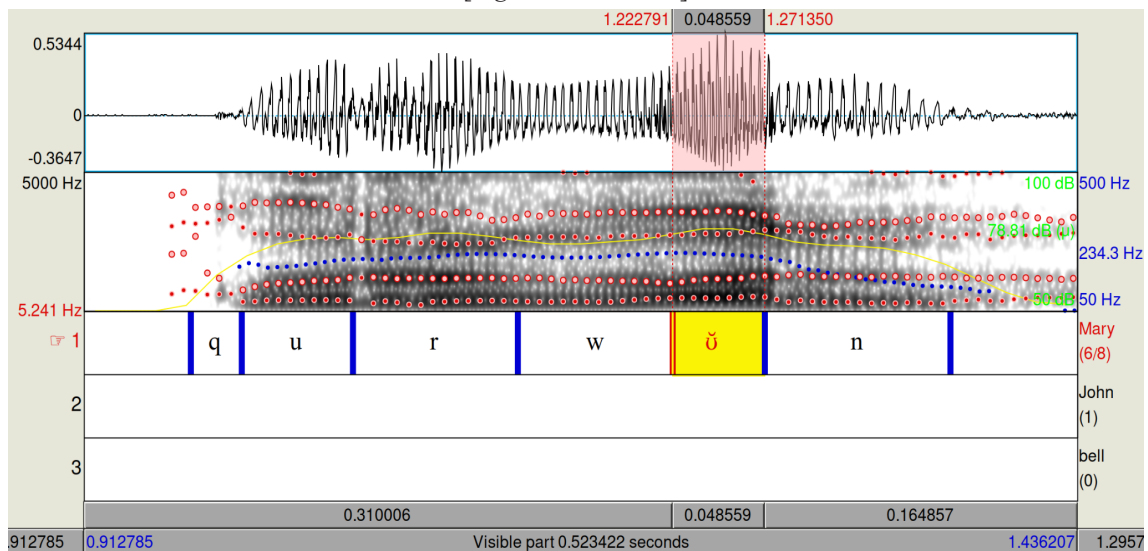

Рис. 9. *qurwon* 'три'
[Fig. 9. *qurwon* 'three']

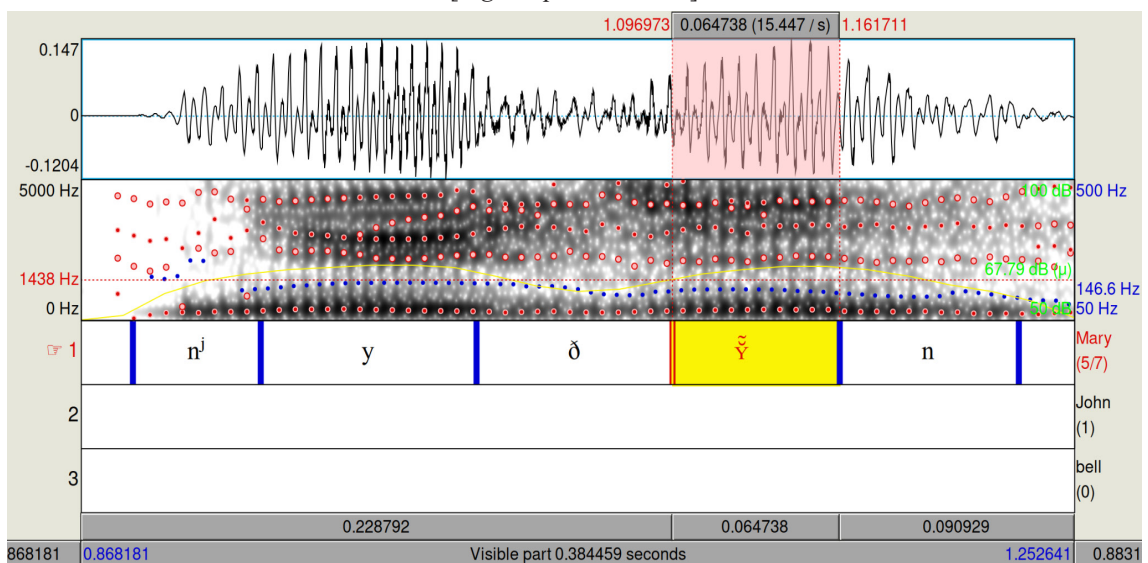

Рис. 10. *n̥y̯δ̥n̥* 'глаз'
[Fig. 10. *n̥y̯δ̥n̥* 'eye']

3.1.6. Редукция долгого огубленного в непервом слоге

Специфической характеристикой сарт-калмыцкого является также редукция долгого огубленного в непервом слоге в сонантном (скорее, пресонантном, по примерам) окружении¹ (и, по-видимому, после сонанта на конце слова), ср. *zálə* ‘мужчина’ (< *jalahu), *qχatəp* ‘теплый’ (< *kalahun), *əwəŋ* Т ‘птица’ (< *sibahun), *ɬolún* К, *ɬólvŋ* Т, А ‘камень’ (< *čilahun). Аналогичное явление нам удалось встретить у олетов Монголии, см. олетские формы *šobŋŋ* (и с дальнейшим стяжением *šu:*) ‘птица’ < *sibahun), *url* ‘губа’ < *uruhul [Баттулга 2019: 25, 34]. Формы *urŋl*, *urŋl* фиксируются также у прочих ойратских народностей Монголии [Цолоо 1988: 876]. В материалах Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева редуцированные специально не отмечаются, но редукцию по подобному правилу можно видеть в форме *zaly* (калм. лит. *залу*, олет. *zaly*) ‘сын, мужчина’ с «неогубленной краткой фонемой у среднего ряда» [Борлыкова, Меняев 2020: 61] (см. рис. 11, 12).

3.1.7. Отсутствие «оканья»

Как и отмечено у Д. А. Павлова и Н. Н. Убушаева, в отношении поведения общекалмыцких рефлексов *и, *й перед губными согласными, сарт-калмыцкий ведет себя так же, как торгутский, но не как дербетский и бузавский, т.е. они не переходят в *о*, *ö* соответственно: *kʰumsəŋ* ‘ноготь’ Т (*kimusun), *umsŋŋ* ‘зола’ Т (*hünesün). В ойратских диалектах Монголии по [Цолоо 1988; Баттулга 2019] также не наблюдается подобного оканья.

3.1.8. Переход *i > *о* перед долгим губным гласным из сочетания *ahu

Н. Н. Поппе указывает, что в письменном ойратском рефлекс сочетания *ahu выписывается как *ои*, и, видимо, из-за этого *о* (первого элемента дифтонга?) в калмыцком результат перелома *i в первом слоге — *о*, а не *и* [Poppe 1987: 41–42]. Данный параметр

не обсуждается в работах предшественников (во всех калмыцких диалектах картина единообразна), однако ойратские идиомы дают разные рефлексy. Ср. *əwəŋ* Т ‘птица’ (< *sibahun), *ɬolún* К, *ɬólvŋ* Т, А ‘камень’ (< *čilahun) в нашем материале, но у олетов, дзахчинов, урянхайцев и торгутов Монголии *tšulu:n* [Цолоо 1988: 865] при олетской форме *tšolu:ŋ* в [Баттулга 2019: 25], у дербетов, баитов, хотонов *tšolu:n* и вариант с кратким вторым гласным у дербетов и дзахчинов: *tšolun* [Цолоо 1988: 865]. Ср. также олетскую форму *šobŋŋ* (кириллицей при этом написано *шовун*), *шуу* *šu:* ‘птица’ [Баттулга 2019: 25].

3.2. Консонантизм

3.2.1. Поведение рефлексов *b

Здесь сарт-калмыцкий ведет себя так же, как бузавский диалект калмыцкого и оренбургский подговор торгутского калмыцкого, согласно описаниям. В интервокальной и постсонантной позициях, а также перед звонкой согласной *b выступает как губно-губной щелевой или глайд (*tʰawəp* ‘5’, *əwəŋ* ‘птица’, *qurwəŋ* ‘3’, *awka:* ‘жена’ (*abagai)); в начале слова — как звонкий взрывной (*bæ:næ:* ‘есть’; во фразовой позиции после последней гласной предшествующего слова возможно *wæ:næ* ‘есть’); перед глухой согласной и на конце слова — как глухой (*ap* ‘возьми’, *örčənə* ‘болит’, *khepčənə* ‘лежит’, *örčəy:* ‘грудь’ (**ebčihü(n)*)). Не подтверждается в нашем материале переход *b* > *m* перед носовой согласной: *jowna:* ‘ходит’ А, Т. Практически все предшественники упоминают этот переход, в том числе в [Борлыкова, Меняев 2020: 63] *jonna* ‘идет’, *tämnä* ‘кладет’, *atna* ‘берет’, но ср. у них же на с. 60 *azər jownav* ‘сейчас придет’. Ни разу не встретился нам этот переход и при прослушивании сарт-калмыцких записей на сайте Австрийской академии наук «Vanishing languages and cultural heritage» [Karakol Kalmyk]. У ойратов Монголии такой переход отмечен в дербетском диалекте [Цолоо 1988: 518].

3.2.2. Сохранение *č-

Характерной особенностью диалекта, связывающей его внутри калмыцкой диалектной системы с цаатанским, является сохранение *č- перед любыми древними гласными, отсутствие перехода в *ts* в не-

¹ Ср. [Убушаев 2006: 40]: “Интерконсонантный, интерсонорный гласный проявляет себя как редуцированный гласный, напр., *хэрлнэ:* в.м. торг. дерб. *хэрү:лнэ:* ‘пасти’; *сарыл* в.м. торг. дерб. *сарү:л* ‘светлый’; *бэрел* в.м. торг. дерб. *бэрү:л* ‘ручка, держалка’; *күмнэ:* в.м. дерб., торг. *күмү:нэ:* ‘чужой, человеческий’; *хадыр* в.м. торг. дерб. *хаду:р* ‘серп’, *чэкер* в.м. торг. дерб. *цэку:р* ‘кремьнь’”, однако на с. 41 *чэку:р* ‘кремьнь’.

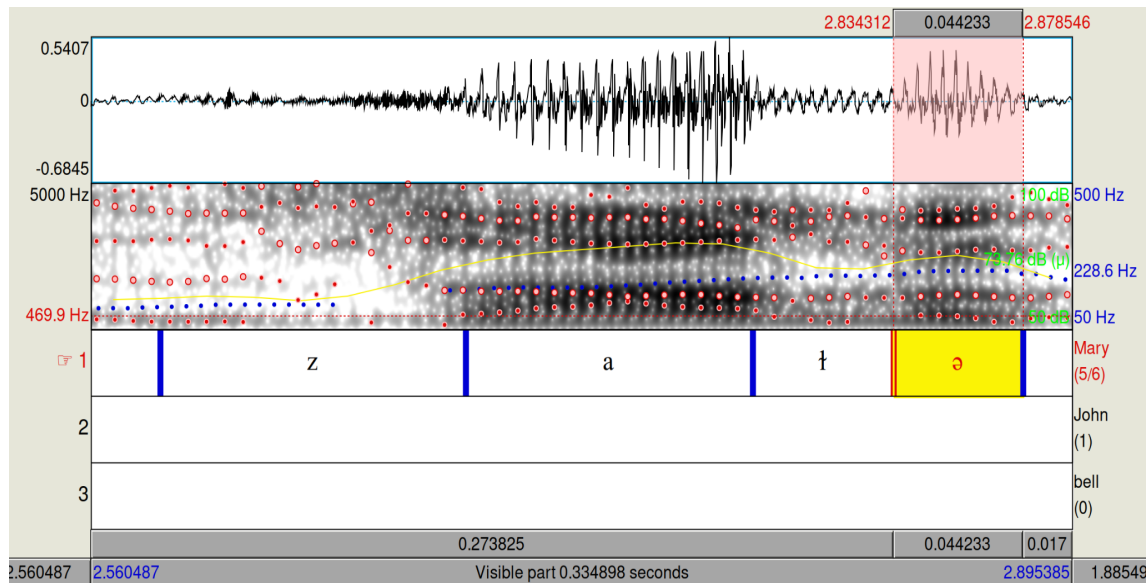

Рис. 11. *zaɬə* 'мужчина'
[Fig. 11. *zaɬə* 'man']

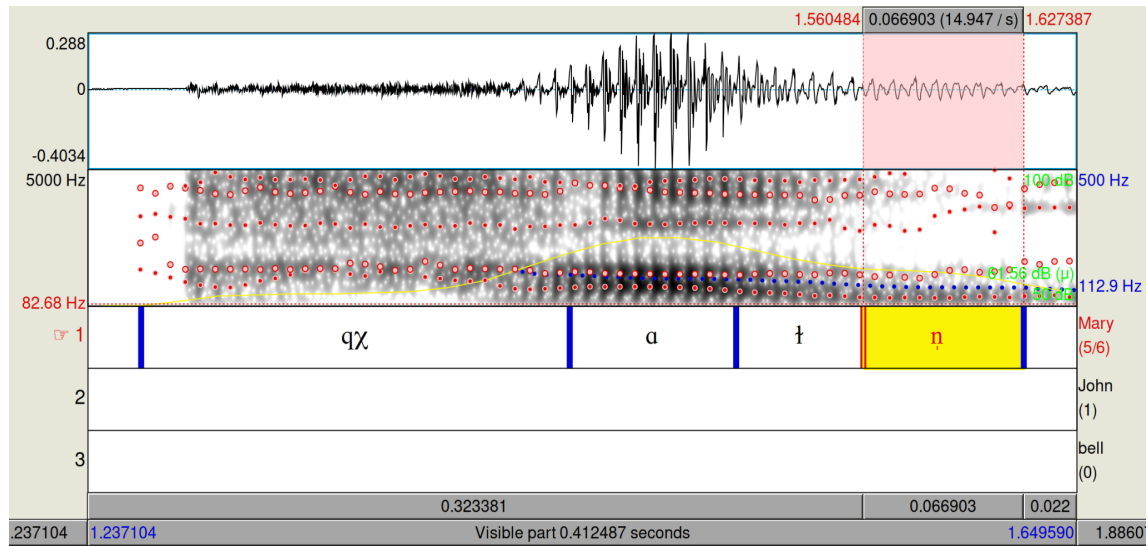

Рис. 12. *qɣaɬn* 'теплый'
[Fig. 12. *qɣaɬn* 'warm']

палатализирующей позиции¹. Правда, другая особенность поведения *ʃ в цаатанском — спорадический переход в *ʃ* перед сохранившимся *i* — у сарт-калмыков не наблюдается. Надо отметить, что, вопреки цитированному в [Борлыкова, Меняев 2020: 62] мнению Дондукова о невозможности объяснить сарт-калмыцкое чоканье киргизским влиянием, все-таки такая возможность остается: при довольно сильном воздействии кир-

гизского языка (около 10 заимствований в 110-словном списке Сводеша по нашим материалам) на современный сарт-калмыцкий и при отсутствии в киргизском оппозиции шипящей и свистящей аффрикаты (только шипящая) развитие чоканья ожидаемо.

3.2.3. Рефлексация *j

*j ведет себя в нашем материале практически так же, как в любых калмыцких диалектах: в палатализирующей позиции это аффриката *ɟʃ*, в непалатализирующей — фрикативный *ʒ*. В ойратских диалектах Монголии наблюдается более разнообразная картина. В баитском и хотонском диалектах в

¹ По мнению Р. Алимова, [ts] встречается только в заимствованиях из русского языка [Alimov 2014: 250]. В записях на сайте Австрийской академии, действительно, встретилось [ts] в слове *центр*.

непалатализирующей позиции встречается аффриката *dz*. В дербетском и дзахчинском аффрикатный рефлекс также встречается в части говоров. Согласно Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012: 26], *z*-рефлекс из говоров ойратов Синьцзяна встречается только у торгутов и олетов, тогда как в остальных говорах — *dz*. В литературе отрицается наличие свистящей звонкой аффрикаты у каракольских калмыков, однако интересно, что в видеозаписях, размещенных на сайте Австрийской академии наук «Vanishing languages and cultural heritage» [Karakol Kalmyk] — материалы собраны проф. Теде Каль и Чингисом Азыдовым в 2023 г., причем у той же информантки, которая работала с нами, — проскальзывают аффрикатные реализации в качестве свободного варианта в соответствии с *j в непалатализирующей позиции (см. рис. 13).

3.2.4. Переход *j > *j*-

Отмечается, что в нескольких словах начальный *j- переходит в сарт-калмыцком в глайд *j*-. В нашем материале все эти слова произносятся с *z*-, кроме одного: *ja:sən* ‘рыба’ (< **j*hasun). У ойратов Монголии, по нашим источникам, не обнаружено. Отмечается для цаатанского [Убушаев 2006: 26] и для олетов Синьцзяна [Борлыкова, Меняев 2020: 65].

3.2.5. Переход -*ʃ*-, -*nʲ*- > *j*

Палатализованные *ʃ*, *nʲ* в интервокальной позиции переходят в глайд *j*: *tojə* ‘зеркало’ (< *tolui), *sojən* ‘интересный’ (< *sonin) Т, Я. В диалектах монгольских ойратов переход не отмечен. Не отмечен он и в известных нам описаниях цаатанского подговора торгутского [Убушаев 2006: 25–29; Убушаев 1979; Убушаев 1970: 173]. Согласно Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012: 41, 101], данный переход встречается sporadически в разных ойратских диалектах (в том числе в торгутском), но чаще всего у алтайских урянхайцев и у олетов Синьцзяна: *šijəw* ‘голень’ (*silbe), *bojəx* ‘становиться’ (*bol-), *uja:sən* ‘тополь’ (**(h)ulihasan*). При этом Ю. Цэндээ отмечает переход и не в интервокальной позиции (правда, без уточнения диалекта): *öjmā* ~ *ölmā* ‘стопа, мысок’ (*ölmij), *keldəg* ~ *kejdəg* ‘говорит’.

3.2.6. Рефлексация *k

Определенное внимание авторы уделяют качеству рефлексов *k в заднерядном и переднерядном вокалическом окружении. Из нашего материала очевидно, что увулярные глухие в начальной позиции демонстрируют свободное варьирование между увулярным щелевым и увулярной аффрикатой (*χorχá*: *korkai ‘червяк’; *χátən*, *qχatən* ‘теплый’ (*kalahun)) и только увулярный щелевой — в интервокальной и постконсонантной позиции (*nəχa* ‘собака’ *nokai, *tolχá*: *tolugai ‘голова’, *kʰutχo*: ‘нож’ *kituga) *k перед старым *i дает велярный придыхательный в начале слова и непридыхательный в интервокале (*kʰutχo*: ‘нож’, *kʰumsɔŋ* ‘ноготь’ Т (*kimusun), *taka*: ‘курица’).

В переднерядном окружении начальная *k- выступает как велярный придыхательный в начале слова (*kʰitən* ‘холодный’ (*köjiten, калм. *kītŋ*), *kʰəl*, *kʰəlyŋ* ‘нога’ (*köl), *kʰelʲ*, *kʰelʲən* ‘язык’ (*kilen)) и как простой велярный взрывной в интервокальной позиции (*ekə* ‘мать’ (*eke), *ukʰr* ‘корова’ (*hüker)). В переднерядном слове, где ряд стал передним из-за умлаута и вторичного сингармонизма, бывшая начальная увулярная выступает как велярная щелевая (*χənyŋə* ‘баран-Асс’, *konin).

3.2.7. Рефлексация *g

Что касается рефлексов *g, то в начале заднерядного слова рефлекс *g характеризуется не звонкостью, а непридыхательностью (малой длительностью фрикативного шума между разрывом смычки и началом следующей гласной), ср. выше спектрограммы на рис. 9 ‘три’ и 12 ‘теплый’, ниже 14 ‘земля’.

В переднерядных словах начальное *g- реализуется как велярный звонкий взрывной (см. рис. 15).

В интервокальной позиции и в переднем, и в заднем ряду рефлекс *g - звонкие фрикативные, причем заднерядный выступает в основном как увулярный *ɣ*, а передний — как звонкий ларингальный *ɦ*. На границе морфемы («вставное г») и увулярный, и велярный звонкие реализованы как непридыхательные взрывные.

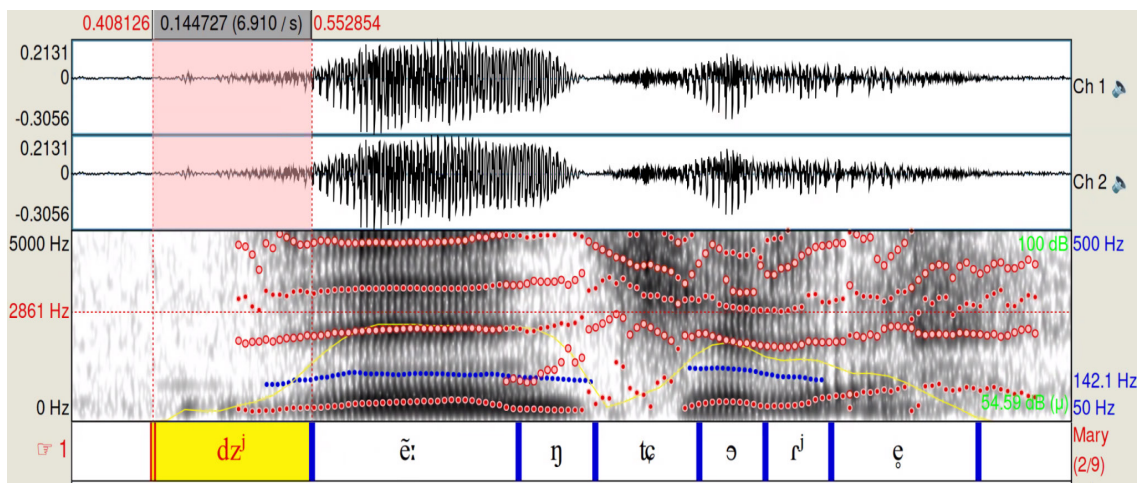

Рис. 13. *ɖʒjɛ:ŋtɕɐrjɛ* ‘правнуки’
[Fig. 13. *ɖʒjɛ:ŋtɕɐrjɛ* ‘great-grandchildren’]

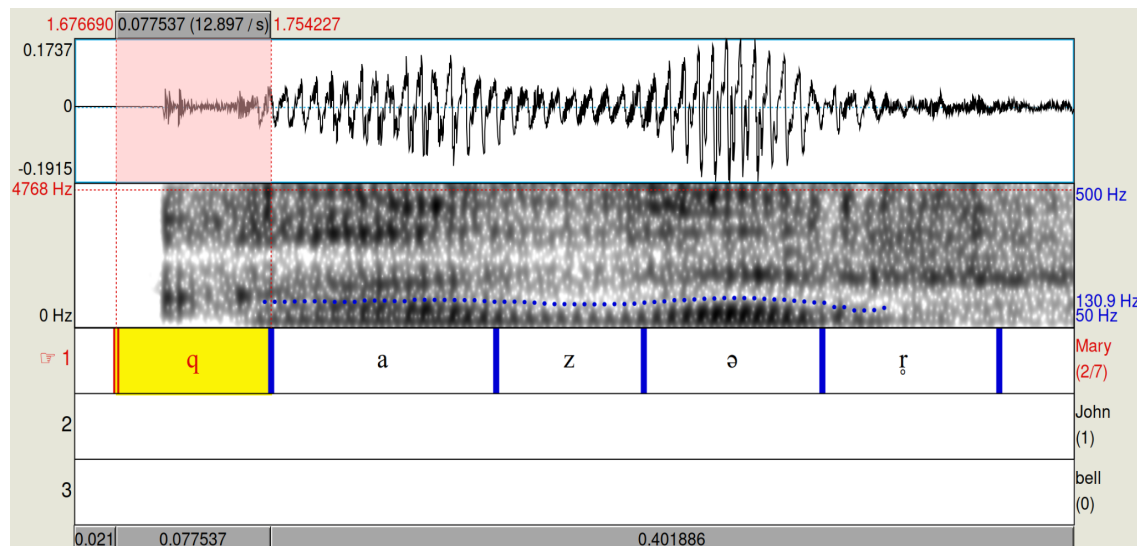

Рис. 14. *qazər* ‘земля’
[Fig. 14. *qazər* ‘land’]

3.2.8. Оглушение увулярного (фрикативизация) после *l*

В сарт-калмыцком наблюдается явление, ранее отмеченное для бузавского говора, а именно, оглушение увулярного (фактически фриктивизация) после *l*: *tolχá* ‘голова’ (*tolugai). В ойратских диалектах Монголии наблюдается значительная вариативность рефлексов данного слова: *tolga:* (дербетский, баитский, хотонский), *tolxa:* (дзахчинский, торгутский, урянхайский, олетьский), *tolgaɛ* (дербетский), *tolxai* (дзахчинский, урянхайский), *tolxa*, *tolxai* (дзахчинский, мянгатский) [Цолоо 1988: 819]

4. Выводы

Итак, в статье рассмотрены основные фонетические диагностические признаки,

характеризующие диалект каракольских калмыков, проживающих в Кыргызстане, в сравнении с другими калмыцкими и некоторыми ойратскими диалектами и говорами. Выявлены значения этих признаков на современном материале (собственном полевом материале авторов); проведено сопоставление с иногда противоречивыми описаниями, содержащимися в литературе. Устанавливается ряд фонетических распределений для действия правил переходов от общемонгольского состояния к состоянию, задокументированному для диалекта. Инструментальный акустический анализ в ряде случаев позволил подтвердить или оспорить слуховое впечатление различных исследователей диалекта. Классификационная специфическая близость диалекта к говору калмыков-цаатанов

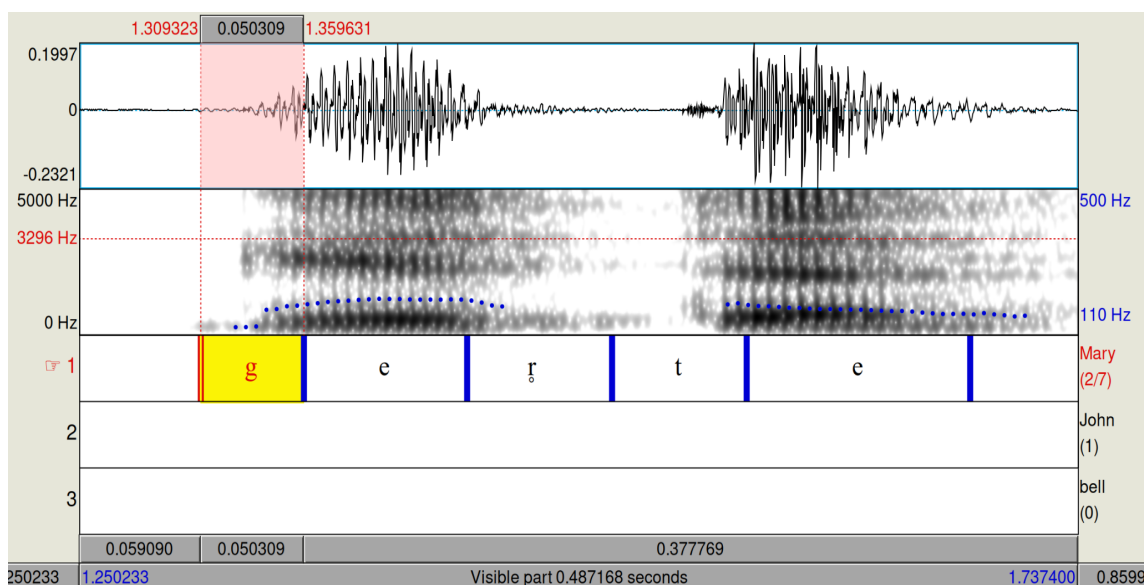

Рис. 15. *ger te 'в доме'
[Fig. 15. *ger te '[at] home']

* Звонкость на спектрограмме демонстрируется наличием синей точечной линии («голоса») на интервале произнесения согласной. На рис. 9, 13, где рефлексы начальных звонких представлены в заднерядных словах, таких линий на протяжении согласной нет, они начинаются с началом вокалического отрезка.

пока подтверждается по трем параметрам (чокание, правило умлаута, спорадическое отражение *j- как [j]), и не подтверждается по параметру рефлексии *ai#. Специфической близости к олетьским говорам Монголии в доступном нам материале не наблюдается (редукция долгой огубленной в первом слоге свойственна далеко не только олетьским говорам, как и развитие *i > o перед *ahu); впрочем, сами эти доступные данные крайне разнородны. В [Борлыкова, Меньев 2020: 63, 65] упоминается о специфической близости к части торгутских Синьцзяна по чоканию, а также о специфической близости к олетьским Синьцзяна по различению огубленных редуцированных (но, как справедливо замечено в [Alimov 2014: 248]

об этой черте и чоканьи в отношении близости с цаатанами, все это может расцениваться как архаические черты и потому не может служить доказательством особой генеалогической близости), переходу *bn > mn (в нашем материале не наблюдается), переходу *li, *ni в [j]; и все это по личным полевым материалам авторов. К сожалению, сколько-нибудь релевантные материалы по олетьским Синьцзяна пока нам недоступны. Окончательное решение и вообще основанная на лингвистических признаках классификация говоров за пределами Калмыкии могут быть получены только после фонетического обследования других диалектов калмыцкого и ойратского языков по признаковой матрице, примененной здесь.

Сокращения

баит. — баитский

буз. — бузавский

дерб. — дербетский

дзах. — дзахчинский

ики-дерб. — ики-дербетский

калм. — калмыцкий

кирг. — киргизский

лит. — литературный [калмыцкий язык]

олет. — олетьский

ПМА — полевые материалы авторов

торг. — торгутский

урян. — урянхайский

хотон. — хотонский

цаат. — цаатанский

сарт. — диалект сарт-калмыков (каракольский)

Список информантов

А — Алымбаев Рыскелди Алымбаевич, с. Бериу-Баш, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 К — Кыдырбаева Гульзапа Курбаналиевна, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Т — Тарбатова Дуйшекан Ахтемовна, с. Бериу-Баш, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Тек — Текебаев Абдыбек Текебаевич, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Я — Якубов Сабыр Садырович, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан

Литература

Баттулга 2019 — *Баттулга С.* Өөлдийн аман аялгуу. Улаанбаатар: Бемби сан, 2019. 447 х.

Борлыкова, Меняев 2020 — *Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В.* О некоторых фонетических особенностях сарт-калмыцкого языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 58–66. DOI: 10.31857/S241377150009741-8

Бурдуков 1935 — *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.

Дондуков 1973 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* Некоторые языковые особенности говора иссык-кульских сарт-калмыков (ойратов) в сравнительном освещении с монгольскими и киргизским языками // Олон улсын монголч эрдэмтний II хурал. I б. Улаанбаатар, 1973. С. 166–172.

Дондуков 1975 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков // Проблемы алтаистики и монголоведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 216–233.

Павлов 1990 — *Павлов Д. А.* Каракольские калмыки и их язык. Элиста: КалмГУ, 1990. 64 с.

Тенишев 1976 — *Тенишев Э. Р.* О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. №1. С. 82–87.

Убушаев 1970 — *Убушаев Н. Н.* Некоторые особенности цаатанского подговора // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста: Респ. типография, 1970. С. 167–177.

Убушаев 1979 — *Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 194 с.

List of informants

Ryskeldi A. Alymbaev. Beryu-Bash (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Gulzapa K. Kydyrbaeva. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Duyshekan A. Tarbatova. Beryu-Bash (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Abdybek T. Tekebayev. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Sabyr S. Yakubov. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).

References

Battulga S. Olot Dialect of Ulaanbaatar: Bembi san, 2019. 447 p. (In Mong.)

Borlykova B. H., Menyayev B. V. About some phonetic features Sart-Kalmyk language. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2020. Vol. 79. No. 4. Pp. 58–66. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150009741-8

Burdukov A.V. Karakol Kalmyks (Sart-Kalmaks). *Sovetskaya etnografiya*. 1935. No. 6. Pp. 47–79. (In Russ.)

Dondukov U.-Zh. Sh. Some features of Issyk-Kul Sart-Kalmyk (Oirat) in comparison to Mongolian and Kyrgyz. In: Second International Conference of Mongolists. Vol. 1. Ulaanbaatar, 1973. Pp. 166–172. (In Russ.)

Dondukov U.-Zh. Sh. On some features of Issyk-Kul Kalmyk. In: Issues of Altaic and Mongolian Studies. Moscow: Nauka – GRVL, 1975. Pp. 216–233. (In Russ.)

Pavlov D. A. Karakol Kalmyks and Their language. Elista: Kalmyk University, 1990. 64 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. On Issyk-Kul Kalmyk. *Voprosy Jazykoznanija*. 1976. No. 1. Pp. 82–87. (In Russ.)

Ubushaev N. N. Some features of Tsaatan Kalmyk. In: Celebrating the 320th Anniversary of Old Kalmyk Script. Elista, 1970. Pp. 167–177. (In Russ.)

Ubushaev N. N. Phonetics of Torghut Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 194 p. (In Russ.)

- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: КИГИ РАН, 2006. 255 с.
- Цолоо 1988 — *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II Ойрад аялгуу. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1988. 944 с.
- Цэндээ 2012 — *Цэндэ Ю.* Ойрад аялгууны хэл зүй. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 256 с.
- Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Alimov 2014 — *Alimov R.* Sart-Kalmaklar ve dilleri üzerine (= Язык сарт-калмаков. Заметки с места исследования) // *Journal of Endangered languages Turkic Languages*. 2014. Vol. 2. № 4–5. Pp. 243–252.
- Karakol Kalmyk — Karakol Kalmyk // *Vanishing languages and cultural heritage [pecypc]* // <https://www.oeaw.ac.at/vlach/collections/oirat-kalmyk/karakol-kalmyk> (дата обращения: 03.07.2025)
- Poppe 1987 — *Poppe N. N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p.
- Rákos 2015 — *Rákos A.* Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirat Dialects. DD. Budapest, Eötvös Loránd University, 2015. 166 p.
- Somfai-Kara 2012 — *Somfai-Kara D.* Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). In: Ágnes Birtalan (ed.). *Oirat and Kalmyk linguistic Essays*. Budapest, Eötvös Loránd University, 2012. Pp. 197–210.
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2006. 255 p. (In Russ.)
- Tsoloo J. Dictionary of Local Mongolian Dialects in the MPR. Vol. 2: Oirat Mongolian.. Ulaanbaatar: Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, 1988. 944 p. (In Mong. and Oir.)
- Tsengde Yu. Grammar of Oirat Mongolian. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 256 p. (In Mong.)
- Yakhontova N. S. Seventeenth-Century Literary Oirat. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. 152 p. (In Russ.)
- Alimov R. On the Sart-Kalmaks and their language. *Journal of Endangered languages*. 2014. Vol. 3. № 4–5. Pp. 243–252 (In Turk.)
- Karakol Kalmyk. On: Austrian Academy of Sciences (website). Vanishing languages and cultural heritage (VLACH). Available at <https://www.oeaw.ac.at/vlach/collections/oirat-kalmyk/karakol-kalmyk> (accessed: 3 July 2025). (In Eng.)
- Poppe N. N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p. (In Eng.)
- Rákos A. Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirat Dialects. Budapest: Eötvös Loránd University, 2015. 166 p. (In Eng.)
- Somfai-Kara D. Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). In: Birtalan Á. (ed.) *Oirat and Kalmyk Linguistic Essays*. Budapest: Eötvös Loránd University, 2012. Pp. 197–210. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 3, Pp. 720–737, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

Возможности нейросети для поиска когнатов для установления новых этимологий и источников заимствований в шира-югурском языке

*Норманская Юлия Викторовна^{1,2},
Гончарова Оксана Владимировна³,
Куканова Виктория Васильевна⁴,
Чушкаева Заяна Игоревна⁵*

Cognate Identification Neural Network and Its Capabilities to Establish New Etymologies and Borrowing Sources in Eastern Yugur

*Julia V. Normanskaya^{1,2},
Oksana V. Goncharova³,
Viktoria V. Kukanova⁴,
Zayana I. Chushkaeva⁵*

¹ Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. Александра Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация) Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, A. Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

² Институт языкознания РАН (д. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация) Institute of Linguistics of the RAS (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

0000-0002-2769-9187. E-mail: [julianor\[at\]mail.ru](mailto:julianor[at]mail.ru)

³ Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (корп. 3, д. 10, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация) RUDN University (10/3, Miklouho-Maclay St, 117198 Moscow, Russian Federation)

кандидат филологических наук, доцент Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

0000-0003-1044-6244. E-mail: [goncharova_oxvl\[at\]pfur.ru](mailto:goncharova_oxvl[at]pfur.ru)

⁴ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, директор Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Director

0000-0002-7696-4151. E-mail: [vika.kukanova\[at\]gmail.com](mailto:vika.kukanova[at]gmail.com)

⁵ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin I. K. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
St., 358000 Elista, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0003-0061-5278. E-mail: ms.zayanaa[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Норманская Ю. В., Гончарова О. В.,

© Normanskaya J. V., Goncharova O. V.,

Куканова В. В., Чушкаева З. И., 2025

Kukanova V. V., Chushkaeva Z. I., 2025

Аннотация. *Введение.* Данная работа посвящена описанию результатов работы нейросети нейросети для поиска когнатов для установления новых этимологий и источников заимствований на материале шира-югурского языка. *Материалы и методы.* В исследовании приводится обзор существующих нейросетевых моделей и результатов их работы, дается характеристика словарей широко-югурского языка. Материалом для установления этимологий для широко-югурского языка выступили словари на монгольских языках, которые загружены на платформу LingvoDoc. В работе применялись сравнительно-исторический метод, а также функционал платформы, позволивший установить когнаты для ряда шира-югурских слов и провести реконструкцию формы прамонгольского языка. *Результаты.* В статье описаны принципы работы нейросети, в которой реализуется сямская нейронная сеть, состоящая из двух идентичных ветвей. Удалось установить 40 реконструкций прамонгольских слов, которые были ранее известны только для северо-монгольских языков. Кроме того, в работе приводится 11 примеров ранних китайских заимствований в шира-югурский язык, так как таковые имеются в других монгольских языках. Интересно отметить реконструкцию для прамонгольского ряда слов, которые относятся к материальной культуре: *(h)iliyür ‘утюг’, *kükür ‘сера’, *jaŋ- ‘цемент’, *kas ‘яшма, нефрит’, *kuručub- ‘наперсток’. Дополнение существующих этимологий данными по шира-югурскому языку, в ряде случаев и по словарям других монгольских языков, доступных на LingvoDoc (письменно-монгольскому, монгольскому, бурятскому, ойратскому, дагурскому, дунсянскому, баоаньскому), а также проверка реконструированных слов по китайским словарям на предмет заимствования дают возможность углубить наши знания об истории культуры монголов и уточнить источник появления тех или иных изобретений.

Ключевые слова: малоресурсные языки, монгольские языки, южномонгольские языки, шира-югурский язык, этимология, реконструкция, нейросети, искусственный интеллект, словари

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проектов «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ» (№ 25-78-20002) и «Разработка инструментария и комплексные исследования монгольских языков и их диалектов (с применением технологий анализа больших массивов данных словарных и корпусных материалов)» (№ 25-78-20008).

Для цитирования: Норманская Ю. В., Гончарова О. В., Куканова В. В., Чушкаева З. И. Возможности нейросети для поиска когнатов для установления новых этимологий и источников заимствований в шира-югурском языке // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 3. С. 720–737. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-720-737

Abstract. *Introduction.* The paper describes some results obtained from a cognate identification neural network designed to establish new etymologies and sources of borrowings in Eastern Yugur. *Materials and methods.* The study provides an overview of existing neural network models, results of their work, and characterizes the available dictionaries of Eastern Yugur. The latter's etymologies have been specified on the basis of Mongolic-language dictionaries uploaded onto the LingvoDoc platform. The work employs the comparative historical method and certain functional tools of the platform that have proved instrumental in identifying cognates for a number of Eastern Yugur words and reconstructing some essentials of Proto-Mongolic. *Results.* The article describes the principles of the neural network that follows the Siamese pattern and consists of two identical branches. A total of 40 Proto-Mongolic reconstructions — previously known only for the North Mongolic languages — have been implemented. In addition, the paper introduces 11 examples of early Chinese borrowings to Eastern Yugur, since those are available in other Mongolic languages. A number of Proto-Mongolic

lexical reconstructions dealing with material culture are noteworthy enough: *(h)iliyür ‘[press] iron’, *kükür ‘sulfur’, *jaŋ- ‘cement’, *kas ‘jasper, jade’, *kuruŋub- ‘thimble’. Efforts aimed at supplementing existing etymologies with data on Eastern Yugur and — in some cases — those from dictionaries of other Mongolic languages available on the LingvoDoc (Classical Mongolian, Mongolian, Buryat, Oirat, Dagur, Dongxiang, Bonan) and verifying reconstructed lexemes through Chinese dictionaries for borrowings make it possible to deepen our knowledge of Mongol cultural history and even specify sources of certain inventions.

Keywords: low-resource languages, Mongolic languages, South Mongolian languages, Eastern Yugur, etymology, reconstruction, neural networks, artificial intelligence, dictionaries

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, projects no. 25-78-20002 ‘Capabilities of Artificial Intelligence for Comparative-Historical Study of Low-Resource Languages of the Peoples of the Russian Federation’ and no. 25-78-20008 ‘Developing Research Tools and Conducting Comprehensive Studies of the Mongolic Languages and Their Languages: Applying Big Data Tools for the Analysis of Dictionaries and Corpora’.

For citation: Normanskaja J. V., Goncharova O. V., Kukanova V. V., Chushkaeva Z. I. Cognate Identification Neural Network and Its Capabilities to Establish New Etymologies and Borrowing Sources in Eastern Yugur. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. No. 3. Pp. 720–737. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-720-737

1. Введение

Одна из первых попыток использовать нейросети для поиска когнатов была принята в 2007 г. российскими программистами, работавшими на момент публикации в Великобритании и Болгарии (см. подробно: [Mitkov et al. 2007]). Этот метод был апробирован на английских, французских, немецких и испанских корпусных данных. Целью работы являлось обучение нейросети выявлять родственные слова и лексемы, обладающие «ложным сходством». Точность обнаружения родственных слов находилась в диапазоне от 81 % для пары немецкий-английский до 89,6 % для пары английский-французский. С учетом того, что это применялось не только к базисной лексике, а также обучение проводилось на материале корпусов текстов языков, этимология которых хорошо описана, представляется, что это был достаточно удачный эксперимент, который показал перспективность использования нейросетей в сравнительно-историческом языкознании. Эта статья многократно цитируется в последующих работах, вышедших за последние 15 лет и посвященных описанию алгоритма обучения нейросетей поиску когнатов в сравнительно-исторических исследованиях (см., например, примеры работ с наиболее успешными результата-

ми: [Ciobanu, Dinu 2014; Rama 2016a; Rama 2016b; Fourier, Sagot 2022]).

В статье [Ciobanu, Dinu 2014] авторы описывают технологию работы нейросетей к 5 генетически близкородственным языкам: румынскому, французскому, испанскому, португальскому, итальянскому и 1 генетически неблизкородственному языку — турецкому. Цель данного исследования заключалась в разработке модели нейросети, которая бы для румынского выявляла родственные и неродственные слова в 5 языках с опорой на существующие этимологические работы по румынскому языку. Точность работы данного алгоритма с использованием SVM (метода опорных векторов) с функциями выравнивания достигает 87 %.

В другом исследовании [Rama 2016a; Rama 2016b] ученый пытается обучить модель нейросети на датасете, включающей этимологию уже не столь хорошо описанных языков, при этом в качестве датасета он использует в первую очередь австронезийскую базу когнатов, которая, на наш взгляд, содержит недостаточно надежные данные. К сожалению, в настоящее время данная база данных недоступна, хотя еще до 2015 г. она находилась в открытом доступе¹. Отме-

¹ Австронезийская база когнатов [электронный ресурс] // URL: <http://language.psy.auckland.ac.nz/austronesian/> (дата обращения: 01.04.2015).

тим, что в настоящее время в науке отсутствует описание общепринятой системы регулярных фонетических соответствий для австронезийской семьи языков. Другая база данных, которая использовалась для обучения, это индоевропейская этимологическая база данных¹, которая до недавнего времени находилась в свободном доступе. Однако в монографии [Dyen et al. 1992] представлена этимология базисной лексики, а не расширенный словарь. Третьим источником для обучения стала этимологическая база по языкам мезо-американских майя, приведенная в работе [Wichmann, Holman 2013], при этом этимологии, как указывают сами авторы, получены не в результате тщательной этимологической работы, а в результате обработки лексиконов племен майя с помощью алгоритма вычисления расстояния Левенштейна (метрики, измеряющей по модулю разность между двумя последовательностями символов). Из истории индоевропейских, уральских, алтайских языков мы знаем как часто два слова имеют наименьшее расстояние Левенштейна, но при этом не являются когнатами исходя из анализа регулярных соответствий. Таким образом, вероятно, можно считать надежными лишь индоевропейские этимологии, хотя они тоже в настоящее время недоступны для проверки. Для обучения были взяты 167 676 пар слов (когнатов и не когнатов) из австронезийских языков, 83 403 пар слов из индоевропейских языков и 63 028 пар из языков майя. Таким образом, только 26 % слов взяты из языковой семьи с разработанной системой регулярных соответствий. Думается, что исходный материал для обучения этой нейросети настолько ненадежный, что дальнейшее ее использование было невозможным. Сама нейросеть доступна в открытом доступе², однако за последние 8 лет автор не дорабатывал ее на основе новых данных. Кроме

того, мы не обнаружили упоминаний об ее использовании другими авторами.

По объему анализируемого материала прорывом стала модель CogNet, созданная совместными усилиями ученых из Австралии, Франции, Италии (см. ее описание в: [Batsuren et al. 2022]). В ней объединен материал 8 млн когнатов по 338 языкам³. По утверждению авторов точность автоматического нахождения когнатов 94 %. Однако детальный анализ материала показывает, что основой для базы данных языков народов РФ являются стословные списки, которые представлены неполно (например, сейчас на момент обращения к базе данных эвенского языка собрано только 17 слов, долганского — 15). При этом зачастую ошибочен перевод, либо приводится лишь один из синонимов, который является архаичным и неиспользуемым, например слово *лик* для названия лица в русском языке⁴. Даже в иллюстративном материале на главной странице видны ошибки в этимологиях по алтайским языкам, а материал уральских языков почти не представлен⁵. При этом очевидно, что нельзя отрицать достоинства этого ресурса, который сумел объединить несколько десятков больших онлайн толковых словарей для языков мира и, действительно, во многих случаях строит достаточно правильные этимологии, делает прекрасную визуализацию полученных результатов на карте.

В этом кратком обзоре невозможно описать все работы по нейросетевым моделям, которые созданы для поиска когнатов. Отметим, однако, что, на наш взгляд, это направление сейчас является ведущим для сравнительно-исторического языкознания: есть разработки уже не только в Европе, Америке, Австралии, в 2017 г. вышла статья, посвященная поиску этимологий с помощью нейросети в арабском языке (см. [Alreshidi, Aldhlan 2017]), в 2020 г. появились разра-

¹ Индоевропейская этимологическая база данных [электронный ресурс] // URL: <http://ielex.mpi.nl/> (дата обращения: 01.04.2015).

² PhyloStar/SiameseConvNet: Performs cognate identification using Siamese Convolutional Networks [электронный ресурс] // <https://github.com/PhyloStar/SiameseConvNet> (дата обращения: 15.08.2025).

³ CogNet – UKC – Universal Knowledge Core [электронный ресурс] // <http://ukc.disi.unitn.it/index.php/cognet/> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴ Universal Knowledge Core | ::DataScientia: [электронный ресурс] // <http://ukc.disi.unitn.it/index.php/cognet/> (дата обращения: 15.08.2025).

⁵ CogNet – UKC – Universal Knowledge Core [электронный ресурс] // <http://ukc.disi.unitn.it/index.php/cognet/> (дата обращения: 15.08.2025).

ботки для языков Индии (см. [Kanojia et al. 2020]), в 2024 г. — для китайского (см. [Pulini, List 2024]).

Существующие модели нейросетей дают очень высокую степень точности при поиске когнатов в соответствии с тем материалом, на котором они были обучены (87–95 %). Нам представляется очень важным, чтобы для языков народов Российской Федерации обучение нейросетевой модели проходило на достоверном материале, собранном по существующим наиболее авторитетным этимологическим словарям и дополненном современными исследованиями, которые проведены лингвистами-профессионалами, а не такими данными, которые подготовлены либо добровольцами-нелингвистами, либо созданы в результате автоматического применения алгоритма Левенштейна. Более того, очень важно, чтобы когнаты, полученные в результате работы нейросети, проходили экспертную оценку специалистов, как, например, это происходит в медицине, а не выкладывались в сыром виде, как это сделано в CogNet, поскольку такие ресурсы фактически обесценивают настоящие научные достижения и транслируют зачастую ложную информацию.

К сожалению, код всех известных нам нейросетей, которые ищут этимологии, закрыт для пользователей, отсутствует в открытом доступе и материал, который бы позволил верифицировать степень точности их работы. Кроме того, стоит отметить, что в зарубежных проектах по созданию нейросетей для поиска этимологий участвуют программисты, и перед ними ставится задача верификации качества нейросети на уже существующем материале, а не поиска новых этимологий. Следовательно, для сравнительно-исторического языкознания эти работы не дают новых знаний.

2. Ши́ра-югурские словари

В настоящее время учет данных южно-монгольских языков, в частности ши́ра-югурского, на котором говорит часть народа югур (裕固族), проживающих в уезде Сунань Югурского автономного округа Чжань провинции Ганьсу (КНР), в этимологических исследованиях весьма не полон.

Первое научное описание югуров и упоминание их языка принадлежит Г. Н. Потанину (1880-е гг.), который отметил наличие у народа двух различных наречий — монгольского и тюркского. Он путешествовал по Северному и Центральному Китаю, Тибету и Монголии в 1870–1890-х гг. Во время третьей экспедиции (1884–1886) он побывал в районах Сунань (Sunan), Чжань (Zhangye) и прилегающих областях Ганьсу — именно там проживают ши́ра-югуры. Его наблюдения относятся к тому времени, когда европейская наука только начинала различать две языковые группы югуров — тюркоязычную (западную) и монголоязычную (восточную, т. е. ши́ра-югурскую) [Потанин 1893а; Потанин 1893б]. Г. Н. Потанин стал отправной точкой для последующих лингвистов, его наблюдения вдохновили В. Л. Котвича [Kotwicz 1939] и С. Е. Малова [Малов 1957] на лингвистические экспедиции XX в. Впоследствии Л. Лигэти представил ранние заметки о югурах, включая обсуждения шаманизма и этнической истории [Róna-Tas 1962].

К советским обзорным работам принято относить монографию Э. Р. Тенишева и Б. Х. Тодаевой «Язык желтых уйгуров» (XX в.) [Тенишев, Тодаева 1966]. Ученые провели более системные исследования, подтвердив монгольскую природу восточного югурского языка, а также дают историко-сравнительную перспективу и указывают на положение восточного югурского в монгольской семье [Тенишев, Тодаева 1966].

С последней четверти XX в. ученые Китая стали развивать это направление: создали грамматические очерки и словари, направленные на документирование и сохранение языка. Первая систематическая научная работа, посвящённая восточному югурскому языку — «Краткое описание восточного югурского языка» (Dongbu Yuguyu Jianzhi (кит. «东部裕固语简志» (1981) [Zhaonasitu 1981]. В работе содержится описание фонетики, морфологии и лексики, этот труд долгое время оставался основным источником данных по ши́ра-югурскому языку в мировой лингвистике. Жаонаситу проводил полевые исследования в 1978–1979 гг. в восточной части Сунань-Югурского автономного

уезда и охватил такие диалекты, как 皇城 (Huangcheng) — считается «центральный» диалектом; 大河 (Dahe) — демонстрирует более архаичные формы. Словарь состоит из более 700 слов, распределенным по тематическим группам, а также с пояснениями архаичности или заимствовании из китайского и тюркских языков [Zhaonasitu 1981].

«Лексика восточного югурского языка» (Dongbu Yuguyu Cihui, кит. «东部裕固语词汇») — первый специализированный лексикографический труд по шира-югурскому языку, созданный на прочной научной основе [Zhaonasitu 1982]. Он представляет переход от тематического представления словаря к системной лексикографической работе. Составители 照那斯图 (Zhaonasitu), 达力吉尔 (Dalijier), 胡增益 (Hu Zengyi) собрали около 1 500 лексических единиц, зафиксированные в восточной части Сунань-Югурского автономного уезда (пров. Ганьсу), главным образом в населённых пунктах 康乐镇 (Kangle) и 大河乡 (Dahe) [Zhaonasitu 1982].

Используя богатый лингвистический материал, полученный в результате исследования, Бао Чаолу и другие ученые составили «Шира-югурский словарь» (кит. «东部裕固语词汇»), состоящий из 3 000 слов [ШЮПМКС 1984]. Кроме того, Бао Чаолу совместно с Цзя Ласеном собрали и опубликовали записи разговоров, легенд и бесед с носителями языка [Dongbu Yuguyu huayu cailiao 1988].

«Словарь восточного югурского языка с китайским переводом» (Dongbu Yuguyu Hanyu Cidian, кит. «东部裕固语汉语词典») — самый полный и современный словарь шира-югурского языка, созданный на основе многолетних полевых экспедиций, основной целью которых стала систематизация лексики и фиксация языка в условиях его критической уязвимости [ШЮПМКС 1984]. Работу организовал Исследовательский центр культуры югуров (уезд Сунань, провинция Ганьсу). Словарь содержит более 4 000 слов, и охватывает все основные диалектные зоны восточного югурского в уезде Сунань: 康乐镇 (Kangle), 皇城镇

(Huangcheng), 大河乡 (Dahe) [ШЮПМКС 1984]. В «Словаре восточного югурского языка с китайским переводом», в отличие от «Лексик восточного югурского языка» [Zhaonasitu 1982], представлены лексемы на латинице, ряд звуков передана символами МФА, указаны систематизированные пометы по частям речи и морфологическим формам.

Этот словарь, ранее доступный лишь на китайском языке, был переведен на русский язык З. И. Чушкаевой и размещен в свободном доступе на платформе LingvoDoc¹. С помощью нейросети, устройство которой описано ниже, он был сопоставлен с баргутско-китайским словарем [БКС 1983], также переведенный З. И. Чушкаевой на русский язык², и словарем калмыцкого языка³ [КРС 1977], насчитывающий более 20 тыс. лексем. В будущем планируется размещение и других больших словарей монгольских языков для сравнительно-исторического анализа с помощью нейросети.

Во второй части настоящей статьи мы расскажем о технических особенностях нейросети, в третьей части приведем примеры новых шира-югурских этимологий, полученных в результате обработке шира-югурского словаря с баргутским и калмыцким попарно с помощью нейросети.

3. Принципы работы нейросети

На первом этапе используется сиамская нейронная сеть, состоящая из двух идентичных ветвей, каждая из которых обрабатывает отдельное слово из сравниваемой пары $w_i^{(1)}$ и $w_i^{(2)}$. Входом каждой ветви является символьная последовательность слова, представленная в виде двух типов эмбедингов размерности $d=128$:

¹ Словарь восточного югурского языка с китайским переводом [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/5874/1/perspective/5874/2/view> (дата обращения: 15.08.2025).

² Баргутско-китайский словарь [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11799/1/perspective/11799/2/view> (дата обращения: 15.08.2025).

³ Калмыцко-русский словарь [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8446/1/perspective/8446/2/view> (дата обращения: 15.08.2025).

• символьное встраивание
 $E_{char}(X) \in R^{L \times D}$, которое отображает каждый символ в непрерывное векторное пространство размерности D;

• позиционное встраивание
 $E_{pos}(X) \in R^{L \times D}$, кодирующее информацию о положении каждого символа в последовательности (L – длина слова).

В результате формируется матрица входных представлений:

$$X^{(0)} = E_{char}(X) + E_{pos}(X).$$

Для устранения проблемы переобучения используется SpatialDropout1D (вероятность 0.2), реализованный как Dropout2d на тензоре размера (batch, d, L), обнуляющий целые каналы эмбеддингов [Tompson et al. 2015].

Обработка последовательностей осуществляется двунаправленным LSTM (BiLSTM) с размером скрытого состояния 64, который захватывает контекстные зависимости как в прямом, так и в обратном направлении [Schuster, Paliwal 1997]. Полученные признаки затем передаются через четыре трансформерных блока, каждый из которых реализует механизм мультиголовного внимания (multi-head attention), позволяющий учитывать сложные нелинейные зависимости между символами:

$$Attention(Q, K, V) = softmax\left(\frac{QK^t}{\sqrt{d_K}}\right)V,$$

где Q, K, V — проекции входных данных, а d_K - размерность ключей (num_heads = 4, размерность ключей на каждую голову $d_K = 128 / 4 = 32$) [Vaswani et al. 2017]. За слоем внимания позиционно-независимая полносвязная сеть прямого распространения (Feed-Forward Network, FFN) с 128 нейронами и функцией активации ReLU, а также слои нормализации и dropout для стабилизации обучения. Признаки из трансформерных блоков усредняются по временной оси (torch.mean):

$$u = \frac{1}{L} \sum_{i=1}^L h_i, u \in R^{2h},$$

что агрегирует информацию о всей последовательности в единый вектор фиксированной размерности. Для измерения близости слов вычисляется косинусное сходство между их скрытыми представлениями:

Для измерения близости слов вычисляется косинусное сходство между их скрытыми представлениями:

$$s = \frac{\langle u_1, u_2 \rangle}{\|u_1\| \|u_2\|} \in [-1, 1].$$

Далее все величины объединяются в единый вектор:

$$z = [u_1; u_2; s] \in R^{4h+1},$$

который служит входом для финального классификатора. Классификационный модуль представляет собой трехслойный полносвязный перцептрон. На первом слое применяются LayerNorm и ReLU к аффинному преобразованию z, затем аналогично обрабатывается второй скрытый слой, и, через линейный выход с последующей сигмоидой σ , получаем предсказанную вероятность $\hat{y}$:

$$h_1 = ReLu(LayerNorm(W_1 z + b_1)),$$

$$h_2 = ReLu(LayerNorm(W_2 h_1 + b_2)),$$

$$\hat{y} = \sigma(W_3 h_2 + b_3).$$

На втором этапе сиамская сеть дообучалась на датасете, включающем переводы слов, также было введено несколько эвристических приёмов для повышения точности. Базовая архитектура была расширена для обработки двойных путей: (word_encoder) слой BiLSTM (hidden_size=64, bidirectional) извлекает контекстные признаки, два трансформерных блока с multi-head attention (h=4) и FFN (128 нейронов) моделируют глобальные зависимости для слов. Далее использовался аналогичный BiLSTM слой (translation_encoder), за которым следуют четыре трансформерных блока, для переводов. Признаки из обоих путей объединяются с обучаемыми коэффициентами:

$$p_i = \alpha t_i + \beta w_i, \alpha + \beta = 1,$$

где α и β — параметры, для переводов и слов, инициализируемые как (0.7, 0.3) и обучаемые вместе с остальными весами сети.

Дополнительно был введен булев признак «exact_match», равный единице, если первые четыре символа переводов (с учётом паддинга) совпадают, и нулю в остальных случаях:

$$m = 1 \left\{ \tau_{1:4}^{(1)} = \tau_{1:4}^{(2)} \right\}$$

На этапе классификации векторы p_1 и p_2 объединяются вместе с их поэлементной разностью и произведением:

$$v = [p_1; p_2; |p_1, p_2|; p_1 \times p_2]$$

Далее стандартный MLP выдает базовый логит l_{base} , который суммируется эвристическим вкладом:

$$l = l_{base} + \gamma m,$$

где коэффициент $\gamma(match_{coef})$ фиксирован и не обновляется при дообучении. Так, если первые четыре символа переводов идентичны («лесной» → «лесные»), модель добавляет фиксированную поправку $match_{coef}=0.8$ к выходу классификатора.

Для перевода логита в бинарное представление был использован порог τ (threshold)¹. Изначально валидационный порог подбирался динамически: на отложенной выборке вычислялась ROC-кривая и было получено значение τ в диапазоне примерно [0,70, 0,78], при котором отмечалось оптимальное соотношение TP (true positive) vs. FP (false positive) с учетом штрафа за ложноположительные ответы [Fawcett 2006]. Однако на реальных данных наблюдалось большое число пар, ошибочно признанных когнатами. Для того чтобы снизить долю ложноположительных срабатываний, вместо обучаемого значения был зафиксировали порог $\tau = 0.90$, т. е. модель должна быть очень «уверена» (вероятность $\geq 90\%$) в когнатности пары, прежде чем отнести ее к положительному классу. На практике это позволило снизить количество ложных срабатываний примерно в 2–3 раза, и сохранить приемлемую полноту, так как большинство истинных когнатов имеют высокие оценки

¹ Значение на шкале от 0 до 1, при котором принимается решение, считать ли положительным прогноз модели. Модель выдает на выходе логит или «сырую» вероятность $p = \sigma(l) \in [0,1]$. Если $p \geq \tau$, мы относим пару к классу «когнаты» (1), иначе — «не когнаты» (0). Чем ниже τ , тем больше случаев модель будет пометать как «положительные», что повышает полноту (recall), но увеличивает число ложноположительных (false positives). Высокий τ дает меньше ложноположительных ответов, но может пропускать истинные пары.

$p \geq 0.90$.

Обучающие примеры обоих этапов были разбиты случайным образом на тренировочную (90 %) и валидационную (10 %) выборки. В процессе оптимизации использовался алгоритм AdamW с начальными параметрами $learning\ rate = 10^{-4}$ и $weight\ decay = 10^{-4}$. В качестве функции потерь применялась бинарная кросс-энтропия (BCEWithLogits) [Loshchilov, Hutter 2019].

4. Новые этимологии шира-югурских лексем

Ниже приведены примеры шира-югурских слов, для которых отсутствуют этимологические предложения в доступных нам этимологических словарях монгольских языков [Sun 1990; EDAL 2003; Nugteren 2011; Rybatzki 2006; Санжеев и др. 2015; Санжеев и др. 2016; Санжеев и др. 2018]. Многие из приведенных ниже этимологий без шира-югурских параллелей есть в вышеперечисленных словарях. Во всех случаях, когда с помощью нейросети мы выявили родственные слова в шира-югурском и калмыцком или баргутском языках, они были проверены также по всем словарям монгольских языков, доступных на LingvoDoc: халха-монгольского, бурятского, ойратского, дагурского, дунсянского, баоаньского. В ряде случаев параллели, предложенные нами, позволяют реконструировать лексему для прамонольского языка, а ранее она была известна только для «северно-монгольских языков» по классификации [Грунгов, Мазо 2015].

Ниже мы приведем 40 примеров прамонольских слов, многие из которых ранее были известны только для северно-монгольских языков по словарю [Санжеев и др. 2015; Санжеев и др. 2016; Санжеев и др. 2018] и 11 примеров китайских заимствований, видимо, в прамонольский, которые с шира-югурскими параллелями не были отмечены в словаре [Sun 1990]²:

² Ниже приводятся также параллели и из тюркских языков, цитируемые по словарю [Санжеев и др. 2015; Санжеев и др. 2016; Санжеев и др. 2018], которые в ряде случаев могут указывать на тюрко-монгольский характер слов.

1) Пмонг. **(h)iliyür* ‘утюг’ > п.-монг. *ili-gyr* / *илүүр* ‘утюг’ [Lessing 1960: 408], монг. *илүүр* ‘утюг’ [БАМРС 20016: 272], бур. *элюур* ‘утюжок’ [БРС 20106: 661], барг. *илу:r* ‘утюг’ [БКС 1983: 644], калм. *илүр* ‘утюг’ [КРС 1977: 269], **шира-югур. *helu:r* ‘утюг’** [ШЮПМКС 1984: 56], аналогичное развитие **i* > *шира-югур. e* представлено и в некоторых других примерах, ср. Пмонг. **nimgen* ‘тонкий’ [Nugteren 2011: 460] > **шира-югур. *neṅgwen* ‘тонкий’** [ШЮПМКС 1984: 25], Пмонг. **singen* ‘жидкий’ [Nugteren 2011: 497] > **шира-югур. *seṅgen* ‘редкий’** [ШЮПМКС 1984: 106]. В слове Пмонг. **ile* (?*hile) ‘ясный’ [Nugteren 2011: 375] > **шира-югур. *hele* ‘отчетливый’** [ШЮПМКС 1984: 56] также *h-* представлено только в **шира-югурском языке**;

2) Пмонг. **kükür* ‘сера’ > п.-монг. *kykür* / *хүхэр* ‘sulphur = сера’ [Lessing 1960: 499], монг. *хүхэр* [БАМРС 2002: 197], бур. *хүхэр* ‘сера’ [БРС 20106: 465], калм. *күкр* ‘сера’ [КРС 1977: 323], ойр. *күкер* (*күкүр*) ‘сера’ [Тодаева 2001: 214], **шира-юг. *kukur* ‘сера’** [ШЮПМКС 1984: 70], ср. тат. *күкерт* [ТРС 2004: 205], аз. *kükürd* ‘сера’ [БАРС 2006: 818];

3) Пмонг. **bel* ‘талия’ > п.-монг. *bel* / *бэл* ‘талия’ [Lessing 1960: 96], монг. *бэл* ‘талия, спина, середина, туловище’ [БАМРС 2001a: 312], бур. *бэлхүүхэн* ‘талия, поясница’ [БРС 2010a: 172], барг. *bälxi* ‘талия’ [БКС 1983: 70], калм. *белкүсн* ‘талия, поясница’ [КРС 1977: 95], **шира-югур. *bel* ‘талия’** [ШЮПМКС 1984: 32], ср. Птю **bēl(k)* ‘поясница, горный перевал, хребет, зад, сзади’ [EDAL 2003: 337];

4) Пмонг. **dabta* ‘повторять’ > п.-монг. *dabta* / *давтах* ‘повторить’ [Lessing 1960: 213], монг. *давта-* ‘повторять(ся)’ [БАМРС 20016: 12], бур. *дабта-* ‘повторяться’ [БРС 2010a: 248], калм. *давт-* ‘повторять, повторить’ [КРС 1977: 175], даг. *давта-* ‘повторять, твердить одно и то же’ [Тодаева 1986: 134], **шира-юг. *dabta-* ‘повторять’** [ШЮПМКС 1984: 124];

5) Пмонг. **goṅsV* ‘говорить в нос’ > п.-монг. *gongsī* / *гониших* ‘to talk through the nose = говорить в нос’ [Lessing 1960: 360], калм. *һуңн-* ‘жужжать, бормотать, гнусавить’ [КРС 1977: 149], даг. *гониши-* ‘гнусавить, говорить в

нос’ [Тодаева 1986: 132], **шира-югур. *гәңгә:* ‘гнусавый’** [ШЮПМКС 1984: 78];

6) Пмонг. **kan-¹* ‘быть удовлетворенным’ > п.-монг. *хани-* / *ханах* ‘довольствоваться, быть довольным, удовлетворенным; быть сытым, быть полным’ [Lessing 1960: 930], монг. *хана-* ‘удовлетворяться’ [БАМРС 2002: 37], бур. *хана-* ‘получать удовлетворение, удовлетворяться, успокаиваться’ [БРС 20106: 394], калм. *хан-* ‘получать удовлетворение, удовлетворяться, успокаиваться’ [КРС 1977: 576], **шира-югур. *хан-* ‘довольствоваться’** [ШЮПМКС 1984: 42], ср. др.-тюрк. *qan-* ‘удовлетворяться’ [ДТС 1969: 417];

7) Пмонг. **kaw-* ‘стегать’ > монг. *хав-* ‘стегать, прошивать’ [БАМРС 2002: 4], калм. *хав-* ‘стегать’ [КРС 1977: 563], ойр. *хава-* ‘стегать, прошивать’ [Тодаева 2001: 374], **шира-югур. *хаба: tal* ‘стегать’** [ШЮПМКС 1984: 43], ср. кирг. *кабы-* ‘стегать’ [КирРС 1985: 310];

8) Пмонг. **kalm-* / *kalb-* ‘снимать верх’ > п.-монг. *xalma-* / *халмах* ‘удалять любые плавающие вещества с поверхности жидкости; снимать пену’ [Lessing 1960: 921], монг. *халма-* ‘черпать, брать сверху, снимать сверху’ [БАМРС 2002: 27], бур. *халма-* ‘снимать верх’ [БРС 2010a: 386], калм. *хальмл-* ‘снимать верхний слой жира’ [КРС 1977: 572], **шира-югур. *халба* ‘снимать’** [ШЮПМКС 1984: 45], ср. кирг. *калты-* ‘осторожно снять верх (например, с молока, бульона)’ [КирРС 1985: 332]. В этой этимологии представлено такое же соотношение слов по рефлексам консонантного кластера, как и в Пмонг. **čölbe- ~ *čölme-* ‘срывать, клевать’ [Nugteren 2011: 307]: *-lm-* в монгольском и калмыцком языках и *-lb-* в **шира-югурском языке**;

9) Пмонг. **korgo-* ‘свинец’ > *xorḡulzi(n)* / *хорголж(ин)* ‘свинец’ [Lessing 1960: 966],

¹Здесь и далее прамонгольская реконструкция, предложенная нами в большинстве случаев состоит из одного слога в связи с тем, что опирается на соответствия, предложенные в [EDAL 2003], где не описаны рефлексy гласных непервого слога. В связи с общей недостаточной изученностью этой проблематики в настоящей статье, посвященной, в первую очередь, описанию потенциала нейросети для поиска новых когнатов считаем возможным присвоить праформы в усеченном виде, хотя, безусловно, в будущем они должны быть уточнены.

монг. *хорголж(ин)* ‘свинец’ [БАМРС 2002: 111], калм. *хорһлжн* ‘свинец’ [КРС 1977: 598], ойр. *хорһолжн* ‘свинец’ [Тодаева 2001: 403], **шира-югур. *хэргэ:дзэн*** ‘свинец’ [ШЮПМКС 1984: 51], ср. кирг. *коргошун* ‘свинец’ [КирРС 1985: 406];

10) Пмонг. **köwt-* ‘счастливый’ > калм. *хөвтэ* ‘счастливый, удачливый, везучий’ [КРС 1977: 603], барг. *хөџ dzaja* ‘судьба’ [БКС 1983: 114], **шира-югур. *хиџти*** ‘счастливый, удачливый’ [ШЮПМКС 1984: 54]. Аналогичное развитие вокализма в шира-югурском наблюдается и в ряде других этимологий, ср. Пмонг. **mören* ‘река’ > шира-югур. *мирен* [Nugteren 2011: 448];

11) Пмонг. **gadar* ‘таз’ > п.-монг. *gadur* / *гадар* ‘ваза, таз’ [Lessing 1960: 343], монг. *гадар* ‘металлический таз (для умывания)’ [БАМРС 2001а: 335], калм. *һадр* ‘таз’ [КРС 1977: 151], ойр. *һадар* ‘таз, миска, блюдо’ [Тодаева 2001: 97], бао. *gadara* ‘таз для умывания’ [БКС 1986: 91], **шира-югур. *gadura*** [ШЮПМКС 1984: 78];

12) Пмонг. **bula* ‘закапывать’ > п.-монг. *bula-* / *булах* ‘скрывать; сажать; закапывать’ [Lessing 1960: 133], монг. *бул-* ‘зарывать, засыпать, закапывать’ [БАМРС 2001а: 284], бур. *була-* ‘закапывать, зарывать, засыпать’ [БРС 2010а: 150], монгор. *була-* ‘закапывать, зарывать, погребать’ [Тодаева 1973: 320], дунс. *bula* ‘закапывать, зарывать’ [ДКС 2012: 49], **шира-югур. *bala*** ‘закапывать’ [ШЮПМКС 1984: 32]. Такое развитие вокализма в шира-югурском представлено и в ряде других этимологий, ср. Пмонг. **nutin* ‘лук’ > шира-югур. *нэтэн* [Nugteren 2011: 464];

13) Пмонг. **orui* ‘опаздывать’ > п.-монг. *oruita* / *оройтох* ‘опаздывать, задерживаться’ [Lessing 1960: 621], ойр. *ораатаха* (*оройтаха*) ‘опаздывать, запаздывать’ [Тодаева 2001: 263], барг. *орэит-* ‘опаздывать’ [БКС 1983: 34], **шира-югур. *эри кир-*** ‘опаздывать’ [ШЮПМКС 1984: 14];

14) Пмонг. **orkir* ‘рычать, реветь, кричать’ > п.-монг. *orkiru* ‘рев, свист’ [Lessing 1960: 619], монг. *орхиро-* ‘рыдать, реветь, кричать, вопить, гудеть’ [БАМРС 2001б: 500], бур. *орхир-* ‘рычать, реветь (о животных)’ [БРС 2010б: 49], бур. *архир-* ‘рычать’ [БРС 2010а: 83], барг. *эрхир-* ‘рычать, буше-

вать’ [БКС 1983: 34], калм. *оркр-* ‘реветь, кричать’ [КРС 1977: 402], ойр. *аркирха* (*аркирху*) ‘рычать’ [Тодаева 2001: 37], **шира-югур. *эргэл-*** ‘рычать, кричать’ [ШЮПМКС 1984: 14], ср. (?) др.-тюрк. *ogra-* ‘ржать’ [ДТС 1969: 369]. В [Nugteren 2011] есть и другие примеры развития кластера **rk* > шира-югур. *rg*, ср. Пмонг. **herike* (?*herke*) ‘молитвенные четки’ > шира-югур. *herge* [Nugteren 2011: 291], **burkan* ‘Будда’ > шира-югур. *pərgan* [Nugteren 2011: 354].

15) Пмонг. **ügi* ‘не иметь’ > барг. *угйе* ‘нет, не иметь’ [БКС 1983: 49], **шира-югур. *игуи*** ‘не иметь’ [ШЮПМКС 1984: 20]. Развитие Пмонг. **ü* > барг. *и* встречается часто, ср. Пмонг. **būdūri-* ‘споткнуться’ [Nugteren 2011: 293] > барг. *budər-* ‘спотыкаться, запинаться’ [БКС 1983: 82];

16) Пмонг. **ertU-* ‘всегда’ > барг. *эрэд* ‘всегда’ [БКС 1983: 24], **шира-югур. *ортоди:нэ*** ‘всегда’ [ШЮПМКС 1984: 16]. Аналогичное развитие вокализма наблюдается и в лексеме Пмонг. **ereün* ‘подбородок’ > барг. *эри:* ‘подбородок’ [БКС 1983: 24], шира-югур. *orün*, [Nugteren 2011: 332];

17) Пмонг. **tobčil-* ‘застегивать’ > п.-монг. *tobcilatur* / *тобчуур* ‘застежка, крепление; ключица, ключичная кость; желудок’ [Lessing 1960: 811], монг. *товчло-* ‘застегивать (пуговицу)’ [БАМРС 2001в: 211], барг. *тəβčöl-* ‘застегнуть пуговицы’ [БКС 1983: 183], калм. *товчл-* ‘застегиваться’ [КРС 1977: 499], ойр. *товчилаха* (*тобчилаху*) ‘застегивать’ [Тодаева 2001: 327], бао. *dəbtəi jix-* ‘застегивать на пуговицы’ [БКС 1986: 179], **шира-югур. *тəβčəla-*** ‘застегивать пуговицы’ [ШЮПМКС 1984: 119];

18) Пмонг. **töl-* ‘для, ради’ > монг. *төлөө* ‘для, ради, за, вместо’ [БАМРС 2001в: 242], бур. *тула* ‘для, ради, за, вместо’ [БРС 2010б: 255], барг. *tulə:* ‘ради, за, для’ [БКС 1983: 189], калм. *төлэ* ‘для, ради, за, вместо’ [КРС 1977: 512], **шира-югур. *tölə:*** ‘для, ради’ [ШЮПМКС 1984: 120];

19) Пмонг. **töl-* ‘компенсация’ > п.-монг. *töly-* / *төлөх* ‘компенсировать, платить за’ [Lessing 1960: 833], барг. *tulbər* ‘компенсация’ [БКС 1983: 189], **шира-югур. *tölöfur*** ‘компенсация’ [ШЮПМКС 1984: 121];

20) Пмонг. **törkV-* ‘родня замужней женщины’ > п.-монг. *törkym* / *төрхөт* ‘семья за-

мужней женщины; дом замужней женщины до ее замужества' [Lessing 1960: 835], монг. *tөрхөм* 'родители, родня (замужней женщины)' [БАМРС 2001в: 247], бур. *түрхэм* 'родные (или родственники) жены' [БРС 2010б: 269], барг. *turxəmt* 'родительский дом матери' [БКС 1983: 191], калм. *төр-кн* 'родители, родня (замужней женщины)' [КРС 1977: 514], ойр. *төркечилхе* (*төркүчилеку*) 'навещать, гостить у своих родителей (о замужней женщине)' [Тодаева 2001: 339], **шира-югур. *tərol* 'родители жены'** [ШЮПМКС 1984: 121];

21) Пмонг. **deγerm* 'грабитель' > п.-монг. *degeremci(n)* / *дээрэмч(uh)* 'разбойник, бандит, грабитель с большой дороги' [Lessing 1960: 244], барг. *də:rəmt* 'разбойник, грабитель' [БКС 1983: 196], калм. *деермч* 'грабитель, разбойник' [КРС 1977: 195], ойр. *де-еремчин* (*дееремчин*) 'грабитель, разбойник' [Тодаева 2001: 123], **шира-югур. *dermeŋə* 'грабитель'** [ШЮПМКС 1984: 128];

22) Пмонг. **dolo-* 'указательный палец' > п.-монг. *dolljabur[i]* / *долоовор* 'указательный палец' [Lessing 1960: 259], монг. *долоовор* 'указательный палец' [БАМРС 2001б: 49], бур. *долёобор* 'указательный палец' [БРС 2010а: 287], барг. *dɔlɔ:βər xov:* 'указательный палец' [БКС 1983: 199], **шира-югур. *dɔlɔgqə xuru:n* 'указательный палец'** [ШЮПМКС 1984: 128];

23) Пмонг. **serg-* 'возрождаться' > п.-монг. *sergy-* / *сэргэх* 'восстановиться, поправиться, протрезветь, прийти в себя; почувствовать себя отдохнувшим; прийти в себя; собраться с силами' [Lessing 1960: 690], барг. *sərag-* 'возрождаться' [БКС 1983: 155], калм. *серг-* 'пробуждаться, очнуться' [КРС 1977: 450], **шира-югур. *sergə-* 'возрождаться'** [ШЮПМКС 1984: 100];

24) Пмонг. **jaŋ-* 'цемент' > п.-монг. *jang / ян(ə)* *sixui* 'цемент' [Lessing 1960: 427], барг. *jaŋɣəxi* 'цемент' [БКС 1983: 219], даг. *янхуй* 'цемент' [КДРС 2014: 232], дунс. *yanhuida* 'штукатурить цементом, лить бетон' [ДКС 2012: 477], **шира-югур. *jaŋxui* 'цемент'** [ШЮПМКС 1984: 152];

25) Пмонг. **kebt-* 'гнездо' > барг. *xəβtlə:* 'гнездо' [БКС 1983: 102], **шира-югур. *gebtəfe* 'гнездо'** [ШЮПМКС 1984: 82];

26) Пмонг. **küčVr-* 'трудный' > п.-монг. *kücir / хучир* 'трудный, сложный, запутанный, серьезный; тяжелый, насущный; серьезный (например, болезнь)' [Lessing 1960: 495], монг. *хучир* 'тяжелый, тяжкий, изнурительный' [БАМРС 2002: 199], бур. *хүшэр* 'тяжелый, трудный, тягостный' [БРС 2010б: 509], барг. *xufirti:* 'трудный' [БКС 1983: 125], калм. *күчр* 'тяжелый, трудный' [КРС 1977: 332], **шира-югур. *gudɣyr* 'трудный'** [ШЮПМКС 1984: 85];

27) Пмонг. **žergVl* 'ставить в один ряд' > п.-монг. *zergele-* / *зэрэглэх* 'светиться вдали; быть нечетко заметным на расстоянии' [Lessing 1960: 1046], барг. *dzərag-s-* 'ставить в один ряд' [БКС 1983: 214], **шира-югур. *dzergeŋe* 'ставить в один ряд'** [ШЮПМКС 1984: 144];

28) Пмонг. **žerIVg* 'дикий' > п.-монг. *zerlig / зэрлэг* 'дикий, живущий или произрастающий в естественном состоянии; дикий; заблудший' [Lessing 1960: 1046], монг. *зэрлэг* 'дикий, необученный' [БАМРС 2001б: 254], бур. *зэрлиг* 'дикий, необученный' [БРС 2010а: 425], барг. *dzərləg* 'дикий' [БКС 1983: 214], калм. *зерлг* 'дикий; необузданный; грубый' [КРС 1977: 248], **шира-югур. *dzərləg* 'дикий'** [ШЮПМКС 1984: 144];

29) Пмонг. **sar* 'ястреб' > п.-монг. *sar / cap* 'a bird of prey; falcon, eagle, hawk = хищная птица: ястреб, орел, сокол' [Lessing 1960: 674], **шира-югур. *sar* 'ястреб'** [ШЮПМКС 1984: 99];

30) Пмонг. **serg-* 'умный, сообразительный' > п.-монг. *sergyleng / сэргэлэн(ə)* 'интеллектуальный, проницательный, острый (ум); бдительный; освежающий, бодрящий' [Lessing 1960: 690], барг. *xəragləŋ* 'умный, сообразительный' [БКС 1983: 104], калм. *сергмэжтə* 'бдительный, осмотрительный, веселый' [КРС 1977: 450], даг. *сэрт* 'умный, сметливый' [КДРС 2014: 149], ойр. *сергелең* (*сергелең*) 'умный, смывленный, сообразительный' [Тодаева 2001: 294], **шира-югур. *sergeleŋ* 'умный, сообразительный'** [ШЮПМКС 1984: 100];

31) Пмонг. **siltVg* 'причина' > п.-монг. *silta-* / *шалтах* 'быть причиной, следствием, быть вызванным чем-либо; притворяться, имитировать, находить предлог' [Lessing 1960: 707], барг. *filtga:ŋ* 'причина' [БКС

1983: 167], калм. *шилтан* 'причина, обстоятельство', *шалтан* 'причина, повод' [КРС 1977: 673, 663], **шира-югур. *šaltag* 'причина'** [ШЮПМКС 1984: 106]. Развитие Пмонг. *i > **шира-югур. *ə*** встречается и в ряде других слов, ср. Пмонг. *sini 'новый' > **шира-югур. *šənə* 'новый'** [Nugteren 2011: 496];

32) Пмонг. **süyVr-* 'расчесывать' > п.-монг. *sigyrde-* / *шүүрдэх* 'подметать, вытирать, вытирать пыль метлой; расчесывать тонкой гребнем' [Lessing 1960: 703], барг. *fu:rd-* 'расчесывать' [БКС 1983: 170], ойр. *шүүрдехе* (*шүүрдеку*) 'расчесывать волосы' [Тодаева 2001: 466], **шира-югур. *fy:rde* 'расчесываться'** [ШЮПМКС 1984: 99];

33) Пмонг. **kalt-* 'только' > п.-монг. *xaltu* / *халт* 'аккуратно сделанный, с трудом, всегда, только что' [Lessing 1960: 921], барг. *xalxaj* 'только что' [БКС 1983: 96], **шира-югур. *xaldu* 'только что'** [ШЮПМКС 1984: 45];

34) Пмонг. *kas 'яшма, нефрит' > п.-монг. *xas* / *хас* 'яшма, нефрит' [Lessing 1960: 941], монг. *хас* 'яшма' [БАМРС 2002: 65], бур. *хас* 'яшма' [БРС 20106: 410], барг. *хас* 'яшма, нефрит' [БКС 1983: 94], калм. *каш* 'яшма' [КРС 1977: 585], ойр. *хаш* (*хаш*), *хас* (*хас*) 'нефрит, яшма' [Тодаева 2001: 393], **шира-югур. *хас* 'яшма, нефрит'** [ШЮПМКС 1984: 45];

35) Пмонг. *kon 'пасти скот' > барг. *хэң хэв:л-* 'пасти скот' [БКС 1983: 107], **шира-югур. *хэ:нэ адла* 'пасти скот'** [ШЮПМКС 1984: 49];

36) Пмонг. *konog 'сутки' > п.-монг. *хониг* / *хоног* 'ночлег, ночевка; один день и одна ночь, двадцать четыре часа' [Lessing 1960: 964], монг. *хоног* 'сутки, ночевка, ночлег' [БАМРС 2002: 105–106], бур. *хоног* 'сутки' [БРС 20106: 443], барг. *хэпэг* 'сутки' [БКС 1983: 107], калм. *хонг* 'сутки; ночевка, ночлег' [КРС 1977: 595], даг. *коноо* 'сутки' [КДРС 2014: 91], ойр. *хоног* 'сутки' [Тодаева 2001: 401], **шира-югур. *хэпэг* 'сутки'** [ШЮПМКС 1984: 49];

37) Пмонг. *kob 'клевета' > *хоб* / *хоб* [Lessing 1960: 949], монг. *хов* 'сплетня, толки, ябеда, донос' [БАМРС 2002: 89], калм. *хов* 'сплетня' [КРС 1977: 591], бур. *хоб* 'сплетня' [БРС 20106: 429], барг. *хэβ* 'клевета,

злые слова' [БКС 1983: 108], **шира-югур. *хэβ* 'клевета'** [ШЮПМКС 1984: 50];

38) Пмонг. **kuruγub-* 'наперсток' > п.-монг. *xurugubci(n)* / *хуруувчи(н)* 'наперсток' [Lessing 1960: 991], бур. *хурабиша* 'наперсток' [БРС 20106: 466], барг. *хорυ:β* 'наперсток' [БКС 1983: 118], калм. *хурвч* 'наперсток' [КРС 1977: 610], ойр. *хуравчи* (*хурубчи*) 'наперсток' [Тодаева 2001: 413], **шира-югур. *xurubfə* 'наперсток'** [ШЮПМКС 1984: 54];

39) Пмонг. *sar- subun 'сова' > барг. *far fəβo:* 'сова' [БКС 1983: 172], **шира-югур. *fra fu:n* 'сова'** [ШЮПМКС 1984: 111];

40) Пмонг. *üküdel 'труп' > п.-монг. *үкүдел* / *үхдэл* 'мертвое тело, труп' [Lessing 1960: 1003], барг. *uxdäl* 'труп' [БКС 1983: 49], даг. *угудул* 'труп, мертвое тело, мертвец, покойник' [КДРС 2014: 168], **шира-югур. *hküdel* 'труп'** [ШЮПМКС 1984: 21];

Интересно отметить реконструкцию для прамонгольского ряда слов, которые относятся к материальной культуре: *(*h*)*iliγür* 'утюг', *kükür 'сера', **jaγ-* 'цемент', *kas 'яшма, нефрит', **kuruγub-* 'наперсток'.

5. Китайские заимствования

1) п.-монг. *guva* / *гуа* 'дыня' [Lessing 1960: 388], монг. *гуа* 'тыква, дыня' [БАМРС 2001a: 448], калм. *гу* 'дыня' [КРС 1977: 167], ойр. *гуу* 'дыня' [Тодаева 2001: 109], **шира-югур. *гуа* 'дыня'** [ШЮПМКС 1984: 84], ср. кит. 瓜 *guā* 'бахчевые культуры' [КРС 1990: 318];

2) п.-монг. *xuvang* / *хуангуа* 'огурец' [Lessing 1960: 993], монг. *хуангуа* 'огурец' [БАМРС 2002: 152], барг. *хуāngуа* 'огурец' [БКС 1983: 113], **шира-югур. *хуаңгуа* 'огурец'** [ШЮПМКС 1984: 52], ср. кит. 黃瓜 *huángguā* 'огурец' [КРС 1990: 381];

3) п.-монг. *si* / *ший(гуа)* 'арбуз' [Lessing 1960: 693], монг. *шийгуа* 'арбуз' [БАМРС 2002: 351], барг. *fi:gōā:* 'арбуз' [БКС 1983: 163], бао. *ciγua* 'арбуз' [Тодаева 1964: 146], **шира-югур. *eiγua* 'арбуз'** [ШЮПМКС 1984: 112], ср. кит. 西瓜 *xīgūā* 'арбуз' [КРС 1990: 968];

4) даг. *тулаажий* 'трактор' [КДРС 2014: 161], барг. *tuəla:ɖi:* 'трактор' [БКС 1983: 188], дунс. *to'la'dzi* 'трактор' [ДКС

2012: 428], **шира-югур. *tuoladzi* ‘трактор’** [ШЮПМКС 1984: 121], ср. кит. 拖拉机 *tuōlājī* ‘трактор’ [КРС 1990: 923];

5) п.-монг. *sijan* / *шян* ‘уезд’ [Lessing 1960: 705], барг. *ᠰᠢᠶᠠᠨ* ‘уезд’ [БКС 1983: 172], ойр. *шийан* (*шийан*) ‘уезд’ [Тодаева 2001: 454], дунс. *ᠰᠢᠶᠠᠨᠵᠠᠩ* ‘начальник уезда’ [ДКС 2012: 468], бао. *ᠰᠠᠨᠴᠠᠩ* ‘начальник уезда’ [БКС 1986: 138], **шира-югур. *ᠰᠢᠶᠠᠨ* ‘уезд’** [ШЮПМКС 1984: 111], ср. кит. 县 *xiàn* ‘уезд’ [КРС 1990: 987];

6) п.-монг. *sixui* / *шохой* ‘известь, мел’ [Lessing 1960: 722], монг. *шохой* ‘известь, мел, штукатурка’ [БАМРС 2002: 371], бур. *шохой* ‘известь’ [БРС 2010б: 619], барг. *ᠰᠢᠬᠠᠢ* ‘известь’ [БКС 1983: 167], дунс. *shihui* ‘известь’ [ДКС 2012: 392], бао. *ᠰᠢᠬᠠᠢ ᠰᠥᠭᠡᠢ* ‘известь’ [БКС 1986: 186], даг. *чийкоо* ‘известь’ [КДРС 2014: 205], **шира-югур. *ᠰᠢᠬᠠᠢ* ‘известь’** [ШЮПМКС 1984: 113], ср. кит. 石灰, 石灰 *shíhuī* ‘известь’ [КРС 1990: 881];

7) п.-монг. *songxi(n)* / *цонх(он)* ‘окно’ [Lessing 1960: 198], монг. *цонх(он)* ‘окно’ [БАМРС 2002: 260], бур. *сонхо* ‘окно’ [БРС 2010б: 181], барг. *ᠰᠣᠩᠬᠠ* ‘окно’ [БКС 1983: 205], калм. *цонх* ‘окно’ [КРС 1977: 636], ойр. *цонха* (*цонха*) ‘окно’ [Тодаева 2001: 430], даг. *чоңку* ‘окно’ [КДРС 2014: 208], **шира-югур. *ᠰᠣᠩᠬᠠ* ‘окно’** [ШЮПМКС 1984: 137], ср. кит. 窗户 *chūāng* ‘окно’ [КРС 1990: 134];

8) ойр. *оону* (*оону*) ‘лачуга, хижина, шалаш’ [Тодаева 2001: 262], барг. *о:рәү* ‘шалаш’ [БКС 1983: 43], дунс. *оруда* ‘жить в шалаше, хижине’ [ДКС 2012: 336], **шира-югур. *и:рио* ‘шалаш’** [ШЮПМКС 1984: 18], ср. кит. 窝棚 *wōpeng* ‘шалаш’ [КРС 1990: 954];

9) п.-монг. *jangzutai* / *янзтай* ‘имеющий форму, вид, манеры’ [Lessing 1960:

428], барг. *jandz* ‘внешний вид’ [БКС 1983: 219], **шира-югур. *ᠵᠠᠩᠵᠠᠢ* ‘внешний вид’** [ШЮПМКС 1984: 152], ср. кит. 样式 *yàngshì* ‘фасон, образец’ [КРС 1990: 1057];

10) барг. *хәйәс* ‘корзина’ [БКС 1983: 114], **шира-югур. *кәү* ‘корзина’** [ШЮПМКС 1984: 69], ср. кит. 筐子 *kuāng* ‘корзина’ [КРС 1990: 526];

11) барг. *wa:r* ‘черепица’ [БКС 1983: 225], калм. *баар* ‘черепица; фаянс; фарфор’ [КРС 1977: 71], дунс. *ва* ‘черепица’ [ДКС 2012: 452], **шира-югур. *wa:* ‘черепица’** [ШЮПМКС 1984: 157], ср. кит. 瓦 *wǎ* ‘черепица’ [КРС 1990: 926].

Можно видеть, что выявленные китаизмы связаны с тем, что монголы заимствовали сам предмет у китайцев, например, в области питания: названия дыни, арбуза, огурца, в области материальной культуры: трактор, черепица, известь, окно, шалаш, корзина, приспособления для определенных форм, например, для шляп, название административного деления (уезд).

6. Заключение

Дополнение существующих этимологий данными по шира-югурскому языку, в ряде случаев и по словарям других монгольских языков, доступных на LingvoDoc (письменно-монгольскому, монгольскому, бурятскому, ойратскому, дагурскому, дунсянскому, баоаньскому), а также проверка реконструированных слов по китайским словарям на предмет заимствования дают возможность углубить наши знания об истории культуры монголов и уточнить источник появления тех или иных изобретений.

Сокращения

бао. — баоаньский
барг. — баргутский
бур. — бурятский
даг. — дагурский
др.-тюрк. — древнетюркский
дунс. — дунсянский

калм. — калмыцкий
кит. — китайский
п.-монг. — письменно-монгольский
Пмонг. — прамонгольский
Птю — пратюркский
шира-югур. — шира-югурский

Литература

- Alreshidi, Aldhlan 2017 — *Alreshidi H., Aldhlan K.* Auto-Extracting Method of Cognates Words in Arabic and English Languages // *International journal of advanced studies in Computer Science and Engineering (IJASCSE)*. 2017. Vol. 6(1). Pp. 1–13.
- Batsuren et al. 2022 — *Batsuren Kh., Bella G., Giunchiglia F.* A large and evolving cognate database // *Language Resources and Evaluation*. 2022. Vol. 56. Pp. 1–25.
- Ciobanu, Dinu 2014 — *Ciobanu A. M., Dinu A. M.* Building a Dataset of Multilingual Cognates for the Romanian Lexicon // *Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation LREC*. Reykjavik, 2014. Pp. 1038–1043.
- Dongbu Yuguryu huayu cailiao 1988 — Dongbu Yuguryu huayu cailiao [= Материалы по шира-югурскому языку: тексты] / Jia Lasen, Bao Chaolu (ed.). (Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1988. 352 p.
- Dyen et al. 1992 — *Dyen I., Kruskal J. B., Black P.* An Indo-European classification: A lexicostatistical experiment // *Transactions of the American Philosophical Society*. 1992. Vol. 82(5). Pp. 1–132.
- EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Fawcett 2006 — *Fawcett T.* An introduction to ROC analysis // *Pattern Recognition Letters*. 2006. Vol. 27(8). Pp. 861–874.
- Fourrier, Sagot 2022 — *Fourrier C., Sagot B.* Probing Multilingual Cognate Prediction Models // *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2022*. Dublin: Association for Computational Linguistics, 2022. Pp. 3786–3801.
- Kanojia et al. 2020 — *Kanojia D., Bhattacharyya P., Kulkarni M., Haffari G.* Challenge Dataset of Cognates and False Friend Pairs from Indian Languages // *Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille: European Language Resources Association 2020. Pp. 3096–3102.
- Kotwicz 1939 — *Kotwicz W. L.* La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kantcheou. D'après les matériaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs. Wilno, 1939. Pp. 91–102.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. xv + 1086 p.

References

- Alreshidi H., Aldhlan K. Auto-extracting method of cognates words in Arabic and English languages. *International Journal of Advanced Studies in Computer Science and Engineering (IJASCSE)*. 2017. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–13. (In Eng.)
- Batsuren Kh., Bella G., Giunchiglia F. A large and evolving cognate database. *Language Resources and Evaluation*. 2022. Vol. 56. Pp. 1–25. (In Eng.)
- Ciobanu A. M., Dinu A. M. Building a dataset of multilingual cognates for the Romanian lexicon. In: *Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation LREC*. Reykjavik, 2014. Pp. 1038–1043. (In Eng.)
- Jia Lasen, Bao Chaolu (eds.) *Eastern Yugur Language Materials*. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1988. 352 p. (In Chin. and Yug.)
- Dyen I., Kruskal J. B., Black P. An Indo-European classification: A lexicostatistical experiment. *Transactions of the American Philosophical Society*. 1992. Vol. 82. No. 5. Pp. 1–132. (In Eng.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Fawcett T. An introduction to ROC analysis. *Pattern Recognition Letters*. 2006. Vol. 27. No. 8. Pp. 861–874. (In Eng.)
- Fourrier C., Sagot B. Probing multilingual cognate prediction models. In: *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2022*. Dublin: Association for Computational Linguistics, 2022. Pp. 3786–3801. (In Eng.)
- Kanojia D., Bhattacharyya P., Kulkarni M., Haffari G. Challenge dataset of cognates and false friend pairs from Indian languages. In: *Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille: European Language Resources Association 2020. Pp. 3096–3102. (In Eng.)
- Kotwicz W. L. La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les matériaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs. Wilno, 1939. Pp. 91–102. (In Fr.)
- Lessing F. D. *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. XV + 1086 p. (In Mong. and Eng.)

- Loshchilov, Hutter 2019 — *Loshchilov I., Hutter F.* Decoupled Weight Decay Regularization [электронный ресурс] // ICLR 2019. URL: <https://arxiv.org/abs/1711.05101> (дата обращения: 25.08.2025).
- Mitkov et al. 2007 — *Mitkov R., Pekar V., Blagoev D., Mulloni A.* Methods for extracting and classifying pairs of cognates and false friends // *Machine Translation*. 2007. Vol. 21(1). Pp. 29–53.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Pulini, List 2024 — *Pulini M., List J.-M.* Finding language-internal cognates in Old Chinese // *Bulletin of Chinese Linguistics* 2024. Vol. 17(1). Pp. 53–72.
- Rama 2016a — *Rama T.* Siamese Convolutional Networks for Cognate Identification // *Proceedings of COLING 2016, the 26th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers*. Osaka: The COLING 2016 Organizing Committee, 2016. Pp. 1018–11027.
- Rama 2016b — *Rama T.* Siamese Convolutional Networks for Cognate Identification // *Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Austin: Association for Computational Linguistics, 2016. Pp. 123–132.
- Róna-Tas 1962 — *Róna-Tas A.* Tibetan loanwords in Shera Yöğur language // *Acta Orientalia Hungarica* 15. 1962. Pp. 259–271.
- Rybatzki 2006 — *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel im Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. 841 p.
- Schuster, Paliwal 1997 — *Schuster M., Paliwal K. K.* Bidirectional recurrent neural networks // *IEEE Transactions on Signal Processing*. 1997. Vol. 45(11). Pp. 2673–2681.
- Sun 1990 — *Sun Zhu 孙竹* (ed.) *Menggu yuzu yuyan cidian 蒙古语族语言词典* [= Dictionary of the languages of the Mongolic language family]. Xining: Qinghai renmin chubanshe, 1990. 844 p.
- Tompson et al. 2015 — *Tompson J., Jain A., LeCun Y., Bregler C.* Efficient Object Localization [электронный ресурс] // *Using Convolutional Networks*. *Proceedings of CVPR*. URL: <https://arxiv.org/pdf/1411.4280> (дата обращения: 25.08.2025).
- Loshchilov I., Hutter F. Decoupled weight decay regularization. In: *ICLR 2019*. On: Internet Archive. Available at: <https://arxiv.org/abs/1711.05101> (accessed: 25 August 2025). (In Eng.)
- Mitkov R., Pekar V., Blagoev D., Mulloni A. Methods for extracting and classifying pairs of cognates and false friends. *Machine Translation*. 2007. Vol. 21. No. 1. Pp. 29–53. (In Eng.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Pulini M., List J.-M. Finding language-internal cognates in Old Chinese. *Bulletin of Chinese Linguistics*. 2024. Vol. 17. No. 1. Pp. 53–72. (In Eng.)
- Rama T. Siamese convolutional networks for cognate identification. In: *Proceedings of COLING 2016, the 26th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers*. Osaka: The COLING 2016 Organizing Committee, 2016. Pp. 1018–11027. (In Eng.)
- Rama T. Siamese convolutional networks for cognate identification. In: *Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Austin: Association for Computational Linguistics, 2016. Pp. 123–132. (In Eng.)
- Róna-Tas A. Tibetan loanwords in Shera Yöğur language. In: *Acta Orientalia Hungarica* 15. 1962. Pp. 259–271. (In Eng.)
- Rybatzki V. Die Personennamen und Titel im Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. 841 p. (In Germ.)
- Schuster M., Paliwal K. K. Bidirectional recurrent neural networks. *IEEE Transactions on Signal Processing*. 1997. Vol. 45. No. 11. Pp. 2673–2681. (In Eng.)
- Sun Zhu (ed.) *Dictionary of the Mongolic Languages*. Xining: Qinghai renmin chubanshe, 1990. 844 p. (In Chin., Mong., etc.)
- Tompson J., Jain A., LeCun Y., Bregler C. Efficient object localization. In: *Using Convolutional Networks*. *Proceedings of CVPR*. On: Internet Archive. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1411.4280> (accessed: 25 August 2025). (In Eng.)

- Vaswani et al. 2017 — Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. Attention Is All You Need [электронный ресурс] // Advances in Neural Information Processing Systems 30. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1706.03762> (дата обращения: 25.08.2025).
- Wichmann, Holman 2013 — *Wichmann S., Holman E. W.* Languages with longer words have more lexical change // *Approaches to Measuring Linguistic Differences*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 249–281.
- Zhaonasitu 1981 — Zhaonasitu. 东部裕固语简志 (= Введение в шира-югурский язык). Beijing: Minzu Chu-banshe, 1981. 122 p.
- Zhaonasitu 1982 — Zhaonasitu 照那斯图. Dongbu yuguuyu cihui 东部裕固语词汇 [= Лексика шира-югурского языка] Hohhot: Neimenggu daxue menggu yuwen yanjiusuo, 1982. 129 p.
- БАМРС 2001а — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 1: А–Г. М.: ACADEMIA, 2001. 520 с.
- БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 2: Д–О. М.: ACADEMIA, 2001. 536 с.
- БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 3: Ё–Ф. М.: ACADEMIA, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 4: Х–Я. М.: ACADEMIA, 2002. 532 с.
- БАРС 2006 — Большой азербайджанско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 2. Баку: Şərq-Qərb, 2006. 848 с.
- БКС 1983 — Баргутско-китайский словарь. Хух-Хото: Издательство Университета Внутренней Монголии, 1983. 226 с.
- БКС 1986 — Словарь баоаньского, письменного монгольского, китайского языков. Хух-Хото: Тип. Внутренней Монголии, 1986. 265 с.
- БРС 2010а — Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. I: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 636 с.
- Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. Attention is all you need. In: *Advances in Neural Information Processing Systems* 30. 2017. On: Internet Archive. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1706.03762> (accessed: 25 August 2025). (In Eng.)
- Wichmann S., Holman E. W. Languages with longer words have more lexical change. In: *Approaches to Measuring Linguistic Differences*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 249–281. (In Eng.)
- Zhaonasitu. Eastern Yugur: An Introduction. Beijing: Publishing House of Minority Nationalities, 1981. 122 p. (In Chin.)
- Zhaonasitu. Eastern Yugur Vocabulary. Hohhot: Inner Mongolia University, 1982. 129 p. (In Chin.)
- Luvсанденев А., Тседендамба Тс. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvсанденев А., Тседендамба Тс. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvсанденев А., Тседендамба Тс. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvсанденев А., Тседендамба Тс. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2001. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Tagiyev M. T. Et al. (eds.) Unabridged Azerbaijani-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2. Baku: Şərq-Qərb, 2006. 848 p. (In Az. and Russ.)
- Barga [Mongolian]-Chinese Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia University, 1983. 226 p. (In B.-Mong. and Chin.)
- Dictionary of Bonan, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 265 p. (In Bon., Mong. and Chin.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: А–Н. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)

- БРС 2010б — Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.
- Грунгов, Мазо 2015 — *Грунгов. И. А., Мазо О. М.* Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // *Journal of Language Relationship*. 2015. № 13(3–4). С. 205–255.
- ДКС 2012 — Дунсянско-китайский словарь / 2-е изд. Ланьчжоу: Изд. дом национальностей Ганьсу, 2012. 548 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- КДРС 2014 — Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков; отв. ред. Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- КирРС 1985 — Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. В 2-х тт. Т. 1. Фрунзе: Главная ред. Киргизской советской энциклопедии, 1985. 503 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / отв. ред. Б. Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- КРС 1990 — Китайско-русский словарь. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1990. 1250 с.
- Малов 1957 — *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата: АН КазССР, 1957. 197 с.
- Потанин 1893а — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г. Н. Потанина: 1884–1886. В 2-х тт. Т. 1. СПб: Имп. Рус. геогр. общ-во, 1893. 358 с.
- Потанин 1893б — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г. Н. Потанина: 1884–1886. В 2-х тт. Т. 2. СПб: Имп. Рус. геогр. общ-во, 1893. 472 с.
- Санжеев и др. 2015 — Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Санжеев и др. 2016 — Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. II: Г–Р. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: O–Y. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Gruntov. I. A., Mazo O. M. Lexicostatistical classification of the Mongolic languages. *Journal of Language Relationship*. 2015. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 205–255. (In Russ.)
- Dongxiang-Chinese Dictionary. Second ed. Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 2012. 548 p. (In Dong. and Chin.)
- Nadelyaev V. M. et al. Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Tumurdey G., Tsybenov B. D. (comps.) A Brief Dagur-Russian Dictionary. Zh. Badagarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- Yudakhin K. K. (comp.) Kyrgyz-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1. Frunze: Kyrgyz Soviet Encyclopedia, 1985. 503 p. (In Kyrg. and Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Chinese-Russian Dictionary. Beijing: Commercial Press, 1990. 1250 p. (In Chin. and Russ.)
- Malov S. E. Eastern Yugur Language. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1957. 197 p. (In Russ.)
- Potaniin G. N. Tangut-Tibetan Peripheries of China and Central Mongolia: Travels of G. Potaniin, 1884–1886. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1893. 358 p. (In Russ.)
- Potaniin G. N. Tangut-Tibetan Peripheries of China and Central Mongolia: Travels of G. Potaniin, 1884–1886. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1893. 472 p. (In Russ.)
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 2: G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong. and Russ.)

- Санжеев и др. 2018 — Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III: Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- Тенишев, Todaeva 1966 — *Тенишев Э. Р., Todaeva Б. Х.* Язык жёлтых уйгуров. М.: Наука, 1966. 84 с.
- Todaeva 1964 — *Todaeva Б. Х.* Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.
- Todaeva 1973 — *Todaeva Б. Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М.: ГРВЛ, Наука, 1973. 392 с.
- Todaeva 1986 — *Todaeva Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 190 с.
- Todaeva 2001 — *Todaeva Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 497 с.
- ТРС 2004 — Татарско-русский словарь / под ред. проф. Ф. А. Ганиева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 488 с.
- ШЮПМКС 1984 — Шира-югурский письменно-монгольско-китайский словарь. Hohhot: Inner Mongolian University, 1984. 180 с.
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong. and Russ.)
- Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. The Yugur Languages. Moscow: Nauka, 1966. 84 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Bonan Language. Moscow: Nauka, 1964. 158 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Monguor Language: Study, Texts, Vocabulary. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 392 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dagur Language. Moscow: Nauka — GRVL, 1986. 190 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat: Compiled from Jangar Epic Texts and Original Field Recordings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 497 p. (In Oir. and Russ.)
- Ganiev F. A. (ed.) Tatar-Russian Dictionary. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2004. 488 p. (In Tat. and Russ.)
- Dictionary of Eastern Yugur, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia University, 1984. 180 p. (In E. Yug., Mong. and Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 738–758, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

Лексемы, обозначающие ра- Rainbow Lexemes in Mongolian дугу, в монгольских языках. Languages. Part 1 Часть 1

Виктория Васильевна Куканова¹

Viktoria V. Kukanova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат филологических наук, старший науч- Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate,
 ный сотрудник, директор Director

 0000-0002-7696-4151. E-mail: [vika.kukanova\[at\]gmail.com](mailto:vika.kukanova[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Куканова В. В., 2025

© Kukanova V. V. 2025

Аннотация. Введение. Данная статья посвящена рассмотрению лексем, обозначающих раду-
 дугу, в монгольских языках. *Материалом* исследования послужили различные словари пись-
 менно-монгольского, средне-монгольского и современных монгольских языков, по диалек-
 там монгольских языков. В *результате* анализа лексикографических источников выделено
 11 наименований радуги, среди которых основными являются рефлексy от прамонгольского
 *solanga в современных монгольских языках. Некоторые из этих номинаций имеют образный
 характер, что свидетельствует, на наш взгляд, о табуированности называния радуги. Суще-
 ствуют среди них и такие наименования, которые сохранили рудименты архаичных верований
 добуддийского характера. В базах семантических переходов такие сдвиги в семантике не об-
 наружены. Наличие простого по своей структуре концепта в монгольских языках, отсутствие
 более расширенной коллокационной сетки свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что предки
 монгольских народов проживали на территории с сухим и теплым климатом, где редко возни-
 кали условия для появления радуги на небе. Возможно, в таком регионе они проживали како-
 е-то время, поэтому в языке нет следов отражения более разветвленной структуры концепта.
 Если последние развили дополнительные значения путем переноса наименования на погра-
 ничные явления (например, в монгольских языках одни и те же слова могут обозначать ветер и
 воздух, ветер и дождь и т. д. или в тунгусо-маньчжурских языках грозу и гром, грозу и молнию,
 в других языках также отмечаются подобные семантические переходы), то у слова радуги в
 монгольских языках семантические переходы не отмечены, хотя некоторые ученые указывают
 на возможный переход радуга → животное.

Ключевые слова: монгольские языки, лексикология, метеорологическая лексика, номинации
 радуги, этимология, семантика, заимствования

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Разработка инструментария и комплексные исследования монгольских языков и их диалектов (с применением технологий анализа больших массивов данных словарных и корпусных материалов)» (№ 25-78-20008). Автор выражает благодарность за внимательное прочтение рукописи статьи и ценные рекомендации д-ру филол. наук Наталье Борисовне Кошкаревой, д-ру филол. наук Юлии Викторовне Норманской.

Для цитирования: Куканова В. В. Лексемы, обозначающие радугу, в монгольских языках. Часть 1 // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 738–758. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-738-758

Abstract. Introduction. This article is devoted to the consideration of the lexeme denoting a rainbow in Mongolian languages. The *material* of the study is the differences in various dictionaries of written Mongolian, Middle Mongolian and modern Mongolian languages, by dialects of Mongolian languages. As a *result* of the analysis of lexicographic sources, 10 names of the rainbow were identified, among the main ones are reflexes from the Proto-Mongolian *solanga in modern Mongolian languages. Some of these nominations are figurative in nature, which indicates, in our opinion, the taboo nature of naming the rainbow. Among them, there are also such names that retain the rudiments of archaic beliefs of a pre-Buddhist nature. In the bases of semantic transitions, such shifts in semantics were not found. The presence of a simple concept of its own in the Mongolian countries, the absence of a more extended collocation network shows, in our opinion, that the ancestors of the Mongolian peoples lived in a territory with a cold and cold climate, where conditions for showing rainbows in the sky rarely arose. Perhaps, they lived in such relations for some time, therefore, in communication there is no tracking of the reflection of a more branched structure of the concept. If the latter have developed additional meanings by transferring names to borderline phenomena (for example, in Mongolian languages the same words denote wind and air, wind and rain, etc., or in Tungus-Manchu languages thunderstorm and thunder, thunderstorm and lightning, in other languages similar semantic transitions are also denoted), then in the words of rainbow in Mongolian languages semantic transitions are not mentioned, although some of them indicate a possible transition rainbow → animal.

Keywords: Mongolian languages, lexicology, meteorological vocabulary, rainbow nominations, etymology, semantics, loanwords

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-78-20008 ‘Developing Research Tools and Conducting Comprehensive Studies of the Mongolic Languages and Their Languages: Applying Big Data Tools for the Analysis of Dictionaries and Corpora’.

For citation: Kukanova V. V. Rainbow Lexemes in Mongolian Languages. Part 1. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. No. 3. Pp. 738–758. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-738-758

1. Введение

Метеорологические явления сопровождают человека всю его жизнь, по этой причине они являются важным компонентом картины мира человека. Система метеорологической лексики монгольских языков не так часто привлекала к себе внимание: существует несколько работ, которые посвящены этому вопросу, в том числе и этимологии лексических единиц, их семантике [Куканова 2021а; Куканова 2021б; Дыбо и др. 2024; Омакаева 2024; Баринова 2024; и др.]. Протомонголы, по-видимому, соприкасались в повседневной жизни практически со всеми атмосферными явлениями, что нашло отражение в языке.

Радуга является редким метеорологическим и оптическим явлением в ряде регионов, в особенности на аридных территориях, где в настоящее время проживают некоторые монгольские народы. Чаще она наблюдается в местностях с высоким уровнем осадков, влажности и солнечности в теплое время. Думается, что концепт метеорологического явления будет иметь более сложную и расширенную структуру, если данное природное явление носит более частотный характер на той или иной территории, и, наоборот, если структура концепта не разветвленная, то явление не совсем часто было наблюдаемо носителями

языка. Понятие 'радуга' не входит в список базисной лексики, в том числе и в его расширенном варианте [Сводеш 1960; Старостин 1989], но включено в список базисной лексики, разработанный М. Хаспельматом и Ю. Тадмором [Haspelmath, Tadmor 2009: 22].

В настоящей статье мы рассматриваем названия радуги в монгольских языках, исследуем их происхождение, семантические переходы и многозначность, а также анализируем структуру концепта «радуга» в монгольских языках.

2. Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили различные словари письменно-монгольского языка [Lessing 1960; Ковалевский 1837; Ковалевский 1844; Ковалевский 1846; Ковалевский 1849; Голстунский 1893; Голстунский 1894], средне-монгольского [Haenisch 1939; Поппе 1938] и современных монгольских языков [БАМРС 2001а; БАМРС 2001б; БАМРС 2001в; БАМРС 2002; Mostaert 1968; ХРС 2015; БРС 2010а; БРС 2010б; Галцан 2006; Тодаева 2001; КДРС 2014; ШЮПМКС 1984; Тодаева 1973; Smedt, Mostaert 1933; Тодаева 1964; БМКС 1986; Тодаева 1961; ДКС 2012; и др.], а также диалектные словари [Подгорбунский 1909; Тодаева 1981; Будаев 1992; Афанасьева 2006; и др.]. Методом сплошной выборки из указанных словарей отбирались преимущественно описательные номинации. Текстовые материалы по среднемонгольскому периоду извлекались из [Tumurtogoo 2006; Козин 1941; Kara 2009].

В качестве надежной реконструкции лексем монгольского языка были привлечены этимологизированные формы Х. Нугтерена [Nugteren 2011], а также другие словари [Санжеев и др. 2015; Санжеев и др. 2016; Санжеев и др. 2018; ЭСТЯ 2003; ДТС 1969; EDAL 2003]. Рассматриваемая лексика и примеры даются в орфографии источников.

В монгольских этимологиях были добавлены ссылки на источники, примеры по которым были приведены Х. Нугтереном. К сожалению, в словарях языков южномонгольской и кукуновской группы обычно приводятся небольшие словники наиболее употребительных слов, и многие лексические единицы не обнаружены, однако мы

предполагаем, что некоторые наименования имелись и / или, видимо, имеются в указанных языках. Кроме того, в работе использовались данные двух фундаментальных проектов: база данных семантических переходов DATSEMSHIFT, разрабатываемая под руководством А. А. Зализняка [Zalizniak 2016–2022], и база данных колесификаций CLICS [CLICS3 2019]. В работе применяются этимологический, семантический и типологический методы анализа.

Существует множество классификаций монгольских языков см. подробнее: [Schwartz, Blažek 2013; Грунтов, Мазо 2015]. Из последних работ следует выделить следующие классификации, полученные в результате метода лексикостатистики, предложенного М. Сводешем и модернизированного С. А. Старостиным: 1) классификация М. Шварц и В. Блажек [Schwartz, Blažek 2013: 183–184]; 2) классификация А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской [Дыбо, Норманская 2014: 87]; 3) классификация И. А. Грунтова и О. А. Мазо [Грунтов, Мазо 2015: 212]. Отметим, что данные классификации имеют как сходства, так и различия, что обусловлено различным количеством языков монгольской группы и объемом исходного лексического материала, используемого в анализе. Согласно первой классификации, выделяются: 1) собственно монгольские: халха, бурятский, калмыцкий, ордосский, хамниганский (?), шира-югурский; 2) южные: монгорский, баоаньский, дунсянский; 3) дагурский; 4) могольский. Согласно второй классификации, авторами выделены: 1) «северно-монгольская» группа, которая делится на восточную (халха, дариганга, чахарский, ордосский, хамниганский, бурятский) и западную (ойратский, калмыцкий) подгруппы; 2) «южно-монгольская» группа, которая подразделяется на могольский и группу дагурского и шира-югурского; 3) кукуновская группа (монгорский, дунсянский, баоаньский). Согласно третьей классификации, выделяются три группы: 1) северно-монгольские (хамниганский, бурятский, новобаргутский и старобаргутский, халха, олетский (ордосский, ойратский, калмыцкий), хошутский); 2) дагурский; 3) «архаичные» языки (могольский, баоаньский, дунсянский, шира-югурский). В данной работе примеры

приводятся в соответствии со второй классификацией — А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской [Дыбо, Норманская 2014: 87].

3. Лексема *SOLADGA ‘РАДУГА’

Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема *solanga ‘rainbow = радуга’ [Nugteren 2011: 500];

1.1. письм.-монг. *solung-a* ‘rainbow = радуга’ [Lessing 1960: 726]; *solongya* ‘радуга; круг, обрамляющий лицо бурхана, сияние вокруг лица у бурханов’ [Голстунский 1894: 347–348].

В доклассических памятниках письменного-монгольского языка¹ (см. в [Tumurtogoo 2006]) данное слово употребляется всего один раз — в монгольском переводе «Сокровищницы благих речений (изречений), или просто Субхашита» (*Sub. A Mongolian Version of Subhāṣitaratnanidhi* [I 1a]), в других памятниках не встречается. «Субхашита» — дидактическое сочинение известного тибетского ученого XIII в. Сакья-пандиты Гунга-Джалцана (1182–1251) — неоднократно переводилось на монгольский язык, так как получило широкую популярность среди монгольских народов [Музраева 2021: 505]. В памятнике анализируемая лексема используется в значении ‘радуга’: *Öngge sayi:tu oytaryui-daqi solung-a-yi čimeg bolyan erekü mungqay-u:d-un aljiya:s.*: ‘Глупцы беспокоятся о том, как из радуги на небе прекрасного цвета сделать украшение’ [Tumurtogoo 2006: 254].

Употребления:

Процессы, связанные с радугой: *solongya tataba* ‘радуга появилась, показалась’ [Lessing 1960: 726], *solongya tataba* ‘радуга появилась, показалась’ [Ковалевский 1846: 1401]; *solongya sarniba* ‘радуга рассеялась, исчезла’ [Голстунский 1894: 348], *solongya sarniba* ‘радуга скрылась, исчезла’ [Ковалевский 1846: 1401], *solongya būdagiraba* ‘радуга покрылась облаками’ [Ковалевский 1846: 1401], *solongya būdagiraba* ‘радуга закрывалась облаками’ [Голстунский 1894: 348].

Прочее: *solongyadaxu*, *solongyalaxu* ‘пооявление радуги или радужных цветов’,

¹ Год создания текста приводится по: [Tumurtogoo 2006], однако не все памятники имеют данные сведения.

solongya ilayugsan unčilya ‘радужный, с радужными цветами флаг’ [Ковалевский 1846: 1401].

1.2. ср.-монг. *solongya* ‘rainbow = радуга’ [Kara 2009: 204].

В «Sonim Gara’s *Erdeni-yin Sang*», среднемонгольском памятнике монгольской версии тибетского текста «*Sa skya Laegs bshad*», употребляется *solongya* ‘rainbow = радуга’ в следующих контекстах: 1) *oytaryui-taqi solongya-a* ‘the rainbow in the sky = радуга в небе’ в словарной статье *oytaryuidaqi* ‘being in the sky = быть в небе’; 2) *öngge sayitu attrib ... solongya-a* ‘the beautifully coloured rainbow = красиво окрашенная радуга’; 3) *solongya-a-yi cimeg bolyan erekü* ‘to try to have the rainbow for an ornament = попытаться сделать радугу украшением’ [Kara 2009: 204, 220, 265].

1.3. монг. *солонго* ‘радуга; спектр; радужный’ [БАМРС 2001в: 109].

Употребления:

Качества радуги: *долоон өнгийн солонго* ‘семицветная радуга’ [БАМРС 2001в: 49]; *таван өнгийн солонго* ‘пятицветная радуга’ [БАМРС 2001в: 109]; *өнгийн солонго* ‘разноцветная радуга’ [БАМРС 2001в: 22]; *мухар солонго* ‘неполная дуга радуги’ [БАМРС 2001в: 362].

Процессы, связанные с радугой: *солонго татав* ‘радуга протягивается’ [БАМРС 2001в: 22].

В диалектах монголов Внутренней Монголии представлены следующие лексемы со значением ‘радуга’:

– *солон* (в хорчинском, горлосском, ару-хорчинском, баринском, харчинском, тумутском диалектах);

– *толоң* (в джалайтском, дурбетском диалектах);

– *солонго* (в шилиголском, уланцабском, чахарском, ордосском диалектах) [Тодаева 1981: 192].

Г. Й. Рамстедт приводит другую форму в баринском диалекте: бар. *solangyr* ‘радуга’ [Ramstedt 1935: 330].

Исторические диалектные формы:

1.4. орд. *solong, o* ‘arc-en-ciel = радуга; les premières lueurs du jour = первый свет дня’ [Mostaert 1968: 582].

Употребления:

Процессы, связанные с радугой: *solong, o da t'adzi wān* 'il s'est formé un arc-en-ciel = образовалась радуга' [Mostaert 1968: 582].

1.5. хамн. *солонго* 'радуга' [ХРС 2015: 252].

Употребления:

Качества радуги: *солонго олон үнгэтэй* 'радуга разноцветная' [ХРС 2015: 228].

Процессы, связанные с радугой: *борооной сүүлээр солонго гараба* 'появилась радуга после дождя' [ХРС 2015: 252].

Прочее: *солонго тоху* '1) появляться (о радуге); 2) сверкать цветами радуги': *солонготосон бүд* 'переливающаяся ткань'. *солонготоджи байна* 'играет радуга' [ХРС 2015: 253].

1.6. бур. *холонго* 'радуга; нимб, ореол' [БРС 2010а: 558–559].

Употребления:

Качества радуги: *долоон унгын холонго* 'семицветная радуга' [БРС 2010а: 288]; *табан унгын холонго* 'пятицветная радуга' [БРС 2010б: 559]; *унгын холонго* 'разноцветная радуга' [БРС 2010б: 339].

Процессы, связанные с радугой: *холонго татаха* 'протягиваться (о радуге)' [БРС 2010б: 234].

Диалектные формы:

алар. *гхолонго* 'радуга' [Подгорбунский 1909: 257].

балаг. *цолонгá* 'радуга': *нарани туя хурайн дугхаду толтоод, цолонгá болгохо-юма* 'солнечные лучи, отражаясь в дождевые капли, производят радугу' (по: [Будаев 1992: 154]); *солонго* 'радуга' [Подгорбунский 1909: 257].

тунк. *гхолонго* 'радуга' [Подгорбунский 1909: 257].

хорин. *гхолонго* 'радуга' [Подгорбунский 1909: 257].

эхирит. *гуур холонго шам*. 'радуга' (которая, по мифологии эхиритских бурят, являлась мостом, связывающим небо и землю. По этому мосту небесные духи спускались на землю, а земные шаманы поднимались на небо, чтобы лечить небожителей) [БРС 2010б: 559].

старо-баргут. *холонг* 'радуга' [Афанасьева 2006: 10].

ново-баргут. *холонгоо* 'радуга' [Афанасьева 2006: 10].

1.7. ойр. *солоңһо* 'радуга' [Тодаева 2001: 297], *солонго* 'радуга' [Галцан 2006: 1058]; *solongyo* 'rainbow = радуга' [Krueger 1978: 411]; *solongyo* 'радуга' [Цэндээ 2002: 271].

Употребления:

Качества радуги: *кедүүн өңгийн солоңһо огторхууда хадагдаад хараад бээдег болнаа* 'стала подниматься в небо разноцветная радуга' [Тодаева 2001: 377]; *таван өңгийн солоңһо гедег чини теңгериин ивээсен сой-орхол* 'пять цветов радуги — это знак соизволения и покровительства неба' [Тодаева 2001: 171].

Процессы, связанные с радугой: *таван өңгийн солоңһо татаха* 'протянуть пятицветную радугу'; *хур гиигээд, солоңһо харва* 'дождь перестал, появилась радуга'; *теңгериин элкенде таван өңгийн солоңһо татава* 'на середине небосвода протянулась пятицветная радуга' [Тодаева 2001: 297]; *solongyo tataji* 'появилась радуга' [Галцан 2006: 1058].

Диалекты:

олет. *solng, v* 'der regenbogen = радуга' [Ramstedt 1935: 330].

1.8. калм. *солңһ* 'радуга; спектр' [КРС 1977: 454]; *солңһ* 'колонок' [Манджикова 2007: 68].

Употребления:

Процессы, связанные с радугой: *солңһ солңһтржана* 'появилась радуга' [КРС 1977: 454]; *solng, v tat'xv* 'das sich aufbauen des regenbogens = появляться (о радуге)'; *solng, v džirvñā* 'der regenbogen schimmert am himmel = радуга сияет в небе' [Ramstedt 1935: 330].

Диалектные формы:

торг. *солң* 'радуга' [ПМА: Инф. 1].

дерб. *солңһ* 'радуга' [ПМА: Инф. 2].

Исторические формы:

solomgo 'радуга' [Strahlenberg 1965: 190]; *solonyo* // ¹ *солонго* 'радуга' [Анонимный 2014: 282]; *solongyo* 'радуга' (*songyodaxu* 'regenbogen jiebt auf = радуга сияет'; *solongyo tataxu* 'srscheinen des Regenbogens = появление радуги' [Цвик 1853: 383]; *solonyo* 'радуга' [Смирнов 1857: 86]; *solonyo* // *солонго* 'радуга, хорек' [Львовский 1893: 281]; *solongyo* 'радуга' (*solongyodaxu* 'су-

¹ Здесь и далее через «//» указывается фиксация на кириллице автором словаря.

ществование радуги или цветов радуги', *solongyo tataxi* 'появление радуги') [Дилигенский 1852–1853: 328]; *solongyo* 'радуга' [Бадмаев 1899: 67]; *solongyo* 'радуга' [Позднеев 1911: 154]; *solongyo* 'радуга' [Коржева и др. 1916: 55].

Употребления:

Качества радуги: *oroī ēse jesūin öngö solongyo tataji* 'протянул от своего темени девятицветную¹ радугу' с ссылкой на: «Историю хана Галдамы²» (А. х. т. 13) [Позднеев 1911: 154].

1.9. дагур. *soolgee* 'хорек' [КДРС 2014: 143]; *so:lye*: '貴鬬狼 = сибирский колонок' [ДМС 1984: 220].

В дагурском языке значение 'радуга' у данной лексики не зафиксировано. На наш взгляд, это заимствование из тунгусо-маньчжурских языков, так как имеется характерная для них долгота гласного первого слога: *hōlañā* 'заря': эвенк. *hōlañā* (подкаменнотунгусский, ербогоченский, сахалинский, токкинский, урмийский, учурский), *ōlañā* (чумиканский), *sōlñā* (томмотский), *уланñā* (верхоленский), *улаñā* (тоттинский), *hōliya* (токминский), *hōlñā* (токкинский) 'заря; радуга'; *hōlañā-* (подкаменнотунгусский, байкитский, сахалинский, урмийский, учурский, чульманский) 'озарить облака (о северном сиянии)'; *hōlañārēn* (подкаменнотунгусский, виллюйский), *hōlañāran* (непский), *hōlañāran* (токкинский) 'северное сияние'; *hōlbaма* (подкаменнотунгусский, говор эвенков Агаты и Большого Порога, дудинский, непский) 'краснеть', *hōlбамада-* (говор эвенков Агаты и Большого Порога) 'окрашивать в красный цвет'; *hōlбан* (подкаменнотунгусский, илимпийский) 'Марс'; *hōlбарга-* (подкаменнотунгусский, дудинский, илимпийский), *hōрга-* (подкаменнотунгусский) 'покраснеть, стать красным'; *hōрин* (подкаменнотунгусский, илимпийский, сымский, учамский) 'алый, красный', *hōринңан* 'краснобокая (кличка важенки)'; *hōрненн-* (подкаменнотунгус-

ский), *hōриһин-* (непский), *hōришин-* (подкаменнотунгусский, сымский); эвен. *hōliya* (ольский, томпонский) 'заря, закат'; *hōliya-* (ольский, томпонский) 'алеть, багроветь (о заре, закате)'; *hōliña* (саккырырский) 'радуга; северное сияние' [ССТМЯ 19756: 332], хотя в [ССТМЯ 19756: 109] указывается, что лексема *солонгō* (эвенк. *солонгō*, сол. *сōли-ги*) 'колонок' заимствовано из монгольских языков, в [EDAL 2003: 1266] возводят к **sjalo(-kV)* 'a kind of small fur animal = вид небольшого пушного животного', в пратунгусском обозначает 'колонок, хорек', в прамонгольском — 'рысь', в пратюркском — 'вид белки, бурундук', пракорейском — 'рысь'.

1.10. шира-ю. *солонго* 'радуга' [Потанин 1893: 418]; *soləŋgə* '虹 = радуга' [ШЮПМКС 1984: 101].

Употребления:

Процессы, связанные с радугой: *soləŋgə uɣəl* 'исчезла радуга' [ШЮПМКС 1984: 101]; *soləŋgə hta-* 'появилась радуга' [ШЮПМКС 1984: 101].

1.11. монгол. *солонго* 'радуга' [Тодаева 1973: 360], *sləŋgə* '彩虹 = радуга' [ММКС 1985: 144]; *sləŋgua* 'rainbow = радуга' [Faehndrich 2007: 71]; *snaghua* 'rainbow = радуга' [Языковые материалы 1996: 245]; *snagua* 'rainbow = радуга' [Faehndrich 2007: 71, 338].

Диалекты:

минхэ *солонгу* 'радуга' [Потанин 1893: 418].

хуцзу *sləŋgə* (см. по: [Nugteren 2011: 500]); *solongō* 'радуга' (см. по: [Nugteren 2011: 500]).

Употребления:

Качества радуги: *t'agur sulōŋqəo ts'idana* 'un double arc-en-ciel apparaît = появилась двойная радуга' [Smedt, Mostaert 1933: 358].

Процессы, связанные с радугой: *sulōŋqəo* 'arc-en-ciel = радуга', *sulōŋqəo buđzia*, *t'iaŋgeri ariliguna* 'l'arc-en-ciel apparaît, le temps s'éclaircira = появится радуга, погода прояснится' [Smedt, Mostaert 1933: 358].

В монгольских языках восточной (халха, ордосский, хамниганский, бурятский) и западной (калмыцкий язык и олетьский говор ойратского языка) группы имеются омонимичные обозначения радуги и хорь-

¹ Не известно, какие цвета имеются в виду.

² Галдама (калм., ойр. *Галдма*; монг. *Галдмаа*) — хошутский нойон, выдающийся ойратский (джунгарский) военачальник, герой ойратского и калмыцкого фольклора (см. подробнее: [Бакаева 2022]).

ка / колонка, а в южно-монгольских языках и языках кукунорской группы омонимия представлена неравномерно: в дагурском имеется обозначение животного, которое является заимствованием из тунгусо-маньчжурских языков, а в шира-югурском и монгорском языках — обозначение радуги.

1.1. письм.-монг. *solungr-a* ‘siberian marten = сибирская куница, weasel = ласка’ [Lessing 1960: 726]; *solongya* ‘хорек’, *solongyo*, *solongya* ‘хорек, колонок’ [Ковалевский 1846: 1400–1401]; *solongya* ‘желтый хорек, бурундук’, *turu solongya* ‘колонок, бурундук’ [Голстунский 1894: 347–348].

Употребления: *solongyayin* на *betegüi* *tulum* ‘мешок закрытый хорьковый’ [Ковалевский 1846: 1401].

1.2. ср.-монг. *solangha* ‘wiesel = ласка’ [Haenisch 1939: 148]; --- [Поппе 1938: 347–348].

В «Сокровенном сказании монголов» данная лексема встречается в значении «хорек»: *Solonqa bolju* / *Sonusqu-in tula*, / *Unen bolju* / *Ujeku-in tula*, / *Budun beye-en buruudun*, / *Buqiya moritu*, / *Buqu-in horin horinlaju*, / *Burqasun ker kerlen*, / *Burqan deere qarulaa* ‘А все оттого, что у доброй Хохчин / Кротовые уши видать, / У матушки доброй Хохчин / Хорьковое зрение подстать. / На тяжко-подъемном коне, / Кляня свою тяжесть вдвойне, / Бродами изюбрей бредя, / Из ивы шалаш городя, / Взошел я на гору Бурхан’ [Козин 1941: 220, 97].

1.3. монг. солонго ‘колонок; желтый хорек’ [БАМРС 2001в: 109].

Исторические диалектные формы:

Д. Г. Мессершмидт: *Kcharà-ssolôngha* ‘черный хорек (колонок)’ [Мессершмидт 2022: 62–63]; *Schirà-ssolôngah* ‘желтый хорек’ [Мессершмидт 2022: 62–63].

1.4. орд. *solong.o* ‘putois(?) = скунс; espèce d’écureuil = вид белки’ [Mostaert 1968: 582].

1.5. хамн. солонго ‘колонок, хорек’ [ХРС 2015: 252].

1.6. бур. холонго ‘колонок’ [БРС 2010а: 558–559].

1.7. ойр. *solongyo* ‘Korean Bobr = корейский бобр’ [Krueger 1978: 411].

Диалекты:

олет. *solng.p* ‘das gelbe wiesel = желтый хорек, бурундук’ [Ramstedt 1935: 330].

1.8. калм. солңһ ‘колонок’ [Манджикова 2007: 68], *solonyo* // солонгто ‘хорек’ [Львовский 1893: 281].

1.9. дагур. соолгее ‘хорек’ [КДРС 2014: 143]; *so:lye:* ‘貴鬃狼 = сибирский колонок’ [ДМС 1984: 220].

В калмыцком языке лексема со значением ‘колонок, хорек’, видимо, утрачена, хотя в словарях она приводится [Львовский 1893: 281; Манджикова 2007: 68], на наш взгляд, она была заимствована составителями словарей из монгольских словарей (Н. В. Львовский, скорее всего, использовал в качестве источников словарь О. М. Ковалевского, где данное слово со значением ‘колонок’ имеется [Ковалевский 1846: 1400–1401]), поскольку в других известных нам словарях, в корпусных данных лексема с подобным значением не содержится, например, в словаре Г. Й. Рамштедта приводится данное слово с пометой, что она принадлежит к олётскому говору [Ramstedt 1935: 330]. Утрата значения обусловлена тем, что на территории Нижнего Поволжья ни колонок, ни солонгой не обитают. В дунсянском и баоаньском языках произошла, видимо, замена лексемы в связи с китайским влиянием и изменением, следовательно, картины мира.

Колонок, или сибирский колонок (лат. *Mustela sibirica*), — вид хищных млекопитающих семейства куньих из рода ласок и хорей. П. С. Паллас обнаружил во время своих путешествий и другой вид, который он назвал солонгой в 1881 г. на территории Алтая [Юдин 2022: 7]. Скорее всего, он дал ему название по той номинации, которую использовало местное население Сибири. В алтайском языке лексема со значением ‘солонгой’ не обнаружена, а колонка обозначают слова *калазак*, *кушкеры* и *сарас* [АПС 2018: 265, 412, 571]. Следовательно, П. С. Паллас не мог дать название животному по номинации в алтайском языке, скорее всего, речь идет о заимствовании названия из монгольских языков, носители которого проживали в период путешествий П. С. Палласа на территории Алтая. Впоследствии лексема *солонгой* была заимствована в русский язык:

М. Р. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» зафиксировал данную лексему с указанием на монгольский и тунгусский источники заимствования [Фасмер 1987: 713]. На тунгусский источник заимствования ссылаются в работе [Рагагнин, Хабтагаева 2018: 132].

В одних словарных источниках анализируемая лексема обозначает колонка, в других — сибирскую ласку, в третьих — хорька, в четвертых — бурундука, что связано с тем, что они по своему виду очень похожи (см. фото 1). *Сибирская ласка* — еще одно название колонка. Ни в одном из проанализированных лексикографических источников не упоминается *солонгой* как переводной эквивалент. Переводной эквивалент ‘сунс’ мы не рассматриваем, так как он, думается, ошибочно приведен в [Mostaert 1968: 582], поскольку ареал обитания разных видов сунса Северная и Южная Америка, а также острова Индонезии. Наименование одной лексемой разных видов животных соответствует наивной картине мира, хотя при этом в прамонгольском языке более или менее надежно восстанавливается лексе-

ма **bulagan* (?**bulugan*) ‘соболь’ [Nugteren 2011: 290], другими словами, различие соболя и солонгоя / колонка / хорька / бурундука на языковом уровне существовало уже и в период прамонгольского (?) языка. Кроме того, для обозначения хорька в монгольских языках имеется другое слово: монг. *сөдий* / *үнэ* ‘хорек’ [БАМРС 2001в: 118, 415], *хүрнэ* ‘хорек’ [БАМРС 2002: 190]; хамн. *күнэрэ* ‘хорек’ [ХРС 2015: 185]; бур. алар. *хүнэри* ‘хорек’, бур. лит. ‘куница’ [БРС 2010б: 495]; ойр. *курне* ‘хорек’ [Тодаева 2001: 217]; калм. *курн* ‘хорек’ [КРС 1977: 328]; даг. *kur'e:n* ‘weasel’ [Nugteren 2011: 187]; а для обозначения бурундука — *жирх* / *зүрхэвч* ‘бурундук’ [БАМРС 2001б: 179, 248]; хамн. *джирики* / *джирэки* ‘бурундук’ [ХРС 2015: 144]; бур. *жэрхи* ‘бурундук’ [БРС 2010а: 365]; калм. *жирх* ‘бурундук’ [КРС 1977: 231]. Тем самым из списка можно исключить возможных денотатов хорька и бурундука. Скорее всего, слово *solanga* именуется колонка или солонгой. Ареалы обитания колонка и солонгоя приведены на рис. 1.

Солонгой очень похож на колонка (см. фото 1), отличается размерами и ареалом

а)

б)

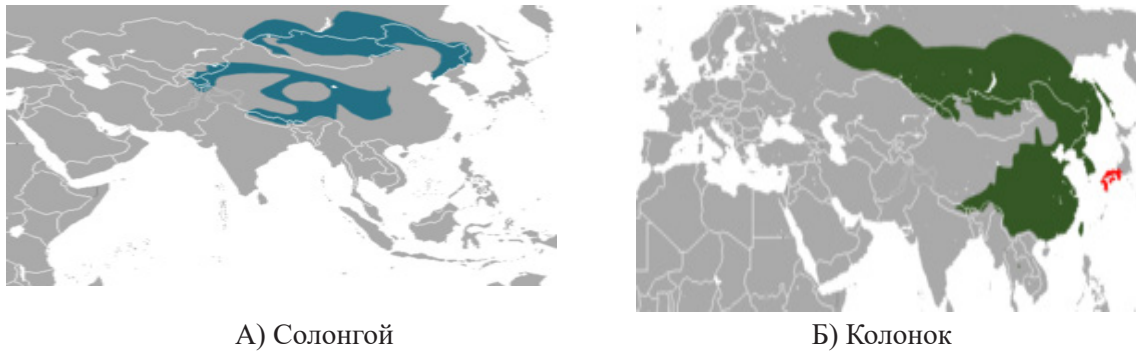

в)

г)

Фото 1. А) Солонгой. Б) Колонок. В) Степной хорек. Г) Азиатский бурундук
[Photo 1. A) Solongoi. B) Kolonok. C) Steppe polecat. D) Siberian chipmunk]

А) Солонгой

Б) Колонок

Рис. 1. Ареал обитания солонгоя и колонка
 [Fig. 1. Habitats of solongoi and kolonok]

обитания, который в некоторой степени пересекается с местами обитания колонка. Солонгой населяет горные ландшафты со слабым или интенсивным развитием лесной растительности, селится также в предгорной лесостепи и степи, из лесных массивов предпочитает смешанную тайгу на горных склонах и речных долинах¹. Колонок же предпочитает леса, причем разного видов: тайгу, лиственный лес; горные, равнинные леса. Преимущественно обитает около водоемов².

Ареал обитания колонка и солонгоя в какой-то степени соотносится с выводами Л. В. Дмитриевой, которая проанализировала географические апеллятивы в тюркских и других алтайских языках и сделала вывод о том, что «древние монголы жили там, где были горы и отдельные скалы ... с горными проходами и перевалами, но в то же время там была степь с лощинами, песчаные места и соприкасалось это все с морем» [Дмитриева 1984: 173]. Предки монгольских народов, по одной из гипотез, относятся к «лесным» народам [Дашибалов, Рассадин 2004]. Существуют две гипотезы о происхождении монголов: автохтонная (монголы — исконные обитатели степей) и миграционная (монголы — пришлый в Центральной Азии народ) [Дашибалов, Рассадин 2004: 34]. В качестве прародины ученые называют южную часть дальневосточного региона [Дашибалов, Рассадин 2004: 34], на которой есть и горы, и реки, и близость территории с морем.

¹ Солонгой [электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Солонгой> (дата обращения: 15.11.2024).

² Колонок [электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Колонок> (дата обращения: 15.11.2024).

Весьма активно лексема со значением ‘радуга’ заимствовалась в тюркские языки: *солаңгы* ‘радуга; зарево’ в сарыг-югурский, алтайский, шорский [ЭСТЯ 2003: 324]. Заимствование происходило явно не в общетюркский период, а в разные языки, которые были контактными монгольским языкам. Видимо, это сепаратные заимствования, они не восходят к ПА *ziōla ‘to shine = сиять, гореть, to blaze = пылать, вспыхнуть’ [EDAL 2003: 1519–1520], так как в тюркских языках развились в значения ‘молния’, ‘солнце’ [СИГТЯ 2001: 22–23, 65–66]. Наличие начального *s*- свидетельствует о том, что заимствование произошло в общемонгольский период или позже через те языки, которые сохранили начальную *s*-, но не через бурятский язык, где произошел переход *s- → *h*. В тувинском языке *солаңгы* ‘зарев; ласка’ [ТПС 1968: 381], скорее всего, не является заимствованием, а восходит к ПА *ziōla ‘to shine = сиять, гореть, to blaze = пылать, вспыхнуть’ [EDAL 2003: 1519–1520].

В некоторых тунгусо-маньчжурских языках также имеются следующие слова: эвенк. *солоңгō* (подкаменнотунгусский, баунтовский, баргузинский, северо-байкальский, учамский, олекминский, сахалинский, токкинский, томмотский, тунгирский, тоттинский, урмийский, тимптонский), *соловэј* (тимптонский), *солга* (сахалинский), *солиуā* (сахалинский, урмийский) ‘колонок, хорек’; *солоңо* (подкаменнотунгусский), *солуе* (урмийский, чумиканский), *солоңгō* (учамский), *хоноңго* (ербогоченский), *голоңго* (ербогоченский, илимпийский, наканновский, токкин-

ский), *шоноңгѳ* (подкаменнотунгусский) ‘колонок, хорек’; сол.: *сѳлнги* ‘колонок’; уд. (анюйский, бикинский, самаргинский, хорский) *сол’о* ‘колонок’; нан. (кур-урмийский) *сол’у*, (бикинский) *сэлэкчэрэ* ‘детеныш колонка’; маньчж. *силихи* ~ *солоху* ‘хорек’ [ССТМЯ 19756: 109].

Некоторые ученые связывают анализируемое слово, как ранее отмечалось, с номинацией желтого хорька, желтой ласки, бурундука [Räsänen 1969: 427; Новикова 1972: 131; Содномпилова 2007: 156]. Название радуги первично, номинация животного вторична, по принципу сходства пестрых цветов шкурки животного был произведен метафорический перенос с обозначения радуги [Рассадин 1981: 112; Санжеев и др. 2018: 124]. Отметим, что не во всех, но в большинстве монгольских языков у данной лексической единицы сохранилось значение, указывающее на животное.

К. А. Новикова делает предположение, что название животного связано со светло-желтым цветом его шкурки, и приводит в доказательство колороним из калмыцкого языка *solŋ boro* ‘hellgrau = светло-серый, gelbgrau = желто-серый’ [Ramstedt 1935: 330], при этом включает в это же этимологическое гнездо и монгольскую лексему *solungga* ‘радуга’ с отсылкой на работу [Räsänen 1969: 427], а также и другие лексемы из тунгусо-маньчжурских языков: як. *солоңу* ‘светло-серый’, эвенк. *хѳлан-* ‘желтеть (о листьях)’, *хѳлаң* ~ *хѳлиң* (Тк, Учр) ~ *холиңа* ~ *сѳлиңа* ‘радуга’, уд. *холиги*, *хол’о* ‘желтый’, нан. *сѳлā* ‘желтовато’ [Новикова 1972: 131–132]. Сравнивая фонетические варианты этого монголо-тунгусо-маньчжурского слова, К. А. Новикова восстанавливает его первоначальную форму в виде **sōlinggai* [Новикова 1972: 132]. Следовательно, структура слова такова: **sōling* + *gai*, причем первая часть слова — это прилагательное **sōling* ‘желтый, серый’, к которому присоединился аффикс существительного *-gai*. Не ясно, может ли данный аффикс присоединяться к именным основам, хотя Г. Й. Рамстедт утверждает, что существует масса отыменных имен с этим же аффиксом [Рамстедт 1957: 184]; однако имеются сведения, что он присоединяется

только к глагольным основам [Орловская 2010: 75–76].

Х. Нугтерен на прамонгольском уровне не восстанавливает значение ‘колонок’ [Nugteren 2011: 500], оно не отмечено также и в «Этимологическом словаре монгольских языков» [Санжеев и др. 2018: 124]. Тот факт, что данное значение уверенно восстанавливается для северо-монгольских языков по классификации И. А. Грунтова и О. А. Мазо и для восточно-монгольских языков по классификации А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской, свидетельствует о том, что возводить значение ‘колонок’ к прамонгольскому языку не следует. Возможно, что в северо-монгольских языках значение ‘колонок’ было заимствовано из тунгусо-маньчжурских языков, как и в дагурском языке, либо это самостоятельное возникшее значение, восходящее к **sialo(-kV)* ‘a kind of small fur animal = вид небольшого пушного животного’ [EDAL 2003: 1266], хотя на такого рода переход «радуга → животное» указывают в работе [Рагагнин, Хабтагаева 2018].

4. Промежуточные выводы по части 1 статьи

На наш взгляд, изначально существовало два неродственных слова: одно из них восходит к ПА **ziōla* ‘to shine = сиять, гореть, to blaze = пылать, вспыхнуть’ [EDAL 2003: 1519–1520], которое и дало в монгольских языках значение ‘радуга’, второе — к ПА **sialo(-kV)* ‘a kind of small fur animal = вид небольшого пушного животного’ [EDAL 2003: 1266].

Слово ПМонг. **solanga* восходит к ПА **ziōla* ‘to shine = сиять, гореть, to blaze = пылать, вспыхнуть’ [EDAL 2003: 1519–1520]. Скорее всего, этимология слова связана с представлениями о радуге как о чем-то, сияющем на небе, то есть название мотивировано действием, и это отглагольное существительное.

Во второй части статьи будут рассмотрены лексемы **siraŋga* (?) ‘радуга’, **lui* ‘дракон, радуга’, уникальные названия радуги в отдельных монгольских языках и концепт «радуга» в монгольских языках. Литература и сокращения в данной работе приведены полностью.

Сокращения

алар. — аларский;
 балаг. — балаганский;
 баоан. — баоаньский;
 бур. — бурятский;
 дагур. — дагурский;
 дерб. — дербетский;
 дунс. — дунсянский;
 калм. — калмыцкий;
 капс. — капсальский;
 лит. — литературный;
 маньчж. — маньчжурский;
 монг. — монгольский;
 монгор. — монгорский;
 нан. — нанайский;
 ново-баргут. — новобаргутский;
 ойр. — ойратский;
 олет. — олетский;
 орд. — ордосский;

ПА — праалтайский;
 письм.-монг. — письменно-монгольский;
 ПМонг. — прамонгольский;
 разг. — разговорный;
 ср.-монг. — среднемонгольский;
 старо-баргут. — старо-баргутский;
 старомонг. — старомонгольский;
 сол. — солонский;
 торг. — торгутский;
 тунк. — тункинский;
 уд. — удэи́ский;
 халх. — халхаский;
 хамн. — хамниганский;
 хорин. — хоринский;
 шира-ю. — шира-югурский;
 эхирит. — эхиритский;
 юж.-бул. — южно-булагатский;
 эвенк. — эвенкийский.

Полевые материалы автора

Инф. 1. М. А. К., 1952 г. р., торгут.
 Инф. 2. Н. В. Э., 1938 г. р., дербет.

Author's field data

Informant 1: M. A. K., b. 1952, ethnic Torghut. (In Kalm. and Russ.)
 Informant 2: N. V. E., b. 1938, ethnic Dorbet. (In Kalm. and Russ.)

Литература

Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: At the Clarendon Press, 1972. xlviii+988 p.
 CLICS3 2019 — Rzymiski Ch., Tresoldi T. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019 [электронный ресурс] // Database of Cross-Linguistic Colexifications. URL: <https://clics.clld.org> (дата обращения: 15.06.2022). DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
 EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1556 p.
 Faehndrich 2007 — *Faehndrich B. R. M.* Sketch Grammar of the Karloug Variety of Mongghul, and Dialectal Survey of Mongghul. Dissertation. Hawaii, 2007. 385 p.
 Haenisch 1939 — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p.

References

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII+988 p. (In Turk. and Eng.)
 Rzymiski Ch., Tresoldi T. The database of cross-linguistic colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019. On: Database of Cross-Linguistic Colexifications. Available at: <https://clics.clld.org> (accessed: 15 June 2022). (In Eng.) DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
 Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
 Faehndrich B. R. M. Sketch Grammar of the Karloug Variety of Mongghul, and Dialectal Survey of Mongghul. Dissertation. Hawaii, 2007. 385 p. (In Eng.)
 Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p. (In Germ. and Mong.)

- Haspelmath, Tadmor 2009 — *Haspelmath M., Tadmor U.* Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009. 1081 p.
- Kara 2009 — *Kara G.* Dictionary of Sonim Gara's *Erdeni-yin Sang*. A middle Mongol Version of the Tibetan Sa skya Laegs bshad. Mongol-English-Tibetan. Boston\$ Leiden Brill, 2009. xlii+338 p.
- Krueger 1978 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Mongolian Society, 1978. 816 p.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. xv + 1086 p.
- Miller 2000 — *Miller R. A.* How to name a dragon in Altaic // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2000. № 5. Pp. 57–78.
- Mostaert 1968 — *Mostaert A.* Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 591 p.
- Räsänen 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 s.
- Schwarz, Blažek 2013 — *Schwarz M., Blažek V.* On Classification of Mongolian. *Folia Orientalia*. 2013. Vol. 50. Pp. 177–214.
- Smedt, Mostaert 1933 — Le dialecte monguor parlé par les mongols du kansou occidental. IIIe partie. Dictionnaire monguor-français / par A. de Smedt, A. Mostaert. Pei-p'ing: Imprimerie de l'Université Catholique, 1933. xiv+521 p.
- Strahlenberg 1965 — *Strahlenberg Ph. J.* Vocabularium Calmucko-Mungalicum // Doerfer G. *Altere Westeuropäische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte* (Witsen 1692 bis Zwick 1827) // *Asiatische Forschungen*. T. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. S. 183–193.
- Tumurtogoo 2006 — Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and biblio-
- Haspelmath M., Tadmor U. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009. 1081 p. (In Eng.)
- Kara G. Dictionary of Sonim Gara's *Erdeni-yin Sang*. A middle Mongol Version of the Tibetan Sa skya Laegs bshad. Mongol-English-Tibetan. Boston; Leiden: Brill, 2009. XLII+338 p. (In Eng.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Mongolian Society, 1978. 816 p. (In Oir. and Eng.)
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. XV + 1086 p. (In Mong. and Eng.)
- Miller R. A. How to name a dragon in Altaic. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2000. No. 5. Pp. 57–78. (In Eng.)
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p. (In Ordos Mong. and Eng.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 591 p. (Kalm. and Germ.)
- Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1969. 533 p. (In Turk. and Eng.)
- Schwarz M., Blažek V. On classification of Mongolian. *Folia Orientalia*. 2013. Vol. 50. Pp. 177–214. (In Eng.)
- Smedt de A., Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les mongols du kansou occidental. IIIe partie. Dictionnaire monguor-français. Beijing: Catholic University, 1933. XIV+521 p. (In Mong. and Fr.)
- Strahlenberg Ph. J. Vocabularium Calmucko-Mungalicum. In: Doerfer G. *Altere Westeuropäische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte* (Witsen 1692 bis Zwick 1827). *Asiatische Forschungen* 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. Pp. 183–193. (In Lat., Kalm., etc.)
- Tumurtogoo D., Cecegdari G. (eds.) Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI centuries). Introduction, Tran-

- graphy. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p.
- Zalizniak 2016–2022 — *Zalizniak A. et al.* Database of Semantic Shifts in languages of the world. DatSemShift 3.0. M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016–2022 [электронный ресурс] // URL: <https://datsemshift.ru> (дата обращения: 15.06.2022).
- Zirni 1961 — The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar by Shinobu Iwamura. Kyoto: Kyoto University, 1961. ix, [3], 160, [44] p.
- Алексеев 1966 — *Алексеев Н. А.* Материалы о религиозных верованиях якутов как историко-этнографический источник // Советская этнография. 1966. № 2. С. 22–33.
- Амаржаргал 1988 — *Амаржаргал Б.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг: халх аялгуу. Улаанбаатар: БНМАУ-ын ШУА Хэл Зохиолын Хүрээлэн, 1988. 718 х.
- Андросов 2011 — *Андросов В. П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Анонимный 2014 — Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в. / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. [электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.
- АРС 2018 — Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: [б. и.], 2018. 936 с.
- Афанасьева 2006 — *Афанасьева Э. В.* Исторические связи бурятского и баргутского языков (на примере фонетики и грамматики) / отв. ред. В. И. Рассадин. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. 148 с.
- Бадмаев 1899 — Краткий русско-калмыцкий словарь. Издание Управления калмыцким народом. 1898 г. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1899. 95 с.
- Бакаева 2022 — *Бакаева Э. П.* Нойон Галдама в письменной и устной традиции монгольских народов // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1271–1292. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292
- scription and Bibliography. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p. (In Eng. and Mong.)
- Zalizniak A. et al. Database of Semantic Shifts in languages of the world. DatSemShift 3.0. Moscow: Institute of Linguistics (RAS), 2016–2022. Available at: <https://datsemshift.ru> (accessed: 15 June 2022). (In Eng.)
- The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar by Shinobu Iwamura. Kyoto: Kyoto University, 1961. IX, [3], 160, [44] p. (In Pers., Mong., etc.)
- Alekseev N. A. Materials on Yakut religious beliefs as a source in history and ethnography. Sovetskaya etnografiya. 1966. No. 2. Pp. 22–33. (In Russ.)
- Amarzhargal B. Dictionary of Local Mongolic Dialects in the Mongolian People's Republic. Khalkha Mongolian. Ulaanbaatar: Institute of Linguistics, 1988. 718 p. (In Mong.)
- Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Anonymous Eighteenth-Century Russian-Kalmyk Dictionary. N. Mulaeva, N. Ochirova (translit.); V. Kukanova, N. Mulaeva (comps.), etc. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 570 p. (In Kalm. and Russ.)
- Chumakaev A. E. (ed.) Altaian-Russian Dictionary. Gorno-Altaysk, 2018. 936 p. (In Alt. and Russ.)
- Afanasyeva E. V. Buryat-Barga Linguo-Historical Ties: A Study in Phonetics and Grammar. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2006. 148 p. (In Russ.)
- [Badmaev] A Brief Russian-Kalmyk Dictionary [of 1898]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1899. 95 p. (In Russ. and Kalm.)
- Bakaeva E. P. Noyon Galdama in written and oral traditions of Mongolic peoples. Oriental Studies. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1271–1292. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292

- Баринаова 2024 — *Баринаова Б. В.* Природные явления и объекты в монгольских языках (лексико-семантический и лингвокультурологический аспекты): дисс. ... на соиск. канд. филол. наук. Элисте, 2024. 227 с.
- БАМРС 2001a — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 1: А–Г. М.: ACADEMIA, 2001. 488 с.
- БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 2: Д–О. М.: ACADEMIA, 2001. 536 с.
- БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 3: Ө–Ф. М.: ACADEMIA, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 4: Х–Я. М.: ACADEMIA, 2002. 532 с.
- БМКС 1986 — Словарь баоаньского, письменного монгольского, китайского языков. Хух-Хото: Тип. Внутренней Монголии, 1986. 265 с.
- БРС 2010a — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. I: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2010. 635 с.
- БРС 2010б — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2010. 707 с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1992. 216 с.
- Галцан 2006 — Ойрат-монгольский словарь / сост. Адьян Галцан. В 4-х тт. Т. 4. Карамай: Культурно-техническая школа фермеров и скотоводов сомона Урхо, 2006. С. 1007–1199.
- Голстунский 1893 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. III. СПб.: лит. А. Иконникова, 1893. 291 с.
- Barinova B. V. Natural Phenomena as Objects in Mongolic Languages: A Perspective from Lexical Semantics and Linguistic Culturology. Cand. Sc. (philology) thesis. Elista, 2024. 227 p. (In Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 488 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ө–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2001. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Dictionary of Bonan, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 265 p. (In Bon., Mong. and Chin.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 635 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: О–Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 707 p. (In Bur. and Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 216 p. (In Russ.)
- Galtsan A. (comp.) Dictionary of Oirat Mongolian. In 4 vols. Vol. 4. Karamay: School of Culture and Technology for Farmers and Livestock Breeders, 2006. Pp. 1007–1199. (In Oir.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1893. 291 p. (In Mong. and Russ.)

- Голстунский 1894 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том II. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с.
- Грунтов, Мазо 2015 — *Грунтов И. А., Мазо О. А.* Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. № 3. С. 205–255.
- ДМС 1984 — Дагурско-монгольский словарь. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1984. 340 с.
- Дашибалов, Рассадин 2004 — *Дашибалов Б. Б., Рассадин В. И.* Откуда вышли предки монголов // Восточная коллекция. 2004. № 4. С. 34–41.
- Дилигенский 1852–1853 — Словарь калмыcko-русский В. С. Дилигенского // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 20. 352 л.
- ДКС 2012 — Дунсянско-китайский словарь / 2-е изд. Ланьжоу: Изд. дом национальностей Ганьсу, 2012. 548 с.
- Дмитриева 1984 — *Дмитриева Л. В.* Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 130–177.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Дугаров 2018 — *Дугаров Б. С.* Аспекты образа Хормуста в монгольской мифологии // Гуманитарный вектор. 2018. № 5. С. 92–97. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-92-97
- Дугаров 2005 — *Дугаров Б. С.* Культ горы Хормуста в Бурятии // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 103–110.
- Дыбо, Норманская 2014 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2. С. 84–100.
- Дыбо и др. 2022 — *Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.* Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1333–1351. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351.
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1894. 423 p. (In Mong. and Russ.)
- Gruntov. I. A., Mazo O. M. Lexicostatistical classification of the Mongolic languages. Journal of Language Relationship. 2015. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 205–255. (In Russ.)
- Dagur-Mongolian Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1984. 340 p. (In Dag. and Mong.)
- Dashibalov B. B., Rassadin V. I. Where proto-Mongols came from. Vostochnaya kollektsiya. 2004. No. 4. Pp. 34–41. (In Russ.)
- Diligensky V. S. Kalmyk-Russian Dictionary. At: State Archive of Tatarstan. Coll. 10. Cat. 7. File 20. 352 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dongxiang-Chinese Dictionary. Second ed. Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 2012. 548 p. (In Dong. and Chin.)
- Dmitrieva L. V. Etymologies of geographic appellatives in Turkic and other Altaic languages. In: Altaic Etimologies. Leningrad, 1984. Pp. 130–177. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Dugarov B. S. Aspects of the Khormusta image in Mongolian mythology. Humanitarian Vector. 2018. No. 5. Pp. 92–97. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-92-97
- Dugarov B. S. Cult of Mount Khormusta in Buryatia. Etnograficheskoe obozrenie. 2005. No. 4. Pp. 103–110. (In Russ.)
- Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Towards a historical typology of weapon names in Uralic and Altaic languages. Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo nauchnogo fonda. 2014. No. 2 (75). Pp. 84–100. (In Russ.)
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeev E. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N. Words denoting the sky in Mongolic languages: Etymology and semantics. Oriental Studies. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1333–1351. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351

- Дыбо и др. 2024 — *Дыбо А. В., Куканова В. В., Лиджиева Л. А., Бембеев Е. В., Голубева Е. В.* Названия ветра в монгольских языках: этимология и семантика // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1369–1399. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399
- Жилян 1995 — *Жилян Э.-Б.* Краткий русско-калмыцкий словарь. Элиста: [б. и.], 1995. 191 с.
- КДРС 2014 — Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков; отв. ред. Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Ковалевский 1837 — *Ковалевский О. М.* Буддийская космология. Казань: В Университетской тип., 1837. 167 с.
- Ковалевский 1844 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 1. Казань: В Университетской тип., 1844. 1–594 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 2. Казань: В Университетской тип., 1846. 595–1545 с.
- Ковалевский 1849 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 3. Казань: В Университетской тип., 1849. 1546–2690 с.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol=un niγuša tobčiyān*. Юань чао би ши. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- Коржева и др. 1916 — Краткий русско-калмыцкий словарь / сост. по поруч. Упр. калмыцким народом учительницами и учителями нач. шк. калмыцкой степи П. Коржевой [и др.]. Астрахань: Тип. Упр. калмыцким народом, 1916. 108 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / отв. ред. Б. Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- КРС 1990 — Китайско-русский словарь / ред. Ся Чжунйи. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1990. 1250 с.
- Куканова 2021a — *Куканова В. В.* Архаические представления о ветре в калмыцком фольклоре: междисциплинарный подход // *Новый филологический вестник*. 2021. № 2. С. 371–391.
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Lidzhieva L. A., Bembeev E. V., Golubeva E. V. Wind-related terms in Mongolic languages: Etymology and semantics. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 6. Pp. 1369–1399. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399
- Jijän E.-B. A Brief Russian-Kalmyk Dictionary. Elista, 1995. 191 p. (In Kalm. and Russ.)
- Tumurdey G., Tsybenov B. D. (comps.) A Brief Dagur-Russian Dictionary. Zh. Badagarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- Kowalewski O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Imperial Kazan University, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. In 3 vols. Vol. 1. Kazan: Imperial Kazan University, 1844. Pp. 1–594. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. In 3 vols. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. In 3 vols. Vol. 3. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. Pp. 1546–2690. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kozin S. A. The Secret History [of the Mongols]: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled ‘*Mongγolun niguča tobčiyān*. Yuan chao bi shi’. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ. and Mong.)
- Korzheva P. et al. (comps.) A Brief Russian-Kalmyk Dictionary. Astrakhan: Kalmyk People’s Governance Dept., 1916. 108 p. (In Russ. and Kalm.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Xia Zhong Yi (ed.) Chinese-Russian Dictionary. Beijing: Commercial Press, 1990. 1250 p. (In Chin. and Russ.)
- Kukanova V. V. The archaic beliefs about wind in the Kalmyk folklore: An interdisciplinary approach. *The New Philological Bulletin*. 2021. No. 2. Pp. 371–391. (In Russ.)

- Куканова 2021б — *Куканова В. В.* Представления о дожде у калмыков и их предков (на материале фольклорных источников) // Новый филологический вестник. 2021. № 3. С. 469–484.
- Львовский 1893 — *Львовский Н. В.* Калмыцко-русский словарь, составленный студентом Казанской духовной академии, бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса, Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским) в 1893 г. // Книжный фонд библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 13, инв. № 2157.
- Манджикова 2007 — *Манджикова Б. Б.* Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: КИГИ РАН, 2007. 98 с.
- Мессершмидт 2022 — *Сизова А. А., Зорин А. В., Бондарь Л. Д.* Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники / при участии А. В. Смирнова, А. К. Сытина, А. В. Кургузовой (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Supplementum 10). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 456 с. + 16 ил.
- Митрошкина, Семенова 2004 — *Митрошкина А. Г., Семенова В. И.* Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т. 2004. 72 с.
- ММКС 1985 — Монгорско-монгольско-китайский словарь / сост. Хасбатор. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1985. 268 с.
- Монголо-ойратские 1880 — Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Санкт-Петербург: Тип. Император. Акад. наук, 1880. 144 с.
- Музраева 2021 — *Музраева Д. Н.* О двуязычном тибетско-ойратском списке «Субхашиты» из архива КалмНЦ РАН // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 504–513.
- Неклюдов 2014 — *Неклюдов С. Ю.* Эти капризные и ленивые драконы: от паремии к мифу // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 152–165.
- Kukanova V. V. Concepts of rain in the Kalmyks and their ancestors (Based on folklore sources). The New Philological Bulletin. 2021. No. 3. Pp. 469–484. (In Russ.)
- Lvovsky N. V. Kalmyk-Russian Dictionary Compiled by Hieromonk Methodius (Lvovsky) in 1893. At: St. Petersburg University, Faculty of African and Asian Studies, Library. Call no. Calm D 13. Inv. 2157. (In Kalm. and Russ.)
- Mandzhikova B. B. Kalmyk-Russian Terminological Dictionary: Flora and Fauna. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. 98 p. (In Kalm. and Russ.)
- Messersmidt D. G. Dictionary-Related Materials in D. G. Messersmidt's Document Legacy: Mongolian and Tibetan Wordlists. (Ad Fontes. Supplementum 10). A. Sizova, A. Zorin, L. Bondar (comps.) St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2022. 456 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G., Semenova V. I. Peculiarities of Ekhirit-Bulagat Buryat. Irkutsk: Irkutsk State University, 2004. 72 p. (In Russ.)
- Khasbator (comp.) Monguor-Mongolian-Chinese Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1985. 268 p. (In Mong., Chin., etc.)
- Oirat-Mongol Laws of 1640 and Orders of Galdan Hong Tayiji Compiled for the Volga Kalmyks under Khan Donduk-Dashi. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 144 p. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. About the bilingual Tibetan-Oirat manuscript of "Subkhashita" from the archive of the KalmSC of the RAS. The New Philological Bulletin. 2021. No. 3 (58). Pp. 504–513. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. These capricious and lazy dragons: From proverb to myth. Forum for Anthropology and Culture. 2014. No. 21. Pp. 152–165. (In Russ.)

- Неклюдов 2017 — Неклюдов С. Ю. Многоликий дракон // In Umbra. Демонология как семиотическая система: альманах. Вып. 6. М.: Индрик, 2017. С. 157–202.
- Новикова 1972 — Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Проблемы сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, ЛО, 1972. С. 104–150.
- Омакаева 2024 — Омакаева Э. У. Метеорологические и астрономические знания монголызычных кочевников в зеркале природно-ландшафтного лексикона в погодно-климатическом дискурсе: на материале фольклорных и художественных текстов // Nomadic civilization: historical research. 2024. Т. 4. № 2. С. 105–114. DOI: 10.53315/2782-3377-2024-4-2-105-114
- Орловская 2010 — Орловская М. Н. Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М.: Вост. лит., 2010. 303 с.
- Парникель 1982 — Парникель Б. Б. О фольклорном сродстве народов Юго-Восточной Азии // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1982. С. 36–37.
- Пекарский 1916 — Пекарский Э. К. Краткий русско-якутский словарь. 2-е изд., доп. и испр. Петроград: Тип. Императорской Академии наук, 1916. 242 с.
- Подгорбунский 1909 — Подгорбунский И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск: пар. типо-лит. П. Макушина и В. Посохина, 1909. vi, 340 с.
- Позднеев 1911 — Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.
- Поппе 1930 — Поппе Н. Н. Дагурское наречие. Л.: АН СССР, 1930. 182 с.
- Поппе 1938 — Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. I–II. М.; Л.: Наука, 1938. 453 с.
- Потанин 1893 — Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884–1886. Т. 2. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. 472 с.
- Neklyudov S. Yu. The many-faced Dragon. In: Umbra. Demonology as Semiotic System. Almanac. Vol. 6. Moscow: Indrik, 2017. Pp. 157–202. (In Russ.)
- Novikova K. A. Loanwords related to the animal world in Tungus-Manchu vocabulary. In: Issues of Comparative Altaic Lexicology. Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 104–150. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Meteorological and astronomical knowledge of Mongolian-speaking nomads in the mirror of the natural landscape lexicon in weather and climate discourse: based on folklore and artistic texts. Nomadic Civilization: Historical Research. 2024. Vol. 4. No. 2. Pp. 105–114. (In Russ.) DOI: 10.53315/2782-3377-2024-4-2-105-114
- Orlovskaya M. N. The Language of Old Mongolian Texts: Essays in Grammar. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 303 p. (In Russ.)
- Parnikel B. B. More on folklore affinities between peoples of Southeast Asia. In: Traditions and Innovations in Literatures of Southeast Asia. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 36–37. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. A Brief Russian-Yakut Dictionary. Second ed., suppl. & rev. Petrograd: Imperial Academy of Sciences, 1916. 242 p. (In Russ. and Yak.)
- Podgorbunsky I. A. Russian-Mongolian-Buryat Language. Irkutsk: P. Makushin & V. Posokhin, 1909. VI, 340 p. (In Russ., Mong., etc.)
- Pozdneev A. Kalmyk-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)
- Poppe N. N. Dagur [Mongolian]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1930. 182 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Mongolian Vocabulary of Muqaddimat al-Adab. Pts. I–II. Moscow; Leningrad: Nauka, 1938. 453 p. (In Mong. and Russ.)
- Potantin G. N. Tangut-Tibetan Peripheries of China and Central Mongolia: Travels of G. Potantin, 1884–1886. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: A. Suvorin, 1893. 472 p. (In Russ.)

- Рагагнин, Хабтагаева 2018 — *Рагагнин Э., Хабтагаева Б.* Некоторые заметки об «arc(h)olino» / «cocolino» в записях Марко Поло // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 129–136.
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. Й.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / обработ. и изд. Пентти Аалто; пер. с нем. Л. С. Слоним. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.
- Рассадин 1984 — *Рассадин В. И.* Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1984. С. 55–80.
- Рассадин 1981 — *Рассадин В. И.* К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука, СО, 1981. С. 97–119.
- Рерих 1984 — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь. Вып. 2. М.: Наука, 1984. 409 с.
- Рерих 1986а — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь. Вып. 6. М.: Наука, 1986. 373 с.
- Рерих 1986б — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь. Вып. 9. М.: Наука, 1986. 297 с.
- Санжеев и др. 2015 — *Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е.* М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Санжеев и др. 2016 — *Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Т. II: G–P.* М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- Санжеев и др. 2018 — *Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. ассадина, Я. Д. Леман. Т. III: Q–Z* М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- Сводеш 1960 — *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. С. 23–53.
- Ragagnin E., Khabtagaeva B. Some notes about “arc(h)olino” / “cocolino” in the Book of the Marvels of the World by Marco Polo. Siberian Journal of Philology. 2018. No. 4. Pp. 129–136. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. An Introduction to Altaic Linguistics: Morphology. P. Aalto (text prep. and ed.); L. Slonim (transl.), etc. Moscow: Foreign Literature Press, 1957. 254 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Buryat livestock terms as a source in historical ethnography. In: Ethnic History and Household Cultural Traditions in Buryatia. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (SB, Buryatia Dept.), 1984. Pp. 55–80. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Buryat animal vocabulary. In: Languages and Folklore Traditions of the North. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 97–119. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1984. 409 p. (In Tib., Russ. and Eng.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1986. 373 p. (In Tib., Russ. and Eng.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary. Vol. 9. Moscow: Nauka, 1986. 297 p. (In Tib., Russ. and Eng.)
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 2: G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong. and Russ.)
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps.) Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong. and Russ.)
- Swadesh M. Lexicostatistic dating of prehistoric ethnic contacts. In: The New in Linguistics. Moscow: Progress, 1960. Pp. 23–53. (In Russ.)

- Семби 2013 — *Семби М. К.* Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (Тюркский меридиан). Алматы: КазНИИК, 2013. 296 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Символика культов 1980 — Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии: сборник статей / отв. ред. Н. Л. Жуковская, Г. Г. Стратанович. М.: Наука, 1980. 207 с.
- Смирнов 1857 — Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный священником Парменом Смирновым. Казань: В тип. Ун-та, 1857. 127 с.
- Содномпилова 2007 — *Содномпилова М. М.* Атмосферные явления в концептуальной и языковой версиях картины мира монгольских народов // В мире традиционной культуры бурят. Вып. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. С. 152–201.
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- ССТМЯ 1975а — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. В 2-х тт. Т. I / отв. ред. В. И. Цинциус; авт предисл. О. П. Суник. Л.: Наука, ЛО, 1975. xxx + 672 с.
- ССТМЯ 1975б — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. В 2-х тт. Т. II / отв. ред. В. И. Цинциус; авт предисл. О. П. Суник. Л.: Наука, ЛО, 1975. 992 с.
- Старостин 1989 — *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., Наука, 1989. С. 3–39.
- Тенишев, Тодаева 1966 — *Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х.* Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1966. 84 с.
- Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.
- Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 190 с.
- Sembi M. K. Memories of the Turco-Mongol Land: Sources and Symbols of Toponyms (The Turkic Meridian). Almaty: Kazakhstan Research Institute of Culture, 2013. 296 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Turkic Grammar: Vocabulary. Second ed., suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L., Stratanovich G. G. (eds.) Foreign Asia: Symbols of Cults and Rituals. Collected articles. Moscow: Nauka, 1980. 207 p. (In Russ.)
- Smirnov P. (comp.) A Brief Russian-Kalmyk Dictionary. Kazan: Imperial Kazan University, 1857. 127 p. (In Russ. and Kalm.)
- Sodnompilova M. M. Atmospheric phenomena in conceptual and linguistic worldviews of Mongols. In: In the World of Buryat Traditional Culture. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2007. Pp. 152–201. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. The World in Traditional Views and Practical Activities of Mongols. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2009. 366 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Tungus-Manchu Dictionary: Materials for an Etymological Dictionary. In 2 vols. Vol. 1. O. Sunik (foreword). Leningrad: Nauka, 1975. XXX + 672 p. (In Russ., Man., etc.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Tungus-Manchu Dictionary: Materials for an Etymological Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. O. Sunik (foreword). Leningrad: Nauka, 1975. 992 p. (In Russ., Man., etc.)
- Starostin S. A. Comparative historical linguistics and lexicostatistics. In: Linguistic Reconstructions and Ancient History of the East. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 3–39. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. The Yugur Languages. Moscow: Nauka, 1966. 84 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Bonan Language. Moscow: Nauka, 1964. 158 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dagur Language. Moscow: Nauka — GRVL, 1986. 190 p. (In Russ.)

- Тодаева 1961 — *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М.: Вост. лит., 1961. 151 с.
- Тодаева 1973 — *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М.: ГРВЛ, Наука, 1973. 392 с.
- Тодаева 1981 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М.: Наука, 1981. 273 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 497 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенищева. М.: Сов. энцикл., 1968. 647 с.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 833 с.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3-х тт. Т. 1 / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 508 с.
- ХРС 2015 — *Дамдинов Д. Г., Сундueva Е. В.* Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Цвик 1853 — *Zwick H. A.* Handbuch der Westmongolischen Sprache. Druck von Ferd. Forderer in Villingen Schwarzwald, 1853. 479 p.
- Цэндээ 2002 — *Цэндээ Ю.* Тод бичгийн толь. Улаанбаатар: [б. и.], 2002. 311 х.
- ШЮПМКС 1984 — Шира-югурский письменно-монгольско-китайский словарь. Hohhot: Inner Mongolian University, 1984. 180 с.
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»). М.: Наука, 2003. 480 с.
- Юдин 2022 — *Юдин В. Г.* Солонгой *Mustela (Gale) altaica Pallas*, 1811 на Дальнем Востоке России // Биота и среда природных территорий. 2022. Т. 10. № 3. С. 5–16.
- Языковые материалы 1996 — *Language Materials of China's Monguor Minority: Huzhu Mongghul and Minhe Mangghuer by Dpal-Idan-bkra-shis, Keith Slater, et al.* // Sino-Platonic Papers. 1996. January. No. 69. 275 p.
- Todaeva B. Kh. Dongxiang Language. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 151 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Monguor Language: Study, Texts, Vocabulary. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 392 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Mongolian of Inner Mongolia: Materials and Dictionary. Moscow: Nauka, 1981. 273 p. (In Russ. and Mong.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat: Compiled from Jangar Epic Texts and Original Field Recordings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 497 p. (In Oir. and Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 647 p. (In Tuv. and Russ.)
- Fasmer M. R. Russian Etymological Dictionary. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Progress, 1987. 833 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 1. G. Rumyantsev (ed.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 508 p. (In Russ.)
- Damdinov D. G., Sundueva E. V. Khamnigan-Russian Dictionary. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Kham. and Russ.)
- Zwick H. A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen-Schwenningen: Ferd, 1853. 479 p. (In Germ. and Mong.)
- Tsendee Yu. Dictionary of Written Oirat (Clear Script). Ulaanbaatar, 2002. 311 p. (In Oir.)
- Dictionary of Eastern Yugur, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia University, 1984. 180 p. (In E. Yug., Mong. and Chin.)
- Sevortyan E. V. Turkic Etymological Dictionary: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with 'L', 'M', 'N', 'P', 'S'. Moscow: Nauka, 2003. 480 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Yudin V. G. Mountain weasel *Mustela (Gale) altaica Pallas*, 1811 in the Russian Far East. Biota and Environment of Natural Areas. 2022. Vol. 10. No. 3. Pp. 5–16. (In Russ.)
- Dpal-Idan-bkra-shis, Slater K. et al. Language Materials of China's Monguor Minority: Huzhu Mongghul and Minhe Mangghuer Sino-Platonic Papers. 1996, January. No. 69. 275 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; 759-771, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-367

Синтаксические особенности башкирской разговорной речи (на материале устных монологических дискурсов)

Лилия Айсовна Бускунбаева¹

Syntactic Features of Spoken Bashkir: Analyzing Oral Mono- logical Discourses

Liliya A. Buskunbaeva¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация) Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0003-3495-3742. E-mail: buskl[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Бускунбаева Л. А., 2025

© Buskunbaeva L. A., 2025

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу синтаксического строя башкирской разговорной речи, одной из малоизученных и актуальных проблем в современном башкирском языкознании. Цель исследования — анализ синтаксической структуры башкирской разговорной речи. Материалы и методы. Исследование впервые выполнено на материале устных монологических дискурсов, собранных во время экспедиционных выездов автора, образцов разговорной речи, включенных в Машинный фонд башкирского языка и хрестоматийной книге «Образцы башкирской разговорной речи». Подбор примеров для анализа осуществлялся методом сплошной выборки. В исследовании применялись методы дискурсивного и контекстуального анализа. Результаты. В результате исследования выявлены характерные особенности разговорного синтаксиса башкирского языка. Линейность устной речи, обусловленная характерными для разговорной речи спонтанностью, неподготовленностью, эмоциональностью, фоновыми знаниями, экстралингвистическими и паралингвистическими средствами общения, порождает в разговорной речи отличные от письменного языка типы словосочетаний, синтаксических конструкций. Анализируемый материал показал, что в разговорной речи преобладают простые неполные и бессоюзные сложные предложения, присоединительные и вставные конструкции. В статье также рассматривается тенденция влияния русского синтаксиса на синтаксический строй башкирской разговорной речи, что наиболее сильно отражается при передаче прямой речи, переключении языковых кодов в условиях башкирско-русского двуязычия.

Ключевые слова: башкирский язык, синтаксис, разговорная речь, диалектная речь, устный дискурс, синтаксические заимствования

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» (№ 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343/>).

Для цитирования: Бускунбаева Л. А. Синтаксические особенности башкирской разговорной речи (на материале устных монологических дискурсов) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 759–771. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-759-771

Abstract. Introduction. The article deals with syntactic structures of Bashkir colloquial speech that remains a little-studied and urgent issue of modern Bashkir linguistics. **Goals.** The study attempts a comprehensive analysis into syntactic structures of spoken Bashkir. **Materials and methods.** The work is the first to focus on oral monological discourses collected during the author's expeditions, samples of folk colloquial speech contained in the Machine Fund of the Bashkir Language and the textbook 'Samples of Spoken Bashkir'. The examples for analysis have been selected through the continuous sampling method. The tools of discursive and contextual analyses have proved most instrumental for the study. **Results.** The paper reveals some characteristic features inherent to the syntax of spoken Bashkir. The linearity of oral speech — arising from spontaneity, unpreparedness, emotionality, background knowledge, extra- and paralinguistic means of communication characteristic of colloquial speech — generates certain types of phrases and syntactic constructions that differ from written language. The analyzed material shows that simple incomplete and non-conjunctive compound sentences, relative and parenthetical constructions prevail in colloquial speech. The article also examines how Russian syntax influences syntactic structures of colloquial Bashkir speech, which is most evident in direct speech patterns and code-switching in cases of Bashkir-Russian bilingualism.

Keywords: Bashkir, syntax, colloquial speech, dialect speech, oral discourse, syntactic borrowings.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-01343 'Code-Switching in Bashkir-Russian Bilingualism: Insights into Dialectal Discourses'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-01343/>.

For citation: Buskunbaeva L. A. Syntactic Features of Spoken Bashkir: Analyzing Oral Monological Discourses. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 759–771. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-759-771

1. Введение

Одной из наименее изученных и актуальных проблем современного башкирского языкознания является синтаксис разговорной речи¹ (далее — РР). Существующие нормативные грамматики дают представление только о синтаксическом строе башкирского литературного языка [Грамматика башкирского языка 2018; Саятбатталов 1999; Саятбатталов 2002; Тикеев 2004], к сожалению, не затрагивая проблемы РР. Есть исследования, основанные на анализе разговорной речи, ставшие результатом полевого изучения башкирского языка, организованного группой исследователей из г. Санкт-Петербурга [Acta Linguistica 2017].

¹ В исследовании термин *разговорная речь* будет употребляться по отношению к непринужденной и спонтанной устной форме речи.

Вопрос об актуальности изучения синтаксиса РР поднимает еще в 1981 г. А. А. Юлдашев в вводных замечаниях к разделу Синтаксис «Граматики современного башкирского литературного языка»: «... со всей остротой встает проблема изучения синтаксиса разговорного языка во всех его разновидностях — на уровне литературного языка, просторечия и диалектов» [ГСБЛЯ 1981: 359]. Там же он указывает и на необходимость исследования синтаксиса в социолингвистическом аспекте, учитывая «устную речь, с одной стороны, городского и сельского населения, с другой, высококультурной башкирской интеллигенции — писателей, журналистов, ученых, преподавателей и остальных социальных слоев башкирского населения» [ГСБЛЯ 1981: 359].

Однако до сих пор синтаксис башкирской РР остается в стороне от фронтальных исследований. Были попытки описания синтаксиса РР на материале художественных текстов [Басырова 2010а; Басырова 2010б; Бускунбаева 2008]. Башкирская РР, в том числе и синтаксическая структура, также нуждается во всестороннем научном анализе с привлечением большого фактического материала.

В отечественной лингвистике нет единого подхода к определению источника для исследования синтаксиса РР. Одна группа лингвистов анализирует речевые явления на материале художественных текстов, аргументируя тем, что «в художественных произведениях обобщаются и типизируются наиболее характерные особенности живой разговорной речи. Поэтому диалоги и монологи персонажей содержат квинтэссенцию типических черт разговорной речи» [Винокур 1968: 15]. При описании синтаксических особенностей РР большинства тюркских языков в качестве основного источника также выступают художественные тексты [Амиров 1972; Халдарова 1974; Уринбаев 1978; Сафиуллина 1978; Басырова 2010а; Басырова 2010б; и др.].

Вторая группа исследователей непременно условием для анализа РР считает расшифрованные записи от носителей конкретного языка [Русская разговорная речь 1973; Сиротинина 1983], поскольку «разговорная речь в языке художественной литературы не простое и не всегда адекватное отражение живой разговорной речи; это ее стилизация, которая может осуществляться по-разному, являясь одним из художественных средств» [Рыжова 2003: 30].

С развитием прикладной и корпусной лингвистики появились новые возможности исследования РР, в том числе и синтаксической структуры языка, на достоверных лингвистических данных, используя электронные корпуса и базы данных по устной речи. Появились работы, анализирующие организацию и структуру устной речи, основанные на корпусных данных [Biber et al. 1999; Carter, Mc Carthy 1995; Кибрик, Подлесская 2016].

Истинную картину о синтаксической структуре РР, по нашему мнению, могут дать именно спонтанные и неподготовленные устные дискурсы, записанные в непринужденной обстановке. В художественных же текстах автор при передаче прямой речи «осуществляет тщательный отбор языковых средств и синтаксических конструкций» [Бускунбаева 2021: 174].

2. Материалы и методология исследования

Материалом для исследования синтаксических особенностей башкирской РР выступили экспедиционные материалы автора, собранные в рамках выполнения проекта «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)», поддержанного РНФ (2023–2024 гг.). Информантами выступили представители разных социальных групп (гендер, возраст, образование). Запись осуществлялась на цифровой диктофон, без сжатия файла. В качестве основных тем для записи информантов, которые «охватывают практически все стороны жизни сельского населения и позволяют выявить диалектную лексику и специфику разговорной речи были выявлены следующие темы: свадьба; питание, блюда; домашние животные; родственники; огород, сад; дом; топонимия; история села, рода; работа, школа; времена года, погода; фольклор; поездка в райцентр; игры; друзья; животный мир» [Бускунбаева 2023: 983]. Свыше 60 диалектных дискурсов были транскрибированы в программе ELAN, которые стали основой для проведения данного исследования.

Для сопоставления полученных результатов были также использованы образцы народно-разговорной речи, размещенные в Текстологической базе Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка (Машинный фонд башкирского языка) и хрестоматийной книге «Образцы башкирской разговорной речи» [ОБРР 1988].

Изучаемые устные дискурсы преимущественно имеют форму монолога. Примеры приведены в литературной форме, диалектные особенности дискурсов не сохранены,

поскольку они в подавляющем большинстве случаев касаются фонетических и лексических уровней.

В ходе исследования были использованы методы дискурсивного и контекстуального анализа, а также обобщения и интерпретации фактов.

3. Синтаксические особенности разговорной речи

РР на первый взгляд воспринимается хаотично организованной и не подчиняющейся никаким нормам. Однако существуют нормы, присущие РР и отличающие ее от других разновидностей языка.

В формировании синтаксиса РР большую роль играют спонтанность, эмоциональность, ситуативность, фоновые знания, паралингвистические и экстралингвистические средства, именно ими обусловлено возникновение отличных от письменного языка типов словосочетаний, синтаксических конструкций, употребление в основном простых предложений. В процессе коммуникативного акта говорящие стремятся за определенное время донести до адресата как можно больше информации. Они «чаще думают о предмете высказывания, чем о том, какими средствами выразить мысль, стремятся коротко и точно передать ее при помощи вербальных и невербальных средств общения» [Бускунбаева 2008: 24].

3.1. Простые предложения

Синтаксис башкирской РР отличается относительной простотой, которая выражается, прежде всего, в употреблении простых предложений, которые следуют друг за другом: *без үсәргәндәр // олатабыз Аһкак // бөтә Әбештәр аһкактар // Вәзәмдәр кунактар* // ‘мы из племени усерген // предок наш Аксак // все абишевы из рода аксак // жители Вазяма из рода кунак’ // [ОБРР 1988: 68]; *йүгерешеп уйнайзар // кумыз тартып бейейзар // тәритләп бейейзар катын-кыззар // ирзәр заты булмай* // ‘играют в прятки // пляшут под кубыз // женщины напевают мелодию для пляски // мужчины не присутствуют’ // [ОБРР 1988: 113].

В условиях живого общения огромную роль играют окружающая обстановка, еди-

ный багаж знаний, языковое окружение, невербальные средства общения и т. д. Говорящий стремится кратко и лаконично изложить свою мысль, донести самое важное. Данные факторы позволяют употреблять в речи **неполные предложения**: *автобус юк беззә районга / автобус йөрәмәй // машиналар менән тура килә* // ‘автобуса нет у нас в райцентр / автобус не ходит // приходится на машинах’ // (пропущено сказуемое, выраженное глаголом *барырга* ‘ездить’) [ПМА 2023]; *көндәлек ризыктарзан / нимә ашайбыз? шул картуф инде беззә күбегенсә* // ‘что едим из повседневных блюд? в основном картошку’ // (пропущено сказуемое, выраженное глаголом *ашайбыз* ‘едим’) [МФБЯ].

3.2. Сложные предложения

Как было упомянуто выше, РР характеризуется употреблением преимущественно простых предложений. Употребление же сложных предложений в РР встречается намного реже.

Среди сложных предложений преобладают бессоюзные предложения, компоненты которых соединяются между собой различными способами чисто логически, путем интонационного выделения. Употребление же союзов в таких предложениях в процессе спонтанной и непринужденной коммуникации выглядит неестественным.

В РР преимущественно употребляются сложные синтаксические конструкции, части которых соединяются между собой при помощи интонации, которая играет большую роль для выражения различных оттенков смысловых и синтаксических отношений: *иртә менән торзоң / сәгәт алтымы етеме / шунда туйынып алырга кәрәк* // ‘утром встал / в шесть или в семь / тогда надо поесть’ [МФБЯ]; *ул июндә киткән / мин августта тыуганмын* // ‘он ушел в июне [на фронт] / я родилась в августе’ // [МФБЯ].

Компоненты бессоюзного сложносочиненного предложения связаны между собой контекстными антонимами: *кыуыктар ярлы булды / баркылдактар бай булды* // ‘люди из рода кыуык были бедными / люди из рода баркылдак были богатыми’ // [ОБРР 1988: 16]; *катындары килмәй / ирзәр генә килә* // ‘их жены не приезжают / приезжают только мужья’ // [ПМА 2023].

Связь компонентов в бессоюзных предложениях устанавливается порядком расположения частей, например, неполнотой второго компонента, который можно восстановить из первого: *мин икмәк куйгайным мейескә, көйөп китмәһен* ‘поставила хлеб в печь, как бы не подгорел’.

В РР синтаксические конструкции с различными видами сочинительной и подчинительной связи используются редко.

В сложносочиненных предложениях вместо активно используемых в письменном языке соединительных союзов *һәм* ‘и’, *шундың менән бергә* ‘притом; причем’, *йәнә* ‘также, еще, опять’ употребляются *да / дә, за / зә, ла / лә, та / тә* ‘и’. Они употребительны не только в простых предложениях, соединяя при этом однородные члены (*мин кайтып та киттем* ‘я и домой ушла’), но и в сложных синтаксических конструкциях для соединения однородных компонентов. Такие конструкции преимущественно встречаются для выражения временной последовательности (*нык итеп / шәп итеп кыззыра кыззыра ла / ямгыр яуа* // ‘очень / сильно печет / (и) начинается дождь’ // [ПМА 2023]; *йыйылыш булды ла аптырашып таралыштык* // ‘прошло собрание (после собрания) и мы в растерянности разошлись’ // [ПМА 2023]; для выражения противительных отношений (*сәй бар за ул, насар сыға* // ‘чай так-то есть, плохо заваривается’ // [ПМА 2023]; для выражения причинно-следственной зависимости (*ишекте асык калдыргандар за өйгә себен тулган* // ‘оставили дверь открытой и в дом залетели мухи’ // [ПМА 2023]).

В башкирском литературном языке в сложноподчиненных предложениях синтетическое придаточное предложение, присоединяемое к главному при помощи аффиксов, послелогов или посредством примыкания, всегда предшествует главному. Однако в РР встречаются предложения, в которых позиция придаточного предложения находится после главного: *иртән тағы айырып алалар / йыуан нукта кейзереп* // ‘утром отделяют [жеребят], одев толстый недоуздок’ // [ОБРР 1988: 64]; *шунан коза килә / бер азна үткәсме унда* // ‘приезжает сват / примерно через неделю’ // [ПМА 2023].

3.3. Вопросительные предложения в РР

Отличительные особенности РР от литературной нормы наблюдаются и в области вопросительных предложений. В анализируемых монологических устных дискурсах вопросы преимущественно представлены либо риторическими вопросами, либо обращениями к интервьюеру для получения обратной связи в виде его реакции на рассказ.

Для РР характерны вопросительные высказывания, образующиеся с вопросительной частицей *ә*, которая может располагаться как препозитивно, так и постпозитивно. Такая частица усиливает побуждение к ответу (*нимә тип атала әле ул / ә?* ‘как это называется / а?’ [ПМА 2023]), выражает совет, просьбу (*һин дә кил / ә?* ‘приезжай и ты / а?’ [ПМА 2023]) или, наоборот, недовольство случившимся (*ниңә үзгәре эшләмәскә / ә?* ‘почему самим не делать / а?’; *һы / кара уны / нисек һөйләшә / ә?* ‘ха / смотри-ка / как разговаривает / а?’ [ПМА 2023]).

Типичные для РР утвердительно-вопросительные слова и конструкции *эйеме* ‘да?’, *эйе бит* ‘да ведь?’ (в диалектах встречаются различные варианты: *эйбит, айбит, ивет, ибит* и т. д.), располагаясь постпозитивно, выражают побуждение к положительному ответу или уверенное предположение: *әллә дүрт һарык тоторға рөхсәт иткәндәр / эйеме?* [ПМА 2023] ‘разрешали иметь по четыре овцы / да ведь?’; *Флүрә апайзы беләһе-гездер / эйе бит уны?* ‘вы наверно знаете тетю Флюру / да ведь?’ [ПМА 2023]. Такая же вопросительная конструкция, побуждающая к положительному ответу, может выступать совместно с частицей *ә*: *нык куркыныс / эйе бит ә?* ‘очень страшно / не правда ли (не так ли)?’ [ПМА 2023].

Для РР характерно употребление вопросительной частицы *-мы / -ме* для выражения оттенка удивления или досады в сочетании с частицей *ни*: *һыуыкмы ни?* ‘так холодно?’, *бала ята торғаны бармы ни?* ‘разве может ребенок оставаться там?’.

3.4. Вставные конструкции

В РР частотны вставные конструкции, способные передавать самый разнообразный круг дополнительной информации (указания, уточнения или корректировки) и

направленные на конкретизацию содержания основного предложения или отдельных его компонентов. Несмотря на то, что такие конструкции представляют собой синтаксически изолированные части предложения или текста, в семантическом и грамматическом плане они тесно связаны с основной частью предложения [Рысаева, Тикеев 2003: 10]. Такие вставки в устной речи выделяются интонационно — ускоренным темпом произношения и эмоциональностью.

В большинстве случаев они включаются в речь постпозитивно по отношению к тому компоненту, который дополняют, при этом нарушая стройность и целостность синтаксической конструкции: *без унынсы класты бөткәс (//)¹ элек унды бөттөләр бит инде (//) Ирәмәлгә сыгып китергә булдык //* ‘мы после десятого класса (//) раньше ведь оканчивали десять классов (//) решили пойти на Ирәмель//’ [МФБЯ]; *мин һугыштан һуңгы (//) мин кырк беренсе йылгы (//) хәтергә калгандарзы әйтеп китәйем //* ‘я рассказу послевоенные (//) я сорок первого года рождения (//) истории / которые остались в памяти //’ [МФБЯ].

В РР вставные единицы могут быть расположены и препозитивно: *тауык (//) без йомортка тип әйтмәйбез, күкәй тип әйтәбез (//) тауык күкәйен йыуалар за / марля менән самауырзың эсендә төшөрөп, самауырзың эсендә бешерә торғандар ине//* ‘куриные (//) мы не говорим ‘йомортка’ / а называем ‘күкәй’(//) предварительно помыв и завернув в марлю / яйца варили в самоваре//’ [МФБЯ].

Другой вид вставных конструкций, характерный для РР, обусловлен желанием говорящего в процессе речи сообщить незапланированное, не относящееся к текущему высказыванию, скорее реакцию на внешние помехи, раздражители, заставляющие отвлекаться от темы беседы, разрывая при этом синтаксическую целостность предложения: *нишләһен [кыз] (//) әйзә, һеңлем, сәй эсәйек// кабан эстәң бит (//) йәшәй //* ‘что ей делать (//) айда, сестричка, чай попьем// второпях пила же (//) живет’ [ПМА 2023]; *унда инде һатып бирзеләр шлакты // ана*

шулай итеп (//) Айгөл / сәй яһар инең (//) өй һалып сыктык ‘там уже нам продали шлаки / вот так и (//) Айгуль / налила бы нам чай (//) построили дом’ [ПМА 2023].

3.5. Парцелляция

Для РР характерны синтаксические конструкции, которые имеют присоединительный характер и связаны с предыдущими предложениями структурно и интонационно, образуя синтаксическое целое. Начальной частью такого синтаксического единства преимущественно выступает полное предложение, а последующие — с той или иной незамещенной позицией, чаще всего сказуемого, восполняемого из содержания предыдущего предложения. Присоединение может быть словом, словосочетанием или предложением. Являясь добавочным суждением, присоединение уточняет, поясняет, развивает основное высказывание и всегда следует за ним [Басырова 2010б: 973].

Одним из особенностей парцелляции в РР является выделение той или иной части высказывания для придания речи интонационной экспрессии путем ее отрывистого произнесения: *уның улдары хәзер за бар // Аргынбаевтар //* ‘его сыновья и сейчас живы// Аргынбаевы//’ [ОБРР 1988 : 38]; *балды кешегә һатмайбыз // әйзә шуларга //* ‘мед не продаем // пусть им [детям] //’ [МФБЯ].

Преимущественно присоединительные конструкции, раскрывая основное высказывание, в грамматическом плане зависимы от него: *һикһән тугызынсы йылда һалып сыктык инде // тәүге иптәшем менән //* ‘в девяносто девятом году построились и заселились// с первым мужем //’; *әсәй менән атай эштә бит инде // көн буйына//* ‘ведь мать и отец на работе// в течение дня //’ [ПМА 2023].

Однако в РР нередки случаи связи присоединительных конструкций с основным предложением посредством интонации, пренебрегая при этом структурной частью. В то же время смысловая связь при этом не теряется: *ул өй һалдырган// карагай //* ‘он построил дом // сосна //’ [ПМА 2023]; *душым йырактан // Бөрйән районы //* ‘мой друг издалека // Бурзянский район //’ [ПМА 2023].

¹ Вставные конструкции с обеих сторон выделяются (//).

4. Влияние русского синтаксиса на синтаксический строй башкирской РР

Синтаксис, безусловно, можно считать наиболее устойчивой областью языковой системы, менее подверженной внутренним и внешним факторам. В качестве одного из основных внешних факторов воздействия на структуру современного башкирского языка, наряду с социально-политическими и культурными контактами, выступают языковые контакты.

В период своего развития грамматическая структура башкирского языка подвергалась различным изменениям в результате влияния других языков.

На формирование и развитие синтаксиса башкирского литературного языка имели большое воздействие письменные традиции тюрки народов Урало-Поволжья, письменные памятники, написанные на арабском и персидском языках [Хисамитдинова и др. 2019: 384].

Многовековые и интенсивные межкультурно-языковые контакты с русским населением оказывали и продолжают оказывать влияние на синтаксический строй башкирского языка. В последнее время наблюдается непрерывное структурное обогащение литературного письменного языка «за счет ресурсов родственных тюркских языков и за счет множества синтаксических калек с русского языка» [ГСБЛЯ 1981: 360].

В своей статье К. З. Закирьянов и Г. Ф. Замалетдинова подробно останавливаются на тенденциях заимствований синтаксических моделей русского языка в современном башкирском литературном языке. Так, например, в качестве основных тенденций приводят калькирование словосочетаний именного типа, представляющих собой составные наименования; активация сложноподчиненных предложений аналитического типа; употребление предложений с обособленными второстепенными членами; возникновение нетипичных для башкирского языка вариантов порядка слов в предложении; употребление парцеллированных конструкций [Закирьянов, Замалетдинова 2015: 55–56].

Влияние русского языка на синтаксический строй башкирского языка, с одной

стороны, открывает новые горизонты для дальнейшего его развития, с другой — способствует утрате его уникальных национально-специфических черт.

Анализируемый материал показал, что в настоящее время прослеживается влияние русского языка и на синтаксис башкирской РР. На материале исследуемых устных дискурсов далее будут рассмотрены наиболее часто встречающиеся случаи синтаксического влияния русского языка на башкирскую РР.

4.1. Прямая речь

При передаче прямой речи, когда чужая речь воспроизводится дословно и без изменений, наблюдаются характерные для русского языка способы передачи. В башкирском языке наиболее распространены способами передачи прямой речи являются положение прямой речи в препозиции либо интерпозиции по отношению к авторской речи. Образцы устного народного творчества свидетельствуют об этом: *Улар [бал корттары] инә корттан: — Ниңә был кеше безҙең балыбыҙы ашап бөтөрөп китмәне икән? — тип һорағандар* ‘Они [пчелы] у пчелиной матки: — Почему этот человек не доел наш мед? — спросили’ (Сказка «Медведь и пчелы»); *Ул [Алпамыш] көтөүсенән: — Кем көтөүе был? — тип һорай* ‘Он [Алпамыш] у пастуха: Чей табун? — спрашивает’ (Эпос «Алпамыш»).

Авторы «Граматики современного башкирского литературного языка» считают, что употребление в башкирском языке прямой речи в постпозиции либо авторской речи в интерпозиции типичны «для русского языка и через переводы входят в синтаксис башкирского языка» [ГСБЛЯ 1981: 486].

Анализируемый материал показал, что в РР активно используется постпозиционный способ передачи прямой речи, заимствованный из русского языка: *бай көтөүсенән һорай // ниңә был вакытта алып кайттың көтөүзе?* ‘богач спрашивает у пастуха // почему так рано привел стадо?’ [ПМА 2023]; *теге әбей әйтә // бына ошо быяла йорттоң эсендә бер кыз бар //* ‘та бабка говорит//в этом стеклянном доме находится одна девушка //’ [ОБРР 1988: 278]. Интерпозиционный способ передачи авторской речи, по-

лучивший распространение в башкирском письменном языке под влиянием русского языка, в РР не зафиксирован.

4.2. Средства связи компонентов сложного предложения

Как отмечалось выше, употребление сложных (преимущественно сложноподчиненных) предложений в башкирской РР не отличается частотностью и многообразием видов. Компоненты предложений в большинстве случаев соединяются между собой с помощью интонации, неличных форм глагола, послелогов, частиц либо падежных аффиксов. Союзы, преимущественно являющиеся арабо-персидскими заимствованиями, в РР в качестве средства выражения синтаксических связей и функций используются крайне редко. Они «носят факультативный характер, т. е. наличие или отсутствие союза не может влиять ни на смысловую сторону, ни на структуру предложения» [ГСБЛЯ 1981: 126].

В то же время в РР зафиксированы многочисленные случаи употребления союзов русского языка в функции средства связи компонентов сложного предложения — как сложносочиненного, так и сложноподчиненного: *йөҙә белмәйем / #но# миңа кызык унда йөрөүе* // вместо *йөҙә белмәйем / әммә миңа кызык унда йөрөүе* // ‘пока не умею плавать / но мне нравится туда ходить’ // [ПМА 2023]; *#если# һуҡһа / ул кеше #уже# баһаалмай* // вместо *әгәр һуҡһа / ул кеше баһа алмай* // ‘если ударит / этот человек уже не может наступить’ // (правила в детской игре) [МФБЯ].

4.3. Переключение кодов

В башкирской РР широко распространено явление переключения кодов, когда говорящий в процессе коммуникации попеременно может использовать ресурсы как родного, так и другого, преимущественного русского языка. Структурный анализ исследуемых устных дискурсов позволил выявить функционирование в речи различных по структуре кодовых переключений [Бускунбаева 2022: 20–23]. Основными струк-

турными типами в РР выступают внутрифразовые переключения, представленные вкраплениями и островными переключениями.

Интегрирование вкраплений в морфосинтаксическую структуру родного языка происходит по синтаксическим правилам родного языка и не влияет на традиционный порядок слов в предложении: *#нагуза# үзгәрәхәзер* // вместо *һауа торошо үзгәрәхәзер* // ‘погода сейчас меняется’ [ПМА 2023]; *#кухнябыз# өс метр ғынаине* // вместо *аш бүлмәбез өс метр ғына ине* // ‘наша кухня была всего лишь три метра’ // [ПМА 2023]. Такие кодовые переключения включаются в речь без каких-либо изменений в структуре предложения, либо в контексте принимают соответствующие аффиксы башкирского языка.

Включение островных переключений в родную речь может привести к нарушению порядка слов в предложении, поскольку при оформлении островов действуют синтаксические правила русского языка, а в предложениях, в состав которых они входят, — принимающего языка. При их вводе в речь изменяется последовательность слов и словосочетаний в предложении. В башкирском языке островные переключения представлены двумя видами: а) лексическая единица русского языка с аффиксами русского языка; б) словосочетание, сохраняющее порядок слов русского языка и оформленное словоизменительными и формообразующими аффиксами русского языка [Бускунбаева 2022: 22]. Первый вид островных переключений в башкирской РР представлен глаголами русского языка, сохраняющими формальные грамматические признаки русского языка: *йыл да #старемся #бер мебель алырга* // вместо *йыл да бер мебель алырга тырышабыз* // ‘каждый год стараемся купить по мебели’ // [МФБЯ]; *#абет# ваҡытында #ужы# #старайутса# #фтарой# берәй нәмә бешерергә* // вместо *төшкөлөк ашһа икенсе бәлдәгә берәй нәмә бешерергә тырышалар* // ‘на обед стараются уже сварить что-нибудь на второе’ // [МФБЯ]. В башкирском языке сказуемое, выраженное спрягаемым глаголом, традиционно находится в постпозиции. Как по-

¹ Кодовые переключения в тексте с обеих сторон выделены символом (#). Островные переключения, выраженные словосочетаниями, выделяются целыми островами.

казывают примеры, употребление глагола русского языка повлияло на привычный порядок слов в предложении, сместив его на начало предложения.

Особенностью башкирского языка, относящегося к агглютинативным языкам, является отсутствие предлогов, вместо которых в качестве организации связи слов в предложении выступают послелогии либо падежные аффиксы. В РР встречаются и предлоги в составе островов: *ул музыканы куйгандар #на всю катушку#* // вместо *ул музыканы бәтә тауышка куйгандар* // ‘музыку поставили на всю катушку’ [ПМА 2023]; *Левитан #в юбке# тип исемкушты* // вместо *юбкалы Левитан тип исемкушты* // ‘назвал меня Левитаном в юбке’ [МФБЯ].

В островных переключениях, выраженных словосочетаниями, сохраняется порядок слов, характерный для русского языка. В башкирской РР такие переключения являются наиболее распространенными и в основном представлены субстантивными словосочетаниями, образованными по следующим моделям: существительное + существительное, прилагательное + существительное. Они включаются в морфосинтаксическую структуру башкирского языка готовыми единицами, где последний компонент словосочетания может принимать аффиксы родного языка: *унда безгә #бульвар молодежнинан# / #общезитиенан# урын бирзеләр* // вместо *унда безгә Йәштәр бульварынан / ятактан урын бирзеләр* // ‘там нам предоставили койко-место в общежитии на бульваре Молодежи’ [МФБЯ]; *без уның менән бәләкәс сактан / #деский саттан# алып дуслашабыз* // вместо *без уның менән бәләкәй сактан / балалар баксаһынан*

алып дуслашабыз // ‘мы с ней с детства / с детского сада дружим’ [ПМА 2023]. Включение островного переключения «задает свой порядок следования компонентов словосочетания, но не целого предложения» [Гаврилина, Абукаева 2014].

5. Заключение

В рамках данной статьи на материале устных монологических дискурсов был проанализирован синтаксис башкирской разговорной речи. Как показал исследуемый материал, синтаксис разговорной речи существенно отличается от письменной. Для разговорной речи характерно употребление простых предложений, среди которых доминируют неполные. Среди сложных предложений преобладают бессоюзные, компоненты которых соединяются между собой путем интонационного выделения, порядком расположения частей.

Употребление вставных и присоединительных конструкций показывает линейность устной речи.

На синтаксический строй башкирской разговорной речи большое влияние оказывает и русский язык. В условиях широкого распространения в Республике Башкортостан башкирско-русского двуязычия в процессе коммуникации башкиры употребляют характерные для русского языка синтаксические конструкции. Включение в речь большого количества иноязычного материала, преимущественно русизмов, также приводит к изменению порядка следования компонентов словосочетания, иногда и целого предложения.

Перспективой данного исследования является многосторонний анализ диалогической речи как основной формы речевой коммуникации.

Источники

- МФБЯ — Машинный фонд башкирского языка. [электронный ресурс] // URL: <http://mfbl2.ru> (дата обращения: 18.04.2024).
- ОБРР 1988 — Образцы башкирской разговорной речи / ред. Н. Х. Максютова. Уфа: Башкирск.кн. изд-во, 1988. 224 с.

Sources

- Machine Fund of the Bashkir Language. Available at: <http://mfbl2.ru> (accessed: 18 April 2024). (In Bash. and Russ.)
- Maksyutova N. Kh. (ed.) Samples of Spoken Bashkir. Ufa: Bashkiria Book Publ., 1988. 224 p. (In Bash. and Russ.)

ПМА 2023 — Полевые материалы автора. 2023 г. (Архангельский, Караидельский, Учалинский районы Республики Башкортостан).

Author's field data. 2023 (Arkhangelsky, Kara-idelsky, Uchalinsky districts of Bashkortostan, Russia). (In Bash.)

Литература

Acta Linguistica 2017 — Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2017. 1064 с.

Амиров 1972 — Амиров Р. С. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Алма-Ата: Наука, 1972. 180 с.

Басырова 2010а — Басырова Г. А. Присоединение как специфическая особенность башкирской разговорной речи // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 3(1). С. 973–976.

Басырова 2010б — Басырова Г. А. Специфика синтаксиса башкирской разговорной речи // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 3(1). С. 968–972.

Бускунбаева 2008 — Бускунбаева Л. А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. Уфа: Гилем, 2008. 140 с.

Бускунбаева 2021 — Бускунбаева Л. А. Функционирование вербального хезитатива *ni* / *nei* 'это самое' в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 72–185. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

Бускунбаева 2022 — Бускунбаева Л. А. Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7(465). С. 17–26. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10702

Бускунбаева 2023 — Бускунбаева Л. А. Прагматингвистические аспекты кодовых переключений в башкирском языке (на материале устных дискурсов) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 983–993. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-983-993

Винокур 1968 — Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 12–101.

References

Kazansky N. N. (ed.) Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 13. Pt. 1: Studies in Bashkir Grammar. St. Petersburg: Nauka, 2017. 1064 p. (In Russ.)

Amirov R. S. Syntactic Particulars of Spoken Kazakh. Alma-Ata: Nauka, 1972. 180 p. (In Russ.)

Basyrova G. A. Cumulation as a specific feature of spoken Bashkir. *Bulletin of Bashkir University*. 2010. Vol. 15. No. 3 (I). Pp. 973–976. (In Russ.)

Basyrova G. A. Syntactic specifics of spoken Bashkir. *Bulletin of Bashkir University*. 2010. Vol. 15. No. 3 (I). Pp. 968–972. (In Russ.)

Buskunbaeva L. A. Linguistic Economy Patterns in Bashkir Discourse. Ufa: Gilem, 2008. 140 p. (In Russ.)

Buskunbaeva L. A. The functioning of the verbal hesitation marker *ni* / *nei* 'whatchamacallit' in oral monologues of Bashkirs: A case study of Bashkir dialectal texts. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 172–185. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

Buskunbaeva L. A. Structural types of code-switches in the oral speech of Bashkirs (Based on the texts of the eastern dialect of the Bashkir language). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022. No. 7 (465). Pp. 17–26. (In Russ.) DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10702

Buskunbaeva L. A. Pragmalinguistic Aspects of Code-Switching in Bashkir: A Case Study of Oral Discourses. *Oriental Studies*. 2023. No. 16(4). Pp. 983–993. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-983-993 (In Russ.)

Vinokur T. G. Stylistic development of modern spoken Russian. In: Development of Functional Styles in Modern Russian. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 12–101. (In Russ.)

- Гаврилова, Абукаева 2014 — Гаврилова В. И., Абукаева Л. А. Марийско-русское внутрифразовое кодовое переключение [электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2014. Ч. I. № 5(35) С. 53–58 // URL: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/14.html (дата обращения: 25.02.2024).
- Грамматика башкирского языка 2018 — Грамматика башкирского языка. В 3 тт. Т. III: Синтаксис / отв. ред. А. М. Азнабаев, Ф. С. Тикеев. Уфа: Китап, 2018. 472 с.
- ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Закирьянов, Замалетдинова 2015 — Закирьянов К. З., Замалетдинова Г. Ф. Взаимодействие и взаимообогащение языков в полиэтническом пространстве (на материале контактов русского и башкирского языков) // Филология и культура. 2015. № 3(41). С. 52–59.
- Кибрик, Подлесская 2016 — Кибрик А. А., Подлесская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования. Вып. 1. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 138–158.
- Митрофанова 2012 — Митрофанова Е. Н. Интонация и синтаксис как уровни структурирования читаемого монологического текста (на материале английского языка) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 1. С. 100–107.
- Русская разговорная речь 1973 — Русская разговорная речь / под. ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Рыжова 2003 — Рыжова Н. В. Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2003. № 1. С. 29–34.
- Рысаева, Тикеев 2003 — Рысаева Г. А., Тикеев Д. С. Вставочные единицы в современном башкирском литературном языке. Уфа: Гилем, 2003. 110 с.
- Gavrilova V. I., Abukaeva L. A. The Mari-Russian intra-phrase code switching. *Philology. Theory & Practice*. 2014. No. 5 (35). Pt. 1. Pp. 53–58. Available at: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/14.html (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Aznabaev A. M., Tikeev F. S. (eds.) *Bashkir Grammar*. In 3 vols. Vol. 3: Syntax. Ufa: Kitap, 2018. 472 p. (In Russ.)
- Yuldashev A. A. (ed.) *Grammar of Modern Standard Bashkir*. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Zakiryanov K. Z., Zamaletdinova G. F. Interaction and mutual enrichment of languages in multi-ethnic space (Based on contacts of the Russian and Bashkir languages). *Philology and Culture*. 2015. No. 3 (41). Pp. 52–59. (In Russ.)
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. Oral discourse segmentation and speaker's cognitive system. In: *Cognitive Studies*. Vol. 1. Moscow: Institute of Psychology (RAS), 2016. Pp. 138–158. (In Russ.)
- Mitrofanova E. N. Intonation and syntax as levels of structuring English monologues read aloud. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2012. Vol. 1. No. 1. Pp. 100–107. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. (ed.) *Spoken Russian*. Moscow: Nauka, 1973. 485 p. (In Russ.)
- Ryzhova N. V. Different aspects of colloquial speech in the belles-letters language. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 2003. No. 1. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Rysaeva G. A., Tikeev D. S. Interjections in Modern Standard Bashkir. Ufa: Gilem, 2003. 110 p. (In Russ.)

- Саитбатталов 1999 — *Саитбатталов Г. Г.* Башкорт теле. Т. I. Ябай һөйләм синтаксисы (= Башкирский язык: в 2 тт. Т. I. Синтаксис простого предложения). Уфа: Китап, 1999. 352 с.
- Саитбатталов 2002 — *Саитбатталов Г. Г.* Башкорт теле. Т. II. Кушма һөйләм синтаксисы (= Башкирский язык. Т. II. Синтаксис сложного предложения). Уфа: Китап, 2002. 432 с.
- Сафиуллина 1978 — *Сафиуллина Ф. С.* Синтаксис татарской разговорной речи. Казань: Казанск.ун-т, 1978. 254 с.
- Сиротинина 1983 — *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 80 с.
- Смирнова 2010 — *Смирнова Н. Н.* Интонация в португальском языке: ее связь с синтаксической структурой высказывания и коммуникативными намерениями говорящего: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2010. 28 с.
- Тадинова и др. 2015 — *Тадинова Р. А., Экба З. Н.* Национальная специфика речевого поведения (на примере соматических фразеологизмов казахского и башкирского языков) // *Alkis bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov: сб. ст. к 80-летию Д. М. Насилова.* Москва, 2015. С. 135–144.
- Тикеев 2000 — *Тикеев Д. С.* Современный башкирский язык. Очерки по синтаксису простого предложения. Уфа: Гилем, 2000. 156 с.
- Тикеев 2004 — *Тикеев Д. С.* Основы синтаксиса современного башкирского языка. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Уринбаев 1978 — *Уринбаев Б.* Синтаксический строй узбекской разговорной речи. Ташкент: Фан, 1978. 144 с.
- Фунтова 2011 — *Фунтова И. Л.* Интонация вопросительных предложений в неэмфатической речи английского и русского языков // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета.* 2011. № 2. С. 290–298.
- Халдарова 1974 — *Халдарова С. М.* Семантико-структурные особенности диалогической речи в современном узбекском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1974. 20 с.
- Saitbattalov G. G. Bashkir Language. In 2 vols. Vol. 1: Simple Sentence Syntax. Ufa: Kitap, 1999. 352 p. (In Bash.)
- Saitbattalov G. G. Bashkir Language. In 2 vols. Vol. 2: Compound Sentence Syntax. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash.)
- Safiullina F. S. Syntax of Spoken Tatar. Kazan: Kazan State University, 1978. 254 p. (In Russ.)
- Sirotnina O. B. Spoken Russian. Teacher's manual. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 80 p. (In Russ.)
- Smirnova N. N. Intonation in Portuguese: Its Connection to Syntactic Structures and Speaker's Communicative Objectives. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2010. 28 p. (In Russ.)
- Tadinova R. A., Ekba Z. N. Ethnic specifics of speech behavior: Analyzing Kazakh and Bashkir somatic phraseological units. In: *Alkis Bitig. Scripta in Honorem D. M. Nasilov.* Moscow: MBA, 2015. Pp. 135–144. (In Russ.)
- Tikeev D. S. Modern Bashkir: Essays in Simple Sentence Syntax. Ufa: Gilem, 2000. 156 p. (In Russ.)
- Tikeev D. S. Syntactic Foundations of Modern Bashkir. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Urinbayev B. Syntactic Structures of Spoken Uzbek. Tashkent: Fan, 1978. 144 p. (In Russ.)
- Funtova I. L. Interrogative questions intonation of unemphatic speech of the English and the Russian languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2011. No. 2. Pp. 290–298. (In Russ.)
- Khaldarova S. M. Modern Uzbek: Semantic and Structural Features of Dialogical Speech. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Tashkent, 1974. 20 p. (In Russ.)

- Хисамитдинова и др. 2019 — *Хисамитдинова Ф. Г., Бускунбаева Л. А., Ишкильдина Л. К., Муратова Р. Т., Ягафарова Г. Н.* О тенденциях и перспективах изучения синтаксиса башкирского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2019. Т. 1. № 15. С. 363–404. DOI: 10.30842/alp2306573715117
- Шапиро 1953 — *Шапиро А. Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения. М.: АН СССР, 1953. 317 с.
- Biber и др. 1999 — *Biber D.* Longman Grammar of Spoken and Written English / Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Edinburgh: Pearson Education Limited, 1999. 1204 p.
- Carter, McCarthy 1995 — *Carter R.A., McCarthy M.J.* Grammar and the spoken language // *Applied Linguistics*. 1995, 16 (2). Pp. 141–158.
- Hisamitdinova F. G., Buskunbaeva L. A., Ishkil'dina L. K., Muratova R. T., Yagafarova G. N. About trends and perspectives of studying the syntax of the Bashkir language. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 363–404. (In Russ.) DOI: 10.30842/alp2306573715117
- Shapiro A. B. Essays in Russian Dialectal Syntax: Sentence Structures. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 317 p. (In Russ.)
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Edinburgh: Pearson Education Ltd., 1999. 1204 p. (In Eng.)
- Carter R. A., McCarthy M. J. Grammar and the spoken language. *Applied Linguistics*. 1995. Vol. 16. No. 2. Pp. 141–158. (In Eng.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2025. Т. 18. № 3

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 19.12.2025.

Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 30,46.

Тираж 100 экз. Заказ 33-2025.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8